Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Отдел средневековой истории

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья

Выпуск 4

Казань – 2014

УДК 93/94
ББК 63.3(2)4
И 90

Редакционная коллегия:

И.З. Файзрахманов (отв. ред.),
И.К. Загидуллин (науч. ред. и сост.),
Л.Ф. Байбулатова (ред.)

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)» и Круглого стола «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.), проведенного в рамках данной конференции. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. – 304 с.

Фото на обложке: Тетюши с гравюры Адама Олеария 1636 года / Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. / Пер. А.М. Ловягина. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. – С. 367.

ISBN 978-5-98688-044-0

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014
© Авторы публикаций, 2014
© Изд-во «Яз», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)»

Акчурин М.М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве 5
Амерханова Э.И. Служилый город Казань в период восстания под предводительством Степана Разина 27
Гайнутдинов А.М. Советы писателя XVI в. Аднаш Хафиза своему народу 40
Гибадуллина Н.М.-Н. Проблема русско-финно-угорского взаимодействия в Волго-Уралье: по материалам исследований историка И.Н.Смирнова 49
Ислаев Ф.Г. Царская грамота 1593 года казанским воеводам: новое прочтение 61
Манжикова Э.К. История межрелигиозных отношений на юге России (на примере Республики Калмыкия) 70
Мустакимов И.А. Два малоизвестных сообщения татарских хроникальных записей по истории Среднего Поволжья второй половины XVII – начала XVIII в. 80
Мустафина Д. А. Писцовые книги как источник по истории народов Среднего Поволжья второй половины XVI – XVII вв. 85
Пашина Е.В. Хозяйственная деятельность монастырей в Тетюшской округе во II половине XVI – XVII вв. 99
Пилипчук Я.В. Северо-восток Европы в средние века: спорные вопросы этнической и политической истории 110
Саначин С.П. О некоторых сбивках акцентов в оценке событий Смутного времени 129
Свечников С.К. Последствия вхождения марийцев в состав России 151
Столярова Г.Р., Данилов О.В., Соколов А.В. Демография русского населения Царевококшайского уезда Казанской губернии в середине XVIII века 159

Торопицын И.В. Астраханское восстание 1705–1706 гг.
в судьбе астраханских юртовских татар 167
Тычинских З.А. «Иноверцы» и цари: о некоторых аспектах
формирования инородческой политики в Сибири 178
Файзрахманов И.З. Лашманская повинность 187
Хисматуллин Б.Р. Ясачные общины в системе
земельных правоотношений в Казанском ханстве 197

МАТЕРИАЛЫ Круглого стола
«Понятия “чюваш” и “ясачная чюваша” в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты»

Галлям Р.Г. Выступление 207
Ахметзянов М.И. Выступление 208
Егоров Н.И. Выступление 210
Исхаков Р.Р. Выступление 211
Закиев М.З. Об этнониме *суас* 213
Иванов В.П. Проблема «ясачных чувашей»
как отражение многовекторности булгаро-чувашской
этногенетической преемственности 219
Охотникова С.В. Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в
письменных источниках XVI–XVIII вв.
как этническая и социальная страты 237

НАСЛЕДИЕ

Чернышев Е.И. Татарская деревня
2-й половины XVI и XVII вв. 243
Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства
(по писцовым книгам) 264

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (XVI – НАЧАЛО XVIII ВВ.)»

УДК 94(47)"14/15"

ИНСТИТУТ ВЛАСТИ ТАТАРСКИХ КНЯЗЕЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

© 2014 г. Акчурин М.М., Ишеев М.

В XV–XVI веках часть бывших территорий Золотой Орды были присоединены к Московскому государству. В этих областях на протяжении XVI–XVII веков продолжали функционировать старые системы власти вместе с новой русской администрацией. В статье описываются особенности институтов власти татарских князей в Российском государстве.

Ключевые слова: татарские князья, беки, жалованные грамоты.

THE INSTITUTION OF THE TATAR PRINCES IN THE RUSSIAN STATE

Akchurin M., Isheyev M.

In the 15–16th centuries, some territories of the former Golden Horde were annexed to the Moscow state. In these areas, old systems of power continued to function together with the new Russian administration during the 16–17th centuries. This article describes the features old institutes of the power of Tatar dukes in the Russian state.

Keywords: Tatar dukes, beks, charters.

Многие группы татарского населения в XVI веке уже находились в составе Московского государства. При этом отдельные представители татарской аристократии на протяжении XVI – первой половины XVII веков ещё сохраняли свои властные полномочия. Для местных систем власти в грамотах, актах и других документах делопроизводства стали применяться понятия и термины русской политической си-

стемы. В том числе русский титул «князь» применялся к татарам-обладателям властных полномочий, которые сами себя называли беками[1]. В Московском государстве применительно к татарам титулы «князь» и «бек» являлись равнозначными.

Институт власти татарских князей стал составной частью русской политической системы, хотя был сформирован в домосковский период, т.е. в ордынскую или постордынскую эпоху. Еще тогда русские источники беков или беев[2] – правителей татарских родовых элей – называли «князьями». Беки не принадлежали к царскому роду Чингизхана. Примечательно, что в татароязычных источниках русских князей аналогично называли «беками», например, во второй половине XV века Афанасий Никитин в сочинении «Хождение за три моря», как известно, частично написанном на татарском языке, написал: «нечик Урусь ери *бегляри* акой тугиль» – «но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья» (Хождение, 2003, с.121).

Для того чтобы разобраться в особенностях системы власти татарских князей, понять какие золотоордынские традиции сохранились, отметим характерные особенности системы власти татарских беков в ранние периоды. Особый интерес представляет предшествующая постордынская эпоха.

Особенности системы власти татарских беков Золотой Орды и постордынских государств

В начальный период существования Золотой Орды употребление термина «бек» было достаточно редким (Федоров-Давыдов, 1973, с.47). Статус беков значительно возрастает в XIV веке в связи с реформой хана Узбека. Золотая Орда была разделена на множество областей, для управления которых назначались беки. По одной версии таких областей было 70 (Почекаев, 2010, с.91). По другой версии, предложенной Сабитовым Ж.М., в каждом из 23 крупных улусов выделялось по 4 военачальника, которыми могли быть родовые беки, а

[1] В обоих экземплярах Утвержденной грамоты об избрании на Московское государство Михаила Федоровича 1613 г. стоят подписи темниковского князя Ишея Барашева, в которых он указывает себя с титулом «бек» (Акчурин, Ишеев, 2010). В духовном завещании Аликея-Аталыка 1639 г. указан свидетель Алыш бик, сын Бийгуват бика (Вельяминов-Зернов, 1866, с.239, 248).

[2] Беки и беи – это равнозначные термины (далее будет использоваться термин бек).

правителем каждого улуса назначался старший из 4 беков. Таким образом общее число областей достигает 92 (Сабитов, 2012а). За беками закрепляются функции управления как внутри кочевых элей, так и в улусах с оседлым населением, причем должность правителей передавалась по наследству (Сафаргалиев, 1960, с.69).

В эпоху децентрализации Золотой Орды политическая роль татарских беков, обладающих реальной военной силой, стала определяющей. Однако их положение в степных сообществах в условиях острой политической борьбы не было столь стабильным (Сабитов, 2012б). В этот период проявляется стремление правителей наиболее влиятельных родов закрепиться в периферийных оседлых районах, обеспечивающих как постоянный доход, так и надежное укрытие. Таких примеров много: в 60-е годы XIV века в мордовские земли приходят Тагай-бек (ПСРЛ, 2000, т.10, с.233) и Секиз-бий (ПСРЛ, 2000, т.15, стб.71), а в Булгар – Булат-Тимур (ПСРЛ, 2000, т.10, с.233), в первой трети XV века Крымский тумен стал резиденцией для влиятельного «ордынского князя» Тегене – главы рода Ширины (Акчурин, 2011б). В Крыму при хане Хаджи-Гирее также получил высокое положение князь Абдулла – правитель клана Барын (Акчурин, 2011б). В степных районах бывшего улуса Джучи на протяжении XV–XVII веков удавалось сохранять главенствующие позиции исключительно представителям рода Мангыт, возглавлявших Ногайскую Орду. В постордынских образованиях титул бека утверждался, как правило, среди представителей ограниченного круга родственников – родового (семейного) клана. Так, в Ногайской Орде это были только потомки бея Едигея (Җамигыт-тәварих, 2011, б.28; Временник, 1851, с.130). В Крыму, например, в роду Ширин на власть могли претендовать только потомки Тегене бея (Акчурин, 2011б). На примере Крымского ханства видно, что в оседлых районах беки являлись не только правителями внутри своих когда-то кочевых общин, но в той же степени правителями местного населения подвластных областей. Кроме этого, **в оседлых областях родовая принадлежность рядовых татар не играла такую важную роль как в степи** (и далее жирным шрифтом выделели авторы – ред.). В дипломатических сообщениях с Крымским ханством рядовых татар называли «слугами» с указанием правящего рода, встречаются такие обозначения для подчиненных роду Ширин как «Абелек Атарчеев сын Барашов Ширинов слуга» или для рода Сиджиут «Сююндюк Богатырь Мамышев Зизиудов слуга» (СРИО, Т.41, с.147). В оседлых регионах подвластное население представляло не

только группу татар, но включало в себя местное нетатарское население. Приведем пример, как для управления луговыми марийцами в 1553 г. мог быть приглашен представитель рода Мангыт из Ногайской Орды: «были у Исмаиля с Луговые стороны Шибаном зовут с таварищи, три человеки. А просили у него на княженье сына его Магмед мирзы» (Посольские, 2006, с.131).

Владением бека являлся эль или юрт. В русских документах для обозначения владений беков часто использовалось понятие юрт. Так, получив свой титул ногайский бей Исмаил (1557 г.) сообщил: «Отеческово *юрта* Бог дал» (Посольские, 2006, с.257). Федоров-Давыдов Г.А. отметил, что в XVI–XVII веках «юрт» употребляется в значении «территории княжества, удела, часто с акцентом родового держания» (Федоров-Давыдов, 1973, с.118). В Крыму в ханских ярлыках бейских подданных называют «кошун и эль» (Лашков, 1895а, с.114; Лашков, 1895б, с.87). Термином «кошун», видимо, обозначалось войско, а вот все остальное население составляло эль. В отношении владений ногайских беев и мурз в русских документах также часто использовался термин «улус». Интересны наблюдения В.В.Трепавлова – в оригиналах ногайских текстов слово «улус» не встречается, переводчики этим понятием заменяли слова, означающие народ, например, слово «халык»: «Каная князя улусы» – «Канай бий халкы», термином «улус» аналогично заменялись слова «иль», «киши» (т.е. люди), «нукар» (т.е. слуги) (Трепавлов, 2001, с. 554). Таким образом, под владением беков в первую очередь нужно понимать подвластное население.

Титул бека утверждался ханом и давал его носителю право управления своим юртом. Вот как выглядит сообщение ширинского бея Агиша о получении титула в Крыму (1508 г.): «от Бога прошенье мое то, чтобы ми на отца своего *юрте* быти. И Бог помиловал, а государь пожаловал, на отца нашего *юрте* князем меня учинил» (СРИО, т.95, с.40). Даже в фактически независимой Ногайской Орде для обоснования своей легитимности мангытским беям приходилось использовать подставных ханов (Трепавлов, 2001, с.93, 144, 192, 292; Сабитов, 2009). Известны случаи, когда хан мог поменять неугодного правителя эля. Придворный хронист Аксак Тимура Низам ад-дин Шами в своем сочинении «Зафар-Наме» сообщает, что когда к Аксак Тимуру вместе с Токтамышем прибыл бек Урук-Тимур – родоначальник будущей крымской династии из клана Ширин, хан Урус назначил в его эле другого правителя: «а Урус-хан отдал его иль и область в лен (суюргал) Тайге» (Тизенгаузен, 1941, с.108).

Власть беков включала кроме военных ещё и судебные функции (Почекаев, 2004). Ф.Ф.Лашков подробно проанализировал жалованные ярлыки крымских ханов на получение титула бея и пришел к выводу, что кроме военных обязанностей перед ханом, обязанностями беев было производство суда и расправы (Лашков, 1895б, с.86–87). Согласно ярлыкам Аргынским карачи-беям, подданные обязаны были им служить, т.е. выходить в военные походы или на работы. В 1585 г. хан Ислам-Гирей пожаловал аргынского Кара бея, «чтобы старики, служившие с давних пор его отцам и дедам и старшим братьям, а также молодые являлись моему слуге Кара бею покорились, и повиновались ему, и ничуть не уклонялись от его приказаний и следовали за ним, поедет ли он верхом, пойдет ли пешком» (Лашков, 1895б, с.128). Политический статус среди беков в ханствах не был одинаковым, но при этом судебные функции всегда сохранялись. О менее знатных родах Яшлавских и Кипчакских в 1807 г. таврический предводитель дворянства сообщил: «эти два рода не поступили на ханскую службу и не принимали от него никаких должностей. Они имеют у себя по старшинству беев, которые властны были судить всякие дела, кроме воровства и смертоубийства» (Лашков, 1889, с.106). Показательным для представления о властных полномочиях крымских беев является ярлык последнего хана Шигин-Гирея, выданный в 1778 г. представителю рода Ширин, в котором говорится: «…повелеваем быть Маметше мурзе владетельным Ширинского княжества беем, и в том выдаем ему Меметше мурзе сей высокий бераат наш в 27 день Реби-эль-Эввеля 1196 года, а по российскому исчислению 1778 года. По получении онаго, приняв княжество, по примеру своих предшественников, исправно исполнял бы свою обязанность и разрешал бы дела жителей Ширин как по части гражданской, так и духовной…» (Лашков, 1895б, с.123). Подчеркнем ещё раз, что **судебная функция власти татарских беков всегда оставалась ключевой.**

Наличие бекского титула обеспечивало его обладателя определенным постоянным доходом, которое выплачивало ему подвластное население для содержания. В.В.Трепавлов показал как «ясачные люди» выплачивали ясак своим ногайским беям (Трепавлов, 2001, с.543). Ярлык крымского хана, выданный в 1720 г. Шаган мурзе на получение «Яшлавского бейства», подробно перечисляет какие доходы он станет взымать с населения (Лашков, 1889, с.105).

В средневековых русских источниках **управление татарским князем подвластным населением обозначалось термином «княже-**

нье», «княжение», которое также могло употребляться и для обозначения княжеской власти, и для обозначения владений князя. Термин «княжество» встречается крайне редко. **Понятию «княжение» близки по смыслу используемые в татарских источниках слова «билек» или «биклек»**[3] (Сборник, 1854, б.100). Сравним как перечисленные выше термины близко по смыслу применялись в татарских и русских источниках. В 1557 г. Исмаил бей объяснял, что не отдал свою власть в Ногайской орде Юнусу мурзе: «…сказали про меня, что будтось яз *княженье* здал Юнус мирзе, а сам будто иду к Меке.» (Посольские, 2006, с.252). В сохранившихся списках сочинения «Джами ат-Таварих» Кадырали-бека так описывается получение титула бека (бея) ногайским мурзой Исмаилом: «Муса бинең углы Исмагыйль *би* булды. Соң *билек* та бу заманга дигәч Исмагыйльнең ыругындин таймады» (Җамигыт-тәварих, 2011, б.28) (в другом списке этого сочинения используются аналогичные термины «бәк» и «биклек» (Жалаерлы, 2010, б.139)). На русский язык этот отрывок можно перевести следующим образом: «Потом сын князя Мусы князь Исмаил был, с того времени до наших дней это *княжение* (билек, биклек) от рода Исмаила не переходило [к другим родам – М.А.]» (перевод – М.А.). Ещё пример использования термина «билек» из «Дэфтэре Чынгыз-намэ»: «Әй Тимер Котлу би, кара кешедән байлыгың берлә, күб мал бирмәк берлә билек таптың» (Дәфтәре, 2011, б.80) – «Эй Тимер Котлу би, с богатством, полученном от «черных»[4] людей, со множеством скота, ты нашел *княжескую власть*» (перевод – М.А.). В этом же значении встречается слово «билек» в текстах башкирских шеджере: «Бурнак *би* вафат булгач, *билек*[не] Тәтәгәчкә тапшырдылар» – «Когда Бурнак-бий умер, бийство поручили Татигачу» (Кузеев, 1960, с.29, 33). В Крымском ханстве владение клановых князей называлось «бейлик» (Лашков, 1895б, с.109). Отметим, что татарское слово «билек» созвучно со словами «беляк», «биляк», «белек», употребляемые в мордовских землях, о чем будет рассказано ниже.

Власть бека передавалась по наследству, но не всегда от отца к сыну, а чаще старшему среди претендентов из родового клана. В Крыму Агиш (1508 г.) объясняет свои права на власть тем, что после смерти двоюродного брата Девлетека из потомков бея Тегини в данный момент именно он является старшим: «Тегинины дети ровны

[3] بيك ليك (Сборник, 1854, б.100).

[4] «Черные люди» – население, платившее ясак.

есмя, Довлетек князь толко меня четырмя лети постарее; и в сяков же год Девлетек князь на Божью волю пошол, и Бог помиловал, а государь пожаловал: в Ширинах старой есми, и выслуга твоя пришла, молвил, и меня убогого князем учинил» (СРИО, т.95, с.40). В ярлыке на пожалование титула бея яшлавскому Шаган мурзе (1720 г.) указано: «старшему летами между родственниками» (Лашков, 1889, с.105). В 1604 г. мурза Джан-Арслан так объяснял правила наследования в Ногайской Орде: «В их Нагаи[скои Орд]е ведетца, что живет сперва болш[ого бра]та болшои сын на княженье, а после того живет другого брата сын на княженье; и толко по их нагаискому обычею и доведетца быть нынеча на княженье ему, Ян Араслану. А преж сего меж их с Ыштереком князем з братьею за нагаиское княженье многая кровь пролилася» (Трепавлов, 2001, с.384).

Если старший сын бека унаследовал власть от отца и получил титул бека, то все его младшие братья оставались с титулом мурза. Причем и сыновья этих братьев и мужчины всех последующих поколений также имели этот титул, так как они являлись потомками бека. Из этого следует, что титул мурзы в отличие от титула бека приобретался по праву рождения. Этот титул нельзя было пожаловать и его нельзя было лишить. Следовательно, у любого мурзы, который попадается нам в источниках, обязательно кто-то из предков был князем (беком или беем), которому он обязан своим титулом. Примечательно, что переселенные в г. Романов ногайские мурзы (Трепавлов, 2003) имели очень высокий статус[5] и обладали определенными властные полномочиями над своими татарами-казаками (Беляков, 2006). И, несмотря на это, княжеский титул получить не могли, т.к. в их родовом юрте в Ногайской Орде находились другие беи. Однако использование титула мурзы было распространено не везде. Так, в Ногайской Орде мурзы встречаются только среди потомков Едигея, в других ногайских родах потомки беков с этим титулом не упоминаются. Не был распространен этот титул и у потомков башкирских беев[6].

[5] В военных сметах 1630/31 г. романовские мурзы названы «большими мурзами» и указаны на 4-м месте после царей и царевичей, бояр и окольничих, а после романовских мурз уже указаны: кравчий, постельничий, думный дворянин и др. (Сметный, 1849, с.18).

[6] В шеджере башкирских родов титул мурза указывался, как правило, для потомков ногайских беев, так в шеджере рода Юрматы сказано, что после смерти ногайского правителя, его старший сын Бурнак стал бием, младший брат Ядкар стал мурзой, и все его родственники стали мурзами: «Олуғ уғлы

Существовал некий механизм выбора претендента на получение власти, скорее всего, **личность претендента согласовывалась на внутриклановом совете.** Мангытский мурза Белек-Булат сообщил, что его дядя в качестве претендента на получение бейского титула был утвержден на семейном совете, аналогичным образом в свое время был утвержден их знаменитый предок Идегей: «З дядею своим с Ысмаилем князем, добро поговорив, з болшою своею братьею и с меншою все есмя Исмаилю князю повинны учинилися. Дядю своего Исмаиля князя, как Идигея князя, князем учинили» (Посольские, 2006, с.218).

Власть над своим юртом имел только один бек. Двух беков одновременно в одном юрте не могло существовать. На попытку московского правительства утвердить в 1604 г. Джан-Арслана вторым князем после Иштерека, Джан-Арслан ответил: «А на нагаиском де княженье живет один князь, а другой князь не живет» (Трепавлов, 2001, с.392). Тем не менее одновременное существование беков из одного рода стало возможным в том случае, если они проживали в разных ханствах, т.е. у каждого бека был свой юрт. В Крымском, Казанском, Касимовском ханствах имелись свои беки из одних и тех же родов (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, Мангыт) (Исхаков, 1995).

Лишенные своего юрта, т.е. потерявшие власть беки, сохраняли свой титул пожизненно. Так князь Азика был смещен с мангытского юрта в Большой орде, а его место занял князь Теввекель, но Азика по-прежнему упоминается титулом князь (СРИО, т.41, с.515). Сначала он попросил себе новый юрт у московского великого князя Ивана III: «а Азике бы моим жалованием своего юрта доставити» (СРИО, т.41, с.385). В 1516 г. Азика получил юрт от хана Мухаммед-Гирея в Крыму и сообщил московскому великому князю, что стал карачи-беком: «и наш царь так пожаловал молвил: Темир-Кутлуем царем яз буду, а как отец твой (Едигей – М.А.) был князь великий, ты буди, молвя пожаловал и великим князем учинил» (СРИО, т.95, с.312). Сохраняли свои титулы и казанские князья, лишенные владений после захвата Казани в 1552 г., они были поселены во внутренние уезды Московского государства. Нур-Али, сын ширинского князя Булата, в 1552 г. ставший «большим карачи» (ПСРЛ, т.13, ч.1, с.171), оказался среди новгородских помещиков. В 1583 г. Семену Муравьеву было дано «в Вотцкой пятине по отдельным книгам 85 году (1577 г. – *М.А.*)

Бурнаш би булды, Ядкар мырза булды. Аның кәрдәшләре барча мырза булдылар» (Кузеев, 1960, с.28, 32).

княж Муралеевское поместье Булатого Казанского» (Писцовая, 1850, с.57). Среди новгородских помещиков был казанский князь Еналей Шигачев (Кеппен, 1861, с.102) (Еналей Чигасов и Еналей Моматов упоминаются среди казанских князей в 1555 г. (ПСРЛ, т.20, с.553)). Казанский князь Аип Магметев в 1557 г. был пожалован деревнями в Толстиковской волости в Мещерском уезде, после смерти его дети остались мурзами, но княжеский титул не получили (Акты служилых, 2002, с.188–189).

Перечислим ещё раз главные особенности системы власти татарских беков Золотой Орды и постордынских государств:

1. Бек – это должность, дающая право управления определенной группой населения.
2. В оседлых регионах подвластное население не обязательно представляло группу одной родовой принадлежности и включало в себя местное население.
3. Титул бека утверждался ханом.
4. Судебная функция являлась ключевой функцией власти татарских беков.
5. Наличие бекского титула обеспечивало его обладателя определенным постоянным доходом с подвластного населения
6. Управление подвластным населением обозначалась русским термином «княженье» или татарским «билек», «биклек».
7. Власть передавалась по наследству только представителям одного родового клана.
8. Все потомки бека по мужской линии носили титул мурзы.
9. Личность претендента на власть согласовывалась на внутриклановом совете.
10. Власть над своим юртом имел только один бек.
11. Лишенные своего юрта, т.е. потерявшие власть беки, сохраняли свой титул пожизненно.

Таким образом, можно сказать, что в общем случае татарские беки по своим полномочиям скорее близки к наместникам, но никак не государям, а их юрт (или эль) – это в первую очередь административное подразделение внутри ханства. Даже ногайских беев, которые фактически возглавляли независимое кочевое государство, правители соседних государств не воспринимали как себе равных (Трепавлов, 2001, с.555).

В составе Московского государства

Уже во 2-й половине XIV века в период ослабления центральной власти Золотой Орды происходят перемены в положении московского великого князя как внутри русских земель, так и в отношении с Ордой. Московские и суздальские князья осмеливаются совершить поход в 1376 г. на Булгар, в ходе которого во владениях князя Асана и Махмета-султана были поставлены свои даруга и таможенник, что, по мнению К.А.Соловьева, являлось явным присвоением великими князьями прерогатив Орды (Соловьев, 1999).

После распада Золотой Орды с середины XV века и на протяжении всего следующего столетия все отчетливей проявляется поэтапное стремление московских великих князей к подчинению бывших золотоордынских территорий под свою власть. Московские великие князья в отношении местных татарских беков заменяют собой верховную власть ордынских ханов, но действуют строго в ордынских традициях, утверждая своими жалованными грамотами (ярлыками), наследную власть беков (Трепавлов, 2007, с.82). Бекам гарантируют сохранение своих полномочий над подвластным населением, поддержку и защиту от недружественной московским властям татарской аристократии. Взамен же сбор дани с местного населения производится в пользу московских правителей, а также исполняются обязательства перед Московским государством по участию в военных походах уже для решения его внешнеполитических задач, т.е. фактически происходит переход беков и их татар на «службу». Приведем следующие примеры:

– В 1555 г. сибирский князь Едигер принял подданство царя Ивана IV, за что получил царский жалованный ярлык, подтверждающий его власть, и обязующий собирать дань с «черных людей» для царя, но кроме этого Иван IV послал своего даругу, в пользу которого должны была собираться дорожная пошлина (Летописец, 1895, с.27–28). В.В.Трепавлов в назначении даруги также видит прямые аналогии с Золотой Ордой, после признания вассальных обязательств сибирским ханом Кучумом Иван IV в 1563 г. послал для сбора «по старине» дани «с сибирские земли» (История, 2005, с.168) «своего дорогу Добычю Лачинова» (Трепавлов, 2007, с.82).

– Уже в 1558 г. была предпринята попытка Иваном IV, хотя и неудачная, самостоятельно утвердить правителем Ногайской Орды мурзу Юнуса: «приехал ко царю и великому князю Юнус князь Нагайской бити челом, чтобы его государь пожаловал, промыслил им и учинил

его на государстве, на княжении Нагайском, на отца его Юрте и на его, по старому» (Летописец, 1895, с.95). Царю Борису Годунову в 1600 г. (Трепавлов, 2001, с.389) удалось назначить нового ногайского бея Иштерека: «пожаловали, велели его, Иштерека, учинити на Нагайском княженье князем» (История, 2005, с.222). Ногайские беи освобождались от сбора ясака в казну, но обязаны были исполнять военную службу. Формально ногайцев можно отнести к служилому сословию, это видно из образца жалованной грамоты на княжение 1651 г.: «и нам великому государю служити с братьею своею и с детьми и с племянники и со всеми ногайскими мурзами и с улусными людьми на наших непослушников, а на своих недругов» (Собрание, 1822, с.470).

Во многом татарские беки схожи с русскими удельными князьями, этим оправдывается применение титула «князь» по отношению к бекам. Безусловно, явные отличия имеются. Аналогичного мурзинскому русского титула не существовало. У русских князей княжеский титул получали все их потомки, независимо от того обладали они княжеской властью или нет. Этот факт отметил английский дипломат Д.Флетчер, посетивший Россию в 1588 г.: «сыновья князя носят титул князей, хотя не имеют у себя никакого наследственного имения, чем бы могли содержать себя» (Флетчер, 1991, с.51). Если беки на своей должности утверждались верховной властью (ханом) жалованными ярлыками (грамотами), то отношения между московским великим князем и удельными князьями определялись договорными («докончальными») грамотами (Соловьев, 1999). И если каждый татарский эль возглавлялся только представителями определенного родового клана, то разные удельные княжества внутри великого Московского княжества в XV–XVI веках распределялись, как правило, по завещанию между сыновьями великого князя.

После вхождения бывших золотоордынских территорий в подчинение Москве, наряду с местными домосковскими системами власти на протяжении XVI – начала XVII веков стали устанавливаться органы управления русской уездной администрации. Тем не менее правители Московского государства обеспечивали разделение властных полномочий между старыми и новыми системами управления на протяжение этого периода (Исхаков, 1998, с.197).

Татарские князья в мордовских землях

Составить определенное представление о татарских княжениях[7], вошедших в состав Московского государства, помогают сохранившиеся жалованные грамоты «мордовским» князьям, т.е. татарским князьям с подданным мордовским населением. Мордва, некогда входившая в состав Золотой Орды, состояла из отдельных групп, в грамотах встречаются такие названия: «кональская мордва», «тяльдемская мордва», «рьзянская (эрзянская) мордва Кирдяновского беляка», «мордва Кершинского беляка», «ерехтинская мордва», «чепчерянская мордва» и др. (Ишеев, 2009). Во главе каждой группы стоял татарский князь, обладающий судебными и административными правами («судить и ведать»), в его доход собирались судебные пошлины. По всей видимости, московские великие князья лишь только подтверждали претендентам их наследные права «по старине». Кроме всего князю выплачивался с местного населения отдельный княжеский ясак. На основе сохранившихся документов можно воссоздать типовую жалованную грамоту на княжение, которая состояла из нескольких важных указаний и выглядела следующим образом:

Я (*указывалось имя и титул московского великого князя или царя*) пожаловал мурзу (*указывалось имя татарского мурзы*) княжением над (*указывалось название группы подданного мордовского населения*), по тому ж как было то княжение за князем (*указывалось имя предыдущего князя, как правило, его отца или брата, или другого родственника – т.е. обуславливались наследные права*). И вы, все люди той мордвы чтите и слушайте, а он вас ведает и судит *(т.е. уточнялись властные полномочия: «судить и ведать»*), пошлины собирает (*т.е. уточнялось право получать судебные пошлины*), и собирает ясак (*указывался денежный размер княжеского ясака*), как это было в старину (*т.е. ещё раз уточнялось, что старинная традиция получения власти и сбора пошлин и ясака не нарушилась, а сохранилась «по старине» или «как было преж сего»*).

Приведем в качестве примера тексты грамот.

Грамота Енайдару Мансыреву:

«Василей, божиею милостию государь всея Руссии и велики князь Володимерски, Московски, Новгородски, Псковски, Смоленски, Пермски, Югорски, Вятски, Болгарски и иных, пожаловал есми Енандар князь Мансырева сына княжением над чепчерянскою мордвою,

[7] В жалованных грамотах чаще применялся термин «княжение», реже – «княжество».

что было за братом ево за Бахтеяром за Мансыревым сыном. И вы, все люди тое, чтите и слушайте, а он вас ведает и судит и хотку вам он во всем понуждать будет прежде сего[8]» (Акты служилых, 2002, с.190).

Грамота Сатаю Кулаеву:

«Царь и великий князь Иоан Васильевич все Русии по сей грамоте пожаловал Кулаевым княженьем и судом над коняльскою мордвою Кулаева сына Сатая князя, потому ж как то княжество за Кулаем князем Акчюриным. А ясаку Сатаю князю зборы имати своего жеребья по семи рублев и полуосьма алтына потому ж как тот ясак имал отец его Кулай князь или чем тот ясак вперед над сем писцы отпишут» (Акчурин, 2013).

Получив княжение, мурза автоматически получал титул князя.

Княжение не всегда наследовалось от отца к сыну, оно могло быть пожаловано, например, брату или даже племяннику. Как правило, мордовское княжение передавалось сначала сыну, и только, если это условие не могло быть выполнено, то брату. По жалованной грамоте 1559 г. Дивей Бутаков получил княжение после своего брата Исенея (Сафаргалиев, 1963, с.76), который как оказалось не имел наследников[9]. У князя Сатая Акчурина не было наследников, «его князя Сатая не стало, а детей после его не осталось», поэтому княжение получил Ишей Барашев, племянник князя Сатая (Акты служилых, 2002, с.21.). Но это правило соблюдалось не всегда. После гибели князя Кулунчака, у которого оставались взрослые дети (Акты служилых, 2002, с.161), княжеский титул получил его племянник Брюшей Еникеев (Акчурин, 2010). Итак, власть передавалась по наследству только представителям одного семейного клана. Согласно жалованным грамотам **каждая группа мордовского населения, как правило, управлялась своей княжеской династией**.

Однако для некоторых династий обнаруживаются отдельные нарушения данной традиции. Имеется сообщение, в котором говорится, что у князя Акчуры и его сына Кулая под властью оказались две географически удаленные между собой локальные группы мордовского населения. В грамоте 1540 г. Кулаю Акчурину сказано: «вы все люди коняльские мордвы и цненские, которая живет по Мокше и по Цне,

---

[8] По мнению А.В.Антонова в копии неправильное прочтение, должно быть: «*а он вас ведает и судит и ходит у вас о всем потому как было прежде сего*».

[9] «Князь Исень умер бездетен и камень на нем подписан на бутаковском кладбище» (Акчурин, 2011а).

князя Кулая Акчурина чтили и слушали, а он вас ведает и судит и бережет и пошлины у вас емлет, потому как вас ведал в суде и в пошлинах преж сего отец его Акчура» (Акчурин, 2013). Причем в 1509 г. Акчура был пожалован только княжением над кональской мордвой (Еникеев, 1999, с.149). Обстоятельства, при которых князю Акчуре досталось 2-е княжение «по Цне», не известны, но вот его внук Сатай, жалуется только княжением над кональской мордвой. И что интересно, в 1608 г. княжение над цненской мордвой (в грамоте указана мордва Кершинского беляка) было пожаловано Булаю Кудашеву (Думин, 1996) – другому внуку князя Акчуры (Акчурин, 2011а). Таким образом, мы фиксируем факт разделения княжеской династии на две линии.

Существуют косвенные сообщения, по которым можно судить, что некогда одно крупное княжение разделилось на две части. Так, в 1563 г. князем над тяльдемской мордвой «что по реке по Мокше» указан Янглыч Бедишев (Акты служилых, 2002, с.22), однако сохранилось сообщение, согласно которому тяльдемской мордвой также владели князья из рода Долотказиных (Акты служилых, 2002, с.247–248).

На сегодняшний день установлено, что многие династии между собой были родственными. Это относится к княжеским родам Тенишевых-Еникеевых, Маминых-Енгалычевых, Долотказиных, Девлекильдеевых-Бибарсовых, Амесевых-Енгалычевых, Акчуриных-Кудашевых-Дашкиных, другую родственную группу составляют Мансыревы, Дивеевы, Аганины (Сабитов, 2013).

Сами **татарские князья по-прежнему использовали старинный золотоордынский титул бек**. Так во время избрания царя Михаила Романова в 1613 г. князь Ишей Барашев, один из участников Земского Собора, в Утвержденной грамоте оставил подпись: «Мин Ишәй *бик* выбар йулдашларым учун кулум куйдым»[10] (Акчурин, 2010) – в переводе академика Корша Ф.Е.: «Я Ишай бек за выборных товарищей своих руку приложил» (Утвержденная, 1906, с.88, с.90, с.91).

Представителями группы мордовского населения являлись мордовские сотники. После пожалования княжения 15 апреля 1559 г. Дивея Бутакова над мордвой Кирдяновского беляка, в отписной грамоте казанского дворецкого М.И.Волконского в «кирдяновскую мордву в Арзян сотникам Шонге Тарханову, Молсапе Ономасову, Кузовату Олепину и всей кирдяновской мордве» сказано: «чтите его и слушайте его во всем и ясак ему давайте» (ЦГАРМ, ф.1, оп.1, д.14, л.94–94об.).

[10] В издании подписи записаны старотатарским письмом (Утвержденная, 1906, с.88, 90, 91).

О том, что **мордовские сотники подчинялись татарским князьям,** сказано в грамотах Акчуре Адашеву: «и вы *сотник*, да все земские люди черные, тое мордвы конялские, чтите его и слушайте во всем» (Еникеев, 1999, с.149). В одном дипломатическом донесении, полученном в апреле 1516 г., также упоминается сотник, там сказано, что крымские татары пытались выкупить одного мордвина в Кафе («чтобы их вел на Цну»), отец которого был сотником у мордовского князя Темиря Якшенина (СРИО, т.95, с.292).

Сотники участвовали в сборе ясака с мордовского населения, часть этого ясака передавалась татарским князьям, в жалованной грамоте Кулаю Акчурину 1540 г. сказано: «а имати им те свои пошлины з году на год на срок на збор у сотника и у мордвы перед нашими прикащики» (Акчурин, 2013). Кроме сотников среди мордовского населения выделяются «земские люди» и «черные люди» – рядовые жители (Еникеев, 1999, с.149).

У князей имелись собственные приказчики или приставы, участвующие в судебных делах. В несудимой грамоте 1539 г. кадомской мордве говорится: «Янглыч князь и его братья *приставов* своих на них не дают и не судят их ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным» (Известия, с.147). В несудимой грамоте 1528 г. князя Тениша Кугушева сообщается: «А кому будет чего искати на князе на Тенише или на его *прикащике*, ина его сужу яз, князь велики» (Акты служилых, 2002, с.155).

Возможно, что на князей также возлагались обязанности по сбору для государственной казны ясака и других платежей с подданной мордвы. Об этом говорится в челобитной 1604 г. мордовского князя Авкемана Кечасова, хотя он, скорее всего, был этническим мордовским князем. Странно, что он назван темниковским, в дозорных книгах Темниковского уезда 1614 г. (РГАДА, ф.1209, оп.1, кн.471) он сам или его потомки не зафиксированы. Тем не менее в челобитной отмечено, что этот князь со своих «волощан» собирает «государев оброк и ясак, и сторожевые недоборные деньги, и в службу, и во всякие твои государевы подати недоборные деньги» (РГАДА, л.112–112об.).

За учет собранного с мордовского населения ясака, т.е. запись в приходные книги, и его ежегодную передачу в казну, а также за предоставление полагающихся ясаков татарским князьям или мурзам отвечали русские должностные лица – мордовские приказчики. Как уже было отмечено выше, мордовские приказчики упоминаются в грамоте Кулаю Акчурину 1540 г. (Акчурин, 2013), а также в Мещерской десятне 1561 г. перечислен «прикащик у мордвы» Архип Неро-

нов сын Иванчин, в Мещерской десятне 1571 г. перечислены «у мордвы прикащики» Шушпан Григорьев сын Свищов и Василий Григорьев сын Чубаров (Лихачев, 1909, с.212–213). Василий Чубаров упоминается также в царских жалованных грамотах 1575 г. темниковскому мурзе Изекею Булашеву сыну Акчурину и цненскому князю Тенишу Янгалычеву сыну Омесева (Акты служилых, 2002, с.247), в которых подробно описан порядок сбора и передачи ясака: «… а имати ему того ясаку пять рублей бес четверти в Мещере самому по писцовым книгам, каковы книги даны Василью Чубарову с Мещениновых книг Морозова с товарыщи, а письмо ему имати с книг тем ясакам у мордовского прикащика у Василья Чубарова за его рукою, а буде вперед с тое мордвы прибудет ясачных денег и мордовскому прикащику Василью Чубарову или хто иной по нем прикащик над мордвою будет те ясаки збирать на нас, а писати у себя в приходные книги да те ясачные деньги присылати к Москве в Нижегородской Мещерский дворец. А взять Изекею мурзе наше жалованье с мордвы тот ясак пять рублей бес чети Немечевской жеребей впервые в 84 году как учнут в Мещере ясачные деньги с мордвы збирати мордовские прикащики» (ГАСО, ф.19, оп.2, д.1, л.436об.–437).

Можно сказать, что фактически мордовские приказчики являлись царскими даругами, отвечающими за сбор дани, как в примере выше с сибирскими землями, хотя сам термин даруга в документах для мордовских земель не встречается.

Ни жалованные грамоты, ни другие документы ничего не говорят о том, чтобы татарские князья с получением своего титула получали какие-то права распоряжаться собственностью (земельные владения, дворы, вотчины) своего подвластного населения. Конечно, князья и их родственники имели частные обширные вотчины, которые по своему усмотрению можно продавать или покупать, или поместья в качестве окладов за службу (пашни, сенокосы и крестьянские дворы), т.е. являлись крупными феодальными собственниками. Но если вставал спор между князьями и их родственниками, например, с мордовскими собственниками, то разрешались такие споры верховной властью великих московских князей. Наглядным примером является грамота 1546 г. о разрешении спора о владении бортными ухожеями между князем Тенишем Кугушевым с братьями и темниковской мордвой (ГАУО, ф.732, оп.3, д.1). Нет никаких сообщений о владении татарами мордовскими пашнями или дворами, видимо, это было запрещено. В жалованной грамоте князю Акчуре Адашеву на крестьянские дворы в д.

Купля на реке Выше оговаривается: «опричь дворов и пашня, что за мордвою» (Ишеев, 2008).

Таким образом, выделим основные особенности системы власти татарских князей, проживавших в мордовских землях:

- Княжеский титул передавался по наследству и подтверждался жалованными грамотами московских великих князей.
- Татарские князья обладали судебной властью и правом сбора судебных пошлин.
- Князья имели своих приказчиков.
- Подвластное мордовское население делилось на «черных» и «земских» людей, а на более высокой иерархической ступени находились мордовские сотники, они обязаны были «слушать и чтить» своего князя.
- Князьям выплачивался персональный княжеский ясак.
- Возможно, на князей возлагались обязанности по сбору для государственной казны оброков, ясака и других платежей с подданной мордвы.
- Власть передавалась по наследству только представителям одного семейного клана.
- Княжение наследовалось, как правило, от отца к сыну, но не всегда, оно могло наследоваться другими родственниками по мужской линии.
- Все потомки бека по мужской линии носили титул мурзы.
- Сбор всего мордовского ясака в государственную казну осуществлялся русскими должностными лицами – мордовскими приказчиками. Мордовские приказчики контролировали выплату княжеских ясаков татарским князьям.

Можно отметить, что во многом функции власти татарских князей соответствуют золотоордынским традициям. В рамках российской политической системы татарские князья по своим полномочиям схожи с волостелями. Хотя для мордовского населения в XVI – начале XVII веков в качестве деления использовался термин «беляк». А.А.Гераклитов, а затем и В.П.Ямушкин, основываясь на столбцах Кадомской и Темниковской приказных изб XVII века, пришли к выводу, что беляк – это «ясачный округ» или «пожалованный район сбора ясака в пользу определенного татарского феодала» (Ямушкин,1963), при этом отрицали использование термина «беляк» в качестве территориально-административного объединения (Гераклитов, 1927). Их достаточно убедительные доводы характерны для XVII века, когда старые понятия изменялись или выходили из употребления. Тем не менее, на при-

мере писцовой книги мордовских сел Кадомского уезда 1629/30 г. видно, что все населенные пункты были скомпонованы строго по белякам (беляк Малая Чепчера, Еректинский беляк, Чепчерянский беляк, Тялдемский беляк) (Беляков, 2013). Во второй половине XVII века в качестве территориального деления уже использовался термин «стан», так, в документе 1675 г. о сборе «стрелецкого хлеба» все мордовские деревни Тялдемского беляка числились в Вадовском стане (Акчурин, 2012). Кроме этого в двух жалующих княжения царских грамотах группы мордовского населения также указаны с привязкой к белякам: в грамоте Исенею Бутакову 1555 г. указана мордва Кирдяновского беляка (Сафаргалиев, 1963, с.76), в грамоте Булаю Кудашеву 1608 г. указана мордва Кершинского беляка (Думин, 1996). С учетом этих фактов можно предположить, что в более ранние времена термин «беляк», созвучный с татарским термином «билек», все же был близок к понятию мордовское княжение.

Отметим ещё одну особенность, встречающуюся в документах. Если отец, или дед, или прадед являлись князьями, то их княжеский титул добавлялся при написании отчества или фамилии. Так, нам встречается в грамоте 1608 г. имя «Ишмамет-мурза князь Девлет-Кильдеев сын Аганин», где к отчеству добавлен отцовский титул «князь», в этой же грамоте сказано, что мурза Ишмамет действительно наследует «княженье отца его княж Девлет-Кильдея» (Акты служилых, 2002, с.4–5). Такое написание отчеств и фамилий позволяет нам вычислять целые княжеские династии. Если мы знаем, что в 1575 г. тялдемская мордва была за князем Бигилдеем княж Каракчеевым сыном Долоткозиным (Акты служилых, 2002, с.247–248), то можно предполагать, что и его отец князь Каракчей Долоткозин когда-то являлся владельцем этой группы мордвы. А поскольку потомки Бигильдея записывались с фамилией «князь Долотказины» (Ишеев, 2010), то предполагаем, что их предком также был некий князь Долотказя.

После того, как мы описали особенности системы власти татарских князей, можно вывести следующее правило. Допустим мы обнаружим какую-то княжескую династию, для которой никаких жалованных грамот не сохранилось. Теперь мы имеем полное право предполагать, что **представители такой династии, обладая княжеским титулом, должны были иметь своё родовое княжение** или другими словами свой подвластный «юрт» («эль»). Ведь именно обладание властными полномочиями над этим юртом обеспечивает для них наличие наследного княжеского титула.

После смерти Ивана IV жалованных грамот на мордовские княжения ни от его сына царя Федора ни от царя Бориса Годунова не зафиксировано. Скорее всего, необходимость в местных институтах власти у московских правителей отпадает. Тем не менее, в эпоху Смутного времени, чтобы добиться лояльности авторитетных татар, все противоборствующие стороны: и московский царь Василий Шуйский и самозваные царевичи вновь жалуют татарским мурзам княжеские титулы (Акты служилых, 2002, с.4–5, с.21–22; Думин, 1996). После воцарения Михаила Романова в 1613 г. все жалованные грамоты были подтверждены. Однако, новых пожалований уже больше никогда не делалось. В итоге все князья – участники Смуты, оказались последними законными татарскими князьями, поскольку после их смерти потомки не получали княжеских титулов, если, конечно, они не принимали крещение, правда в этом случае это уже были не татарские князья. Последним татарским князем, видимо, оставался Ишмамет Аганин, в эпоху насильственной христианизации в 1652 г. этот князь с детьми «за скверные богомерзкие дела, за разорение церквей и поругание образов казнены – сожжены», а имение их в Кадомском уезде в дер. Колетеве, дер. Чотово и дикое поле усть р. Киты да на речке Ваду и др. урочищах было отписано на великого государя (Селиванов, 1903, с.17).

Список источников и литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III/сост. А.В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2002.

2. *Акчурин* М. Буртасы в документах XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VI. – Казань: Институт истории АН РТ, 2012. – С. 43–48.

3. *Акчурин 2011а* – Акчурин М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. V. – Казань: ЯЗ, Институт истории АН РТ, 2011. – С.118–153

4. *Акчурин 2011б* – Акчурин М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы конференции. – Казань: Фолиант, Институт истории АН РТ, 2011. – 368 с. – С. 191–202.

5. *Акчурин М.*, Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – С.42–64.

6. *Беляков А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина, 2004–2005. Вып. 2–3. – Рязань: Край, 2006. – С.8–30.

7. *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – С.154–210.

8. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.III. – СПб., 1866.

9. ГАУО, ф. 732, оп. 3, д. 1. URL: http://simbir-archeo.narod.ru/Russian/16vek /gauo/1.htm

10. ГАСО, ф. 19, оп. 2, д. 1.

11. *Гераклитов А.А.* Мордовский «беляк» // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 2. – Саратов, 1927. – С.102–112.

12. Дәфтәре Чыңгызнамә // Мирастан биш сәхифә. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарьләре. – Казан, 2011.

13. *Думин С.В.*, *Первушкин В.В., Шишлов С.Л.* Князья Кудашевы // Дворянские роды Российской империи. Т.3. – М.: Ликоминвест, 1996. – С.165–171.

14. *Еникеев С.* Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: Гилем, 1999.

15. *Жалаерлы К.* Жэмигъ эт-тэварих. – Казан: «Иман» нэшрияты, 2010.

16. Җамигыт-тәварих // Мирастан биш сәхифә. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарьләре. – Казан, 2011.

17. *Временник* императорского Московского общества истории и древностей российских. – М., 1851.

18. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XLI. – Тамбов: тип. Губернского Правления, 1897.

19. История Казахстана в русских источниках: Посольские материалы русского государства, XV–XVII вв. Т.1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 704 с.

20. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998.

21. *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского XV – сер. XVI вв.) // Панорама-Форум – №3 – 1995. – С.195–207.

22. *Ишеев М.*, *Акчурин М., Абдиев А.* Татарские княжеские роды на Цне // Сборник материалов 6-й ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». – Н. Новгород: Медина, 2010. – С.64–70.

23. *Ишеев М.*, *Акчурин М.* Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сб-к статей и материалов. – Н.Новгород: Медина, 2008. – С.6–32.

24. *Кеппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб., 1861.

25. *Кузеев Р.Г.* Башкирские шеджере. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. – 304 с.

26. *Лашков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды IV Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т.IV. – Одесса, 1889.

27. *Лашков (1895а) – Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т.22. – Симферополь, 1895. – С.82–115.

28. *Лашков (1895б) – Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т.23. – Симферополь, 1895. – С. 118–129.

29. Летописец Русский (Московская летопись) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете, Книга 3. – М., 1895.

30. *Лихачев Н.* Любовниковы // Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. – СПб., 1909.

31. Писцовая книга Воцкой пятины письма и меры Елизарея Старого и подъячего Семена Киселева 7090 года // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн.6. – 1850 г.

32. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань: Татарское книжное издательство, 2006.

33. *Почекаев Р.Ю.* Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. – №2. 2004. – С.217–233.

34. ПСРЛ. Т.10. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 248 с.

35. ПСРЛ. Т.13, Ч.1. – СПб., 1904.

36. ПСРЛ. Т.15. Вып 1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.

37. ПСРЛ. Т20. Львовская летопись. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 704 с.

38. РГАДА, ф.1167, оп.1, д.1443.

39. РГАДА, ф. 1209, оп.1, кн. 471.

40. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1143.

41. *Сабитов Ж.*, *Акчурин М.* Татарские потомки населения золотоордынского улуса Мохши // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). – Т.5. – №1. – 2013. – С.73–81.

42. *Сабитов 2012а – Сабитов Ж.* «Административная реформа хана Узбека» // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань, 2012. – С.232–239.

43. *Сабитов 2012б – Сабитов Ж.* Клановая система улуса Джучи: основные этапы развития // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. – Казань, 2012. – С.118–120.

44. *Сабитов Ж.* Ханы Ногайской орды // Средневековые Тюрко-татарские государства. Вып. 1. – Казань, 2009. – С.138–141.

45. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960.

46. *Сафаргалиев М.Г.* К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Мордовского НИИЯЛИ. Вып. 24. – Саранск: 1963.

47. *Селиванов А.В.* Род дворян Поливановых XIV–XX вв. – Владимир, 1902 // Труды Владимирской Ученой архивной комиссии. Кн.V. – Владимир, 1903.

48. СРИО. Т. 95. – СПб., 1895.

49. Сборник летописей. Татарский текст (Составлен в царствование Б.Годунова) с русским предисловием // Библиотека восточных историков. Изд. И.Н.Березина. – Т.II. Ч.1. – Казань, 1854.

50. Сметный список 139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн.4. – 1849.

51. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – Ч.3. – М., №146. – 1822.

52. *Соловьев К.А.* Эволюция форм легитимации государственной власти в Древней и Средневековой Руси // Международный исторический журнал. – 1999. – № 1. URL: http://krotov.info/history/09/3/solo199b.html.

53. СРИО. Т. 41. – СПб., 1884.

54. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

55. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. – М.: Вост. лит., 2003. – С.320–353.

56. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. – М.: 2007.

57. *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 751 с.

58. Утвержденная Грамота об избрании на Московское государство Михаила Феодоровича Романова. – М.: Имп. общ-во истории и древностей российских, 1906.

59. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М.: МГУ, 1973. – 180 с.

60. *Флетчер Дж.* О государстве русском. М. Захаров. 2002. Комментарии: Проезжая по Московии. – М.: Международные отношения, 1991.

61. Хождение за три моря Афанасия Никитина. – Тверь, 2003.

62. ЦГАРМ, ф.1, оп.1, д.14.

63. *Ямушкин В.П.* О ясаке и мордовском беляке // Труды МНИИЯЛИЭ. №24. – Саранск, 1963. – С.100–115.

Список сокращений

ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СРИО – Сборник императорского Русского исторического общества
ЦГАРМ – центральный государственный архив Республики Мордовия

Сведения об авторах

Акчурин Максум Маратович, соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); m-akchurin@yandex.ru.

Ишеев Мулланур, исследователь Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (г.Казань); mullanur_isheyev@mail.ru.

УДК 94(470.41-25)"16"

СЛУЖИЛЫЙ ГОРОД КАЗАНЬ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

© 2014 г. Амерханова Э.И.

В статье исследованы процессы внутри саморегулирующихся сословных корпораций – служилых городов Казани и Свияжска. Существование в Среднем Поволжье уникальных по этноконфессиональному составу служилых городов подверглось значительным изменениям под влиянием движения под предводительством Степана Разина.

Проанализировано управление служилыми городами территорией Среднего Поволжья в рамках реализации правительственной политики. Автором выявлены противоречивые процессы внутри феодальной сословной структуры и пути трансформации социальных статусов служилых людей. Прежняя чиновная стратификация видоизменилась в соответствии с требованиями правительственной политики.

В статье выделены этапы движения под предводительством С. Разина в третьей четверти XVII в. в Среднем Поволжье и их влияние на общероссийские процессы.

Ключевые слова: Феодальная сословная структура, Среднее Поволжье, Служилые города, движение под предводительством С. Разина.

SERVING THE CITY OF KAZAN DURING THE UPRISING UNDER THE LEADERSHIP OF STEPAN RAZIN

Amerkhanova E.I.

In her article, Elmira Amerkhanova investigated processes in self-regulating class corporations – service towns Kazan and Sviyazhsk. Existence in the middle Volga regions of the service towns with a unique ethnic and confessional composition of its population changed under S. Razin's movement influence.

Service towns management for the territory of the Middle Volga region is analysed within realization of governmental policy. The author reveals contradictory processes in the feudal class structure and ways of transformation of the social statuses the service people. The service elite became rearranged according to the demands of governmental policy.

In article are allocated stages of the S. Razin's movement in the third quarter of the XVII century in the Middle Volga region and their influence on the all-Russian processes.

Keywords: feudal class structure, Middle Volga region, service towns, S. Razin's movement.

Традиция создания универсальных интерпретаций в советской историографии привела к складыванию однозначного восприятия событий 1670–1671 гг. в качестве крестьянской войны, что исключало признание далеко неоднородного состава их участников.

Необходимо признать, что представители многих сословий, в том числе и служилого, воплощали в ходе восстания персональные и коллективные интенции разного характера, что во многом и позволило государственным институтам восстановить вертикаль власти в регионе в 1670–1671 гг.

Изучение взаимодействия служилой местной элиты и разнородной социальной стихии восстания в ходе преодоления регионального кризиса 1670–1671 гг. на основе анализа двух служилых корпораций: Свияжска и Казани позволяет определить общее и особенное в формировании саморегулирующихся механизмов феодального общества. Важнейшим из таких механизмов был служилый город – внутрисословная корпорация служилых землевладельцев уезда.

Существование служилых городов как корпораций, с присущими им выборностью, оценкой соответствия и коллективным восприятием норм и правил было важным условием сохранения всей феодальной структуры общества и реализации правительственной политики. При этом в 1670–1671 гг., в условиях серьезной социальной деконструкции части территорий, произошла утрата многих прежних ориентиров в функционировании традиционной административно-приказной системы. Реализующиеся в ее рамках властные практики московской и местных военных элит продемонстрировали в этот сложный период и складывание новых иерархий, и игру лояльностей, проявившихся в различных сценариях.

Механизм предупреждения региональных восстаний был давно заложен в основополагающих принципах функционирования этноконфессиональной политики Московского государства. В этом качестве выступал институт аманатства или закладничества: «а казанских татар и чювашу и черемису и вотяков имати в Казань в заклад самых лутчих людей и прожиточных, которые б в татарех и в чуваше, и в черемисе, и в вотякех были крепки и владетельны и семянисты, и кому б мочно было верить. И держать их в аманатех с переменою по столку ж человек, по сколку таких аманатчиков указано в Казани держать на оманатном дворе преж сего и как о таких оманатчиках писано в государевых грамотах в Казань к прежним бояром и воеводам ис Приказу

Казанского дворца» (Димитриев, с.293). В августе 1677 г. воевода М.Л. Плещеев «с товарыщи», выполняя царский наказ, поручил «голове татарскому» Г. Жукову составить список «аманатчиков Казанского уезду ясачных новокрещенов и татар и черемису» (РГАДА, ф.1642, оп. 1, ед. хр.8) за 1670–72 гг. При этом выяснилось, что в 1671/72 г. «по докладному письму» в аманаты должны были попасть «самые добрые и родовитые лутчие люди», которые далеко не все «отстаивали» свой срок, так как в 1670/71 г. из них умерло двадцать восемь человек, а в следующем году еще больше – 29 человек. Это, однако, не уменьшило общее число аманатов, так как «после их остались дети их и братья».

Смерть такого значительного числа аманатов в течении двух лет подряд не может считаться случайной, однако, отсутствие источников не позволяет окончательно сделать напрашивающиеся сами собой выводы. Вероятно, возможность такого трагического исхода судьбы аманатов в результате восстания неоднократно вызывала тревогу не только у казанских татар. Так, например, сохранились сведения от 1663 г. о башкирском восстании, одним из требований которого было перемещение их аманатов из Казани в Уфу (Материалы, ч.1, №46, с.167–169).

Реализация подобного сценария предотвращения восстания в самом его начале была далека от здравого смысла, так как на первом этапе присутствие коренных народов Поволжья в рядах восставших было довольно непросто предугадать.

Служилый город Казань первое свидетельство о начавшемся движении Ст. Разина получил в 1667 г., когда была организована «высылка из Казани» для поиска беглых казаков. Опрометчиво почти одновременно с этой «высылкой» были отправлены в низовья Волги ссыльные стрельцы, которые были отбиты у их конвоиров – казанских стрельцов – восставшими разинцами (Акты, т.4, №202/III, с.377).

Казанские воеводы, как наиболее влиятельные представители приказной администрации, не сразу оценили разрастание восстания, что могло быть вызвано традиционной сменяемостью и, следовательно, краткосрочной практикой властвования. Так, в сентябре 1669 г. отряд казанских стрельцов Степана Воропонова отправился в Астрахань и другие понизовые города с ежегодной службой сопровождать «хлебные запасы великого государя» и попал в засаду у Царицына, где упущенные астраханскими воеводами разинцы еще не определились в

своих намерениях и ждали «станишников из Москвы» (Дополнения, т.6, №2, с.19). Казанцы не потеряли весь свой груз, а лишь вынуждены были отдать один «ясаульный струг да бочку вина в шести ведер» (Крестьянская, т.1, №135, с.191), хотя по другим сведениям казанцы добровольно сделали подарки Разину, за что он их «подарил дорогами», то есть пропустил не только в Астрахань, но и обратно (Дополнения, т.6, №2, с.21).

Такая игра лояльностей свидетельствовала о проявлении смешанной или даже пограничной идентичности служилых людей в ситуации конфликта, что еще не раз будет приводить к противоречивым и непоследовательным действиям разных категорий служилых людей.

Захваченные Разиным в начале 1670 г. Царицын и Астрахань оставили Казань единственным крупным гарнизоном в понизовых городах, что осознавалось и предводителем восстания, который начал продвижение вверх по Волге к Казани для зимовки в ней.

В Казани в это время воеводой оставался Петр Васильевич Шереметев, для которого угроза с низовьев Волги была в тот момент не столь значимой, так как большую опасность представляли башкиры. В июне 1670 г. они перешли через Каму и «на сей стороне Камы реки село да 9 деревень повоевали и пожгли … хвалятца притти войною в Казанской и в Свияжской уезды» (Крестьянская, т.1, №135, с.191). Видимо, для башкир не стала преградой Закамская засечная черта. Скорее всего, был использован удобный момент для вторжения, когда все внимание было сосредоточено на событиях «на низу Волги». Высланная за полгода до этих событий сотня казанца Г.П. Змеева на Каму в Рыбную слободу «для оберегания от приходу калмыцких людей и изменников башкирцов» либо уже была возвращена в Казань, либо не смогла противостоять объединенным силам (История, с.377–378). Их активность была спровоцирована неустойчивостью властных практик в регионе.

Каким образом башкирская угроза была предотвращена и предотвращена ли – остается неизвестным, так как утраты архивов не позволяют выявить многие вопросы в истории региона. О распространении восстания в Казани и Казанском уезде сохранилось очень немного свидетельств, большая их часть написана победившей стороной конфликта.

К концу лета 1670 г. была осознана серьезная опасность, которую представляло собой движение под предводительством Ст. Разина. С целью укрепления городов «на низу Волги» в Саратов был отправлен

приказ казанских стрельцов. Его головой был Тимофей Давыдов, под началом которого были 300 казанских стрельцов и «200 самарен». Все они добровольно «ушли с Саратова» навстречу войску Степана Разина, которое вошло в Саратов 15 августа. Сам Давыдов – единственный из стрелецких командиров, кто сумел спастись от расправы восставших, после чего «прибежал в Симбирск» 22 августа (История, с.46). Таким образом, конфликт идентичностей был однозначно преодолен представителями служилых людей по прибору в сторону отказа от присяги, и ценности народного движения стали преобладающими в их выборе.

В связи с этим событием или же раньше количество казанских стрельцов было увеличено за счет сбора даточных людей в Казанском уезде (История, с.339). Их состав был определен задолго до событий 1670–1671 гг. – в 1662/63г., когда одни из них вошли в стрелецкие приказы сразу после набора (Димитриев, с.323), оставшиеся были призваны в чрезвычайных обстоятельствах 1670 г., но, видимо, в незначительном количестве: «тех стрелецких приказов наполнять нечем» (История, с.339).

Также с конца лета 1670 г. центр преодолел инерцию, уже сложившуюся в течение «бунташного века», и направил два полка в понизовые города, из них в Казань был направлен воевода П.С. Урусов, в соответствии с военно-чиновной иерархией назначенный командующим всего войска, направленного против Ст. Разина. Дождавшись прихода в Казань служилых людей, к которым примкнули военные силы «служилого города», Урусову предписывалось идти в «понизовые города» «для промыслу над воровскими казаками». Такая неопределенность в постановке задач: «в понизовой город, в которой пристойно» (то есть до какого получится), «чинить промыслы и поиски по своему рассмотренью, смотря по тамошнему» (Описание, кн. 11, № 2181, с. 142) позволила Урусову остаться в Казани и на расстоянии руководить действиями своих «товарищей», командовавших вторым полком Ю.Н. Барятинского и сформированным позже полком Д. Барятинского. Такое поведение Урусова вряд ли было поиском новой идентичности, вероятнее всего это можно рассматривать, как проявление инерции центрального аппарата.

Впоследствии это было вполне обоснованно расценено как «нерадение», так как неоказание помощи Ю.Н. Барятинскому привело к его отступлению и потере обоза во время первого столкновения под Симбирском со С. Разиным в начале сентября 1670 г. Урусов скорее всего

не успел присоединиться к поспешившему Барятинскому, так как 2 сентября он лишь прибыл в Казань.

Позже положение усугубилось тем, что в Казани не предприняли решительных действий, когда Барятинский отошел в Тетюши, и дожидался Урусова. И хотя Барятинский затем пытался объяснить действия своего командования заранее оговоренной тактикой, скорее это выглядело обвинением Урусову, который и во второй поход под Симбирск не выступил (или по другим сведениям выступил с опозданием). После победы в первых числах октября над восставшими под Симбирском и снятия с него осады отсидевшийся в Казани П.С. Урусов подробнейшим образом представил в отписке в Москву все заслуги Барятинского и симбирского воеводы И.Б. Милославского, ни слова не упомянув о причинах своего отсутствия на поле боя. Это становится еще более интересным в связи с последующим ходом событий: до 25 октября Барятинский не дождался из Казани «прибавку ратных людей», и, хотя «от Симбирска до Казани смирно», он собирался воевать дальше: «за Сурою воровство великое». Следовательно, Урусов вновь не принимал активного участия в боевых действиях и даже не отправлял необходимое подкрепление Барятинскому. Важно, что впоследствии действия Барятинского по представлению тактики Урусова отражают властные практики мирного времени, так как последовавший навет Барятинского на полковника А. Шепелева: «не верно служит и бунтует, и кровь пролилась в Синбирску и окола Синбирска и по черте от нево, Агея: а как я холоп твой, приехал в Казань х кравчему …Урусову, и договорились … что было ему (Шепелеву) итить со всем полком со мною, и он …не пошол упрямством своим» (Крестьянская, т.2, №28, с.42–43) ничем другим быть обоснован не может. Никаких других свидетельств о нерадении А. Шепелева более не встречается, и его заслуги были признаны – он среди награжденных за подавление восстания. Остается предположить, что нерадение старшего по чину Урусова хотели переложить на плечи рядового полковника А. Шепелева. Отставка Урусова последовала уже в конце сентября, однако, еще два месяца он командовал казанскими служилыми людьми, или же от его имени, признавая его главенство, отдавал приказы А.А. Голицын. Оба Барятинские не решались признать отставку Урусова и общее командование за Ю.А. Долгоруковым, назначенным во главе войска из служилых людей центральных районов страны и дислоцировавшегося в Арзамасе и Нижнем Новгороде.

В историографии сложилась достаточно устойчивая универсальная для всего XVI–XVIII вв. интерпретация признания активного участия казанских татар в движении Степана Разина, основанием которой, чаще всего, в историографии становилось «прелестное письмо».

Кадомский или керенский служилый татарин Асан Карачурин был выдан на допросе Степаном Разиным. Для поиска одного из главных предводителей восставших в понизовые города был оправлен сыщик Алексей Лукин. Разин утверждал, что именно Асан «говорил ему, чтоб итить под Казань, а в Казани де сидеть не будут», т.е. присоединятся к восставшим. В прелестном письме Разина «х казанским татаром» перечислялись известные Карачурину «начальные люди»: «От великого войска от Степана Тимофеевича. Буди вам ведома, казанским посадцким бусурманом и абызом начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и которые над бедными сиротами и вдовами милосердствуют, Икшею мунле, да Мамаю мунле, да Ханышу мурзе, да Москову мурзе, и всем обызом, и всем слободцким и уездным бусурманом, от Степана Тимофеевича в сем свете и в будущем челобитье» (Крестьянская, т.2, №38, с.52).

Не рассматривается в этой распространенной интерпретации и другой важный инструмент политики властвования в регионе. Так, предвидя опасность увеличения количества восставших, воеводы Казани пошли на принятие беспрецедентного решения: передаче сбора ясака в руки выборных людей от ясачного населения (ПСЗ, т.3, №1579, с.294–295). К сожалению, после восстания ясак вновь стали собирать казанские служилые люди, ущемляя при этом интересы коренного населения Среднего Поволжья. Об этом свидетельствует факт сыска казанца Михаила Ивановича Баракова по челобитью пяти сотен вотяков «Казанского уезду Арской дороги» на казанца Михаила Скорикова. Он был должен им огромную сумму – 99 рублей, 23 алтына и 2 деньги (в документе сумма написана прописью). В результате сыска «указано по нем Михаиле Скорикове доправить сыску» (КФУ НБЛ ОРРК, ед. хр. 1295/8). Вероятно, он был «зборщиком» ясака, который «лишних всяких доходов» (Димитриев, с.323) не смог не взять.

Вероятно, свою роль в отсутствии сведений о значительном восстании среди татарского населения Заказанья сыграла и концентрация крупных воинских подразделений в Казани. Источники больше свидетельствуют об особом беспокойстве правительства по поводу военных действий татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы выше Казани

по Волге, в отношении которых именно Казань стала одним из центров по подавлению народного движения.

Прежде всего, острой была проблема свободного сообщения с центром страны, которое обычно осуществлялось по Волге. Эту задачу предстояло решить казанскому воеводе А.А. Голицыну, который направил вверх по Волге: по Нагорной стороне «казанца Андрея Нармацкого да полковника Гаврила Гаславского, а с ними ... казанцов дворян и детей боярских и иноземцов разных чинов» (Крестьянская, т.2, №206, с.251–252), а по Луговой стороне «казанца Михаила Баракова, а с ним ... казанцов дворян и детей боярских и иноземцов разных чинов да для проходу тесными лесными местами пеших стрельцов 100 человек». Позднее на помощь Баракову Голицын отправил приказ казанских стрельцов во главе с Иванисом Есиповым (КВСР, т.2, №205, с.249). Вероятно, в этот период возможность выбора пограничной идентичности стрельцами уже не могла быть реализована в составе крупного военного соединения.

Важным проявлением специально выработанной властной технологии в эти годы является соподчиненность казанских служилых людей разным воеводам. А.А. Голицын в своих отписках об отправке служилых людей говорит о самостоятельности своих действий. Другой воевода – Ю.А. Долгорукий в своей отписке, датированной чуть позже, сообщает о направлении Д. Барятинского в те же места, что и казанцев.

Ответ на этот вопрос находим в документе, датированном концом ноября 1670 г., в котором Д. Барятинский сообщил, что «которые конные ратные люди были в той посылке со мною ... ис Казани полку боярина и воевод князя Алексея Андреевича Голицына с товарищи, поехали от меня ... в Казань» (Крестьянская, т.2, №261, с.316–317). Вероятно, действуя под общим командованием Д.А. Барятинского, казанцы сохраняли особый статус и подчинялись в первую очередь казанскому воеводе.

В конце декабря 1670 г. воевода А.А. Голицын, получивший «обнадеживальные грамоты» из Приказа Казанского дворца, разослал их «в уезды к уездным людем» (Крестьянская, т.2, №381, с.494–495). Необходимо обратить особое внимание на то, что в этом документе говорилось о посылке казанцев на территорию Казанского уезда «без подкрепления», следовательно, опасности данное поручение не представляло. В то же время А.А. Голицын учитывал еще довольно напря-

женное положение в уездах, находившихся выше по Волге, и не спешил поделиться с воеводой еще одного общероссийского войска Ю. Долгоруковым пушечными и хлебными запасами (Крестьянская, т.2, №387, с.504–506).

В распоряжении Голицына находились не только казанские служилые люди. В начале декабря 1670 г. по сообщениям о тревожных событиях в Тетюшах он отправил туда полковника М. Кровкова «с солдаты» и приказ казанских стрельцов Степана Веригина (Крестьянская, т.2, №298, с.374). Вероятно, из-за этих или других подобных известий и были отозваны в Казань М. Бараков, А. Нармацкий и И. Есипов с войсками.

Трансформация статуса служилой корпорации г. Казани подчеркнута в «статьях с похвалой», присланных из Приказа Казанского дворца со стольником И.И. Чириковым в Симбирск за его оборону и в Казань воеводе А.А. Голицыну за победы его товарищей воевод М. Есипова, М. Баракова и А. Нармацкого (Крестьянская, т.2, №306, с.383). Здесь, во-первых, следует обратить внимание на то, что роль Казани осенью 1670 г. выделена особо. Во-вторых, казанские дворяне М. Бараков и А. Нармацкий, а также свияженин М. Есипов, названы товарищами воеводы, что является серьезной модификацией их чиновного статуса.

В-третьих, в документе отражено отношение к различным сословным группам, входившим в состав служилого города. Так, казанских дворян и детей боярских «милостиво похваляют» за военные действия против восставших, а мурз, служилых татар, также как и стрельцов и посадских людей, «милостиво похваляют» за то, что они «к воровским прелестям не клонились» (Крестьянская, т.2, №306, с.384). Альтернативная этно-конфессиональная и политическая самоидентификация местных элит вызвала настороженное отношение к этой категории служилых людей, подтверждение которой увидели в хорошо известных «прелестных грамотах» на татарском языке, посланными в Казань к «абызом начальным» (Крестьянская, т.2, №38, с.52). Подозрения в неблагонадежности этой части своего войска высказывал в начале сентября и Ю. Барятинский: «а татаровя, государь, которые в рейтарах и в сотнях, служить худы ... и ненадежны с первого бою» (Крестьянская, т.2, №41, с.54).

В противоречии с этим свидетельством находится выпись из десятни, относящаяся к служилому новокрещену П.С. Асанову: «Да за

службы, что он в прошлом в 179 (1670/71г. – А.Э.) г. посылан ис Казани сотенным головою с служилыми людьми на воровских казаков в Свияжск и Кузьмодемьянск и в иных местах, над воровскими казаки промыслы чинил ...» (КФУ НБЛ ОРРК, ед. хр.3069). Также известно, что свияжский служилый татарин Досай Аишев сын Баишев «выслан был из Свияжска ... против вора ... Степки Разина, и многие-де высылщики от него Степки побиты и порублены» (КФУ НБЛ ОРРК, ед. хр.3405), свияженин Костантин Павлович Тявкелев, «до этого служивший» рейтарскую службу по новокрещенскому списку, был «на государеве службе под Симбирском на бою на Лекине поле и под Белым (Яром – А.Э.) против воровских казаков» (НАРТ, ф.10, оп.5, д.1162, л.23).

Следовательно эти представители служилых городов Казани и Свияжска, не вызывали вместе со своей сотней, таких опасений, как «татаровя, которые ... в сотнях, служить худы».

В начале декабря 1670 г. сотня казанцев во главе с Иваном Змеевым была направлена в деревню Чютееву, Свияжского уезда против «воровских людей». Их «побили», и двух «воров» взяли в плен (Крестьянская, т.2, №336, с.421–422). Более крупные силы поздней осенью вновь были посланы на правобережье р. Волги, где «заворовали» крестьяне дворцового села Чинчерина. Восставшие отправились в Тетюши и убили приказного человека Игнатья Шапкина. В ответ на это выступление А.А. Голицын снарядил полк М. Кровкова и стрелецкий приказ Степана Веригина (Крестьянская, т.2, №298, с.374). В этом районе карательные операции должны были проводиться полками Ю.Н. Барятинского. Но так как Тетюши были пригородом Казани, подавление данного выступления восставших взял на себя казанский воевода А.А. Голицын.

Сотня Ивана Змеева использовалась в операциях по подавлению восстания и позднее. Так, в июле 1671 г., когда симбирский воевода П. Шереметьев отправил казанцев из Симбирска «для приему тех самарских жителей», которые «в винах своих добивают челом» и направлялись для этого к Симбирску. В Симбирск сотня казанцев была послана, скорее всего, для его укрепления и передана в распоряжение местного воеводы (Крестьянская, т.3, №110, с.119).

Кроме военных служб, в 1670–1671 гг. казанцы исполняли и ряд других обязанностей. Основной из них можно назвать выполнение курьерских функций, причем посылались служилые люди не только

казанским городовым воеводой, но и полковым воеводой П.С. Урусовым и Приказом Казанского дворца. Осенью 1670 г. в разных местах («в разъездах») охваченной восстанием территории находились Тимофей Давыдков (Крестьянская, т.2, с.220–221), Павел Богданов (Крестьянская, т.2, с.106), Герасим Тютчев (Крестьянская, т.2, с.421–422), Василий Нестеровский. Последний являлся казанским стрелецким сотником, отправленным из Москвы сопровождать ссыльных в Казань, но из-за боевых действий вынужден был вернуться обратно (Крестьянская, т.2, с.213). Вероятно, такая служба была опасной. Это видно из отписки, которую П. Богданов вез из Казани в Москву полтора месяца с начала октября по 15 ноября 1670 г. в самый разгар боевых действий (Крестьянская, т.3, №90, с.105). Следовательно, казанская служилая корпорация была достаточно крупной и в условиях народного движения ее часть могла не участвовать в его подавлении.

Другого рода разведывательные задачи стояли перед казанцами, отправленными на заставы. Об этом говорит сохранившийся документ – отписка (сообщение), присланная казанцем Григорием Сокольниным в первых числах октября 1670 г. «с устья Камы реки» в Казань. Прежде всего обращает внимание схожесть написания фамилии Сокольнина с Соковниным. Вследствие этого, логичнее предположить, что была неправильно прочитана или написана одна буква в его фамилии и Г. Сокольнин никто иной, как хорошо известный нам Г. Соковнин.

Соковнин посылал с заставы «для дозору отъезжих сторон» местных жителей, что необходимо подчеркнуть. Следовательно, он доверял им и не опасался с их стороны измены. Два сотника – татарский и чувашский «привезли к нему два письма – русское да татарское». Соковнин запечатал их в отдельную бумагу и отправил в Казань (Крестьянская, т.3, №90, с.105).

Завершение восстания не обошлось без участия казанских стрельцов, также как и его начало.

Находясь в Астрахани в преддверии ее захвата восставшими, казанские стрелецкие приказы после подавления движения под предводительством Ст. Разина были вновь посланы в Астрахань, откуда были отпущены только в августе 1672 г. (Крестьянская, т.3, №230, с.242). Скорее всего, это не были приказы Ф. Черникова-Онучина, М. Кашкодамова, Н.Ступишина и М.Бутлерова, так как весной 1671 г. (времени предполагаемой отправки стрельцов в Астрахань) все они находились в

Казани. Остаются только приказы И. Есипова, Г. Жукова и С. Воронова, если, конечно, никто из них не был сменен другим головой.

В сентябре 1672 года в Астрахани находился еще один казанец – Михаил Бараков, уже упоминавшийся в документах 1670–1671 гг. Стоявшая перед ним задача, для выполнения которой он прибыл в Астрахань в это время: «розыскать» и «роспросить» в Спасском монастыре всех духовных лиц о их причастности к восстанию (Крестьянская, т.3, №222, с.243–250). Большой объем проведенного сыска и степень его значимости, а также скрепа по всем листам только самого сыщика, свидетельствуют, что только очень опытного и хорошо проявившего себя человека могли назначить на эту службу.

Итак, при определении роли казанской служилой корпорации в событиях 1670–1671 гг. можно выделить несколько видов административных и значительный объем военных служб, которые исполнялись не только на территории Казанского уезда.

Поиск альтернатив следования традиционным властным практикам, продемонстрированный разнонаправленными сословными группами в составе служилой корпорации, серьезно нарушили прежнюю традицию строительства и поддержания групповых идентичностей.

Оптимизация управления дискретными группами населения в годы восстания Ст. Разина оказалась сильно затруднена, разнородные территории действовали по различным сценариям, использование их потенциалов в интересах московских элит произошло за счет складывания новых отношений и иерархий, отвергших локальные версии развития.

Список источников и литературы

1. Акты исторические**,** собранные и изданные Археографическою коммиссиею [Текст]. – СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т.4: 1645–1676. III, 565, 8, 15, [1] с.

2. *Димитриев В.Д.* Царские наказы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР: Сборник статей / Науч.-исслед. ин-т при совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1974. Вып.3. – С.284–419.

3. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Спб.: тип. Э. Праца, 1857. Т.6. VIII, 477, [1], 15, 8, [2] с.

4. История Татарии в материалах и документах [Текст] / Ин-т истории Акад. наук и Татарский научно-исслед. ин-т марксизма-ленинизма. – М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 503 с.: ил., табл.

5. Крестьянская война под предводительством Степана Разина [Текст]: Сборник документов / [Сост., предисл., с. 3–22, и коммент. Е.А. Швецовой]; Гл. архивное упр. Центр. гос. архив древних актов СССР. Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1962. 4 т.

6. КФУ НБЛ ОРРК, ед. хр. 1295/8; 3069; 3405.

7. Материалы по истории Башкирской АССР [Текст]. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. Ч.1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. [Текст]. 630 с., 1 карт.

8. НАРТ, ф.10, оп.5, д.1162.

9. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1899. Кн. 11. XV, 511, 57 с.

10. ПСЗ. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. – СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т.3. [3], 974, 2, [1] с.

11. РГАДА, ф.1642, оп. 1, ед. хр.8.

Список сокращений

КФУ НБЛ ОРРК – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг.

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сведения об авторе

Амерханова Эльмира Исхаковна, кандидат исторических наук, зав. отделом рукописей и редких книг, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета; Elmira.Amerhanova@kpfu.ru

УДК 94(47)"15":А/Я7

XVI ГАСЫР ӘДИБЕ АДНАШ ХАФИЗНЫҢ ҮЗ ХАЛКЫНА КИҢӘШЛӘРЕ

СОВЕТЫ ПИСАТЕЛЯ XVI ВЕКА АДНАША ХАФИЗА СВОЕМУ НАРОДУ

© 2014 г. Гайнутдинов А.М.

В статье сообщается о проблематике произведения татарского писателя XVI века Аднаша хафиза. Он показан как искусный наставник и помощник, который смог в свое время дать татарскому народу нужные и полезные советы по решению насущных проблем через свой труд «Сираджель-кулюб».

Ключевые слова: татары, литературное произведение, завоевание, советы, ислам, писатель.

ADVICES OF ADNASH KHAFIZ OF XVI CENTURY TO FELLOW COUNTRYMEN

Gaynutdinov A.M.

In article it is reported about a perspective of work of the Tatar writer of the XVI century Adnash khafiz. It is shown as the skillful mentor and the adviser. He could give to the Tatar people the necessary and useful advice according to the solution of pressing problems through in the work «Siradzhel-kulyub».

Keywords: tatars, literary work, annexation, advices, islam, writer.

XVI гасырның икенче яртысы, тарихтан белгәнебезчә, бик катлаулы чор булып санала. Бу Казан ханлыгының шушы чорда яшәүдән туктавы белән бәйле. Күп кенә татарларның җирләре, йортлары, байлыклары тартып алына, ахыр чиктә диннәрен дә тартып алу куркынычы яный башлый. Бу була калса, татар халкы бөтенләй юкка чыгачак икәнен күпләр аңлый. Халык шундый авыр заманда нишләргә, динне, мили үзенчәлекләрне ничек саклап калырга белмәгәнгә, нинди дә булса киңәшчегә, өйрәтүчегә бик мохтаҗ була. Андый кеше табыла, аның исеме – Аднаш хафиз. Халык арасында аның исеме Аднаш, Адниш, Әтнәш дип тә йөртелгән, төрлечә язылган. «Татар энциклопедиясе»ндә «Аднаш» дип бирелгәнгә күрә шулай калдырдык. Ул зинданда утыруына карамастан, үз халкына акыллы киңәшләр бирә торган «Сираҗел-колүб» («Күңелләр чырагы») әсәрен иҗат итә һәм

халыкка тапшыра. Бу әсәр гади дини әсәр булып тоелса да, анда бик күп кинаяләр белән проблемалардан чыгу юллары тәкъдим ителә. Автор турыдан-туры халыкка киңәшләрен бирә алмаган, чөнки моңа ирек бирелмәс иде. Шуңа күрә ул бик күп кинаяләр кулланып эш итә. Бу әсәрне тарих белән бәйләп караганда гына тулысынча аңларга мөмкин. «Сираҗел-колүб» – синкретизм үрнәге, чөнки анда әдәбият, тарих, сәясәт, дин, фәлсәфә дә бар.

Иманны саклап калу өчен әдип берничә юл күрсәтә. Беренчесе – иманны саклауда нык тору. Хәтта үлем белән янасалар да, гомереңә куркыныч янаса да, барыбер иманда нык торырга кирәк икәнлеген белдертә.

Аднаш хафиз шушы фикеренә инандыру өчен ике кыйсса яки ривәять китерә. Беренчесе аның «Әсхәбел-үхдүд» турында кыйсса. Бу кыйссада залим патша Габдулла исемле бер егетне, заһидне, соңыннан иман китергән халыкны җәзалап үтертә (Сираҗел-колүб, 1864, б.91–95).

Бу кыйсса тулысынча Аднаш хафиз ижат иткән заманның хәлләренә туры килә. Кыйссадагы явыз патша урынында шул ук Явыз Иван яки аның Казанга җитәкче итеп куелган кешеләре күздә тотыла кебек.

1536 елда да татар сугышчыларының әсирлеккә төшкән хатыннары һәм балаларының күпләп чукындырылуы тарихтан билгеле. Бу «Полное собрание летописей»ның VI томында бирелә: «Тое же зимы, лета 7044 (1536 г.), онех прежде реченных татар жены же их видевше мужей своих, по своей скверной вере, скорую и нужную смерть и погибши же душею и телом, они же ярко от злаго сна воспрянувшие и начаша приходяще молитися боголюбивому архиепископу Макарию, просити святаго крещения. И пресвященный архиепископ Макарий посылал к государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и моля о них, чтобы их крестити, хотя бо вся человеки спасти и в разум истинный привести; и государь князь великий повеле их крестити. И архиепископ Макарий повеле их роздати по священником соборным святей Софеи и по градским священником, где которым подобно быти, и повели их учити по правилам… И просветити их святым крещением… А крестишася числом в Великом Новгороде жён 43, а детей 36, а во Пскове крестиша жён и детей 50 и един, а в Орешке 12, а в Кореле 30; и се елико множество душ избыша козни лукаваго диявола и познаша святую православную веру…» (История Татарии в материалах и документах, 1937, с.145).

1555 елда Аднаш хафиз китергән кыйссага охшаш вакыйга була. Халыкны елга буена алып чыгалар һәм икесенең берсен сайларга кушалар: яки мөселман диненнән ваз кичеп, христианлыкны кабул итәләр һәм исән калалар, яки җәзалап үтереләләр. Чукынырга риза булган кешеләрне исән калдырып монастырьларга озаталар, чукынырга риза булмаганнарны бәкегә атып батырып үтерәләр. Моңа дәлил итеп «Полное собрание летописей» хезмәтеннән түбәндәге язманы китерергә мөмкин: «В лето 7063 (1555 г.)… Да той же зимы, месяца генваря в 1-вторник, давали дияки по манастырем татар, которые сидели в тюрьме и захотели креститись; которые не захотели креститись, ино их метали в воду…» (История Татарии в материалах и документах, 1937, с.146).

Моңа охшаш хәлләр, мөгаен, еш булгандыр. Әдип тә бу кыйссаны юкка гына китерми. Ул халыкны иманын бик зур корбаннар белән булса да, саклап калырга, дөнья дип ахирәтләрен югалтмаска, бу каршылыкларга сабыр итәргә өнди. Чөнки әүвәл заманнарда яшәгән кешеләр, әсәрдән күренгәнчә, үзләренең хак диннәреннән ваз кичмәгәннәр, диннәрен ташларга ашыкмаганнар, иманнарын саклап калу өчен дөрләп янган утка да керергә курыкмаганнар. Аднаш хафиз бу кешеләрне үз заманы кешесе өчен үрнәк итеп куя һәм, билгеле алар кебек нык булырга өнди.

«Сираҗел-колүб» әсәрендә китерелгән Габдулла турындагы кыйсса Коръәннән һәм хәдисләрдән алынган.

Бу кыйсса Рабгузыйның «Кыйсасел-әнбия» әсәрендә дә китерелә. Сюжеты аның нәкъ «Сираҗел-колүб» әсәрендәге кебек. Ләкин кайбер детальләрдә аермалар бар. Мәсәлән, «Кыйсасел-әнбия» дә сихерче, картаюы сәбәпле, үзе патшадан бер зирәк бала соратып ала. «Сираҗел-колүб»тә сихерчегә гыйлем алырга дип Йәэмән исемле гади бер кеше үзенең баласын җибәрә. Шулай ук «Кыйсасел-әнбия»дә егет теге сукыр кешене күзле иткәч, патша «Кем сине терелтте?», – дип газаплый башлый, һәм ул газапларга түзә алмыйча: «Мине теге егет күзле итте», – дип егетне сата. Егетне патша янына алып килгәч, ул да: «Мине бу дингә заһид өйрәтте», – дип заһидне сата (Рабгузый, 2003, 324–329). «Сираҗел-колүб» әсәрендә күзләре сәламәтләнгән кеше, күпме генә газапланса да, барыбер егетне сатмыйча җәзаланып үлә. Патша Габдулла белән заһидне үзе ничектер таба. Кем аркылы тапканы әйтелми (Сираҗел-колүб, 1864, с.94). Аднаш хафиз, димәк, әсәрне үзенчә бераз үзгәртеп бирә. Монда аның сатлыкҗаннарга мөнәсәбәте күренә. Аллаһ диненә кергән кешеләр берничек тә бер-берсен сата ал-

мыйлар, дигән фикер әйтә. Шуңа күрә Аднаш хафиз мөселманнарның тискәре сыйфатларын күрсәтмәскә омтыла. Әгәр дә күзе сәламәтләнгән кеше Габдулланы сатса яки Габдулла заһидне сатса, бу аларны үлем куркынычы астына куя, патша аны җәзага тартачагы көн кебек ачык. Шуңа күрә: «Синең гомерең башка мөселманның гомеренә караганда нәрсәсе белән кадерлерәк, яхшырак соң?» – дигән сорау куеп, башка кешенең гомере белән үзеңнең гомереңне саклап калу – бик зур кабәхәт эш, дип белдерә автор. Моның белән ул хыянәт проблемасын күтәреп чыга.

Аднаш хафиз шулай ук тагын Җиржис пәйгамбәр кыйссасын китерә. Бу кыйсса да «Әсхәбел-үхдүд» кыйссасы белән охшаш. Мәүсаль җирендә Дәдьянә исемле бер залим падишаһ була. Ул Җиржис галәйһиссәламне әллә ничә кат җәзалап үтерә. Патшаның хатыны иман китерә, моның өчен патша аны җәзалап үтерә. Җиржис галәйһиссәлам потка табынудан баш тарта, Аллаһка дога кыла һәм күктән ут төшеп, патшаны һәм бөтен имансызларны көйдереп һәлак итә (Сиражел-колүб, 1864, б.81–89).

Бу кыйсса белән дә әдип үзенең әйтергә теләгән фикерләрен куәтли. Монда да киная бар: шушы патша образы аша Явыз Иванны яки аның тарафыннан Казан белән идарә итү өчен куелган залим җитәкчеләрен сурәтли кебек. Шушы патша кебек үк, ул халыкны талый һәм моның белән генә туктап калмыйча, иманнарын да, диннәрен дә талап алырга тели. Аднаш хафиз халыкны шушы сәясәткә каршы чыгарга өнди. Әмма ул беркайчан да корал белән каршы чыгуны күздә тотмый, ә моңа каршы халыкка үзләренең ныклыгын, сабырлыгын, иманын, игътикадын, гүзәл әдәп-әхлагын куеп җиңәргә өнди. Димәк, Аднаш хафиз һәрвакыт тынычлык яклы булган, бервакытта да сугышка чакырмаган. Әгәр дә бу эштә нык торсалар, авырлыкларга сабыр итсәләр, залим патшалардан Аллаһ аларны Үзе саклаячак, ахыр чиктә патша хурлыкта калып һәлак булачак икәненә Аднаш хафиз чын күңелдән ышана һәм башкаларны да шуңа ышандырмакчы була.

Тагын бер кыйсса бик кызыклы. Бу кыйсса Гадә углы Шәдәд турында. Ул бик бай кеше була. Беркөнне ул үзенең бөтен байлыгын җыеп җир йөзендә үзенә күрә бер җәннәт бакчасы төзи башлый. Ул аны бик мул итеп төзи, анда җаның теләгән нәрсә була, ул җиләк-җимешләр дисәңме, алтын-көмеш сарайлар дисәңме. Шәдәд үзен Аллаһ дәрәҗәсенә күтәрә һәм әйтә: «Әй, кешеләр, менә мин сезгә күк Аллаһысыныкы кебек җәннәт бар кылдым!». Ул бик масая башлый. Шунда Аллаһ Җәбраил фәрештәне җибәреп, ул бик каты аваз чыгарып

Шәдәдне һәм аның кешеләрен һәлак итә (Сиражел-колүб, 1864, б.96–100).

Монда күренгәнчә, Шәдад кешеләрне байлык белән алдап кызыктырмакчы була, кешеләрне көферлеккә чакыра. Казан ханлыгы яулап алынгач та, бу сәясәт чиркәү тарафыннан кулланыла. Кешеләргә үз диннәреннән ваз кичсәләр һәм чукынып христиан диненә күчсәләр, матди яктан азатлык, кайбер салымнардан азат ителү, төрле льготалар вәгъдә ителә:

«Крещение проводилось насильственными административными мерами воздействия и при помощи льгот, предоставлявших принявшим христианство, как-то: освобождение на известный срок от уплаты ясака, предоставление лучших земельных и лесных угодий новокрещённым и др» (Григорьев, 1948, с.228).

Бигрәк тә морзаларны, ягъни феодаль сословиене христиан диненә кертергә тырышалар. Чөнки гади халык аларның сүзләренә колак салган, тыңлаган һәм хөрмәт иткән.

Шулай итеп, Казан алынып бетү белән без Мәскәү хөкүмәтенең татарларны һәртөрле ысуллар белән сыйлап, кыстап, җәберләп булса да, христианлыкка өнди башлаганын күрәбез. Христианлык кабул иткән татарлар балда-майда йөзә:

«…А которые татаровя похотят креститись своею волею, а не от неволи, и ему тех велети крестити, и лутчих держати у себя в епископе и поучати всему крестьянскому закону, и покоити их как мочно, а иных раздавати крестити по монастырем; а как новокрещены из под научения выдут, и архиепископу их звати к себе ясти почасту, а поити их у себя за столы квасы, а после стола посылати их поити мёдом на загородской двор» (История Татарии в материалах и документах, 1987, с.146).

Аднаш хафиз татарлар алдында килеп чыккан афәттән котылу өчен тагын бер юл тәкъдим итә. Бу юл – качып китү яки һижрәт кылу. Әдип бөтен татарларның да иманнарын саклап калу өчен шундый корбаннарга барып, нык торырга көчләре җитмәүләрен аңлый. Чөнки араларында зәгыйфь иманлы кешеләр дә булырга мөмкин һәм аларга бу фетнәдән башка җиргә качып китү кулайрак һәм файдалырак була, дип саный автор.

Бу юлны күрсәтү өчен Аднаш хафиз «Әсхабел-кәһеф» кыйссасын китерә. Аның кыскача эчтәлеге түбәндәгечә.

Үзен Аллаһ урынына куйган бер патша була. Берничә егет Аллаһка иман китергәннән соң, диннәрен саклап калу өчен тау тишегенә кереп

йокларга яталар. Шунда Аллаһы Тәгалә аларның җаннарын ала, яки уяна алмаслык итеп йоклата. Патша егетләрне эзләп таба һәм, боларның мәетләр кебек ятканнарын күреп: «Болар инде үлгәннәр икән»,–дип, китә. Егетләр Аллаһы Тәгалә кодрәте белән өч йөз тугыз ел яталар. Соңыннан торып, гаҗәпләнәләр: чишмә кипкән, хөрмә агачы корылган була. Болар өч йөз тугыз ел үткән булганга бик гаҗәпләнә, халык та бу могъҗизага шакката. Патша Йәмлиха белән ике бәген тауга җибәрә. Йәмлиха үзенең иптәшләренә өч йөз тугыз ел үткәнен сөйли. Егетләр: «Безгә дөнья кирәк түгел, ахирәт кирәк; безне үтерсәң иде, я Аллаһ»,–дип дога кылалар һәм үләләр.

Аднаш хафиз динен саклап калу өчен качкан кешеләрне Аллаһы Тәгалә ташламый, аларга һәрвакыт ярдәм итә, үзенең кодрәте белән төрле могъҗизалар кылып, бәлаләрдән коткара икәнен ассызыклый.

Коръәндә бу егетләр турында «Кәһеф» («Тау тишеге») сурәсендә бик ачык итеп сөйләнелә. Шулай ук кыйсса Рабгузыйның «Кыйсасел-әнбия» әсәрендә дә китерелгән. Нигездә ул анда да нәкъ «Сираҗел-колүб»тәгечә бирелә. Ләкин «Сираҗел-колүб»тә егетләр тауга килгәч, алар өчен ашарга хөрмә агачы һәм эчәргә чишмә суы әзерләнгән була, әйтерсең лә, Аллаһы Тәгалә махсус аларның килүенә бу нигъмәтләрне әзерләп куйган (Сираҗел-колүб, 1864, б.118). «Кыйсасел-әнбия»дә исә бу турыда берни дә әйтелми.

«Сираҗел-колүб» әсәрендә, «Кыйсасел-әнбия»дән аермалы буларак, Аллаһы Тәгаләдән башка беркемнән курыкмаска дигән фикер өстәлә. Мәсәлән, көтүченең эте егетләргә: «Кем Аллаһка ышанса һәм тәвәккәл кылса, ул дошманнардан куркырмы?» – дигән риторик сорау куя (Сираҗел-колүб, 1864, с.118). Шулай ук ашчы Йәмлиханы мәлик янына алып барырга җыенгач, Йәмлиха аңа: «Мине мәлик берлә нигә куркытасың, мин Аллаһы Тәгаләдән үзгә һич кешедән курыкмасмын», – дип әйтә (Сираҗел-колүб, 1864, б.121).

«Кыйсасел әнбия»дән аермалы буларак, «Сиражел-колүб» әсәрендә өстәмә детальләр кертелгән. Әсәр ахырында мөселман бәге егетләр үлгән җиргә мәчет төзетмәкче була, кяфер бәге кәлисә (чиркәү) төзетмәкче була. Болар сугыша башлыйлар, мөселманнар килеп мөселман бәге, кяферләр кяфер бәге яклы булалар. Ахырдан мөселманнар җиңә һәм бу җиргә мәчет салалар (Сираҗел-колүб, 1864, б.123–124). Монда авторның христианнарга карата мөнәсәбәте күзгә бәрелеп тора. Бу, әлбәттә, татарларны христианлаштыру белән бәйле булган. Чөнки кәлисә фәкать христианнарда гына була, потка табынучыларда ул потханә дип бирелә.

Аднаш хафиз бу темага тагын Муса пәйгамбәр һәм аның кавеме турында кыйсса яки риваять китерә. Аның кыскача эчтәлеге түбәндәгечә:

Муса пәйгамбәр үзенең кавемен ияртеп Фиргавеннән кача. Фиргавен артларыннан куа китә. Муса кавеме зур дәрьяга очрыйлар. Бер якта дәрья, икенче якта Фиргавен гаскәре. Нишләргә белмәгәндә, Муса пәйгамбәр Аллаһтан дога кылып сорый һәм дәрья икегә аерылып юл хасил була. Ләкин аның кавеме анда керергә курка, чөнки балчык юеш була, анда аяклар бата. Муса пәйгамбәр янә дога кыла һәм балчык кибә. Муса кавеме бу дәрья эченнән чыгып китәләр. Фиргавен һәм аның гаскәре дә алар артыннан керәләр, шунда Аллаһы Тәгалә дәрьяны кабат үз хәленә кайтара, Фиргавен һәм аның гаскәре суда тончыгып үләләр (Сиражел-колүб, 1864, б.55–58).

Шулай итеп, үз гомерләрен һәм иманнарын саклап калу өчен автор качып котылу юлын күрсәтә.

Үз гомереңне һәм динеңне саклап калыр өчен ислам дине буенча качып китәргә яки һиҗрәт кылырга ярый. Ярый гына түгел, бу хәтта мәҗбүри дә булып санала. Мәсәлән, Мөхәммәд пәйгамбәр һәм аның сәхабәләре Мәккә шәһәре мөшрикләренең рәнҗетүләренә, газаплауларына, мыскыл итүләренә түзә алмыйча, Мәдинә шәһәренә күчеп китәләр.

Чыннан да тарихтан күренгәнчә, татар халкының күбесе төрле якларга качып китәләр:

«Чтобы спастись от рук русских, разбежались они в разные стороны. Большинство их разбежалось в сторону запада в Крым и на Кубань; в тех местах, говорят, есть город Бахчисарай; путешественники о нём говорят, что он большой город, другой город называется Яхсай. В понизовье городов было много: Ак-Тубя (Актюбинск), Сары-Танг, Сарайчик, Куске, крепость Ишан. Многие переселились на реку Джим и Куан. Смешались с киргизами и превратились в киргизский народ. Около города Уфы, на реке Белой, там, где впадает река Дема, была крепость Кунгурат; жители оттуда переселились в Ургенч. Там соорудили крепость и её назвали тоже Кунгуратом» (История Татарии в материалах и документах, 1937, с.123).

«Ихтиляльдә (1552–1558) иштирак кылган татарларның авыллары яндырылган, аларның күбесе Уралга таба, Себергә таба да качканнар» (Гобәйдуллин, 1989, б.167).

«Казан өлкәсендә калган татарлар да качып вә куылып яхшы мөнбит җирләрдән китеп начар, таулы, коры урыннарга килеп утыр-

ганнар, аларның калдырып киткән урыннарын, мөнбит кырларын колонизаторлар ишгаль итә баралар, яисә усал Мәскәү түрәләре, алпавытлары төрле бәһанәләр белән татарларны куып, үзләре аларның җирләрен ишгаль итәләр» (Гобәйдуллин, 1989, б.167).

«Сахих әл-Бохари» җыентыгында Әбү Хөрәйрәдән түбәндәге хәдис китерелә: Аллаһның рәсүле саллаллаһү галәйһи вә сәлләм әйткән: «Шундый фетнәләр чыгар, ул вакытта утырып торучы басып торучыга караганда хәерлерәк булыр, басып торучы атлап баручыга караганда хәерлерәк булыр, атлап баручы йөгереп баручыга караганда хәерлерәк булыр. Кем алар янына барса, алар аны һәлак итәрләр. Шуңа күрә ул вакытта кем алардан качу урыны тапса, тизрәк качсын» (Сахих аль-Бухари, 2002, б.402).

Аднаш хафиз әле бу ике кыйсса белән генә чикләнмичә, имансыз залимнәрнең золымыннан Ильяс пәйгамбәрнең дә тауларга качып, анда җиде ел яшәгәнлеген сурәтли (Сираҗел-колүб, 1864, б.70–71). Шулай ук Гозәер пәйгамбәр дә халыкны Аллаһ диненә чакырып йөргәндә бер бик явыз патша шәһәрне басып алгач, ул ишәгенә атланып шәһәрдән качу ягын карый (Сираҗел-колүб, 1864, б.87–91).

Казан ханлыгы яулап алынгач килеп чыккан иҗтимагый-сәяси вәзгыяттә халкыбыз чукындыру, эзәрлекләү, кысу сәясәтенә каршы торырга рухи корал итеп ислам динен алса гына, милләт булып сакланып кала ала иде. Чөнки ислам дине төрле авырлыклардан чыгу юлларын күрсәтә, кешене рухи яктан тынычландыручы, көч бирүче фактор булып тора.

Моны иң беренчеләрдән булып Аднаш хафиз бине Мөхәммәд Аднаш хафиз күреп ала һәм халыкка да аңлатуны үзенә бурыч итеп куя. Ул шушы бурычын җиренә җиткереп үти һәм татар халкының сакланып калуына зур өлеш кертә. Халык та үзенә күрә бер киңәшче, өйрәтүчегә бик мохтаҗ була. Аднаш хафиз, үзенең халкы, иле алдында үз бурычын аңлап, нәкъ менә шул вазифаны үз өстенә ала. Ул тиз вакыт эчендә «Сираҗел-колүб» әсәрен иҗат итеп халкына тапшыра. Бу хезмәт беренче карашка фәкать гади бер дини эчтәлекле әсәр кебек кенә күренсә дә, анда китерелгән төрле хикәяләр, кыйссалар эчендә татар халкының бөтен сорауларына җавап әзерләнгән. Чөнки анда сөйләнгән геройлар да нәкъ менә татар халкы төшкән авыр хәлләргә төшәләр, шул ук проблемаларга юлыгалар һәм ахырда алар бу проблемаларны чишеп, авырлыклардан төрле юллар белән чыгалар. Димәк, автор шул хикәяләрдәге төрле ситуацияләрдә үз-үзеңне ничек

тоту үрнәкләрен бирә. Шулай итеп, халыкка фәкать шул үрнәкләрне сайлап алырга һәм гамәлдә аларны кулланырга гына кала.

Әсәрнең сәнгати эшләнелеше дә бик югары дәрәҗәдә. Әдип гарәп, фарсы телләрен яхшы белгәнгә күрә Коръән китабын һәм хәдисләрне бик актив файдалана. Әсәрнең югары сәнгати эшләнелеше, гыйльми байлыгы аны татар рухи тормышында иң мәртәбәле урынга куйган.

Список источников и литературы

1. *Гобәйдуллин Г.* Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр / Г. Гобәйдуллин. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1989. – 336 б.

2. *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии / А.Н. Григорьев // Материалы по истории Татарии. – Казань: Татгосиздат, 1948. – 226–285 с.

3. *Ислаев Ф.Г.* Чабаталы морзалар / Ф.Г. Ислаев // Идел. – 2000. – № 6. – Б. 18–22.

4. История Татарии в материалах и документах. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 503 с.

5. *Рабгузый* Б. Кыйсасел-әнбия. Пәйгамбәрләр тарихы / Борһанетдин Рабгузый. – Казан: Дом печати, 2003. – 479 б.

6. Сиражел-колүб / Аднаш хафиз. – Казан: Казан университеты табыгханәсе, 1864. – 126 б.

Сведения об авторе

Гайнутдинов Айдар Марсилевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань; aydargm@yandex.ru.

УДК 303.446.4:94(47)

ПРОБЛЕМА РУССКО-ФИННО-УГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИКА И.Н. СМИРНОВА

© 2014 г. Гибадуллина Н.М.-Н.

В статье приведен анализ научных изысканий историка И.Н. Смирнова (1856–1904) в области финно-угроведения, посвященных, в том числе, и исследованию русско-финно-угорского межэтнического взаимодействия в Поволжье и Приуралье в XVI–XVIII веках. Автор приходит к выводу, что И.Н. Смирнов довольно верно и объективно описал процессы русской колонизации, миграций финно-угорских народов, их христианизацию и ассимиляцию.

Ключевые слова: профессор И.Н. Смирнов, финно-угорские народы, марийцы, удмурты, коми-пермяки, мордва, русские, русская колонизация, миграции, ассимиляция, христианизация

THE PROBLEM OF RUSSIAN-FINNO-UGRIC COOPERATION IN THE VOLGA-URAL REGION: RESEARCH MATERIALS OF HISTORIAN I.N. SMIRNOV

Gibadullina N.M.-N.

The article provides the analysis of the scientific research of historian I.N. Smirnov (1856–1904) in the field of Finno-Ugric studies, devoted to the study of Russian-Finno-Ugric ethnic relations in the Volga and Urals in the XVI–XVIII centuries. The author comes to the conclusion that I.N. Smirnov quite correctly and objectively described the Russian colonization processes, migration of Finno-Ugric peoples, their Christianization and assimilation.

Keywords: Professor I.N. Smirnov, Finno-Ugric peoples, Maris, Udmurts, the Komi-Permyaks, the Mordovians, the Russians, Russian colonization, migration, assimilation, Christianization.

История многонационального и поликонфессионального Волго-Уралья XVI – начала XVIII веков всегда привлекала внимание историков, поскольку в это время происходили наиболее значимые события для судеб местных народов. В отечественной науке конца XIX-го столетия был уже накоплен определенный опыт по изучению народов края, однако проблема взаимоотношений финно-угорского и русского

этносов специально не обсуждалась, хотя и затрагивалась в ряде работ. В связи с этим представляют научный интерес исследования историка И.Н. Смирнова (1856–1904), в которых получили освещение процессы межэтнического и культурного взаимодействия в Поволжье и Приуралье. В конце XIX века И.Н. Смирнов был признанным специалистом в области истории и этнографии финно-угорских народов края, а его труды отмечены большой золотой медалью Русского Географического общества и премией Академии наук.

Иван Николаевич Смирнов принадлежал к новой генерации ученых-гуманитариев, порожденных реформаторской эпохой 1860–1870-х годов. Его биография типична для многих историков того времени: выходец из семьи сельского священника, он получил начальное и среднее образование в духовной школе и семинарии, но затем, приняв решение посвятить себя служению науке, поступил на исторический факультет Казанского университета. Талантливый и работоспособный юноша привлек к себе внимание ведущих преподавателей исторического отделения, профессоров А.Н. Осокина и Н.А. Фирсова, которые оказали серьезное влияние на становление ученого и выбора им научной специализации. Медиевист Н.А. Осокин привлек студента Смирнова к занятиям по славяноведению, а Н.А. Фирсов, специализировавшийся на отечественной истории, привил ему интерес к истории народов края. По окончании университетского курса И.Н. Смирнова оставили при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. В течение следующих пяти-шести лет он блестяще защитил магистерскую и докторскую диссертации по славистике, став профессором в 29 лет.

В дальнейшем, вступив в Общество археологии истории и этнографии при Казанском университете (далее – ОАИЭ), ученый увлекся историей и этнографией финно-угорских народов Поволжья. В конце 1880-х – начале 1890-х годов И.Н. Смирнов совместно с коллегами из ОАИЭ совершил ряд научных экспедиций в различные места Казанской и соседних губерний для изучения черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов), коми-пермяков и мордвы. По горячим следам данных экспедиций в «Известиях» ОАИЭ один за другим вышли историко-этнографические очерки И.Н. Смирнова – «Черемисы», «Вотяки», «Пермяки», «Мордва», впоследствии изданные отдельной монографией в двух томах под общим названием «Восточные финны».

Данный труд уникален для своего времени как первый серьезный опыт научного обобщения эмпирического и теоретического материала

по истории и этнографии восточных финно-угров. Изучение народов края до И.Н. Смирнова осуществлялось спорадически и в ограниченном диапазоне, в основном исследованию подвергались религиозные верования, обычаи и традиции. Исследователь поднял огромный пласт архивной документации и практически всей имеющейся на то время научной литературы по изучаемым народам, собрал множество различного этнографического материала. Также впервые И.Н. Смирнов обратился к проблемам исторического происхождения поволжских финно-угров, территории их первоначального проживания, их вхождения в русское государство. В трудах историка представлен обширный фактологический материал и интересные собственные наблюдения особенностей межэтнического взаимодействия в крае, в том числе и в период XVI – начала XVIII веков. История каждой народности, начиная с раннего средневековья, показана им в тесном взаимодействии с русскими людьми, которые сначала как мирные колонисты, а затем под эгидой государства-завоевателя расселялись на землях финно-угров.

Так, согласно ученому, начиная с XIV века черемисы (марийцы) в важнейший период формирования своей народности оказались в зоне русской и татарской колонизации, надвигающейся на них с северо-запада и юго-востока. Отступая под напором русских, марийцы вторглись в сферу влияния татар, заняли сторону последних в период противостояния Москвы и Казани и «вместе с ними в течение трех столетий боролись с надвигающейся Русью» (Смирнов, 1889, с. 30). Как полагал историк, выбор марийцев был обусловлен не только превосходством сил татар, но и «культурной симпатией» к ним: «подчинение татарам означало для черемис продолжение той жизни, которую они вели за Волгой. Подчинение Руси раскрывало в перспективе необходимость приспособляться к условиям совершенно чуждой культуры» (Смирнов, 1889, с. 30). В начале XVI века марийцы совместно с татарами ревностно защищали от русских путь от Нижнего Новгорода до Казани. Приход к власти Ивана Грозного в Москве, и жестокие междоусобицы в руководстве Казани, от которых страдали и подвластные марийцы, привели к изменению ситуации в крае. Часть горных марийцев изъявила готовность помогать русскому войску при его вторжении в татарские владения. По распоряжению Ивана Грозного к этой группе был направлен князь Александр Горбатый, который после переговоров с ее руководителями взял в заложники сто человек для обеспечения верности марийцев русскому царю. И хотя, в 1552 году уже все горные марийцы принесли клятву верности Москве, она, по

мнению И.Н. Смирнова, «поддерживалась больше всего страхом перед русскими войсками» (Смирнов, 1889, с. 35).

Рассуждая о причинах многократных восстаний марийцев, произошедших после русского завоевания Казанского ханства, он к наиболее значимым из них относил притеснения инородцев русскими чиновниками и помещиками, которые самовольно нарушали требования властей о неприкосновенности марийских земель. И.Н. Смирнов не считал потерю независимости достаточной причиной для полувековых восстаний марийцев, так как их политическое положение на первых порах мало изменилось со времен татарского господства, а налоговый гнет русского государства не отличался особой тяжестью. Отрицал ученый и религиозные мотивы восстаний марийцев, поскольку считал, что правительство проводило вполне лояльную политику в отношении их верований и изначально рекомендовало местной администрации «никого не приводить страхом к крещению» (Смирнов, 1889, с. 38). Основной причиной недовольства марийцев, согласно И.Н. Смирнову, могли быть только поземельные отношения, поскольку Москва с самого начала предъявила большой спрос на марийские земли, а водворение новых поселенцев происходило с нарушениями прав аборигенов.

По словам историка, важнейшей задачей русского государства в завоеванном крае было высвобождение марийцев из под татарского культурного влияния и последующая их ассимиляция. Для этого, полагал он, «государство должно было поставить новопокоренные народности в одинаковые с русскими людьми внешние условия – политические, социальные и экономические» (Смирнов, 1889, с. 40). Политические условия были созданы в самом начале устройством новой системы управления краем, складывание социальных и экономических растянулось, по его мнению, до выхода в 1822 году «Устава об управлении инородцев», уравнявшего инородцев в правах и обязанностях с остальными россиянами (Смирнов, 1889, с. 50).

Культурная миссия государства заключалась в христианизации марийцев, причем, государство, не имело ассимиляционных целей, оно стремилось сделать марийцев не русскими, а христианами, используя для этого церковь и школу, утверждал ученый. С XVI-го до конца XVIII веков оно старалось привлечь марийцев к перемене религии материальными выгодами, что на первых порах имело определенный успех. Подобная практика достигла своего апогея во времена императрицы Елизаветы, когда круг льгот для принявших христианство

существенно расширился, вследствие чего множество марийцев перешли в православие. Формально воспринятая религия была слабой и неустойчивой, считал И.Н. Смирнов, она оградила марийцев от ислама, но не сделала их христианами. Школа и церковь, по словам историка, имели еще меньшее ассимилирующее влияние, чем деятельность государства, так как оно до эпохи Александра II было вообще равнодушно к просвещению народных масс. Все попытки государства учреждения школ для инородцев заканчивались провалом, а церковь широко применяла принуждение в процессе христианизации иноверцев и тем самым только вредила этому делу, – отмечал исследователь (Смирнов, 1889, с. 56)

Согласно его мнению, в XVI и XVII веках отношения между русским и марийским народами не отличались оживленностью и разнообразием, так как худые земли инородцев не привлекали помещиков, а русским промышленникам закон запрещал доступ в ясачные земли. Поведение же служилого класса было таково, что имело только отрицательное влияние на ассимиляцию марийцев, считал ученый, и в доказательство этой мысли приводил множество фактов, свидетельствующих о произволе воевод и злоупотреблениях чиновников относительно местного населения.

И.Н. Смирнов подводил читателя к мысли, что главным агентом русификации инородцев были русские крестьяне, колонии которых появились в землях марийцев уже в 1580-е годы после замирения края. Крестьяне поселялись на пустошах – землях, покинутых марийцами во время войны и восстаний, на это указывают сохранившиеся марийские названия селений. Однако колонисты прибывали все в больших количествах, в связи с чем, началось наступление на земли марийцев, которые вновь оставляли их пришельцам, а сами уходили вглубь уезда. Русские колонисты настигали их и там, поселялись рядом с марийскими деревнями или вселялись в них в качестве припущенников. В итоге возникали деревни и села со смешанным населением, территорий же с чисто марийским населением, становилось все меньше (Смирнов, 1889, с. 67). Основываясь на данных архивных материалов, И.Н. Смирнов подробно и красочно обрисовал масштабы и особенности русского колонизационного процесса, развивающегося на территории марийского края в течение XVII-го и XVIII-го столетий. Важным результатом этого процесса, по мнению исследователя, стала массовая русификация марийского населения.

В следующем очерке И.Н. Смирнова «Вотяки» также немало места уделено описанию взаимоотношений удмуртов и русских. Ученый отмечает, что непосредственное взаимодействие данных этносов началось гораздо позже. К началу русской колонизации Вятчины часть удмуртов находилась в подчинении у каринских татарских князей. В XV веке русская колонизация Вятской земли приняла массовый характер и завершилась в первой половине XVI века подчинением всего края, как татарских мурз, так и аров (татарское название удмуртов) московским князьям. Однако, как пишет И.Н. Смирнов, татары продолжали владычествовать над удмуртами и «в течение всего почти XVI в. – сначала как князья, потом как помещики» (Смирнов, 1890, с. 59). Падение Казанского царства означало для удмуртов перемену властителей, которую они, как и марийцы, признали не сразу, а после долгой борьбы. По данным историка, первые десятилетия вотяки боролись против русского владычества вместе с черемисами. В 1573 году на реке Меше они еще вместе сражались в земляном городке, но через некоторое время вотяки, оставив черемисов воевать против русской власти, ушли в вятские земли, в глухие леса Малмыжа (Смирнов, 1890, с. 60). В 1587 году удмурты переводятся новой властью в особый разряд черносошных крестьян с рядом льгот по уплате налогов и выполнению повинностей.

И.Н. Смирнов обращает внимание на тот факт, что в XVI веке не все удмурты юридически и фактически вошли в состав Русского государства. В дремучих лесах вятской земли оставались самостоятельными группы удмуртов, которые не признавали власти ни каринских, ни казанских татар, ни русского государства, и лишь гораздо позже были обнаружены составителями писцовых книг. Таким образом, по словам ученого, часть удмуртов, укрываясь в глухих лесах, долгое время оставалась вне контроля русского государства, не платила налогов и пошлин, не выполняла тяжелых повинностей, другие же из них находились в некотором роде в привилегированном положении, пользуясь защитой государства. Лишь в начале XVIII века с введением подушной подати административная и фискальная обособленность удмуртов прекратилась, их впервые переписали и обязали с этого времени платить подушную подать. Результатом данной налоговой реформы стал очередной массовый отток удмуртов в глубину глазовских и малмыжских лесов, отмечает И.Н. Смирнов.

Так же поздно, по его мнению, наступила пора культурного воздействия русских на удмуртов, поскольку христианство оставалось

чуждым для них вплоть до 40-х годов XVIII века. Несмотря на благоприятные, условия, представляющихся для крещеных инородцев, желающих обратиться в христианство, кроме отдельных случаев, фактически не было. По предположению историка, это было следствием отсутствия в Вятском крае высшей церковной власти. Однако он признает, что после учреждения самостоятельной епархии в Вятке ситуация с христианским просвещением инородцев не изменилась в лучшую сторону, как, впрочем, и в Казанском крае тоже (Смирнов, 1890, с. 64). Первые попытки крещения удмуртов, по мнению ученого, относились к началу XVIII века, когда десятки человек были обращены в православие и даже создана школа для их обучения. С 1740 года активизируют миссионерскую деятельность казанская контора иноверческих дел и вятская архиепископия, которые, используя в качестве основной мотивации освобождение от рекрутчины и льготы для податей, привлекли в православие уже тысячи удмуртов-иноверцев. Но при этом «все усилия государственной власти, направленные к тому, чтобы сблизить вотяков с русскими на почве религиозной, не сопровождались желанным успехом, – констатирует исследователь, – вотяки по существу остались язычниками» (Смирнов, 1890, с. 70).

Несостоятельность государства и церкви в ассимиляции удмуртов все же не спасли последних от русификации, которая свершалась, согласно ученому, естественным путем в ходе непосредственного межэтнического взаимодействия. «Русифицировал вотяков, как и черемис, русский колонист» – считает И.Н. Смирнов, пока, под напором русского колонизационного движения удмурты отступали все дальше на восток, никакой речи об ассимиляции не могло быть, культурное взаимодействие начинается тогда, когда возникает сожительство двух национальных элементов в одном селении (Смирнов, 1890, с. 71). С начала XVIII века русские крестьяне все чаще стали селиться рядом с удмуртскими деревнями и селами или подселяться в них, вследствие чего образовались селения со смешанным этническим населением, благодаря чему осуществляется ассимиляция инородцев. Удмуртские крестьяне постепенно смиряются с жизнью бок обок с русскими пришельцами. Однако, заявление историка о том, что «далеко не все вотяки оказались способны даже к пассивной борьбе с русскими переселенцами», по крайней мере, вызывает удивление, поскольку на предыдущих страницах своего очерка он описывает различные способы их сопротивления иноземному нашествию. Несомненно, такое представление о менталитете удмуртов сложилось у И.Н. Смирнова из

собственных наблюдений за их способами выживания в условиях суровой природы. Он писал по этому поводу следующее: «привыкнув к пассивной борьбе с природой, вотяк также держит себя в отношениях с людьми. Он отступал перед русским колонизатором, покуда мог, отступает, где может, и теперь. Когда отступление становится невозможным, он покорно принимает новые условия и позволяет пришельцам хозяйничать в своем дому. Знающие люди говорят, что в смешанных селениях мирские дела решаются русским меньшинством, а не вотским большинством» (Смирнов, 1890, с. 86). Перспектива взаимоотношений удмуртов с русскими для И.Н. Смирнова очевидна: лет через сто они полностью сольются с русскими.

В следующей своей книге – «Пермяки», посвященной изучению истории и этнографии народа коми, И.Н. Смирнов традиционно останавливается на особенностях русско-пермяцкого взаимодействия. По данным историка, русская колонизация пермяцкого края предшествовала завоеванию пермяков. В XII веке коми-пермяки уже платили дань новгородским князьям, однако до XV века они жили вполне самостоятельно и управлялись собственными, самостоятельно избираемыми, князьками. Фактическое подчинение пермяцких князей русскому государству произошло в XV веке (Смирнов, 1891, с. 157). Окончательно политическая самостоятельность коми прекратилась в начале XVI века, когда пермский князь был заменен московским наместником (Смирнов, 1891, с. 159). Дальнейшая история пермяков была настолько тесно связана с русским народом, что результатом такого сожительства стало постепенное обрусение коми.

Культурное развитие пермяков испытало немало различных влияний, особенно иранских и тюркских элементов, но самое сильное культурное воздействие на коми оказали, по мнению И.Н. Смирнова, русские, особенно их семейный строй «с его богатой терминологией, приспособленной к обозначению тонких оттенков отношений» (Смирнов, 1891, с. 146). «Не подчиняя долгое время коми политически, русские постепенно завоевывают их культурно», – утверждал историк, полагая, что все основные достижения пермяков в быту и хозяйстве заимствованы у русских колонистов – жилище, печь, дворовые постройки, способы обработки земли, орудия труда, культурные растения, одежда и пр. Он снова доказывает, что «ассимилирует пермяка не чиновник, не учитель, а русский крестьянин-колонист», что обрусение пермяков стоит в тесной связи с ходом русской колонизации, ссылаясь на факты массового обрусения пермяков в тех краях,

где рядом с пермяками или совместно с ними живут русские (Смирнов, 1891, с. 172).

Исследователь признает, что большее влияние на процесс ассимиляции пермяков оказало утверждение среди них христианства. По его словам, крещение пермяков совершалось не по инициативе государства, как это было у марийцев и удмуртов и других инородцев, а вследствие самостоятельного почина миссионеров. В этой связи представляет интерес его новелла о Стефане Пермском, прозелитскую деятельность которого он уподоблял деяниям христианских подвижников Кирилла и Мефодия (Смирнов, 1891, с. 146). И.Н. Смирнов с глубокой симпатией описывает деятельность Стефана по созданию основ самобытной культуры пермяков в виде собственной письменности, распространению грамотности среди них. Занимаясь просвещением пермяков, он выучил их язык, переводил для них богослужебные книги, написал новую азбуку, бесстрашно занимался проповедью один на один с язычниками, не имея никакой поддержки со стороны государства. Благодаря подвижнику пермякам был дан исторический шанс самостоятельного развития, считал ученый, стоило лишь продолжить начинание Стефана, однако история направила их на путь слияния с русским народом. Этому способствовали, по его мнению, полукочевой образ жизни коми, отсутствие крупных центров оседлости и класса людей, свободных от заботы о хлебе насущном, а также отдаленность от культурных центров (Смирнов, 1891, с. 151).

В очерке «Мордва» И.Н. Смирнов также представил историю мордовского народа в тесном переплетении с процессом русской колонизации. По словам ученого, подчинение мордвы русскому государству шло незаметно с конца XIV века, когда за ее земли вели борьбу Нижегородское, Рязанское и Московское княжества. Подчинение русским князей мокши на юге было постепенным и бескровным, так как они переходили на службу к русским князьям, сохраняя свои права на владения. В подчинении эрзи решающим моментом стало русское завоевание Казани, считал исследователь (Смирнов, 1895, с. 74). Несмотря на то, что мордва юридически была уравнена в правах с русскими, фактически же она оказалась под непосильным гнетом завоевавшего ее государства, и страдала от поборов чиновников и помещиков (Смирнов, 1895, с. 90). Итогом стало массовое бегство эрзи со своих обжитых мест за Волгу или по Волге и ее широкое участие во всех народных движениях. С XVII века самым распространенным способом сопротивления растущему угнетению становится, по мне-

нию ученого, массовая эмиграция мордовского населения, в XVIII веке «мордва широкой волной разливается по Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниям» (Смирнов, 1895, с. 92). В XIX столетии, по его данным, мордва уже находилась на грани слияния с русским народом.

Как установил И.Н. Смирнов, обрусение мордвы было тесно связано с раздаточной земельной политикой русского государства и закрепощением части мордовского населения. Монастыри и помещики, обосновываясь на мордовских землях, привлекали для работы на них и русских колонистов, вследствие чего возникали селения и области со смешанным мордовско-русским населением. «Нельзя сказать, чтобы новые владельцы руководствовались в своей русификации какой-нибудь системой: обрусительных стремлений по отношению к инородцам мы не знаем даже у центрального правительства», – утверждает учёный, – «обрусение вотчинной мордвы было побочным продуктом экономических стремлений вотчинников» (Смирнов, 1895, с. 105–106). По его замечанию, незакрепощённое население за пределами Нижегородчины обрусело в меньшей степени. Тем не менее, смешанное население возникало и здесь вследствие непосильного налогового бремени, вынуждавшего жителей мордовских сел «припускать к себе русских беглых крестьян – помещичьих и дворовых», которых власти время от времени выдворяли, но на их место приходили новые (Смирнов, 1895, с. 108).

Быстрое обрусение эрзи произошло, как утверждал И.Н. Смирнов, не только по причине ее изоляции от соплеменников, но и благодаря духовным качествам русских соседей. «Образовавшееся главным образом из беглых крестьян и раскольников русское население Заволжья представляло массу, в которой было более сильных характеров, духовных потребностей и, что может быть всего важнее, духа прозелитизма. Не мудрено, что под влиянием ее эрзя обрусела сильнее, чем в других местах» (Смирнов, 1895, с. 108) – пишет учёный. Свидетельством русского духовного влияния являются факты распространения монашества у девушек в эрзянских селениях и различных раскольнических сект среди мордвы. При этом он отмечал, что «открывая доступ в среду мордвы русским раскольничьим толкам, сожительство мордвы с русскими ведет их к обрусению и другим, более желательным путем – через школу» (Смирнов, 1895, с. 109).

Обрусение мордвы-мокши, согласно И.Н. Смирнову, «далее всего пошло на юге и на западе в соседстве с Мещерской областью», где мордва достаточно обрусела уже в XVII веке, благодаря соседству

русских селений» (Смирнов, 1895, с. 110). На юге ассимиляция мордвы, по его мнению, осуществлялась путем принуждения ее к службе в сторожевых казачьих укреплениях (Смирнов, 1895, с. 111). Наряду с казачьими постами русифицирующим образом действовали и монастыри: одни из них имели приписное мордовское население, около других мордва пристраивалась добровольно, избегая казацкой службы (Смирнов, 1895, с. 111–112). На севере Пензенской губернии мордва-мокша еще удерживала свои национальные позиции, но почва для обрусения уже и здесь готова, полагает историк, так как мордва оцеплена русскими селениями, разбита на небольшие острова, которые недолго сохранят свою этническую обособленность. Этому способствуют уничтожение мест общественных молений мордвы, распространение русского языка, малоземелье, и как его следствие рост отходничества, а обучение в школе на русском языке, лишь ускорит этот процесс (Смирнов, 1895, с. 112).

Подводя итог, можно сказать следующее: И.Н. Смирнов достаточно объективно представил различные исторические формы взаимодействия народов края – пассивное бегство от завоевателей и активную борьбу за свое независимое существование, культурное взаимовлияние финно-угорского и славянского этносов и растворение в господствующем этносе части финно-угорских народностей края. Иван Николаевич был искренне убежден в том, что ведущей, генеральной линией в процессе межэтнического взаимодействия являлась этническая ассимиляция, в которой он видел закономерность эволюции, проявление естественного отбора в социальных отношениях. Однако, вопреки прогнозам ученого о растворении в недалеком будущем марийцев, пермяков, удмуртов и мордвы в русском этносе, финно-угорские народы Поволжья и Приуралья сохранили свою культуру и создали свою государственность. Сегодня, несмотря на угрозы деэтнизации, по-прежнему сохраняющиеся в российском социуме, а также исходящие от процессов глобализации, они активно демонстрируют свою этническую устойчивость, о чем свидетельствуют, к примеру, различные финно-угорские сайты в Интернете (Финно-угорский культурный центр России).

Список источников и литературы

1. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. имп. ун-та, 1889. 255 с.

2. *Смирнов И.Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казан. ун-те. 1890. Т. 8, вып. 2. 308 с.

3. *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типо-лит. имп. ун-та, 1891. 289 с.

4. *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. имп. ун-та, 1895. 295 с.

5. Финно-угорский культурный центр России – Финно-угорский культурный центр России [Электронный ресурс] URL: http://www.finnougoria.ru/ (дата обращения: 24.11.2013).

Сведения об авторе

Гибадуллина Нафиса Мухамит-Назиповна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-политических дисциплин НЧФ ИЭУП, г.Набережные Челны, nafisagi@gmail.com.

УДК 94(+512.145) "15"

ЦАРСКАЯ ГРАМОТА 1593 ГОДА КАЗАНСКИМ ВОЕВОДАМ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

© 2014 г. Ислаев Ф.Г.

Статья посвящена изучению царской грамоты 1593 года казанским воеводам. Раскрываются предпосылки появления грамоты, анализируется содержание документа, главным образом, меры по совершенствованию просветительской деятельности среди крещеных татар.

Ключевые слова: грамота, 1593 год, царь Федор Иванович, Гермоген, христианизация, иноверцы.

THE TSAR'S CHARTER OF 1593 APPEALED TO KASAN VOEVODERS: NEW VIEW

Islaev F.G.

The paper deals with the tsar's charter of 1593 appealed to Kazan voevoders. Preconditions for the charter's appearance are revealed. The subject-matter of the document and first of all measures for improving enlightenment activity among Christianized Tatars are analyzed.

Keywords: charter, the year of 1593, tsar Fedor Ivanovich, Germogen, Christianizing, heterodox

420 лет тому назад, 19 июля 1593 года двум казанским воеводам – Ивану Михайловичу Воротынскому и Афанасию Ивановичу Вяземскому – была направлена грамота, подписанная царем Федором Ивановичем. Эта грамота сыграла важную роль в формировании религиозной политики Российского государства в отношении иноверцев Волго-Уральского региона и имела долговременные последствия. Тем не менее, этот документ до настоящего времени продолжает оставаться вне поля всестороннего анализа.

Один из сыновей грозного царя Федор, прозванный современниками «Блаженным», родился 11 мая 1557 года, а после смерти отца был возведен на престол 18 марта 1584 года. Он стал последним представителем династии Рюриковичей на российском троне. По словам самого Ивана Грозного, Федор был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рожденный». Действительно, большинство историков справедливо считают, что Федор был не спо-

собен к государственной деятельности, был слаб здоровьем и умом. Он постоянно находился под опекой Бориса Годунова, который с 1587 года был фактически единоличным правителем государства, а после смерти Федора стал его преемником. Таким образом, формально Федор царствовал, а Годунов правил.

Борис Годунов, не имеющий среди правящей элиты необходимой поддержки, очень нуждался в помощи русской церкви. И тогда были сделаны вполне назревшие и ожидаемые шаги по возвышению православного духовенства путем создания самостоятельного патриаршества. Инициатором учреждения патриаршества формально стал царь Федор Иванович, который в 1586 году на совете бояр и духовенства предложил создать собственный патриаршеский престол. Эта мысль была всеми одобрена и началась работа по реализации данного предложения. Работа завершилась 26 января 1589 года, когда первым патриархом Московским и Всея Руси утвержден Иов, соратник Бориса Годунова. Тем самым Русская церковь достигла полной самостоятельности от Константинопольского патриархата. И эта самостоятельность позволила церкви актуализировать некоторые вопросы, на которые она ранее не обращала должного внимания.

Первый патриарх всея Руси Иов был колоритной личностью. Он обладал видной наружностью, немалой памятью (читал Псалтирь, Апостол, Евангелие наизусть), отличался редким искусством благолепного служения православной церкви. По отзывам современников, был «прекрасен в пении и во чтении, яко труба дивна всех веселя и услаждая». Впоследствии написал «Повесть о царе Федоре Иоанновиче», где чрезмерно восхваляет его достоинства как проницательного правителя. Окружение царя и церковные иерархи умело воспользовались религиозными увлечениями царя и на государственном уровне решали многие накопившие дела. Одним из этих решений и стал подписанный царем документ 18 июля 1593 года, которым подводится черта 40-летней деятельности православной церкви по христианизации иноверческих народов бывшего Казанского ханства и определяются новые, более сложные задачи.

А само появление данного документа связано с деятельностью известного священнослужителя, тогда казанского митрополита Гермогена, позже – патриарха Всея Руси. Точная дата его рождения неизвестна, считается, что он родился около 1530 года. Его происхождение остается предметом споров. Одни считают, что он из рода Шуйских или Голицыных, либо из донских казаков. Первые достоверные изве-

стия о Гермогене относятся ко времени его служения священником в Казани в конце 1570-х годов при Гостинодворской церкви святителя Николая Чудотворца. В 1579 году совершилось явление чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Ее появление также произошло не без участия Гермогена. Он перенес икону с места обретения в церковь, где служил священником. В 1587 году, после смерти жены, постригся в монахи в Чудовом монастыре в Москве, затем был переведен в Казань и назначен архимандритом Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 года назначен митрополитом Казанским и Астраханским.

С этого времени начинается его энергичная деятельность по активизации религиозной жизни в Казанском крае, особенно в контексте продолжения христианизации народов Поволжья. За сорок лет после трагических событий октября 1552 года в Казани и крае произошли фундаментальные перемены. Казань становится русским городом, центром православной жизни. В Кремле, городе и его окрестностях появились многочисленные церкви и монастыри. Еще в условиях «казанской войны» – борьбы народов бывшего Казанского ханства за возвращение утраченной государственности, с лета 1555 года под руководством архиепископа Гурия (Руготина), первого руководителя Казанской епархии, в крае развернулась активная миссионерская деятельность церкви среди татар-мусульман и языческих народов. Основные задачи по христианизации татар-мусульман были сформулированы Иваном Грозным в «Наказной памяти» архиепископу Гурию (Наказная память..., 1841, с. 259–262). Непосредственными организаторами распространения православия среди иноверцев Казанского края выступили архимандрит Спасо-Преображенского монастыря отец Варсонофий и архимандрит Свияжского Богородицкого монастыря отец Герман. Как свидетельствует житие святителя Казанского края Гурия «и многие неверны в веру приведе, и крести их множество и жены и дети». Деяния Варсонофия на ниве просвещения иноверцев были более утонченными, так как он «неверных приводил во Христову веру, бе бо, якоже и преди рекохом навык писанию срацынскому, и мухамедова скверныя предания срацыном добре ведый, и языками многими ведяще глаголати, и стязася с неверными, и укоряя их, и препирая, и ко крещению приводя, уча и наказуя веровати во святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа (Творения…, 1912, с. 35–51).

Он принимает комплекс мер по оживлению религиозной жизни в Казани. Для этого он широко использовал пантеон местных православных святых, погибших или пострадавших за веру. Тогда в Казан-

ском крае единственным святомучеником считался Авраамий Болгарский. Казань должна была стать не только административным центром завоеванного края, но и как общий религиозный центр, местом средоточения местных святынь.

9 января 1592 года Гермоген направил патриарху Иову письмо, в котором сообщил, что в Казани не совершается особое поминовение православных воинов, погибших за православную веру и Отечество под Казанью в 1552 году, и просил установить определенный день памяти воинов. Одновременно он сообщал о трех мучениках, пострадавших в Казани за христианскую веру, из которых один был русский, по имени Иоанн, плененный татарами, а двое других, Стефан и Петр, новокрещеные татары. Святитель просил разрешения вписать их в синодик, читавшийся в неделю Православия, и петь им вечную память. Патриарх полностью поддержал предложения Гермогена, прислал указ от 25 февраля, которым предписывал «по всем православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия». Было предложено вписать в тот же синодик и трех мучеников казанских, а день их памяти поручалось определить Гермогену (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с.436–439).

По инициативе казанского митрополита в сентябре 1592 года были перенесены мощи основателя Свияжского Богородицкого монастыря Германа, позже казанского архиепископа, из Москвы в Свияжск. В октябре 1595 года увековечены первые святители края путем открытия мощей основателя Казанской епархии Гурия и первого архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Варсонофия в Кремле. Он же и составил житие первых святителей Гурия и Варсонофия, которое является важным источником для изучения истории православия в крае, процессов христианизации его народов. По его предложению на месте явления Казанской иконы был сооружен каменный храм.

Под особым вниманием энергичного Гермогена оказались новокрещеные татары. Он попытался духовным просвещением поставить новокрещеных татар на путь истинного православия. 12 февраля 1591 года он собрал их в соборную Богородицкую церковь, где читал им проповеди и учил настоящей христианской жизни. Однако эти усилия не принесли желаемого результата. Новокрещеные продолжают жалеть, (скорбят), что они «от своей веры отстали, а в православной вере не утвердились, живут с неверными вместе, от церквей далеко. Есте-

ственно, такое положение новокрещеных привело к тому, что «татары не только не крестятся в православную веру, а ругают христианскую веру», фактически «отстали» от христианской веры. (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Митрополита беспокоил тот факт, что многие русские (бывшие пленные и работники) живут вместе с татарами, «пьют с ними и едят с одного» и создают семьи, женившись на татарских девушках. Естественно, русские, пожелавшие создать семьи с мусульманками, были вынуждены сменить свою религиозную идентичность, поскольку брак мог быть только религиозным. Такое же положение сложилось с переселенными из Прибалтики в Поволжье немцами, литовцами, у которых в силу разных причин в зависимом положении (добровольно или в силу экономических причин) оказались молодые и взрослые русские. И здесь самое тревожным для церкви стало то обстоятельство, что русские люди, «также хрестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру, а у немец в римскую и в люторскую веру» (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Неудовлетворенный таким положением, Гермоген в 1593 году обратился письмом царю и патриарху Иову, что в Казани, Казанском и Свияжском уездах среди новокрещеных татар в религиозном отношении сложилась тревожная ситуация. Основная проблема заключалась в том, что новокрещеные из местных народов, прежде всего татары, приняв православную веру, церкви не посещают, крестов на себе не носят, в домах икон и крестов не держат, попов в свои дома не приглашают, отцов духовных не имеют.

Особенно не удовлетворяло казанского митрополита то обстоятельство, что не было преемственности в продолжении православной веры среди новокрещеных, по существу не происходит воспроизводства принятой веры последующими поколениями. Новокрещеные татары, в случае рождения детей «к роженицам попов не зовут», стараются своих детей не крестить, умерших хоронят на татарских кладбищах. Нетерпимая ситуация сложилась при создании новокрещеными новых семей. Известно, что в те времена брак мог быть только религиозным как для православных, так и для мусульман. Гермоген жаловался, что женихи и невесты после венчания в церкви «снова венчаются в своих домах попы татарскими», то есть совершается «никах» татарскими муллами. Таким образом, новокрещеные получали одновременно две имени – христианское, официальное и мусульманское – для повседневного пользования. Митрополит обратил внимание и на

то, что новокрещеные татарские мужчины «и с женками и с девками с некрещеными живут мимо своих жен». Таким образом, митрополит здесь зафиксировал случаи многоженства, отвергаемое православными, но вполне допустимое среди мусульманского населения. Оказалось, что эта исламская традиция продолжала существовать и среди новокрещеных. К тому же дети от некрещеных матерей отказываются следовать православной традиции, «родив женка или девка робенка живет с ним в одной избе и пьет и ест из одного судна, а молитвы роженице и робенку нельзя дать, для того, что добывают не у крещеных, и те новокрещенские добытки у полонянок некрещены умирают». К тому же новокрещеными не соблюдались и православные посты как в великие праздники, так и еженедельные воздержания в пище по средам и пятницам (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Все эти обозначенные проблемы с новокрещеными татарами можно было решить только при совместной работе православной церкви при повседневной поддержке со стороны казанских воевод и местной администрации. Именно царская грамота, обязательная для исполнения как для светской администрации так и для православной церкви, могла стать тем документом, на основе которой можно было существенно изменить ситуацию с новокрещеными в крае. Была предложена целая программа административных и религиозных мер для коренного улучшения религиозного состояния новокрещеных в Казани и уездах.

Сначала необходимо было уточнить численность новокрещеных с помощью детей боярских и священников. Для этого в самом городе Казани, окружающих город слободах, в Казанском уезде планировалось проведение переписи среди новокрещеных. При этом было предложено не ограничиваться учетом только мужского населения, как это практиковалось в подобных случаях ранее, а записать «по именам, с женами и с детьми и с людми, служилых и черных людей». Таким образом, каждый новокрещеный оказывался под бдительным оком церкви и местной администрации.

Было предложено снова собрать всех новокрещеных в Казани и провести с ними разъяснительную работу о том, что «крещены они во имя Отца и Сына и Святого Духа, по их воле и челобитью (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439). Особый акцент делался на то, что они крещены добровольно по их собственной просьбе и они все дали обещание, что будут крепко соблюдать православную христианскую веру, а к своей прежней мусульманской вере не вернутся.

Впервые была предложена кардинальная мера по ограничению влияния татар-мусульман на новокрещеных. Для этого в городе Казани, в удобном месте (*где пригоже*), в «остроге или за острогом, меж Руских людей, а Татар бы близко не было» строить новокрещенскую слободу, а в слободе построить православную церковь, назначив в нее попа, дьякона, пономаря и проскурницу. Самое главное – все служители этой новой церкви обеспечивались со стороны государства финансовой поддержкой, т.е. «ругою устроити велели». При этом государство все расходы на переезд и строительство домов переложило на самих новокрещеных. Строительство слободы было поручено самим новокрещеным из разных сословий (служилые и не служилые, торговые и всяких людей) Казанского уезда и пригородов. Они в зависимости от материального достатка должны были «дворы ставити самим», по их возможностям, по одному двору, а другим и два-три. А для тех, которые не строятся в слободе, были сформулированы и соответствующие наказания, карательные меры, вплоть до заключения тюрьму: «а те, которые дворов строить не начнут», их велели давать на поруки, а наиболее упорных «и в тюрьму сажали» (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Для повседневного наблюдения за новокрещеными предложено назначить особого представителя из дворян, доброго «сына боярского, которой от службы поотбыл» (т.е. отставного военного из детей боярских), приказали ему наблюдать за тем, чтобы «новокрещены беречи того накрепко, чтоб они крестьянскую веру держали крепко».

В грамоте были выражены четкие требования по соблюдению православной веры, по существу некий кодекс чести новокрещеного: регулярно посещать церкви, в домах у себя держать иконы, на себе носить кресты, постоянно приглашать попов свои в дома, иметь отцов духовных, умерших хоронить у церкви, создавать семьи только с русскими и крещеными.

Под особым вниманием государства и церкви оказывались дети новокрещеных. По достижении совершеннолетия предложено их женить только на русских или «меж собою на крещеных», дочерей давать за русских же людей и за новокрещеных. Был наложен строгий запрет на возвращение от православия в ислам, существенно ограничено общение с татарами, с немцами, «с ними не ели и не пили», содержать в своих хозяйствах черемис, чуваш, немецких и литовских пленных (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Под особый надзор снова были взяты дети, рожденные новокрещеными от некрещеных татар или немецкиих пленных. Их всех предложено крестить, а не пожелавших креститься татар, чуваш, черемис отпустить или продать единоверным татарам, черемисам и чувашам; всем новокрещеным приходить на проповеди к митрополиту Гермогену, слушать «часто и поученья его и держатися»; новокрещеных, отказывающих соблюдать нормы христианской веры крепко и слушать поучения митрополита и духовных отцов, «велели смиряти, в тюрму сажати, и бити, и в железа и в чепи сажати, а на иных и заповеди имати, а иных отсылать к Гермогену для наложения им опитемьи по правилам святых Апостол, чтобы всех новокрещеных утвердить в христианской вере, а от татарской веры отучить и «остращити» (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439).

Реализация предложенных мер неизбежно вызывал необходимость решения и земельного вопроса как для крещеных, так и для мусульман. Было предложено имеющим пашни в Казанском уезде новокрещеным, живущим от Казани далеко, отдать татарам-мусульманам, взамен им дать земли татар, живущих вблизи Казани. В случае невозможности такого обмена, пашенные земли новокрещеным взять из дворцовых сел для того, чтобы переселившиеся из различных селений новокрещеные не оказались без земли.

Самая радикальная мера была предложена в отношении мечетей, которые, по мнению церковных деятелей, представляли главную опасность православной церкви в повседневной просветительской работе среди татар. Эта мера была сформулирована таким образом: «мечети татарские все велели посметати и впредь татарам мечети однолично ставити не велели, конечно б есте мечете татарские извели» (1593 июля 19. Царская грамота…, 1841, с. 436–439). Таким образом, была поставлена задача разрушения всех татарских мечетей.

Этот документ убедительно свидетельствует, что утверждение православия среди народов бывшего Казанского ханства проходила в сложных условиях и требовала постоянных усилий как со стороны светских властей, так и со стороны православной церкви. Намеченные в грамоте радикальные меры по устройству новокрещенских дел среди татар не были полностью реализованы, так как в России наступила время смуты – время тяжелейших испытаний для всех ее народов. Как свидетельствует писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг., эффективных принятых решений действительно оказалась не очень высокой.

Перепись 1647 года выявила более 50 селений, в которых присутствовали новокрещеные татары. Назовем некоторы из них: Азек, Азяновская, Арпа, Ачи, Бимерь, Буртек, Введенское (Кырлай), Воняя, Елань Большая, Енасалы, Икшерма (Еловая), Ички Казань, Ишери, Ия Верхняя, Ия Нижняя, Ия Средняя, Казанбаш, Казыли Верхние, Казыли Нижние, Казыли Средние, Камышлы, Карамыш, Кебечь Малая, Кизыл (Красная), Кишметево, Кобыккопыр Старой, Ковали, Колкомери, Красный Яр, Мааметь (Поповка), Мамадышево, Никольское (Ачи), Нырсываре, Отрячь, Покшино, Полведен, Саиря Болшая, Сарди Старые Верхние, Сая Большая, Серди Новые, Ташкирмени, Уланово, Ус Большой, Хозяшево, Чалы, Черемша Малая, Черемыш Большая, Черемыш, Чеча Новая, Чюрилино, Шигаева, (Ковали), Шума. (Писцовая книга…, 2001, с.) Почти во всех этих селениях население было смешанным как по религиозным, так и по этническим признакам.

Подводя итоги, следует констатировать, что в царской грамоте 1593 года контуры религиозной политики, основные направления просвещения татар-мусульман были довольно четко обозначены, церковь и светская власть ждали только наступления соответствующих условий. Они наступят в середине XVIII в.

Список источников и литературы

1. 1593 июля 19. Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в Православной вере, о разрушении Татарских мечетей, с запрещением впредь строить оныя и о недозволении Русским людям жить в услужении у татар и немцов // ААЭ. – Т.1. – СПб., 1841. – С.436–439.

2. Наказная память архиепископу Гурию о действиях его в Свияжске и Казани и об отношении к новокрещенам, татарам и светской власти // ААЭ. – Т.1. – СПб., 1841. – С. 259–261.

3. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – 542 с.

4. Творения святейшаго Ермогена, патриарха Московского и всея России, с приложением чина наставления в патриарха. Издание Церковной комиссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 годов. – М.: Печатня А.И.Снегиревой, 1912. – С. 35–51.

Сведения об авторе

Ислаев Файзулхак Габдулхакович, доктор исторических наук, профессор, Институт развития образования Республики Татарстан, г. Казань; fislaev@mail.ru.

УДК 94:2(470.47)

ИСТОРИЯ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

© 2014 г. Манжикова Э.К.

История межрелигиозных отношений в Республике Калмыкия рассматривается с точки зрения столкновения политических интересов представителей различных религий. По мнению автора, особенности межрелигиозных отношений на юге России, прежде всего в буддийском регионе, должны способствовать устранению любых межрелигиозных и межнациональных конфликтов, поскольку российский буддизм является связующим звеном между Россией и странами буддийского Востока. Следовательно, от правильной политики в сфере межрелигиозных отношений во многом будет зависеть и международное положение России. Уникальная особенность религиозной ситуации в Республике Калмыкия состоит в том, что здесь на относительно небольшом территориальном пространстве тесно соседствуют различные конфессии, как традиционные, так и нетрадиционные. От того, каким образом будут складываться взаимоотношения между конфессиями, в каком ракурсе (позитивном, негативном) верующие различных конфессий будут воспринимать друг друга, во многом зависит стабильное общественное развитие многонационального народа Республики Калмыкия.

Ключевые слова: межрелигиозные отношения, межконфессиональный мир, буддизм, христианство, духовная практика, культура.

THE HISTORY OF INTER-RELIGION CONFESSIONS IN THE SOUTH OF RUSSIA (AS THE CASE-STUDY OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Manzhikova E.K.

The history of inter-religion relations in the Republic of Kalmykia is exposed from the point of conflict of political interests of different confession representatives. To the author's opinion, the special features of inter-religion relations in the south of Russia, first of all in the Buddhist region, must contribute to the elimination of any inter-religion relations and international conflicts, since Russian Buddhism is the connecting «bridge» between Russia and countries of the Buddhist east. Consequently, in many respects, from the correct policy in the sphere of inter-religion relations will depend the international position of Russia. The unique special feature of religious situation in the Republic of Kalmykia lies in the fact that

here on the relatively small territorial space live different confession representatives, both traditional, and nontraditional. From what point will be added interrelations between confessions, in what position (positive, negative) the believers of different confessions will receive each other, in many respects depends the stable social development of the multinational people of the Republic of Kalmykia.

Keywords: inter-religional relations, inter-confessional world, Buddhism, Christianity, spiritual practice, culture.

Межрелигиозные отношения в современном мире зачастую являются отношениями между крупными и очень влиятельными субъектами негосударственной политики, обладающими собственными финансовыми, информационными, политическими, а порой и силовыми ресурсами. В этом смысле состояние межрелигиозных отношений является своеобразной лакмусовой бумажкой при формировании общероссийской идентичности. Межрелигиозные отношения и их состояние в современной России являются важным фактором сохранения и поддержания веротерпимости, толерантности и стабильности в многонациональном и поликонфессиональном российском государстве.

Любая религия имеет свою философско-нравственную основу, которая остается неизменной в любых политических и социальных обстоятельствах. Следует отметить, что именно религиозная толерантность, открытость к диалогу, гуманизм, нравственные религиозные нормы, отсутствие нетерпимости и претензии на исключительность – гарантии стабильности межрелигиозных отношений, которые во многом определяют стабильность российского общества. Необходимый баланс в межрелигиозных отношениях как в России в целом, так и в отдельных ее регионах должен основываться не только на принципе толерантности, но и способствовать взаимодополнению и взаимодействию разных культур и религий с помощью диалога, способствующего более глубокому пониманию иных религий, существующих в цивилизационном пространстве России бок о бок.

Неисчерпаемые богатства философской и религиозной мысли буддизма, христианства, ислама должны быть востребованы представителями самых разных религиозных конфессий России, в целом, современной российской культурой и, прежде всего, ее интеллектуальной элитой, способной донести до своего народа ее ценности, специфические черты и то общее, что объединяет все развитые религии без исключения – принципы морали.

Особое геополитическое положение России, наличие в ней западной и восточной культур, имеющих продолжительную историю, предполагает толерантность межрелигиозных отношений, чрезвычайно корректное и деликатное отношение к их носителям, немедленную реакцию власти и всего российского общества на конфликтные ситуации, возникающие в этой сфере.

Южный федеральный округ является не только самым многонациональным регионом нашей страны, но и отличается сложной конфессиональной картиной. На настоящий момент в нем зарегистрировано 3275 религиозных организаций. Конфессиональное пространство региона можно условно разделить на следующие основные части: 40% – религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 30% – религиозные организации мусульман; 26,5% – протестантские организации , 3% – буддисты и иудеи, 0,5% – НРД и другие религиозные течения.

Следует отметить, что на политические процессы в Южном Федеральном округе оказывает существенное влияние национальная политика. Сегодня религиозный фактор в субъектах Федерации Южного федерального округа является самостоятельной реальностью, т.к. за ним стоят геополитические, политические, экономические и социальные интересы. Как показала практика, подъем религиозного самосознания сопряжен не только с положительными факторами возврата к традициям, роста национального и культурного самоуважения, но и с отрицательными: разжиганием национальной вражды, конфликтов, социальных и национальных взрывов.

Увеличение мусульманского населения в регионах Юга России (в том числе и за счет интенсивных миграций), рост числа мусульманских организаций способствуют укреплению роли ислама как социальной силы – одного из значительных регуляторов общественных отношений. Практика показала, что в национальных республиках, основное население которых исповедует ислам, а также в Калмыкии, основное население которой буддисты, процессы глобализации и проведения этнополитики происходят параллельно. Достаточно часто столкновение интересов приводит к этноконфессиональному конфликту.

Важное значение имеет и внешнеполитический аспект данной проблемы. Российский буддизм является частью буддийской цивилизации, которая в настоящее время включает в себя не только государства буддийского Востока, но и западные страны (как в традиционном

виде, так и в «нетрадиционном», активно включаясь в разные области культуры западного мира), в этом смысле буддизм является связующим звеном между Россией и странами буддийского Востока.

Особенности межрелигиозных отношений в России, прежде всего в буддийском регионе, должны способствовать устранению любых межрелигиозных и межнациональных конфликтов. Следовательно, от правильной политики в сфере межрелигиозных отношений во многом будет зависеть и международное положение России.

Каковы же история и особенности развития межрелигиозных отношений в Калмыкии?

Уникальная особенность религиозной ситуации в Республике Калмыкия, на наш взгляд, состоит в том, что здесь на относительно небольшом территориальном пространстве тесно соседствуют различные конфессии, как традиционные, так и нетрадиционные. Верующими считают себя более 60% населения (Поканинова, с.70). Несмотря на значительные мировоззренческие различия трех традиционных религий: христианства, буддизма, ислама, представляющих подавляющее большинство верующих, в Республике Калмыкия не наблюдается социально проявленных межконфессиональных конфликтов и напряженности на религиозной почве.

Таким образом, с одной стороны, межконфессиональные отношения на территории Республики Калмыкия можно исследовать через призму социокультурного взаимовосприятия, где, как известно, противоречия ценностей религиозных культур не находят объективных и субъективных социальных условий их катализации. С другой стороны, усиление роли религиозного фактора обусловлено всем комплексом произошедших, особенно в последние годы, социально-политических изменений, что позволяет автору рассматривать межрелигиозные отношения как важный и значимый общественный феномен. От того, каким образом будут складываться взаимоотношения между конфессиями, в каком ракурсе (позитивном, негативном) верующие различных конфессий будут воспринимать друг друга, во многом зависит стабильное общественное развитие многонационального народа Республики Калмыкия.

Калмыки (прежде – ойраты), во времена Чингисхана и его потомков впервые столкнувшиеся с уйгурским буддизмом, позже попали под влияние тибетской буддийской школы Кагью (Карма «черношапочная», Дрикунг, Таглун). Специфика родоплеменного устройства и

формирования союза четырех ойратских племен, территориальная близость ойратов, тогда населявших Джунгарию и Цинхай (северный Тибет), к ареалу влияния школы «желтошапочников» привели к распространению и утверждению в их среде в качестве главенствующей школы Гелуг. Именно с продвижения части ойратов (калмыков) в Россию в начале XVII в. можно говорить о проникновении буддизма в Россию (Гранин).

Первые упоминания о полирелигиозности уйгуров, оказавших наиболее серьезное религиозное влияние на восточных монголов (к которым относились и ойраты), мы находим в свидетельствах Гильома Рубрука (Рубрук, с.128–130), который, посетив Монголию в конце 1253 – начале 1254 годов, отмечал, что уйгуры частью поклонялись солнцу, частью были буддистами, частью христианами, среди них встречались все религии, кроме еврейской. Таким образом, мы видим, что уйгуры, а впоследствии восточные монголы-ойраты уже с XIII века сталкиваются с вопросами межрелигиозных отношений, взаимодействия различных религиозно-философских школ. Однако в данный исторический период межрелигиозных столкновений, как в виде политических распрей, так и в виде философских споров, на территории Монголии мы не наблюдаем, так как правящий в ту пору Чингисхан, будучи шаманистом, оказывал одинаковое покровительство всем религиям, которые исповедовали его подданные: шаманизму, даосизму, несторианскому христианству и буддизму (Бартольд, с.458).

Необходимо отметить, что на протяжении всей многовековой истории развития религий среди ойратов – калмыков и других народов, проживающих на территории Монголии, а впоследствии на территории Калмыцкого ханства и Калмыцкой области Астраханской губернии России, отношения между *буддистами и христианами* оставались толерантными. На наш взгляд, причиной такого межрелигиозного и межконфессионального мира является практическое применение доктринальных принципов и этических философских учений, как буддизма, так и христианства, которые мы рассматривали в третьем разделе первой главы данного диссертационного исследования. Ярким примером вышесказанного может служить та атмосфера веротерпимости, которая царила на одном из первых религиозных диспутов, состоявшегося при дворе Мункэ-хана в 1254 году, в котором принимали участие буддисты, мусульмане, несториане, католик Г. Рубрук, пред-

ставляющий интересы короля Людовика IX и римско-католической церкви (Рубрук, с.168–173).

С другой стороны, несмотря на миролюбивый характер буддийского учения, история показывает нам религиозные столкновения между представителями двух тибетских буддийских школ: Карма («красношапочников») и Гелуг («желтошапочников»), закончившиеся окончательным воцарением в Джунгарии «желтошапочной» школы[11].

Особым моментом в развитии межрелигиозных отношений на территории Калмыцкого ханства стало влияние внешнеполитического фактора на отношения «буддизм-ислам». Добровольно войдя в состав России и защищая ее юго-восточные границы, калмыки смогли сохранить свою государственность. Калмыки активно принимали участие во всех войнах, которые вела Россия во 2-й половине XVII – XVIII веках, выставляя до 40 тысяч конных воинов для походов. Наибольшего могущества Калмыцкое ханство добилось при правлении Аюкихана (годы правления 1669–1724). Аюка-хан надежно защищал южные рубежи России, неоднократно совершал походы против крымских и кубанских татар. В 1697 г. Петр I, уезжая за границу в составе великого посольства, поручил Аюке-хану охранять южные русские границы. Кроме того, Аюка-хан вел войны с казахами, покорил мангышлакских туркмен, совершал неоднократно победоносные походы против горцев Северного Кавказа. Таким образом, отношения между калмыками, приверженцами буддизма и представителями народов, исповедующих ислам, на протяжении XVII–XVIII веков оставались напряженными как в политической, так и в религиозной сфере.

Интересно, что даже этимологию слова «калмык» некоторые исследователи связывают с межрелигиозными отношениями «буддизм-ислам». Например, В.В.Бартольд полагал, что слово это выводится (вероятно, народной этимологией) от глагола «калмак» (оставаться), и что оно будто бы обозначает «оставшихся язычниками ойратов в противоположность «вернувшимся» (глагол «домек») вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски)» (Бартольд, с.345–346). По мнению Бартоль-

[11] В тибетском источнике «Пагсам-джонсан» мы читаем о том, что «из среды находящихся в Монголии многих племен олетские ханы придерживались только одной религии Цзонхавы (т.е. ойратские ханы придерживались учения школы Гелуг – Э.М) (Пагсам-джонсан, с.46). Впоследствии таковые столкновения также имели место.

да, слово «калмак», согласно мусульманским источникам, появляется не позже XV в. как географический термин. После изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только коренные области (юрт и асли), т.е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов отняли у них и это». Слово «калмык», пишет ученый, появилось в связи с распространением религии ислама среди народов Восточного Туркестана, потому что ойрат-монголы не приняли ислам, остались шаманистами или буддистами.

Анализируя особенности буддийско-христианских отношений, необходимо отметить, что монгольские племена знакомы с христианством с VIII века. «В XI–XII вв. христианами несторианского толка становятся наиболее многочисленные и сильные монгольские племена – найманы на западе монгольских степей и кераиты на Толе», – утверждают издатели «Атласа азиатской России» (Гоубчиков, с.6), изданном в Новосибирске. «Атлас» посвящен истории Сибири, рассказывает об освоении этого богатейшего края, духовной и культурной жизни сибирских этносов в разные исторические эпохи. В частности, в главе «Духовная и материальная культура» говорится об истории распространения мировых религий – христианства, ислама и буддизма среди монгольских племен: « …Тогда же в (сибирские) степи проникают и христианские проповедники, чьи общины и монастыри появились в оазисах Великого шелкового пути, а затем в Китае в VI в. Влияние восточного христианства в форме несторианского вероучения особенно усиливается с конца VIII в., когда общины несториан были изгнаны из Китая и устремились на север, к кочевникам. Здесь в XI–XII вв. христианами несторианского толка становятся наиболее многочисленные и сильные монгольские племена – найманы на западе монгольских степей и кераиты на Толе» (Гоубчиков, с.7).

Межрелигиозные отношения «христианство-буддизм» развиваются в период, когда в нижних частях Поволжья и прикаспийских степях с конца XVII в. началось крещение калмыков, исповедовавших ламайскую веру. Во время христианизации царское правительство применяет не только миссионерские методы, разработав совместно с православной церковью специальную систему разнообразных стимулирующих мер для того, чтобы привлечь калмыков к православию. С этой целью использовались как материально-денежные поощрения, всевозможные подарки, награды, так и предоставление различного рода льгот. В качестве методов привлечения калмыков в христианство использовалось

также освобождение от уголовной ответственности и судебного преследования, от уплаты долгов бывшим калмыцким владельцам. Наиболее распространенным стал простой метод раздачи наград за переход в православие. При этом размер наград зависел от общественного положения и социального статуса обращаемого в христианство.

Крещение привилегированных слоев калмыцкого общества преследовало цель использовать их влияние для последующего распространения христианства среди зависимого населения и со временем с их помощью перенести центр христианизации на территорию самого Калмыцкого ханства. Процесс крещения представителей калмыцкой знати сопровождался торжественными церемониями, особенно когда крестными объявлялись члены царской семьи. Крещеные щедро награждались зачислением в дворянское сословие, деньгами, подарками, орденами, воинскими званиями.

Поощряя и стимулируя процесс христианизации калмыков, правительство в то же время опасалось вызвать недовольство калмыцкой знати, что повлекло бы отказ калмыков посылать войска против недругов России: для борьбы с Крымом и Турцией Российскому государству важно было иметь дружественные и союзнические связи с Калмыцким ханством.

По Волге курсировал специальное судно-церковь, цель которого состояла в крещении прибрежных калмыков-рыбаков.

Выход нашли в компромиссе: согласно указу Петра I от 25 января 1717 г., русские власти обязывались возвращать бежавших калмыков и запретили их прием в дальнейшем, но эти меры не распространялись на тех калмыков, которые принимали христианство по своему желанию. Кроме того, крещеным калмыкам запрещалось ездить в калмыцкие улусы и пропагандировать там христианство.

Переломным моментом в христианско-буддийских отношениях стал 1771 год, когда большая часть народа во главе с Убаши-ханом откочевывает из России назад в Джунгарию и ликвидируется Калмыцкое ханство. После этого в предотвращение новых уходов, имперское правительство изменяет политику в отношении калмыков, стесняя проповедь христианских миссионеров.

История этих отношений продолжается на протяжении XVII – начала XX веков, когда в Калмыкии устанавливается Советская власть. Антирелигиозная политика и разрушение храмов, закрытие

религиозных организаций сводит межрелигиозные отношения «к нулю».

Только в 1988 г. в г.Элисте образовалась первая буддийская община, у населения республики стал проявляться интерес к религии. В общественном мнении, в средствах массовой информации пропагандировались идеи положительной роли религии для современного общества. Она рассматривалась как одно из эффективных средств выхода общества из состояния духовного кризиса.

Широкому распространению, росту популярности религиозных взглядов среди населения республики способствовал идеологический вакуум, образовавшийся после ухода со сцены коммунистической идеологии.

Укреплению доверия между религиозными объединениями, их мирному сосуществованию способствует деятельность законодательных и исполнительных органов власти, общественных организаций республики, направленная на возрождение и развитие духовных, культурных ценностей народов.

Калмыкия сегодня представляет собой целостное, исторически сложившееся многонациональное образование. В ее состав входят представители более 90 национальностей и трех мировых религий: буддизма, христианства, ислама. Все они, в разное время и разными путями попавшие в состав Калмыкии, были далее соединены общностью совместной жизни и исторических судеб, хозяйственными связями. В республике сегодня всемерно содействуют самобытности и этнической неповторимости традиций калмыцкого, русского и других народов, проживающих в Калмыкии. Органы власти способствуют развитию культур народов на основе равноправного, межнационального, культурного взаимодействия.

Благодаря тому, что Калмыкия является территорией буддизма – самой веротерпимой религии, в Калмыкии не было религиозных споров, но, наоборот, сложился уникальный опыт гармоничного сосуществования религий и культур. В республике межрелигиозные отношения близки к оптимальным, что подтверждается согласованной реакцией духовных лидеров на события, совместными мероприятиями, созданием межрелигиозных структур и советов.

Список источников и литературы

1. *Барлоу Рик.* Буддизм и современная психология Запада // Буддизм России. – 2003. – №37. – С.12–14.

2. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 763 с.

3. *Гоубчиков Ю.Н., Дементьева Н.И.* Сибирь. Атлас Азиатской России. – М., 2007.

4. *Гранин А., Китинов Б.* Российский буддизм на стыке тысячелетий Электронный ресурс: http://kalmykia.evrazia.org/buddizm.html.

5. Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета; перевод с тибетского, предисловие, комментарии Пубаева Р.Е. – Новосибирск, 1991.

6. *Поканинова Е.Б., Намруева Л.В.* Характеристика этнической и конфессиональной идентичности Республики Калмыкия // Социология власти. №4. – М.: Издательство РАГС, 2009. – С.69–74.

7. *Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. изд. географ. лит., 1957.

Сведения об авторе

Манжикова Элина Кимовна, кандидат философских наук, частный преподаватель (Элиста, Калмыкия); elina.pokaninova@mail.ru

УДК 94(47)+94(470.41)

ДВА МАЛОИЗВЕСТНЫХ СООБЩЕНИЯ ТАТАРСКИХ ХРОНИКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в.

© 2014 г. Мустакимов И.А.

В статье рассматривается два сообщения «татарских летописей» – хроникальных записей XVIII – первой половины XIX в. Публикуемые и разбираемые сообщения ранее не публиковались. В одном сообщении говорится о возведении стены вокруг казанской Татарской слободы в 1677 г., в другом сообщении нашел отражение набег казахского султана (позднее – хана) Абул-Хайра на Закамье, совершенный им в 1715, 1717 или 1720 г.

Ключевые слова: татарские хроники, татары, казахи, Казань, Татарская слобода, Среднее Поволжье.

TWO LITTLE-KNOWN MESSAGES OF THE TATAR CHRONICLE RECORDS ON STORIES OF MIDDLE VOLGA REGION OF THE SECOND HALF OF 17th – THE BEGINNINGS OF THE 18th CENTURY

Mustakimov I.A.

In article two messages of the Tatar chronicle records of the 18th – first half of the 19th century are considered. Published and sorted messages not earlier than weren't published. In one message it is spoken about wall construction around the Kazan' Tatar settlement (*Бистә*) in 1677. Other message spoke about attack of the Kazakh sultan (later – the khan) Abu-l-Khayr on Zakamye, made by it in 1715, 1717 or 1720.

Keywords: Tatar chronicles, Tatars, Kazakhs, Kazan, Tatar settlement, Middle Volga Region.

Настоящая статья посвящена разбору двух сообщений так называемых «татарских летописей», а точнее – хроникальных записей XVIII – первой половины XIX в. Эти хроникальные записи содержатся в двух разных рукописях, хранящихся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Обе хроники отличаются значительной подробностью. Привлекшие наше внимание сообщения не встречались нам в других

татарских хрониках и, кажется, нигде не публиковались и не упоминались.

Одно сообщение содержится в рукописи ед. хр. 1589т. Рукопись состоит из 2 листов. На лл. 1б–2а содержится список фетвы (мусульманского религиозно-правового заключения) муфтия Мухамеджана Хусаинова по поводу чтения намаза ‘иша (вечерней молитвы) в короткие летние дни. Фетва датирована маем 1821 г., составлена на персидском языке. На л. 2б содержится написанная той же рукой хроникальная запись под заглавием «Фи бәйанет-тарих» («Повествование истории»), являющаяся собственно кратким перечнем различных событий, начиная со взятия Казани в 1552 г. (причем год по хиджре назван правильно – 959-й, обычно в татарских хрониках датой взятия Казани называется 961 г., соответствующий 7 декабря 1553 – 25 ноября 1554 г. н.э.), заканчивая упоминанием о солнечном затмении 1762 г. Бумага содержит водяные знаки, среди которых различаются цифры «1819» – год выпуска бумаги. Таким образом, рукопись составлена в 20-х гг. XIX в.

Привлекшее наше внимание сообщение звучит так: «...Тарих мең дә сиксән йитедә, барыс йылында, М.хавич Й.лашай дигән байар бистә тигрәсенә кальга суктырды» («В году 1087, в год барса, боярин по имени М.хавич Й.лашай приказал возвести стену вокруг [Татарской] слободы») (ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 1589т, л. 2б).

Кто же этот «боярин» и с чем связано возведение стены? Прежде всего, следует отметить, что в этом сообщении имеется расхождение между датировкой по тюрко-монгольскому животному календарю и по мусульманскому летосчислению по лунной хиджре. Такое расхождение не редкость для тюрко-мусульманских источников. Ближайший к 1087 г. хиджры год барса приходился на 1674 г. Согласно «Указателю города Казани» Ивана Чернова, изданного в 1840 г., с 27 июля 1673 г. казанскими воеводами были боярин князь Юрий Иванович Ромодановский и Иван Павлович Акинфов с дьяками Яковом Портомоиным и Каллинником Патрикеевым, но в связи со смертью Акинфова и Портомоина их место, очевидно, в том же году, занял думный дьяк и воевода Григорий Степанович Караулов. В том же 1673 г. воеводой стал боярин Иван Богданович Милославский, с ним в товарищах было велено быть вышеупомянутому Григорий Степанович Караулову с дьяками Аврамом Кощевым и Иваном Ярославцевым (Чернов, 1840, с. 377). Очевидно, что эти же люди продолжали исполнять свои обязанности и в 1674 г.

1087 г. хиджры приходился на период с 6 марта 1676 по 22 февраля 1677 г. (по юлианскому календарю). В 1677 г. в Казани были воеводами Михаил Львович Плещеев и Василий Лаврентьевич Пушечников с дьяками Иваном Родионовым и Борисом Корелиным (Чернов, 1840, с. 377). Полагаю, что в русском имени, переданном в татарском источнике как «М.хавич Й.лашай» первое слово является контаминацией имени и отчества «Михаил Львович», последнее слово – опиской П.лашай~Пеләшәй, т.е. татарской передачи фамилии «Плещеев». Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения служит следующее. В царском наказе казанским воеводам М.Л.Плещееву и В.Л.Пушечникову, датируемом 22 марта 1677 г., между прочим, сказано: «…В Казани многие торговые люди, не явясь в таможне с товары своими, проезжают в Татарскую слободу тайно, по ночам и товары свои складывают в той слободе у татар. И в том казанским таможенным пошлинам чинитца убыль многая. И столником и воеводам Михаилу Плещееву с товарыщи о том в Казани велеть учинить заказ крепкой и таможенным головам и целовалником приказать смотрить и беречь накрепко, и в той Татарской слободе учинить сторожи крепкие, чтоб одноконечно торговые какие люди с товары не явясь в таможне головам и целовалником, в тое Татарскую слободу тайно не ездили» (Димитриев, 1974, с. 358). Полагаем, что во исполнение этой инструкции, для ужесточения контроля над прибывающими в Татарскую слободу, и было решено обнести ее стеной.

Сам факт упоминания об обнесении Татарской слободы стеной, кажется, указывает на необычность этого факта. Следует отметить два факта. Во-первых, любопытно то, что для обозначения термина «стена» в татарском тексте использован термин «кальга», обычно обозначающий крепость, цитадель. В близком значении «крепостная стена» термин «кальга» использовался в позднесредневековой Бухаре. Во-вторых, в данном случае датировка по хиджре оказалась более точной, чем датировка по животному календарю.

Другое сообщение содержится в рукописи ед. хр. 4199т. Рукопись получена в ходе археографической экспедиции 1973 г. от жителя Усть-Турка Кунгурского района Пермской области. Состоит из 6 листов, также писанных одной рукой. На лл. 1а–2б содержится хроникальная запись, озаглавленная «Фаслы тарих дастанында» («Повествование в разделе по истории»), содержащая краткий перечень различных событий. Начинается она с упоминания о том, сколько жили коранические пророки (начиная от Адама), заканчивается упоминани-

ем об основании крепости Оренбург в 1145 г. хиджры и связанным с этим башкирским восстанием. Лл. 3а–4б занимает фрагмент поэтического произведения на персидском языке, лл. 5а–6б – фрагмент поэтического произведения на тюркú. Атрибутировать эти сочинения нам не удалось. Бумага рукописи грубая, желтоватая, очевидно, российская, водяные знаки выявить не удалось. Ориентировочно рукопись относится ко второй половине XVIII – началу XIX в.

Привлекшее наше внимание сообщение звучит так: «Тарих мең дә йөз дә йегерме түрттә Сыр дәрйасындын Төркестан йирендин ләшкәр берлә Әбелхәйер солтан килеп, шәһре Болгарны һәлак кылып багындыра башлады. Шәһре Болгар халайыкы ләшкәр төзеп каршы торып, Әбелхәйер солтанны һиммәт кылып качырдылар. Йир селкенде, *йиркүк гөрләде[12], туп аткантик тавыш булып, халайык тәмам ишеттеләр» («В году 1124 от реки Сыр[-Дарья] из Туркестана пришел с войском Абу-л-Хайр-султан и начал крушить и покорять Булгарскую страну. Народ Булгарской страны выставил войско, стал сопротивляться и своим старанием изгнал Абу-л-Хайр-султана. [В тот год] затряслась земля, загрохотало небо, словно палили из пушек. Это слышали все люди») (ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 4199т, л. 2б).

1124 г. хиджры приходился на 29 января 1712 г. – 16 января 1713 г. по юлианскому календарю. Очевидно, в описанном событии нашел отражение один из набегов казахского султана (позднее хана) Абулхаира на Закамье, осуществлявшихся им в 1715, 1717 и 1720 г. (Ерофеева, 2007, с. 151–152).

В данном сообщении привлекает внимание использование слова «шәһәр» в смысле «область, регион, юрт», тогда как в татарском и других тюркских языках этот термин обычно передает значение «город» (обозначение «шәһре Болгар» для обозначения Среднего Поволжья использовано и в другом месте данной хроники: «Тушкан елы булды, ашлыг-тарыг булмады шәһре Болгарда төн тарафларында» («Наступил год мыши, на севере Булгарской страны не уродился хлеб»)) (ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 4199т, л. 2а).

Значениях «область, местность», помимо основного значения «город», для слова «шәһер» зафиксировано и в османско-турецком языке (Redhouse, 2006, p. 1143). См., например, в значении «местность»: šehr-i Azaqda «в окрестностях Азова» в султанском указе санджакбею Кафы от 973/1565 г. (5 Numaralı, 1994, s. 190, № 466).

*[12] *В ориг.* йир күге гөрләрде.

В заключение отмечу, что нам представляется необходимым собрать и издать краткие тюрко-татарские хроникальные записи в виде единого свода. Несмотря на их лапидарность и сбивчивость хронологии, они являются ценным источником для изучения истории татарского народа, в том числе истории татарского языка.

Список источников и литературы

1. *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: Сборник статей. – Вып. 3. – Чебоксары, 1974. – С. 284–419.

2. *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. – Алматы, 2007. – 456 с.

3. ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 1589т.

4. ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 4199т.

5. *Чернов И.* Указатель города Казани, или Памятная книжка для жителей Казанской губернии на 1840 год. – Казань, [1840]. – 14 см.

6. 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566): Tıpkıbasım. – Ankara, 1994. – 703 s.

7. *Redhouse, J.W.* A Turkish and English Lexicon. – İstanbul, 2006. – 2224 p.

Сведения об авторе

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан (г. Казань); imus@rambler.ru.

Список сокращений

ОРРК НБЛ КФУ – отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета.

УДК 332.3(091) (470.41):930

ПИСЦОВЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI–XVII вв.

© 2014 г. Мустафина Д.А.

В статье в хронологической последовательности отражен типологический ряд выявленных массовых источников двух административно-территориальных единиц Средневолжского края второй половины XVI–XVII вв. – писцовые и переписные книги Казанского и Свияжского уездов с тем, чтобы аргументировать беспочвенность установившегося в историографии представления о полной гибели источников по истории Казанского края рассматриваемого времени. Подчеркнут уникальный характер уцелевших писцовых материалов для изучения различных аспектов интеграции и развития Казанского края в составе Российского государства, охарактеризована их информационная ценность.

Ключевые слова: писцовые книги, Среднее Поволжье, Казанский уезд, Свияжский уезд, описание, переписные книги, дозор, массовые источники, информационная ценность.

SCRIBAL BOOKS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XVI–XVII CENTURIES

Mustafina D.A.

In this article, typological series of identified mass sources of two administrative-territorial units of the Middle edge of the second half of XVI–XVII centuries – writters and census books of Kazansky and Sviyazhsky counties is reflected in chronological order, in order to substantiate the groundlessness of the established in the historiography representation of the complete destruction of sources on the history of the Kazan region in considered time. Also the unique character of the survivors scribal materials for the study of various aspects of the integration and development of the Kazan region in within the Russian state is underlined and their informational value is characterized there.

Keywords: book scribe, Middle Volga regon, Kazan county Sviazhsky County, description, census books, watch, mass sources, information value.

Статья посвящена общей характеристике информационного потенциала одной из групп массовых источников – писцовых и перепис-

ных книг, отражающих социально-экономическое развитие Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.

Под «писцовыми материалами» подразумеваются: 1) писцовые книги «письма и меры» или их именуют «полевыми» книгами; 2) описания укрепленных населенных мест, то есть городов; 3) книги «письма и отделу»; 4) дозорные книги; 5) межевые книги; 6) отказные книги; 7) переписные книги. А также «вторичные» акты, составленные в приказах на базе сведений проведенной фиксации владений и феодально-зависимого населения, как то: 1) перечневые книги; 2) так называемые приправочные комплексы. Одним словом, это вся землеустроительная и учетно-переписная документация кадастрового предназначения, носившая нотариально-юридический характер. И делопроизводственная документация, созданная в прикладных целях в результате переработки материалов учета земель и населения как справочно-информационные выжимки. Эти «вторичные» материалы были призваны облегчить работу правительственных агентов, направляемых с целью очередного описания. Потребность в таких своеобразных списках испытывали приказные служащие, как правило, Поместного и Казанского приказов. Пользуясь ими в своей повседневной делопроизводственной практике, они уточняли, не обращаясь к объемным писцовым книгам, местоположение и размеры земельных владений конкретного лица, количество и состав зависимого населения, определяли распределение земельных угодий населенного пункта между различными землевладельцами и землепользователями и т.д. Материалы писцового делопроизводства – сложный и многоплановый источник. Но эти материалы, различавшиеся по объектам описаний, целям создания, формулярам, прежде всего, роднит то, что они поддаются статистической обработке.

Писцовые материалы Казанского края я отношу к массовым источникам лишь по форме составления, по типо-видовым параметрам, лежащим в основе классификации источников в источниковедении. Для воссоздания социально-экономической истории Среднего Поволжья эти материалы являются уникальными по своему информационному потенциалу. Их уникальность объясняется тривиальнейшей причиной: архивы местных приказных палат-изб и архив самого центрального ведомства по управлению краем утрачены. Хорошо известно, что Казанский дворец пострадал от пожаров неоднократно, а в 1737 г. сгорел полностью. И это обстоятельство «априори» было принято отечественной историографией как аргумент, свидетельствую-

щий о полной гибели источников по истории Среднего Поволжья в рассматриваемое время, и эта точка зрения господствовала до 80-х гг. прошлого столетия. Между тем сложившаяся к середине XVI в. система делопроизводства в Российском государстве обусловила своеобразное «тиражирование» документального материала, изготовление копий для передачи из одного приказа в другой, ибо каждый из приказов ведал=курировал определенную сферу жизнедеятельности социума. В ведении Поместного приказа находились, к примеру, вопросы обеспечения жалованьем служилых людей, а организация и контроль за их службой осуществлялись Разрядным приказом. Поскольку объектом внимания служило одно и то же сословие, то, естественно, для выполнения своих функциональных обязанностей они должны были обмениваться необходимыми сведениями. Приказы, носившие территориальный характер, к числу которых относился и Приказ Казанского дворца, обладали полнотой власти на вверенной им территории. Поэтому все другие учреждения, исполняя свои функции, запрашивали нужные им сведения у территориального приказа или получали у него разрешение на эту или иную деятельность и зафиксированные результаты своей деятельности передавали этому ведомству. А это означает, что интересующие нас материалы могли отложиться в фондах самых различных приказов. Что и подтверждается практикой архивных поисков. Конечно, уцелело главным образом то, в чем были заинтересованы государственные структуры и, то, что хранилось в зданиях, выстроенных из камня, последствия пожаров для которых были не столь катастрофичными – это разнородный материал, отражающий преимущественно историю церковных учреждений, в первую очередь монастырей.

Интерес к писцовым материалам в отечественной историографии был всегда, достаточно вспомнить публикации Н.В. Калачева, А.С. Лаппо-Данилевского, С.А.Шумакова, В.Шишонко, исследования В.О. Ключевского, Ю.В. Готье, Н.Н. Ардашева, С.Б. Веселовского, первооткрывателя писцовых книг по нашему региону Г.И. Перетятковича, Н.Д.Чечулина, М.Н. Тихомирова, Е.И. Чернышова, Я.Е.Водарского, Г.Н. Айплатова, В.Б. Павлова-Сильванского, Л.В. Милова, И.П. Ермолаева, З.В. Дмитриевой, М.С. Черкасовой и мн.других. Интерес к писцовым книгам особенно усилился в 80–90-е гг. прошлого столетия и сохраняется до настоящего времени. Объясняется это тем, что при всей кажущейся простоте фиксации сведений этот комплекс источниковых материалов информативен, как ни один другой. Конеч-

но, в нем нет «романтики» эпохи, всплесков эмоций контрагентов, он сух, скучен и малопонятен неискушенному читателю, как бухгалтерский отчет. Но он содержит закодированную в количественных показателях богатую палитру социально-экономических параметров общества на конкретный момент. Достаточно напомнить, что мы часто говорим об основных направлениях политики правительства, забывая упомянуть о ее результатах, получается, что фактически не считаем нужным аргументировать свои слова и наблюдения. Тогда как эти сами основания для заключений о направлениях политики и их результативности бесстрастно отражены в писцовых материалах. Особенно это значимо для выяснения особенностей колонизации и хозяйственного освоения Среднего Поволжья, для исследования изменений в пространственной организации селений, в социальной структуре общества, для представления взаимодействия этих страт между собой и внутри своего слоя и т.д. Кроме того, сведения писцовых и переписных книг достаточно просто поддаются формализации и анализу с помощью современных компьютерных технологий.

Регион, именуемый в источниках «Казанским царством», или «Среднее Поволжье» во второй половине XVI в. неоднократно претерпевал изменения своей административно-территориальной структуры. Первоначально он состоял из двух (Казанского и Свияжского наместничеств=уездов), затем трех уездов (добавился Чебоксарский уезд), а к XVIII в. распался на 13 уездов. Объектом рассмотрения в данной статье являются писцовые материалы двух центральных уездов – Казанского и Свияжского, самых показательных в хозяйственно-экономическом и этносоциальном и конфессиональном отношениях частей этой окраинной области Российского государства. В них сформировались и получили развитие все сложившиеся в Среднем Поволжье формы феодальной собственности на землю и обусловленные ими социальные страты, их население отличалось многоэтничным и поликонфессиональным разнообразием.

Многочисленные упоминания и ссылки, встречающиеся в частных и делопроизводственных актах, убеждают нас в том, что на протяжении второй половины XVI–XVII вв. в Казанском и Свияжском уездах землеустроительные и переписные акции состоялись не менее двух десятков раз. И к счастью, в фонде Поместного приказа РГАДА уцелели в подлинниках и списках материалы ряда описаний Казанского и Свияжского уездов, в совокупности составляющих более полу-

сотни единиц хранения. Удалось также обнаружить описание Свияжска и уезда в составе рукописи XIX в. в фонде ГАРФ.

Материалы двух из этих описаний, отложившихся в древлехранилищах, были составлены в процессе проведения одной и той же валовой акции, состоявшейся в Среднем Поволжье в 1565–1568 гг., одной и той же группой уполномоченных к этому правительственных агентов. Н.В. Борисов-Бороздин и Д.А. Кикин описали крепости, посад, слободы и торг в Казани, Свияжске, Чебоксарах, а также осуществили операции, связанные с наделением помещиков «дачами» (отдел) и провели учет всех земельных угодий в их округе, включая ясачные. До наших дней дошли лишь описания Казани, Свияжска, регистрация произведенных поместных раздач в их уездах, перепись имущества, владений архиепископа, нескольких монастырей, а также межевые записи в виде подлинника и двух списков по Казани с уездом и двух списков по Свияжску с уездом. Правда, в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета имеются еще списки XIX в., один из которых отрывочен. По Чебоксарам и уезду не сохранилось даже такой усеченной части.

Конечно, Борисов и Кикин не были первыми землеустроителями в регионе. Первые раздачи в Казанском уезде осуществлял еще в 1557 г. воевода боярин и князь П.И. Шуйский, а в Свияжском – князь Иван Пожарский совместно с Ильей Моревым в 1555/56 г. по приказу воеводы князя Михаила Ивановича Воротынского. Не позднее октября 1556 г. по приговору очередного руководителя местной администрации – боярина и воеводы Ивана Петровича Федорова-Челяднина – учет и межевание земельной собственности в Свияжском уезде производили князь Роман Семенович Вяземский, Дмитрий Семенович Еремеев, Верещага Казин и дьяк сын боярский Ширяй Иванович Будинин. В дворцовых и поместных селениях обоих уездов регистрацией владений занимался Семен Нармонский (Нармацкий).

Однако материалы названных переписей XVI в., по всей видимости, не сохранились. Лишь четвертое писцовое описание окольничего Никиты Васильевича Борисова-Бороздина и Дмитрия Андреевича Кикина с товарыщи, состоявшееся в рамках общерегиональной писцовой акции 1564/65 – 1567/68 гг. и затронувшее города Казань, Свияжск и их округи (уездов), стало достоянием широкой научной общественности благодаря публикации текстов писцовых книг. Правда, с казанскими книгами исследователи знакомились по опубликованным в 1877 г. выпискам, сделанным проф. К.Невоструевым для собственных научных

нужд (Список с писцовых книг, 1877), и по извлечениям из указанной публикации, увидевшими свет в 1932 г. (Материалы, 1932, с. 71–130) и 1937 г. (История Татарии, 1937, с. 154, 189, 233, 234). Полный критический текст этих книг по трем уцелевшим спискам был напечатан лишь в 2006 г. (Писцовые материалы, 2006). Примерно схожей была ситуация и со свияжскими книгами: в 1909 г. был напечатан список писцовой книги Свияжска и его уезда, составленный в 1810 г. коллежским регистратором П.Трофимовым с более раннего списка. Этот список обнаружил в Свияжске профессор Казанской духовной академии И.Яковкин. Извлечения из публикации были напечатаны в 1937 г. (История Татарии, 1937, с. 97–98, 189, 221). И лишь в 2002 г. в специальной публикации, вобравшей в себя описания российских городов, были изданы критические тексты описаний городов Свияжска и Лаишева, но без материалов уезда (Города, 2002, с. 337–394).

Следующим по времени известным нам по многочисленным упоминаниям и ссылкам в частных и делопроизводственных актах описанием является учет земель в Свияжском уезде, выполненный писцом Афанасием Болтиным и дьяком Андреем Новиковым в 1587/88 г. (Акты, 1859, т. 1, с. 11) Составленные ими книги обнаружить в фондах архивохранилищ, к сожалению, не удалось.

В ходе грандиозной акции по землеустроению, предпринятой в 1592–1594 гг. правительством Федора Ивановича, в Казанском уезде «писали, меряли и отделяли» земли Троице-Сергиеву монастырю Иван Клеопин и подьячие Федор Аристов и Пятой Григорьев, а Свияжский «писали и меряли» Тимофей Исаевич Есипов вместе с подьячим Владимиром Ивановым. Согласно упоминаниям в источниках в эти же сроки в Казанском уезде описания проводили Михаил Глухов, Иван Глятков, возможно, с целью отмежевания ясачных земель от других владений (Научная библиотека, ед. хр. 1302/17). Свияжский уезд «писали и межевали» Никифор Сущов и подьячий Никон Алексеев. В период между 1597 и 1600 гг. в Среднем Поволжье состоялась своеобразная ревизия предшествующих описаний, т.е. «дозор», к которому был привлечен ряд «бригад» служилых людей-дозорщиков. Если вспомнить, что в 70–90-е гг. произошел очередной виток так называемых «черемисских войн», что подавление народных волнений оказалось не под силу гарнизонам поволжских крепостей, а потребовалось привлечение от 5 до 8 полков из Москвы и организация полномасштабных военных походов, то становятся понятными причины проведения этих дозоров. Известно, что дозоры проводились в случае

опустошения земли, выключения ее из сельскохозяйственного оборота вследствие резкого сокращения населения. В Казанском уезде «дозор» провели Никита Шушерин, Василий Тыртов, Никита Обухов. В Свияжском «дозирали и межевали» владения Петр Свечин в паре с подьячим Степаном Даниловым. К настоящему времени в исследовательский оборот введен текст лишь списка с дозорной и межевой книги дворцовых сел в Казанском уезде в 1599/1600 г. письма, дозора и межевания Никиты Обухова (Писцовые материалы, 1997, с. 209–246). Остальные из вышеперечисленного выявить пока не удалось.

В начале XVII столетия, в 1602/03 г. в Казанском уезде «письмо, дозор и межеванье» земель осуществляли писцы Иван Болтин, Осип Аркатов и подьячий Иван Трусов, а в Свияжском уезде бригада писцов под руководством Федора Аристова. Судя по актам, эти писцовые записи не только относились к разряду общероссийских поземельных описаний и охватили все категории земель, но и вплоть до Генерального межевания их материалы считались одними из самых достоверных и авторитетных. Представить характер регистрации земель в 1602/03 г. позволяет публикация отложившейся в фондах РГАДА копии, составленной в период с 1779 по 1793 гг. со списка с приправочной книги, изготовленного между 1643 и 1646 гг. за приписью дьяка Ивана Ларионова (Писцовая книга, 1978). Эта копия XVIII в. использовалась в качестве справочного материала при генеральном межевании. Приправочная же книга была составлена за приписью дьяка Потапа Внукова в период времени между 1623–1627 гг. на материале книги 1602/03 гг. с добавлением изменений, состоявшихся до 1623 г. (Писцовая книга, 1978, с. 35–36) Остальные материалы, к сожалению, также остаются невыявленными.

С воцарением царя Михаила Романова и стремлением его правительства восстановить аграрное производство объясняется проведение в 1613–1622 гг. ревизии владений и выяснение платежеспособности тяглого населения. Эти мероприятия коснулись и Среднего Поволжья. Свидетельством тому уцелевшие различные учетно-регистрационные материалы – поместные, отдельные и дозорные книги, нередко фиксирующие состояние отдельных групп земельных владений, имевших одинаковый правовой статус, или даже удостоверяющие право владения угодьями одного конкретного владельца. В актах упоминаются учет и межевание поместных жеребьев свияжских служилых князей, мурз, новокрещен и татар, произведенные в Свияжском уезде в 1612/13 г. Иваном Мамаевичем Киреевым и подьячим Василием

Шишкиным. Сохранились выписи из отдельных и межевых книг Богдана Брехова-Онучина, данные архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря на земли в Казанском уезде (РГАДА, ф. 281, д. 38/6446), а также отдельные книги на пустоши в Казанском уезде 1613 г. Ивана Ильича Чашникова и подьячего Ждана Одинцова (Научная библиотека, д. 565). В Поместном фонде РГАДА отложился сборник, в который были сведены подлинники и копии текстов 44 книг. Перечень этих переписных, отдельных, дозорных, вытной, посевной и отписной книг был приведен в хронологическом указателе, составленном И.П. Ермолаевым (Ермолаев, 1980, с. 78–82), а также публикаторами вышеупомянутой дозорной книги 1599/1600 г. (Писцовые материалы, 1997, с. 197–208). Подавляющая часть этих материалов остается слабоизвестной исследователям. Хотя о существовании и местонахождении этих описаний было известно исследователям с XIX в. (Описание, 1869, с. 83). Тексты ряда книг были изданы. Так, к примеру, материал дозорной книги 1621 гг. Осипа Зузина и подьячего Терентия Матвеева был опубликован в извлечениях, сокращениях и регестах А.А.Дмитриевым (Дмитриев, 1900, с. 140–145), И.В. Шишкиным (История города Елабуги, 1871, с. 48–49), А. Вештомовым (Село Вознесенское, с. 219–223). В настоящее время готовятся к печати полные критические тексты двух дозорных книг начала 20-х гг. XVII в. письма Константина Шушерина и подьячего Григория Амирева (см. Село Рожественское, с. 14–15), а также письма Осипа Зузина и подьячего Терентия Матвеева.

Следующая волна дозора и межевания пришлась на вторую половину 30-х – первую половину 40-х гг. XVII в., когда была завершена Смоленская война и для служилого люда сложились благоприятные условия для занятий хозяйством. Многие помещики стали прилагать усилия к наполнению своих окладов, не обходилось и без незаконных притязаний на ясачные угодья, продолжал иметь место вывоз крестьян. Не теряли своей активности в умножении владений и рабочих рук монастыри. Между тем правительство, начиная с 20-х гг., предпринимало активные меры к сыску и возврату на прежнее место жительства посадских людей и дворцовых крестьян. Эти обстоятельства вызвали к жизни составление отказных, отводных, межевых, сыскных книг (Документы, 1951, т. 1, ч. 2, с. 5–43 и др.). О масштабах землеустройства можно представить и по сборнику, состоящему из отказных книг 1643–1644 гг. Этот сборник, отложившийся в фондах РГАДА, пока еще не введен в исследовательский оборот. Уцелевшие выписи из от-

дельных книг казанца Матвея Тишенкова, дозорных, раздельных и межевых свияженина Ивана Федоровича Крестникова-Большого (Научная библиотека, д. 3418/1, л. 6–6об.; Национальный архив, д. 1136, л. 470–482) и ряд других (2457/3, л. 3–4об.) служат подтверждением проведения дозоров и в рассматриваемые годы.

В 1646 г. в Среднем Поволжье, как и во всем Российском государстве, была осуществлена перепись посадских дворов в городах и дворов тяглого населения в уездах. В Казани, его пригородах и уезде эту работу произвел окольничий Тимофей Федорович Бутурлин совместно с подьячим Алексеем Грибоедовым. Извлечения из казанской книги были опубликованы (Покровский, с. 51–98; 23; Казанский пригород, с. 16–20; Материалы, 1932, с. 71–130; История Татарии, с. 190, 193–195). Из актов видно, что некогда существовал и приправочный вариант этих книг (Научная библиотека, д. 3055/1, л.1). В Свияжске и уезде дворы и население в городе и на посаде Свияжска, а также в дворцовых и поместных селениях уезда переписывали Андрей Андреевич Племянников вместе с подьячим Иваном Фадеевым.

Во второй половине 40-х гг. XVII в. в обоих уездах состоялись описания, затянувшиеся на продолжительный срок. Объектом описания стали земли. На протяжении почти 10-ти лет, с 1647 по 1656 гг., Семен Волынский вместе с Петром Коротневым и дьяком Михаилом Патрикеевым описывали владения различного правового статуса по всем пяти даругам Казанского уезда: частновладельческие, церковно-монастырские, дворцовые и ясачные. Удалось разыскать и опубликовать один из оригинальных вариантов «полевых» книг, не фигурировавших в известных справочниках (Писцовая книга, 2001, с. 4). Она содержит регистрацию всех сложившихся в уезде форм феодальной собственности на землю, за исключением государственных (ясачных) земель. Выявлен был также черновой вариант описания владений служилых новокрещен и служилых татар. В 1646–1652 гг. в Свияжском уезде писцы думный дворянин Иван Михайлович Аничков (после его кончины описание возглавил Иван Францбеков), Федор Чемесов, дьяк Андрей Строев (его сменил Александр Дуров) регистрировали земли и зависимое население. Однако «полевые книги» обнаружить, к сожалению, не удалось. Но были выявлены две перечневые росписи, составленные на их материале. Одна из перечневых книг, представляющая из себя выжимки описания поместных владений служилых татар и новокрещен опубликована. (Перечневая, 2004). В период описания в необходимых случаях писцы привлекали служи-

лых людей и подьячих к размежеванию владений и документальному оформлению произведенной операции (РГАДА, ф.1209, кн. 955, л. 358–363об.). Акты подтверждают нотариальный характер этих книг.

Социальные потрясения 1670–1671 гг. обернулись необходимостью перераспределения поместных угодий, очередного дозора: в источниках имеются упоминания о «дозирании» и межевании ясачных жеребьев в Свияжском уезде в 1675 г. Иваном Васильевичем-Большим Протопоповым. Изменение принципа обложения вызвало проведение в 1677–1679 гг. валовой переписи дворов податного населения. Стольник Матвей Семенович Супонев и Дмитрий Иванович Кошелев, стольник Бахтеяр Мякинин описывали дворы тяглого населения в Казанском уезде, стольник Федор Нарбеков совместно с подьячим Петром Степановым в Свияжском, учета посадских дворов в Свияжске и Стрелецкой слободе земским старостой Федором Мохневым. Город и уезд стали объектом писцового внимания и в период всероссийского валового описания в 1684–1687 гг. Выполнение этой задачи было возложено на стольника и воеводу Гаврилу Андреевича Суворова и подьячих Михаила Дмитриева и Кузьмы Байсалтанова (РГАДА, ф. 1209, кн. 435, л.141–206; кн.645, л. 517–582). В Казанском уезде работали три бригады: Василий Семенович Сытин-Большой и подьячий Никита Шепелев были посланы на Алатскую даругу, Иванис Иванович Кайсаров и подьячие Степан Карачаров и Михаил Воротников на Зюрейскую, стольник Роман Иванович Хвостов и подьячий Алексей Никонов – на Ногайскую даругу (Писцовые, 2009, с. 32–34).

Известные нам по упоминаниям в различных актах переписные книги 1690–1692 гг. стольника и воеводы Дмитрия Арсеньева и подьячего Макара Полянского, межевальные книги 1691/92 г. Ивана Александровича Бестужева и подьячего Дениса Михайлова и «ясачные» книги свияжского дьяка Дмитрия Шапкина, надо полагать, не уцелели. Как не сохранились и многие другие делопроизводственные и кадастровые документы, вызванные к жизни необходимостью регистрации и учета владений и населения и призванные удовлетворять как феодально-корпоративные, так и государственные нужды.

Итак, к настоящему времени в научный оборот введены тексты четырех писцовых и одной переписной книги Казанского уезда и двух писцовых книг Свияжского уезда. В ходе архивных поисков удалось убедиться в существовании в фондах древлехранилищ текстов еще шести единиц писцовых материалов по Казанскому, и пяти писцовых книг по Свияжскому уездам. Состояние дел в области включения в

исследовательский оборот писцовых книг и других массовых источников XVII–XVIII вв. назвать удовлетворительным не приходится. Существенная часть этих источников объективной количественной и качественной информации остается малодоступной большинству исследователей, ибо не опубликована и отложилась в древлехранилищах вне Казани. Работа по вводу в исследовательский оборот средневековых текстов тормозится и тем обстоятельством, что это дело кропотливое и крайне трудоемкое. В условиях известной узости источниковой базы результативность исследований социально-экономического развития Средневолжского региона в XVI–XVII вв., выявление динамики многих процессов и обоснованность обобщений во многом зависят от привлечения к анализу всей совокупности уцелевшей писцовой документации и введения его в исследовательский оборот.

Упомянутые писцовые материалы составлялись с разными целями, имеют разный объект описания, различный формуляр и самое главное, охватывают разные районы одной и той же административно-территориальной единицы, т.е. неравномерно покрывают территорию уезда и представляют мозаичную информацию. Так, одни книги содержат фиксацию владений служилых новокрещен и частично служилых татар, другие – регистрацию угодий русских помещиков, монастырей и церковников, третьи описывают исключительно дворцовые земли и т.д. Также обстоит дело и с учетом населения. В поле зрения переписчиков оказывалось то посадское население, то население одной единственной слободы, к примеру, Ямской, то зависимое население отдельных монастырей, то все население уезда и т.д. Поэтому выяснить закономерности развития различных форм землевладения и обусловленных этими формами социальных страт населения довольно сложно. И здесь не обойтись без привлечения актового и делопроизводственного материала и, конечно, без материалов специального документирования, как то: разрядных книг, боярских списков, десятен и т.д., а также без использования ретроспективных возможностей более поздних источников.

Затронув вопрос об информационных возможностях писцовых материалов как исторического источника, в первую очередь следует отметить их многоплановость. Несмотря на известную неполноту (отсутствие писцовых описаний ясачных земель и населения), уцелевший корпус источников помогает, прежде всего, детально картографировать Казанский и Свияжский уезды. Позволяет определить их конфигурации, а также границы даруг в рамках первого и границы станов –

в рамках другого. Проследить изменения границ во времени. Дают возможность локализовать населенные пункты, проследить их зарождение, функционирование и взаимосвязи с другими населенными пунктами. Служат непревзойденным источником информации о колонизации региона, о ее направлениях и характере. Дают возможность воссоздать сложившуюся на момент фиксации структуру землевладения, определить дифференциацию, динамику распространения и соотношения частного, церковно-монастырского, дворцового и государственного (ясачного) землевладения и обусловленную ими стратификацию общества в регионе. Значительный интерес представляет и присутствующая в этих источниках ретроспективная информация о прежнем статусе земель и предыдущем владельце. Тем самым мы получаем возможность судить об истоках, обстоятельствах, способах, путях и методах формирования различных форм землевладения, в особенности поместных земель и служилой корпорации уезда, о качественном составе владений, об обеспеченности их рабочими руками, о причинах и путях перехода земель из рук в руки. Весьма информативны они и для представления характера средневекового города, определения соотношения в нем военного, торгово-промыслового посадского и слободского населения, роли города в развитии местной и всероссийской торговли. Таким образом, трудно переоценить их значение для историко-географических, топо-, антропо-, гидронимических, этнологических, демографических, генеалогических, биографических, просопографических и многих других исследований. Эти материалы позволяют провести многоаспектное исследование городского и сельского населения, а именно: определить численность жителей в целом, по конкретным населенным пунктам и профессиональным группам (в городе), рассчитать населенность дворов, численный, поколенный и возрастной состав населения и даже изучить состав населения в историко-медицинском аспекте (численность инвалидов). И, конечно, рассмотреть вопрос о тягле, его формах, видах, размерах и их динамике. А также определить интенсивность внутренней миграции и притока нового населения в Казанский край.

Одним словом, мы располагаем достаточно цельным документальным комплексом второй половины XVI–XVII вв., отражающим срезы или хронологические слои систем поселений, социально-экономического состояния примерно одной и той же территории с временным разрывом, не превышающим 30–40 лет. Сведения писцовых материалов предоставляют возможность осуществлять географи-

ческую привязку населенных пунктов и прослеживать динамику их развития, трансформацию их в качественно иной тип, изменение их наименований, количественный и качественный состав их жителей, определить динамику их хозяйственной, этно-демографической и социальной характеристик.

Каждое из описаний, взятое по отдельности, отражает результаты земледельческого освоения Казанского края в конкретный временной отрезок, а вся генеральная совокупность сведений о землеустройстве и демографической ситуации делает реальной создание компьютеризованной мозаичной картины эволюции феодального землевладения и социально-этнической структуры населения в регионе. Именно в этом направлении ведется определенная работа. Надеюсь, что удастся совместить в едином координатном пространстве как картографические, так и сопутствующие им описательные материалы, каковыми являются и материалы писцового делопроизводства, применить к ним новые способы извлечения из них исторических сведений и визуализировать их информацию (Ковальченко, 2003, с. 118–140).

Список источников и литературы

1. Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. – Т. 1. – Казань, 1859. – 230 с.

2. *Вештомов* А. Село Вознесенское, что на Сарапуле, по дозорным книгам Осипа Зюзина 7129 (1621) г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 год. – Вып. V–VI. –1906. – С. 219–223.

3. Города России XVI века: материалы писцовых описаний / изд. подг. Е.Б. Французовой. – М., 2002. – С. 337–394.

4. *Дмитриев А.А.* Извлечение из дозорных книг Осипа Зюзина и Терентия Матвеева 1621 г. по Осинскому уезду // Пермская старина. – Вып. 8. – Отд. 2. – Пермь, 1900. – С. 140–145.

5. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. 1. – Ч. 2. – Саранск, 1951. – 581 с.

6. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: Хронологический перечень документов. – Казань, 1980. – 262 с.

7. История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – 503 с.

8. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

9. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646. – Л., 1932. – С. 71–130.

10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1136 (прежнее д.1178).

11. НБЛ ОРРК. Ед. хр. 565, 1302/17; 2457/3; 3055/1; 3418/1.

12. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – Кн. 1. – СПб., 1869. – 1078 с.

13. Перечневая книга Свияжского уезда: По материалам писцового описания 1646–1652 годов. – Казань, 2004. – 167 с. (7,3 п.л.)

14. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. – Казань, 1978. – 239 с.

15. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Текст и комментарии. – М., 2001. – 541с.

16. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов: публикация текста. – Казань, 2006. – 660 с.

17. Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 годов: Публикация описаний Зюрейской дороги (моногр.). – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2009. – 428 с.

18. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова. – М., 1997. – 309 с.

19. Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. – Казань, 1906. – 803 с.

20. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 435; Кн. 645; Кн. 955.

21. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 38/6446.

22. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никита Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567). – Казань, 1909. – 143 с.

23. Село Рожественское на Полянах, по списку с книги письма и дозору Конст.Шушерина и подьячего Гр. Амирева / сообщ. А. В-н [А.Вештомов] // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – 1908. – Вып.2. – С.14–16.

24. Казанский пригород Малмыж, по списку с переписных книг Тим. Бутурлина и подьячего А. Грибоедова 7154 (1646) года / сообщ. А. В-н [А. Вештомов] // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – 1908. – Вып.2. – С.16–20.

25. *Шишкин И.В.* История города Елабуги. – Казань, 1871. – Приложение. – 53 с.

Сведения об авторе

Мустафина Дина Абдулбаровна, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой документоведения и архивоведения Института международных отношений, истории и востоковедения К (П)ФУ (г.Казань); Dina.Mustafina@ksu.ru.

УДК 94 (470.4)"15/18"

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ В ТЕТЮШСКОЙ ОКРУГЕ ВО II ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII вв.

© 2014 г. Пашина Е.В.

В данной статье рассматривается проблема развития хозяйственной деятельности монастырей в Тетюшской округе во II половине XVI – начале XVIII вв., в которой автор выделяет два направления: хозяйственное освоение выделеннной земельной собственности (вотчины) и эксплуатация рыбных и других богатств близ располагающейся акватории (рыбные ловли, добыча соли, устройство зимовья). В контексте работы освещены основание и развитие Тетюшских монастырей: Никольского и Покровского. Основное внимание уделено предпринимательской деятельности центральных и поволжских русских монастырей в Тетюшском уезде во II половине XVI–XVII вв. Для написания статьи автор использовал многочисленные источники: грамоты, отписки, межевые и переписные книги, ревизские сказки.

Ключевые слова: крепость Тетюши, Тетюшский уезд, монастырь, вотчина, поселение, земельная собственность, рыбные ловли, «записная тетрадь», переписная книга.

ECONOMIC ACTIVITY OF MONASTERIES IN TETYUSHSKAYA THE DISTRICT IN THE II HALF OF XVI – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

Pashina E.V.

In this article the problem of development of economic activity of monasteries in Tetyushskaya the district in the II half of XVI – the beginning of the XVIII centuries in which the author mark out two directions is analyses: investment with their landed property (ancestral lands) and grant of the right of operation of fish and other resources by it near the settling-down water area (fish catching, salt production, the winter quarters organization). In a context of work the basis and development of Tetyushsky monasteries are considered: Nikolsky and Pokrovsky. The main attention is devote to business activity of the central and Volga region Russian monasteries in the Tetyushsky district in the II half of the XVI–XVII centuries. For article writing the author used numerous sources: imperial diplomas, formal replies, boundary and census books, revizsky census.

Keywords: fortress Tetyusha, Tetyushsky district, monastery, ancestral lands, settlement, landed property, fish catching, ground, census book.

II половина XVI века на территории Волго-Камского региона характеризуется началом процесса становления новой системы управления, что было связано с важным военно-политическим событием того времени – падением Казанского ханства и присоединением его бывших земель к Русскому государству. Новое правительство проводило ряд важнейших мероприятий по созданию военных опорных крепостей на всем пространстве присоединенного края, по формированию «русских» органов власти, а также вело политику христианизации местного населения и связанную с этим колонизацию земель бывшего ханства.

В Российском государстве в XVI–XVII вв. имелись две силы, обладавшие не только авторитетом и властью, но и значительными материальными средствами и людскими ресурсами – это правительство и церковь, поэтому с подчинением Казанского ханства началась активная колонизация его земель и прочих угодий. «Крупные пожалования монастырям в Среднем Поволжье начались с 20-х гг. XVII в.» (Ошанина, 1961, с. 65). Для правительства наделение монастырей земельными владениями имело важное значение: духовенство, получая пожалования от правительства, чувствовало себя обязанным охранять государственные интересы. Раздачу монастырям земли также следует рассматривать как создание материальной базы для дальнейшей христианизации. В связи с этим следует уточнить, что материальное положение монастырей было различным: от очень богатых до очень бедных. Источниками содержания любого монастырского комплекса являлись: вклады за пострижение, поминовенные и доброхотные приношения, сборы милостыни, а некоторые монастыри пользовались царской ругой. Многие из них имели свою недвижимую собственность: землю, угодья (мельницы, перевозы, соляные варницы, рыбные ловли и т.п.), лавки и дома, расположенные на территории самих крепостей, и даже целые слободы ремесленников (Доброклонский, 1889, с. 240). Таким образом, можно выделить два направления хозяйственной деятельности монастырей:

1. хозяйственное освоение выделенных государством земельных угодий, организация сельскохозяйственного производства;

2. эксплуатация рыбных и других богатств близ располагающейся акватории.

Развитие хозяйственной деятельности монастырей на территории Среднего Поволжья, начавшееся со II половины XVI в. и продолжавшееся последующие столетия, как типичного явления, можно просле-

дить на примере раздачи земельной собственности Тетюшским монастырям, а также организации другими монастырями промысловых предприятий на территории Тетюшской округи во II половине XVI – начале XVIII вв.

Тетюшский приход существовал с середины XVI века. На протяжении II половины XVI – начале XVIII вв. на территории Тетюшского уезда располагались владения нескольких монастырей. Первый из них, мужской монастырь Николы Чудотворца, да Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев был основан в 1559 г. (Вечеслав, 1869, с. 85; Ермолаев, 1980, с. 35; Зверинский, 1897, с. 100–101). С самого момента основания Никольскому монастырю была пожалована в собственность земля: «…дали в пустыню в нижние Тетюши в монастырь, что стал ново Николы Чудотворца, …, черному священнику Ионе, да старцу Нилу с братией, пониже монастыря на речке Черемше-Отары…, и буде на той пустоши пашню пахать, и сено косить, и всеми угодьями владеть…» (Чекмарев, 2004, с. 22). Таким образом, за монастырем были закреплены следующие земли: «Нижние Тетюши» и пустошь вдоль реки Черемша-Отары (Волга от Твери до Астрахани, 1862, с. 260; Чекмарев, 2004, с. 22, 75). Никольский монастырь был закрыт в начале XVII в. (Зверинский, 1897, с. 100–101).

Второй, тетюшский Покровский монастырь был устроен строителем игуменом Ионой в 1589 году. Он располагался «к северу от Тетюш, в районе нынешних деревень Любимовка и Федоровка» (Чекмарев, 2004, с. 75). В 1646 году Покровский монастырь был приписан к Московскому Новоспасскому монастырю, основанному еще великим князем Юрием Долгоруковым. Такое решение было принято по челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу от строителя Тетюшского Покровского монастыря старца Аврамея и казначея старца Романа с братьею о том, что «живут де они в нашем богомолье, в дому Пресвятые Богородицы, многие лета и им де, и монастырским их крестьяном от сторо чинятца налоги большие и продажи, и от тех де налог и от продаж братья многие и крестьяне розбрелись в рознь, и наше де богомолье не строитца» (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6478, л. 1). В связи с этим Покровский монастырь «подошел близко» к Троицкому монастырю Ураевской пустыни, которая приписана к Московскому Новоспасскому монастырю, и «чтоб им и их монастырским крестьяном до стольным врознь не розбрестися, и наше б богомолье не зопустело, и мы указали тот Покровский монастырь строить и старцов, и слуг, и крестьян того монастыря во всем ведать Спаского Нового мо-

настыря архимондриту Никону да келарю старцу Пафнотью Яропкину з братьею» (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6478, л. 2).

Кроме того, в данной грамоте «на владение приписным Покровским монастырем» мы находим сведения о довольно большом хозяйстве и деятельности монастырской братии: «в монастырских житницах и в сушилех, и в погребах всякие монастырские запасы, и погребные, и поваренные всякие суды, и на конюшнех всякие монастырские лошади, и на володье дворе всякой монастырской скот, и в монастырских вотчинах крестьян и бобылей, и монастырской всякой хлеб в житницах, молоченой, и по полем и в гумнах стоячей, и рыбные ловли и всякие угодья, чем они исстари к тому монастырю владели» (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6478, л. 3).

В 1644 году за монастырем значилась Вывоская слободка. Эти сведения получены из отрывка «Межевых книг поместных и казенных земель Валуйского, Воронежского, Казанского (служилых татар) и Тетюшского уездов разных межевщиков», где записано следующее: «…тово ж Покровскова монастыря Вывоской слободки бобыль староста Федька Зиновьев…» (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 932, лл. 381–381 об.).

В уезде монастырское хозяйство было намного шире – оно располагалось в четырех поселениях: селе Ильинское, деревнях Средняя и Задняя, а также в Дворской слободе. Общая численность населения (монахи, крестьяне и бобыли) в них составляла 264 человека (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 6445, лл. 847–853 об.).

Таким образом, в 1646 году Тетюшскому Покровскому монастырю принадлежало 4 поселения, в которых насчитывался 91 двор (264 души мужского пола (м.п.)). Все население вотчин Покровского монастыря по этноконфессиональному признаку являлось русским.

«Записная тетрадь Ногайской дороги Казанского уезда 1648–1649 гг.» характеризует размер и состав землевладения Покровского монастыря, который на момент ее составления уже являлся, как отмечено ранее, вотчиной Московского Новоспасского монастыря: село Спасское Преображенья Господня, слободка Ввозная, село Ильинское (поляна «Безымянная»), деревня Средняя («Дружининский починок»), деревня Задняя (починок «Мордовский и Юмаческий и Выползово»), пашни за оврагом Отрясовским (33 десятины), поляна Медведева (33 десятины), поляна Коротаевская (108 десятин), деревня Атары (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 155, лл. 524–529 об.).

Таким образом, Покровский монастырь в 1648–1649 гг. имел довольно большие земельные владения: 852,9 десятин пашни с правом косить сено на этих землях. Кроме того, за монастырем в 1649 г. значилась пустошь Атары, которая ранее принадлежала Тетюшскому Никольскому монастырю. Из «Записной тетради Ногайской дороги Казанского уезда 1648–1649 гг.» видно, что дворы деревни Атары (монастырский и крестьянские) запустели, а сама пустошь перешла в собственность Покровского монастыря (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 155, лл. 529–529 об.).

Выше изложенные данные свидетельствуют о том, что количество вотчин монастыря с 1646 года по 1648–1649 гг. (за 3–4 года) увеличилось. Если в 1646 году монастырь имел 4 вотчины, то в 1648–1649 гг. в его распоряжении находились: два села, три деревни, одна слободка, две поляны и одна пашня. Известно, что в последующие три десятилетия за монастырем числились: село Ильинское и деревня Средняя (Акты исторические, 1859, с. 51–52, 55–58, 64–65).

По переписной книге Казанского уезда Ногайской дороги переписи Григория Супонева 1678 года «За Тетюшским Покровским монастырем село Ильинское, что под Тетюши, да в деревне Середней, да в Звоской слободке крестьянских 22 двора, бобыльских 28 дворов» (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 9708, л. 168об.). Как видим, вотчинное хозяйство монастыря значительно уменьшилось в размерах и количестве, имеющихся в его владении вотчин.

О хозяйственной жизнедеятельности монастыря также свидетельствуют материалы I-ой ревизии города Тетюши, проводившейся в Российском государстве в 1718–1724 гг. (см. таблицу № 1 «Вотчины Покровского монастыря в 1721–1722 гг.»). Так, известно, что в 1720–1722 гг. вотчинами Покровского монастыря являлись Звоская слободка (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1090, лл. 4–4об.), село Ильинское и деревня Средняя (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1106, л. 51).

Таблица 1.

Вотчины Покровского монастыря в 1721–1722 гг.
(РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1106, л. 51)

Вотчины	Количество крестьян
Слобода Звоская	8
Село Ильинское	2
Деревня Средняя	26
Всего:	36

Как видим, вотчины Покровского монастыря в 1721–1722 гг. состояли только из крестьянского населения, большинство из которых проживало в деревне Средняя – 26 человек м.п., в Звоской слободке – 8 чел. м.п. и в селе Ильинское – 2 чел. м.п. Наличие крестьянского населения говорит о том, что в распоряжении монастыря имелись земельные угодья, но на их размер данный источник не дает никаких указаний.

П.А. Чекмарев в своей работе «Есть на Волге городок…» (2004 г.) указывает на то, что в начале XVII века самым богатым монастырем Казанской епархии – Спасо-Преображенским, был основан Троицкий монастырь. Он находился на острове Чертык, расположенном чуть выше Тетюш, ближе к левому берегу Волги (Чекмарев, 2004, с. 20). Но ни в источниках, ни в других работах мы не находим подтверждения о существовании этого монастыря, имеются лишь сведения о жизнедеятельности Живоначальной Троицкой церкви, расположенной на территории крепости Тетюши. Согласно «Переписной книге города Тетюши 1656–1657 гг.» за Троицкой церковью числилось следующее подворье: дворы дьякона, трапезника, трех попов, дьячка, понамаря, просвирни – всего 8 дворов (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 6479, лл. 1, 1об., 2, 4, 7, 22 об.). Кроме того, у соборной Троицкой церкви (за двумя попами и за дьяконом) значилась «полянка Поповка», расположенная «подле Черного лесу за ключем, которой ключ ис Черного лесу из болотины, и позади мостку, которой через тот ключ, и подле дороги, что в государево дворцовое село Федоровское, от города по левой стороне от ключа меж мостков по Моховое болото» (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 155, л. 333 об.). Площадь «Полянки Поповка» равнялась 6 десятинам в поле. В 1720–1721 гг. в Троицкой церкви служил штат, состоящий из 5 человек: «у церкви Живоначальные Троицы поп Иван Арте-

мьев, да у него ж сын поп Борис. У Бориса дети сын дьякон Микита, да у него ж сын пономарь Семион, да у него ж сын дьячек Лука. У него ж сын Фрол, сын Гаврила, сын Иван» (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1089, лл. 4–4об; РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1090, лл. 5–5об.; РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1091, л. 4об.).

Другим направлением ведения хозяйства монастырей является их деятельность по эксплуатации рыбных богатств акватории района города Тетюши и его округи. Следует выделить два вида этой деятельности. Первый из них характеризуется обеспечением монастырскими властями иммунитетными льготами своих судов, которые отправлялись «на Низ» с «запасами», а также за рыбой. Так, Московскому Троице-Сергиеву монастырю в 1593 и 1594 гг. была дана грамота о невзимании таможенных пошлин с судна, идущего за рыбой в Тетюши (Дубман, 1999, с. 32).

Второй вид указанной предпринимательской деятельности – организация монастырями собственных промысловых предприятий. Так, по грамоте 1576 года старцы Троице-Сергиева монастыря получили право ловить рыбу на Волге в районе Тетюш «по все лето на монастырской обиход … 15 связками» (Дубман, 1999, с. 32). В 1579 году Троице-Сергиев монастырь имел право на безоброчную и беспошлинную рыбную ловлю 20-ью связками «да частиком сту саженьми, а в частике две свяски с четвертью свяски» в реке Волге в Тетюшах и в Узях (НИОР РГБ, ф. 303/I, д. 526, л. 26–27), что подтверждалось в 1588, 1613, 1657 гг. (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, лл. 3–4). В 1608 году монастырь занимался рыболовством «на реке Волге и в Тетюшских плесах… 15-ью свясками», которое было подтверждено грамотами в 1614, 1657 (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, лл. 5–6), 1676 (НИОР РГБ, ф. 303/I, д. 526, лл. 27об.–29), 1680 гг. (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, лл. 5–6). Этот промысел монастыря был довольно крупным: вылавливалось 2000 осетров, которые не облагались пошлинами (НИОР РГБ, ф. 303/I, д. 526, лл. 36об.–39).

Развивая дальнейшую деятельность в акватории Тетюшских вод по созданию серьезной промысловой базы на Волге, Московский Троице-Сергиев монастырь основал свои одноименные приписные монастыри в Казани (1553 г.) и Свияжске (1572 г.), которые также получили право беспошлинной ловли рыбы. В 1576 г. Свияжский Троицкий монастырь получил грамоту на безоброчную и беспошлинную ловлю рыбы 15-ю связками в реке Волга и в Тетюшском плесе (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, л. 22), в 1576 г. землю (деревню) и

рыбные ловли здесь приобрел Казанский Троицкий монастырь (Дубман, 1999, с. 33). В 1616 г. Троице-Сергиев монастырь получил подтверждение на беспошлинную рыбную ловлю на Волге ниже Казани, Тетюш, Самары и Саратова (Ошанина, 1961, с. 65). В 1688 г. Казанский и Свияжский Троице-Сергиев монастыри ловили рыбу в реке Волга ниже Тетюш в Узях 15-ью связками и 13-ью связками соответственно с частиком сто сажень или вместо частика двумя связками безоброчно и беспошлинно (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, лл. 1–1а).

Таким образом, промысловая деятельность Московского Троице-Сергиева монастыря и его филиалов в районе Тетюшей была хорошо организованной, т.к. он сам и его приписные монастыри к началу 1580-х гг. приобрели здесь участки вод и создали крупный рыболовецкий центр в акватории Волги.

Московский Новоспасский монастырь с середины XVII века имел на оброке рыбные ловли в реке Волга у Гороховского острова, а в 1692 году получил право ловли рыбы «на низ по Волге реке меж митрополичьих вод от Чертыковские переливы от нижние изголови до города Тетюш до государева рыбного двора три версты, а от того рыбного двора до межи оброчных рыбных ловель Спаса Новаго монастыря до Сергеевского острова деветь верст восемьсот семьдесят сажень на Волге реке» (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6552, лл. 40–41). Оброк монастырь платил в размере 27 рублей 5 денег в год в Москве в Приказ Большого Дворца, а также в Казани на рыбный двор полотковую рыбу по 15 осетров.

Группа центральных монастырей, избравших для промыслового рыболовства среднюю и нижнюю Волгу, дополняется Ярославским Спасским и Костромским Ипатьевым монастырями. Грамота 1587 года пожаловала Спасскому монастырю право на беспошлинную покупку и провоз из Тетюш 3 тысяч рыб (Вахрамеев, 1896, с. 76). Костромской монастырь получил льготу на беспошлинный проезд судна в Тетюши и покупку там рыбы в 1595 году, которая была подтверждена в 1613 и 1623 гг. (Садиков, 1950, с. 56–57).

Помимо центральных монастырей Московского государства промысловые мероприятия проводили и местные поволжские монастыри. Так, с самого времени основания (с 1589 г.) Покровскому монастырю было пожаловано право ловить рыбу двумя связками в реке Волга под Тетюшами, на Узинском песку (в 15 верстах ниже города), в Тетюшских плесах безоброчно, что подтверждено в 1682 году (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6523, лл. 1–9). С 1624 года Покровский мо-

настырь имел безоброчные рыбные ловли двумя связками в реке Волга, в озерах Белое, Торопово, Подгорное, Княинка, а также в двух волошках Щучья и Кривуша (РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6463, лл. 1–3). Кроме того, в 1704 году ловцы монастыря имели рыбные ловли двумя связками в Утинских водах до Сергиевского острова 15 верст. В распоряжении Покровского монастыря в 1704 году для рыбного промысла находилось 2 амбара (РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 56, лл. 74об.–76об.).

В 1555–1557 гг. Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю были пожалованы рыбные ловли на Волге, ниже Камского устья в «тетюшских водах» 12 связок. В это же время получил на Волге тетюшские воды Казанский Успенский Зилантов монастырь, где мог промышлять 3 связками, а по грамоте 1560 г. он ловил рыбу уже 5 связками (Дубман, 1999, с. 35–36).

Определенную роль в хозяйственном освоении Тетюш в XVII в. сыграл Патриарший дом. Это ведомство формировало свою деятельность в следующих направлениях: эксплуатация рыбных и соляных богатств Понизового Поволжья путем создания собственных промысловых предприятий и приписных монастырей; приобретение крупных земельных владений и заселение их территории. Эти меры способствовали появлению и росту крупных промысловых и земледельческих центров (Дубман, 1999, с. 136). Важнейший административный, распорядительный, торговый пункт для всего Понизового Поволжья находился в Нижнем Новгороде на базе Благовещенского монастыря. Основание монастыря относится к началу XIII века (Тарловская, 1978, с. 5). Монастырь являлся важнейшим центром, связывающим Волжское Понизовье с Москвой. К 1646 году части околомонастырской застройки слились в единую слободу, крестьяне которой владели собственными кораблями, «занимаясь перевозкой хлеба, холста и лесных припасов в волжское Понизовье, а обратно доставляя в Нижний Новгород восточные товары – соль-бузун, рыбу и икру» (Филатов, 1991, с. 192). Благовещенский монастырь осуществлял общее руководство над этим так называемым «насадным промыслом», управляя организацией, распределением, снабжением, продажей товаров на огромной территории от Москвы до Астрахани. Такие патриаршие насады могли найти помощь и пристанище едва ли не в каждом поволжском городе. В 1674 г. такое зимовье было устроено в Тетюшах. Доказательством служит «Отписка от книги о деньгах, что отсылал из Синбирска старец Моисей с Образцом Доровитиновым в зимовье в Тетюши к насаду и иным делам» (РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 84, л. 42об.).

Таким образом, распространение монастырской колонизации являлось одной из главных задач внутриполитического курса царского правительства в Среднем Поволжье во II половине XVI–XVII вв. Православные монастыри в крепости Тетюши и ее округе выступали, прежде всего, как институты русской колонизации и хозяйственного освоения региона.

Все тетюшские монастыри располагались за пределами крепости. Они получили возможность распространить свое вотчинное хозяйство на значительные земельные пространства, а также пользоваться богатыми природными ресурсами и прочими угодьями.

Согласно многочисленным сведениям, наибольшее развитие и распространение хозяйственная жизнь Тетюшских монастырей получила в I половине XVII века, поэтому можно утверждать, что активная промысловая деятельность центральных русских и местных поволжских монастырей в земельном и водном пространствах в районе расположения крепости Тетюши и ее округе привела к активному хозяйственному освоению этой местности.

Список источников и литературы

1. Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – 231 с.

2. *Вахрамеев И.А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. – Т. 1. – М.: Синодальная типография, 1896. – 215 с.

3. *Вечеслав Н.Н.* Заметки по истории и древностям Казанской губернии. // Труды Казанского губернского статистического комитета. – Вып. 1. – 1869. – С. 57–87.

4. Волга от Твери до Астрахани. – СПб.: Типография Гогенфельдена и Ко, 1862. – 415 с.

5. *Доброклонский А.* Руководство по истории русской церкви. – Вып. 3. – М.: Университетская типография, 1889. – 307 с.

6. *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. – Самара: Изд-во Самарского университета, 1999. – 216 с.

7. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 261 с.

8. *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской Империи. – СПб.: Синодальная типогр., 1897. – Т. 3. – 260 с.

9. НИОР РГБ. Ф. 303/I. Д. 526.

10. *Ошанина Е.Н.* К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 50–74.
11. РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.
12. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 84.
13. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6463.
14. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6478.
15. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6523.
16. РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6552.
17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1089.
18. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1090.
19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1091.
20. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1106.
21. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 932.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6479.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9708.
26. *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 594 с.
27. *Тарловская В.Р.* Нижегородская Благовещенская слобода в XVII – I половине XVIII вв. // Проблемы истории СССР. – Вып. 7. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 3–18.
28. *Филатов Н.Ф.* Слобода Нижегородского Благовещенского монастыря в XVII веке // Записки краеведов. – Н.-Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. – С. 188–195.
29. *Чекмарев П.А.* Есть на Волге городок…(из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань: По городам и весям, 2004. – 400 с.

Сведения об авторе

Пашина Екатерина Владимировна, аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Tanja.paschina@mail.ru.

УДК 355/359(=512.1)

СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

© 2013 г. Пилипчук Я.В.

Данная статья посвящена этнополитической истории финских народов Северо-Восточной Европы в эпоху Средневековья. Тоймичи – это финно-пермский народ, получивший название от реки Тоймы. Чудь Заволоцкая это земля с преимущественно прибалтийско-финским населением. Этническую принадлежность Печеры сложно установить. Пермь не является синонимом Бьярмаланда. Удмуртами правили выборные старейшины – эксеи и батыры, однако они подчинялись татарским бекам и ханам. Арские князья были татарской знатью правящей удмуртами. Удмурты не смогли создать государственность, в отличии от коми. Великопермские князья были русифицированными и христианизированными коми. Коми-зыряне и есть Сура поганая.

Ключевые слова: коми, Чудь Заволоцкая, удмурты, коми-зыряне, тоймичи, Бьярмаланд, Пермь.

THE NORTH-EASTERN EUROPE IN THE MIDDLE AGES: THE CONTROVERSIAL ISSUES OF ETHNIC AND POLITICAL HISTORY.

Pylypchuk Ya.V.

This paper deals with the ethno-political history of Finnish peoples of North-Eastern Europe in the Middle Ages. Toymichi this Finno-Permian people. Chud Zavolotskaya were land with Balto-Finnic predominantly population. Perm is not synonymous Bjarmaland. The question of identity of the Pechora is difficult to solve. Udmurtia elected batyrsand ekseis for rule in their land, but they obeyed the Tatar khans and beks. Udmurt could not create a state, unlike Komi. Great Perm princes were russificated and christinized Komi peoples. Arsk princes were Tatar nobility, who rules Udmurtia. Komi Zyriane is a Sura Poganaya of Russian Sources.

Keywords: Komi, Chud Zavolotskayam Udmurts, Komi-zyrians, Toymichi, Bjarmaland, Perm.

История финно-пермских народов является не особо популярным объектом исследования из-за фрагментарности сведений источников и ряда нерешенных проблем. История Северо-Востока Европы является уравнением со многими неизвестными. В частности одной из наибо-

лее обсуждаемых проблем является время распада прапермской этнической общности и вопрос роли угорских племен в этногенезе финно-пермских народов этого региона. Кроме того, необходимо ответить на вопрос: возможно ли было удмуртам и коми построить государство. В нашем исследовании мы постараемся дать ответ на ряд проблемных вопросов.

Нужно отметить, что первым сюжетом, благодаря которому исследователи интересуются историей коми, была проблема Бьярманланда. Некоторое время с ней соотносили Пермь. Первым предположил тождество Перми и Бьярмаланда Ф. Страленберг. Потом его переняли финские ученые шведского происхождения А. Шегрен, М. Кастрен и Д. Европеус. В оппозицию к этому отождествлению встали С. Соловьев, Д. Иловайский, А. Дмитриев, И. Смирнов. К. Тиандер в свое время отметил, что названия Пермь и Бьярманланд бытовали в разных языках и переход из Бьярманланд в Пермь невозможен с точки зрения лингвистики. Этноним Bjarmar стал известен как Beormas англо-саксонцам благодаря норвежцам, в частности Оттере из Халогаланда. Переход начального b в p был возможен только в прибалтийско-финских языках. Отождествление Бьярмаланда с Пермью натыкается на ряд сложностей лингвистического характера. Название Пермь впервые встречается в этой форме в русских документах, в частности, в Повести Временных лет и в грамотах владимиро-суздальских князей Новгороду. Вопросы с Бьярмаландом и Вису разобраны нами в более ранних публикациях. Бьярмаланд можно локализировать в районе Заволоцкой Чуди, а бьярмы были названием разноэтнического прибалтийско-финского населения этой земли (Тиандер, 1901).

Термин «Великая Пермь» позднего происхождения. Пермь упомянута у Епифания (автора «Жития Стефана Пермского») (Вершинин, 2001; Епифаний Примудрый). Как новгородская волость Перемь упомянута в договорных грамотах Ярослава Ярославича с Новгородом. Но вопрос ещё в том – какая эта была Пермь, поскольку русские источники знали две Перми – Вычегодскую и Великую (Вершини, 2001; Семенов, 2004; Напольских, Чураков, 2009, с.473, 476). Столица Перми Вычегодской находилась в городище Усть-Вымь. По стопам коми в Западную Сибирь пришли новгородцы и уже в середине XIII в. Перемь, Югра, Печора были зависимыми территориями от Новгорода, как и Заволочье, Колоперемь и Тре (Напольских, 2005). Регулярные походы новгородцев на северо-восток начались ещё с XI века. Пермь как народ зафиксирован в вводной части летописи Нестором между «Заволоцкой чудью» и

Печорой. Освоение просторов коми-пермяцких земель русскими должно было начаться со времени основания Устюга (ПВЛ).

А. Туркин отмечал, что Вычегодско-Вымской летописи встречались следующие наименования коми: пермскии люди, пермские люди, пермин, пермины, пермяне, перемеки, пермяки, пермеки. В Житии Стефана пермского реками в землях коми назывались Вымь, Вычегда, Вятка, Кама. Племенами коми были вычегжане, вилежане, пинежане, южане, сырьяне (зыряне), ганане. Они упомянуты как народы живущие у Перми. Сигизмунд Герберштейн упоминал Пермию как большую страну на 250–300 миль с одноименным центром, который стоит на Вышере (Туркин, 1995, с.17–20; Герберштейн, 2006).

Политоним Perä-maa («Задняя Земля») прибалтийскими финнами использовался для обозначения колонизируемых земель. Вполне правдоподобны предположения Д. Бубриха и О. Прицака о том, что «Заволоцкая Чудь» была областью расселения вепсов (Пріцак 2003, с.567–568; Бубрих, 1947). Так как это была не их коренная территория, то для её обозначения они могли употреблять определение «Задняя Земля». У новгородцев это название прижилось в форме «Заволоцкая Чудь». В топонимии и антропонимики Двинского края широко представлены прибалтийско-финские названия (Saarikivi, 2006, p.151–158 (136–148)). В бассейне Пинеги обнаружены топонимы мерянского происхождения (Saarikivi, 2006, p.135–137 (51–52)). Также в районе Пинеги обнаружены топонимы карельского и вепского происхождения (Saarikivi, 2006, p.132–135 (48–51)). Саамский компонент также присутствовал в топонимии региона (Saarikivi, 2006, p.129–132 (45–48)). Население Заволочья было полиэтничным и включало прибалтийско-финский, мерянский и саамский компонент.

Вопрос о Заволоцкой Чуди долго интересовал ученых. М. Кастрен считал, что это наименование относилось или к карелам или к вепсам. Д. Европеус первоначально высказался за тождество ее с карелами, хотя потом считал ее население с древними уграми. П. Ефименко высказался в пользу ее угорской идентичности. Д. Бубрих считал, что Заволоцкая Чудь это вепсы. А. Туркин отождествлял Чудь Заволоцкую с вепсами и отчасти с карелами. Б. Серебреников сопоставлял ее с карелами и вепсами. А. Попов считал язык Чуди Заволоцкой близким к западнофинским диалектам. А. Матвеев считал этот язык северофинским промежуточным между карельским и вепским. Он считал этнический состав Чуди Заволоцкой сложным и отмечал в основном северо-финское (в другой классификации прибалтийско-финские и

саамские языки) население края. Касательно финно-пермского населения, он отмечал, что оно присутствовало на Пинеге. Н. Макаров считает Чудь Заволоцкую собирательным этнонимом, относящимся к разным в этническом отношении народам. Среди них он называл выходцев из Приладожья (карелов и вепсов), белозерских вепсов, мерю Верхнего Поволжья. М. Иванищева видела в Чуди Заволоцкой финно-пермское население. Все археологические памятники Чуди Заволоцкой довольно поздние и относятся к эпохе викингов и эпохе славянской колонизации Крайнего Севера.

Рядом с Чудью Заволоцкой вероятно находились и загадочные тоймичи. А. Попов и Е. Рябинин видели в них финно-пермский народ. А. Матвеев связывал тоймичей с северо-финскими народами и считал их особой группой. Они, по его мнению, жили в районе реки Юг. Е. Хелимский считал, тоймскую ветвь тождественной северо-финским народам у А. Матвеева. Он разработал свою систему классификации финно-угорских языков. В северо-западные финны попали прибалтийско-финские народы, саамы обозначаемые Lapp, саамы обозначаемые Лопь, тоймичи и меря. По мнению Я. Саарикиви, тоймичи были прибалтийскими финнами. П. Голдэн видит в тоймичах группу финского населения на Севере. Этноним тоймичи упомянут лишь единожды – в «Слове о погибели Русской земли». Они упомянуты в перечне языческих стран платящих дань Руси. Нужно отметить, что для субэтничных групп коми и удмуртов названия обычно происходили от рек. У прибалтийских финнов из таких только ижора. Тоймичи с большой долей вероятности были финно-пермским этносом или субэтносом. Вероятно, тоймичи и население Заволоцкой Чуди были ассимилированы славянами и карелами, пришедшими в этот регион (Иванищева, 2012, с.41–45; Голубева, 1987, с.64–67; Рябинин, 1987, с.113–148; Бубрих, 1947; Golden, 1990, p.250; Матвеев, 2007, с.15–27; Saarikivi, 2006; Helimski, 2006, p.111–127; Пріцак, 2003, с.567–568; Жеребцов, 1972; Жеребцов, 1999в).

Достаточно сложен вопрос с регионом, где древнерусские летописцы локализировали Печору. Она находилась по соседству с Югрой, в которую осуществил свой поход Гюрята Рогович. Сложно ответить – кем они были. А. Мурыгин отмечал, что в регион шли переселения как из северного сибирского Зауралья, так и из Предуралья. Еще одним загадочным этносом была Сура поганая. А. Туркин считал Суру родственным этносом к пермянам. По мнению исследователя, этникон зырянин произошел от суры поганой, которая была соседом

Чуди Заволоцкой, а уже из языка Чуди Заволоцкой попал в древнерусский язык (ПВЛ; Мурыгин, 1994; Туркин, 1995, с.24).

Вопрос происхождения пермян очень интересен. Историография этого вопроса была проанализирована в пособии А. Ситдикова. Интересен вопрос о прародинах прапермян. А. Спицын считал, что удмурты жили на нижней и средней Вятке, а коми жили на верхней и средней Чепце, а также на верхней Каме. А. Халиков локализировал прародину пермян на Вычегде, и связывал с прапермянами вычегодский вариант Гляденовской культуры. Он предложил традиционную схему происхождения от Ананьинской культуры до Ванвиздинской культуры с вымцами (пракоми). Ю. Вихман и Т. Итконен размещали прародину пермян в нижнем и среднем течении Вятки и Камы. Причиной распада прапермского единства считали вторжение булгар, которое привело также к расселению пермян на север. В именьковское время до булгар, по мнению В. Напольских, прапермяне еще были едины. С.Белых считает, что именно в булгарскую эпоху распалась прапермская общность. По его мнению, прародиной пермян не являются бассейны Печоры и Мезени. Коми заняли эти земли, ассимилировав местное парауральское население. Р. Голдина видела в пьяноборцах праудмуртов, а в гляденовцах – пракоми. При этом в эпоху Великого Переселения народов в район расселения прапермян проникли угры саргатцы, которые, впрочем, были сравнительно быстро ассимилированы. Ломоватовскую, неволинскую и поломскую культуру исследовательница рассматривала как локальные варианты культуры пермян. По мнению С. Белых, в VI–IX вв. прапермская культурная общность, состоящая из эндопермских племен, оставалась единой. И. Пастушенко считал, что финал существования неволинской культуры ознаменовался переселением ее населения на север и участии его в формировании родановской культуры. Е. Казаков и В. Иванов указывали, что булгары насильственно выводили верхнекамское и чепецкое население в свои владения. А. Белавин считал, что основу этих вынужденных переселенцев составляли неволинские племена. В. Геннинг и А. Иванов считали, что под давлением булгар ломоватовцы, поломцы и неволинцы выводились в их владения. Р. Голдина считала переселение добровольным. Л. Макаров считал, что переселение из бассейнов Чепцы, верхней Камы и Сылвы было добровольным и обуславливалось перенаселенностью указанных регионов. Распад эндопермского ядра произошел в конце I тыс. и был обусловлен расселением эндопермян от Нижней Камы и Вятки до Вычегды и Выми. Предки коми-

зырян сформировали вымскую археологическую культуру (Белых, 2009, с.44–76; Ситдиков, 2008, с.26–30).

Если говорить об этнониме удмурт, то самоназвание происходило от композита ud-mort, urt-murt, uk-mort. Вторая часть композита murt восходила к коми mort или пермско-мордовскому merta. Merta, в свою очередь, восходило к арийскому mrta. Во всех случаях оно обозначало человек. Ud было древним самоназванием народа. Марийцы называли удмуртов odo(marij). К. Редеи считал, что самоназвание восходит к пермско-марийскому onte (побеги, сходы), а то, в свою очередь, к древнеиндийскому andha. По мнению С. Белых, ode-mort – это заимствованный из одного из иранских anta-marta (житель пограничья, человек окреины). По мнению В. Напольских, первым летописным упоминанием об удмуртах был рассказ о походе Ивана III, где они упомянуты как «Вотяцкая земля». В летописях, при упоминании событий XVI в., они упомянуты как вотяки, отяки и даже «черемиса зовомая отяки». Русское название удмуртов происходило от самоназвания группы удмуртов, живущих на Нижней Чепце – ватка. Северные удмурты жили по реке Вятка. В XV в. они оказались под властью русских. Вторая группа удмуртов жила по притокам реки Кильмези, за что была прозвана Калмез. С. Белых считал, что этноним происходит не от реки, а от слова kilmez – остаток. В героических сказаниях об удмуртских батырах в южно-удмуртском ареале упоминалось, что с удмуртами воевал народ пор. Так удмурты называли марийцев, а Поркар – это соответственно марийский город. В свое время марийцы вытеснили удмуртов с междуречья Ветлуги и Вятки в бассейн Вятки. Племена марийцев продвигались в район Пижмы и Вятки. Сначала удмурты отступили к Вятке, а потом в ее левобережные притоки. Память об удмуртах в Марий-Эл и на юго-западе Кировской области сохранилась в этнотопонимах Одо. Марийцы упоминали об Одо-лемах, живших в этом регионе до них. По удмуртским сказаниям в противостоянии марийцам большую роль сыграл батыр Ядыгар. Беженцы из рода Шудья бежали в район Кильмези, где жили их родственники – роды Бия, Вамъя, Кутья, Можг, Сьольта, Чунча, Юбера, Юсь. Шудья широко распространились по Южной и Центральной Удмуртии. Древнейшими родами удмуртов были рода Дурга, Дикъя, Жикъя, Какся, Можга, Омга, Пельга, Пурга, Салья, Сурья, Сюра, Тукля, Уча, Чабья, Чола, Шудья, Эгра, Юкья, которые сформировались в Южном Прикамье. В. Чураков отмечал, что к этногенезу пермян имели отношение также и именьковцы и буртасы. В. Напольских по лингвисти-

ческим данным предполагал первоначальное расселение пермяг в Среднем (Сарапульском) Прикамье. В прапермском встречались иранизмы, так что первоначальная территория расселения была ближе к границе леса со степью. Общая лексика с уграми позволяет локализировать прародину пермян недалеко от исконных мест обитания манси. Также пермяне поддерживали контакты с именьковцами и венграми. По мнению В. Напольских, территория расселения пермян находилась в Среднем Приуралье между Сарапулом и Пермью. Наступление волжских булгар вынудило часть племен пермян переселиться, те же, кто покорился, стали предками удмуртов и бесермян. Однако разрыв пермского диалектного континуума состоялся не ранее XIV–XV вв. (Напольских, 1997, с.49–51; Чураков, 2005а; Чураков, 2006б; Чураков, 2006а; Напольских, 2010, с. 10–22).

В XII в. русские начали проникать на удмуртскую территорию. В 1174 г. новгородцы были на Каме, а в 1181 г. – на Чусовой. Они взяли Болванский чудской городок. Второй отряд новгородцев вошел в устье Вятки и взял марийский городок Кокшаров и на его месте построил Котельнич. Л. Макаров предполагал, что это было Пижемское городище на реке Пижма. В XIV–XV вв. в районе бассейна реки Вятки сложилась вечевая республика с центром в Хлынове (Вятки). В устье реки Моломы возникло несколько русских поселений. Удмурты-ватка оказались в сфере влияния русских. Северные удмурты также воевали с южными удмуртами на реке Чепце. Кальмезский род Тукоя переселился на Кильмезь, Валу, Уву. Наступая на Чепцу, переселились удмурты-ватка родов Бигра, Дурга, Кушъя, Лекма, Поска, Побъя, Сянья, Чабья, Чипья. Героями ватка были батыры Донда, Идна, Гурья. В бассейне Чепцы находились города Дондыкар, Гурьякар, Весьякар, Зуйкар. Население в бассейне Чепцы было смешанным – частично ватка, частично калмез. Также во времена Стефана Пермского на Чепцу пришли коми, которые были представлены родами Чудна и Чудьза. Удмурты возглавлялись батырами и вождями племен и родов – эксеями. Предания помнят имена Донды, Бурсин Чуньыпи, Селты, Кужлю Бигра, Мадан, Тутой, Шудзя, Можга, Бия, Ядыгар, Ожмег. Старейшины и отважные воины назывались батырами. Предания сохранили память о том, что батыры могли передавать земли в наследство. Батыры жили в городищах – карах. Вокруг них собиралась дружина, которая собирала с населения дань. Право собственности на предметы обозначала тамга. Таким же было общественное развитие и у соседей удмуртов – коми. Однако оно серьезно уступало славянам и тюркам. Удмур-

ты-кальмез платили харадж булгарам, а в их землях находились булгарские крепости. Земли удмуртов-калмез входили в состав Золотой Орды и, вероятно, они находились на положении, схожем с мордвинами. В земли удмуртов приезжали баскаки, а также там находились отдельные поселения татар. Однако государственности, в отличии от коми, им не пришлось увидеть. В свое время М. Атаманов высказал мнение о том, что арские князья – это удмурты, принявшие ислам. Однако это маловероятно. В. Чураков считает каринских арских князей татарами. Об этом же свидетельствует шеджере (генеалогия) этих князей. С. Белых усматривал в утверждениях об удмуртских князьях мифотворчество. Арские князья, как вассалы русских, приняли участие в походе против Вятской земли в 1489 г., а еще раньше – в 1462 г. они получили земли на Вятке. Вместе с арскими князьями на Вятку пришли удмурты из родов Дурга, Сюра, Чабья и Чола. Также в славянские земли пришла часть бесермян. Таким образом, на север переселился род арских князей со своими подданными (Атаманов, 2004, с.58–67; Чураков, 2005а, с.557–560; Чураков, 2005б, с.216–219; Белых, 2005, с.10–16; Макаров, 2004; Макаров, 2006, с.325–330; Чураков, 2006а; Чураков, 2006б).

Касательно степени влияния тюрок на удмуртов, то можно сказать, что в удмуртский язык проникло множество тюркизмов. Кроме того есть обособленный удмуртский субэтнос – бесермяне. Они язычники, но приняли как самоназвание тюркское обозначение мусульман. Кроме того, в языческих молитвах они использовали арабскую форму обращения к Аллаху, что свидетельствует о их длительных взаимоотношениях с булгарами. В русских документах бесермян часто называли «чуваша». Бесермяне вместе с Кальмез и Ватка на Чепце были подданными арских татарских князей. Часть удмуртов, после того как русские взяли Казань, воевали против войск царских воевод во время Первой Черемисской войны в 1553–1557 гг. Разбитые удмурты с Вятской и южной и центральной части Арской земли бежали в Башкирию, спасаясь от принудительной христианизации. Начиная от покорения русскими Вятки в 1489 г. и заканчивая падением Казанского ханства в 1552 г., большинство удмуртов были объединены в одном государстве (Напольских, 1997, с.52–54; Атаманов, 2004).

Об удмуртах по письменным источникам известно крайне мало. По праву основной массив информации нам поставляет археология. Можно предположить, что в составе прапермской общности дифференцировались на пра-коми и пра-удмуртов. Первым упоминанием об

удмуртах, вероятно, являются данные еврейско-хазарской переписки, где упомянут народ Арису. Ал-Гарнати несколько позже также упоминал о народе Арису (или Ар). Вероятно, эти этнонимы связаны с тюркским названием удмуртов – ar. Арской стороной назывались владения каринских татарских князей в Удмуртии. Третим по времени упоминанием являются сведения Юлиана о Пойдовии (Аннинский, 1940, с.85; Гарнати, 1971; Чураков, 2006а). Ю. Зеленеев отождествляет Пойдовию с землями удмуртов (Зеленеев, 2000, с. 19). В пользу этого же отождествления высказалися В. Чураков и В. Напольских. У удмуртов встречался формант одо (Напольских, Чураков 2009).

Касательно этногенеза удмуртов, то, как и у коми, большое значение в формировании этнического облика сыграла ананьинская культура. На смену ананьинцам сформировалась пьяноборская культура, которая достигла сравнительно больших успехов в развитии. Пьяноборская культура занимала большой массив земель от реки Белой в Башкирии до вятско-ветлужского междуречья. В бассейне Вятки находили так называемые памятники худяковского типа. На их основе сформировалась азелинская культура III–VI вв. Поздний этап азелинской культуры называемый еще еманаевской культурой продлился до IX в. Южноудмуртские группы образовались на основе худяковско-аезлинских и еманаевско-кочергинских памятников. Североудмуртские группы сформировались на основе постананьинских памятников харинoломоватовской культуры. Харинцы, вероятно, были полукочевыми угорскими группами, подчинившими местное пермское население, однако через несколько поколений ассимилировались среди местного населения. Похожая судьба ждала и угров-саргатцев пришедших в Прикамье в район распространения неволинской культуры. Неволинцев и поломцев большинство современных ученых относит к финно-пермским племенам. Также есть все основания относить к финно-пермским народам и носителей поломской культуры. Присутствие схожих черт в материальной культуре венгров и этих культур Прикамье, позволяют говорить о контактах венгров на их волго-уральской прародине с финно-пермскими народами. В языке финно-пермских народов и венгров есть ряд общих черт (Розенфельдт, 1987в; Розенфельдт, 1987г; Розенфельдт, 1987д; Напольских, 1997, с.48–51; Голдина, 2004; Голдина, 1985; Голдина, 2012; Голдина, 2013, с.89–109).

С. Белых отмечал, что удмуртов и коми русские не дифференцировали до XV в. А. Ситдиков указывал, что распад пермской общности состоялся в XV–XVI вв. И удмуртов и коми русские долгое время

называли как Пермь. С. Белых считает, что причинами распада прапермской общности был ряд причин. Начало русской колонизации в XI–XII вв. было причиной дифференциации прапермской языковой общности. В XI в. русские вошли во взаимодействие с пермянами, жившими в низовьях Вычегды, реках Лузе и Юге, по правым притокам Северной Двины. В XII в. на Выме и Вычегде появились древнерусские поселения и началось активное заимствование славянской лексики местным населением. Булгарские слова также заимствовались по диалектной цепочке, однако у коми присутствовали в куда меньшем объеме, чем славянизмы. Герои эпоса коми Педор Кирон и Кирьян Варьян названы русским соколом и хранителем Русской земли. Пера изображен как богатырь, служащий русскому правителю. Отношение коми к русским позитивное, и нередко они отождествляли себя с русскими государствами, в то время как герои удмуртского эпоса сражаются с русскими. Идна погиб в сражении с русскими, а батыр Селта сражался с русскими, марийцами и татарами. Огромную роль в разделении также сыграло принятие коми христианства, в то время как удмурты сохраняли язычество. Как русские оказывали мощное культурное влияние на коми, так татары оказывали влияние на удмуртов. Когда Стефан Пермский в последней четверти XIV в. прибыл в Пермь, то уже различал ряд местных этносов, в частности, зырян (коми-зырян), гогуличей (вогулов, манси), татар. Население Прикамья оказалось вполне готовым к принятию новой религии – христианства. За Прикамье спорили Новгород и Москва. «Пермские места устюжские» перешли под контроль Москвы около 1364 г. Православный миссионер Стефан дал коми, которых русские называли пермянами, алфавит, называемый анбуром. Это четко датировано в вычегодско-вымской летописи в 1384 г. На нем были написаны священные книги, а сам Стефан, вероятно, говорил среди своей паствы на языке коми. Противником христианизации выступил Пам-сотник, однако в центральных землях он не получил значительной поддержки. Поддержку он получил у периферийных коми – пинежан и удорцев. В Усть-Выме, Искоре, Чердыни строились православные церкви. Стефан стал одним из многих епископов, которые приучили коми к монотеизму. В 1383 г. Стефан попросил в Москве епископа для коми. После этого в 1384 г. Стефан предпринял активные действия против язычества. Он уничтожал изображения пермских богов из дерева и камня. Он уничтожал их и в поселениях, и в лесах, и на границах, и на дорогах. В 1385 г. когда на коми напали новгородцы, то Стефан с помощью устюжан отбил их

нападения. В 1386 г. новгородцы опустошали территории вычегжан и устюжан, однако Стефан смог добится заключения мира. В 1389 г. коми-язычники из Удоры и Пинеги напали на Яренск и опустошили местный монастырь. В 1392 г. Пам привел на Усть-Вым манси, которые остановились на Юруме около Асыкояга и отступили, услышав об устюжанах. Из сведений жития и летописи можно заключить, что Стефан пользовался поддержкой и уважением со стороны устюжан и большинства коми (Епифаний премудрый; Вычегодско-Вымская летопись, 1958; Белых, 2009, с.96–118).

Самоназванием коми является komimort – мужчина коми. Этноним komi восходит к прауральскому kome (человек, мужчина). Верхнее Прикамье называлось kommu. Kymi называлась река, удмуртское Kam обозначало большую реку, почему так и называлась Кама. Коми-зыряне называли коми-пермяков kommusa. Komi-mort также буквально значит человек из Прикамья. До XVIII в. коми знали только по экзоэтнонимам и только после этнографических экспедиций Ф. Страленберга и Г. Миллера коми стали называть по самоназванию. Этнос коми возник на базисе нескольких археологических культур. Большую роль в формировании коми сыграли ананьинцы. После ананьинской культуры возникла гляденовская культура, а потом гляденовцев сменили носители родановской и вымской культур. В XII в. огромные площади Крайнего Севера оказались в зависимости от Новгорода. Коми жили по Югу, Северной Двине, Пинеге, Выми, средней и нижней Вычегде. В земли коми проникали и люди владимиро-суздальских князей. Они основывали Гледень и Устюг как форпосты. Связи же коми с булгарами и татарами были слабыми. В языках коми не больше 30 тюркских заимствований. Центром христианизации коми же стал Пырос (сейчас Котлас) (Напольских, 1997, с.55–58; Вычегодско-вымская летопись 1958; Туркин, 1995, с.25–26).

Стефан Пермский упоминал о зырянах. Вероятно, славянская форма возникла от коми surja. К. Редеи считал этот этноним восходящим к сибирскому угорскому seran обозначавшему коми и восходившему к иранскому zray-an (приморский житель). По мнению В.Напольских, угорская форма названия происходила от русской формы «зырянин». А. Туркин указывал, что относительно к этнониму зырянин было несколько гипотез. Этимологию этнонима он выводил от коми зырсины (вытеснить) или зырӧдӧмаяс (сдвинутые, вытесненные с прежних мест проживания). А. Шегрен предполагал этимологию от финского syrjä (край), откуда syrjäläinen (живущий на краю).

Л.Лашук предлагал коми этимологию – сьӧр йӧз (удм. сьоръёс), то есть сторонний народ, народ живущий в стороне от нас. Ханты называли коми sərän, sərán, săran,sārán. У манси обозначение коми – sarän, удмуртское обозначение коми – sara kum, а у ненцев saran, sānnȩ̄r. А. Туркин отмечал, что в Никоновской летописи при описании похорон Стефана Пермского упоминался народ сырьяне. Возможно, эти сырьяне и есть Сурой поганой. Нужно отметить, что христианизация коми не была завершена Стефаном. В 1398 г. епископом стал Исакий, в 1418 г. – Герасим, в 1444 г. – Питирим. Все они проповедовали христианство и искореняли язычество. В 1462 г. новый пермский епископ крестил Великую Пермь, то есть коми-зырян. Но даже при нем процесс не был закончен. Для верований коми-зырян и коми-пермяков куда более уместно говорить о двоеверии, хотя к концу XV – началу XVI в. они были христианизированы (Напольских, 1997, с.55–58; Вычегодско-вымская летопись, 1958; Головчанский, 2006; Туркин, 1995, с.21–23).

В XV в. на территории расселения коми возникли два государственных образования – Пермь Великая и Пермь Вычегодская. Касательно происхождения князей в этих княжествах, то тут есть несколько точек зрения. По мнению сторонников местного происхождения князей (А. Дмитриев, А. Зимин, В. Голубев, О. Семенов, Е. Вершинин) они происходили от местных коми, возглавлявших сотни. Противниками этой точки зрения являются В. Оборин, Г. Чагин, Л. Макаров, которые считают, что они происходили от верейской линии Рюриковичей. В качестве главного аргумента использовались данные вычегодско-вымской летописи о том, что де князья происходят из Верейска. Полемика относительно этого вопроса достаточно подробно разобрана в статье Е. Вершинина. Теория верейского происхождения князей несостоятельна еще и потому, что Михаил Андреевич, правящий Вереей и Белоозером, был близок к Василию II Темному и никуда не удалялся. Потомки же его никакого отношения к Перми не имели. Вымские и великопермские князья могли происходить из местной аристократии. Сами князья стали регулярно упоминается в источниках с середины XV в. До того куда большую роль играли епископы. Князья носили имена Ермолай, Василий, Михаил, что несколько ввводило в заблуждение исследователей, которые считали их русскими. Но люди из окружения князя, например, сотники носили вполне местные имена – Мичкин (зыр. Мича), Бурмот (зыр. Бур морт), Исур, Коч (зыр. Катша), Зыр (зыр. Зыран). В жалованной грамоте 1485 г. Иван III

наделил аристократию землями, официально урегулировав отношения с коми. Сотники первоначально играли роль жрецов, но в XV в. перешли к полностью светской власти. Сотники избирались народом среди храбрых батыров. Нужно отметить, что славянские имена не были чужды и прибалтийским финнам, несмотря на разницу в культурном отношении. С 1472 г. фактически Пермь стала одним из уделов Русского государства, хотя династия Ермолаевичей еще несколько десятилетий была на престоле (Вершинин, 2001; Вычегодско-вымская летопись, 1958; Корчагин, 2010–2011; Семенов, 2004; Мацук, 2008; Туркин 1995, с.20).

Трансформации на севере были зафиксированы и археологами. По мнению Л. Розенфельдт, Перми Вычегодской соответствовала ванвиздинская культура. Местное население жило на верхнем течении Мезени и верхнем и среднем течении Печоры. Мигрировали они в этот регион во второй трети I тыс. н.э. Поселения носителей ванвиздинской культуры не были укреплены и представляли собой стоянки, которые не были укреплены. Они строили деревянные дома, охотились и рыбачили и принадлежали к балтийско-беломорскому типу европеоидной расы. Обычными для них были луки со стрелами, топоры, копья, которые также использовались и в быту. Л. Розенфельдт считает ванвиздинцев близкими к вепсам. А. Ситдиков отмечал, что на формирование культуры коми оказали влияние поволжско-финские народы, вепсы и ванвиздинцы. На смену ванвиздинской культуре пришла вымская культура, которую Л. Розенфельдт сопоставляет с комизырянами. В источниках знали народ Пермь. По нашему мнению, ванвиздинскую культуру можно сопоставить с народом, который был известен в летописях как Печора. Из земель этого племени можно было добраться к Югре. Вымская культура была сплавом местных ванвиздинских и традиций коми. Памятники вымской культуры, в основном, концентрировались на Выми и Вычегде, отдельные памятники находились на Мезени, Сысоле, Вашке. В отличии от миролюбивых ванвиздинцев вымцы строили поселения, обнесенные валами и частоколом. Они строились на мысах и возвышенностях, чтобы враг не смог легко взять поселение. В качестве оружия использовали луки со стрелами, мечи, копья, защитное вооружение составляло кольчуги и шлемы. На вооружении находились и бронебойные стрелы. Поселения коми-пермяков находились на Каме, Вишере, Иньве, Ибве. Городища были на сравнительно небольшой площади с рвами и валами. Строились они на мысах и возвышенностях. Эпоха родановской культуры

это героическая эпоха в истории коми. С ней связано появление героического эпоса о пермских богатырях – Кудым-Оше, Пере-богатыре и других. Достаточно большие поселения как Искор, Анюшкар, Родановское, Куласово, Рождественское, Кудымкар, Шудьякар. Через Предуралье и Прикамье проходили важные торговые пути. В составе родановской культуры было не менее семи племенных групп, что и не удивительно учитывая большое количество диалектов коми. Э. Савельева и В. Королев предположили, что в домонгольское время население в районе будущей Перми Вычегодской поддерживали контакты с волжскими булгарами. Коми поставляли меха. Путь на север шел с Волги на Каму с Камы на ее притоки на Северную Кельтму и Нем или по альтернативному пути по Вятке и Сысоле. Через земли коми проходили новгородцы в походах на Югру (Розенфельдт, 1987а; Розенфельдт, 1987б; Розенфельдт, 1987е; Савельева, Королев, 2011; Коробейников, 2007, с.65–75; Игушев, Клеонов, Савельева, 2000; Белавин, 2000; Белавин, 2009, с.395–407; Мельничук, 2005; Жеребцов, 1999а; Жеребцов, 1999б; Ситдиков, 2008, с.30).

Чудь Заволоцкая – это обобщающий термин для разноэтничного населения Двинского региона. Тоймичи, вероятно, принадлежали к финно-пермским народам. Диалектные группы коми и удмуртов имеют этнонимы происходящие от названий рек и тоймичи попадают в этот ряд. Тоймичи получили название от реки Тоймы. Касательно прародины пермян, то она находилась в районе бассейнов рек Кама, Вятка, Чепцы. Распад прапермского массива эндопермских племен связан с расселением пракоми и праудмуртов на значительной территории и тяготению к разным культурам и государствам. Взаимодействие с русскими и вовлечение в торговлю мехом способствовали появлению у коми государственности, в то время как у удмуртов были только вождества возглавляемые батырами.

Список источников и литературы

1. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т.III. – М.: Институт истории АН СССР, 1940. – С.71–112.

2. *Атаманов М.Г.* Из история формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. 2003–2004. № 1 (7–8). – Казань, 2004. – С.58–67.

3. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 199 с.

4. *Белавин А.М.* Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария// История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, РУХил, 2006. – С.395–407.

5. *Белых С.Г.* История древнеудмуртской государственности как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Всероссийская научно-практическая конференция 26 апреля 2005 г. – Ижевск, 2005. – С.10–16.

6. *Белых С.К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – 150 с.

7. *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947. Электронный ресурс: http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/bubrih/bubrih0.htm

8. *Вершинин Е.* Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал // Родина. № 11. – М., 2001. Электронный ресурс: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=196&n=14.

9. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. – С.257–271. Электронный ресурс: http://www.yarensk.narod.ru/letopis/letopis.html.

10. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.)/ Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. – М., 1971. Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm; http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext2.htm.

11. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, Удмуртский университет, 2004. – 420 с.

12. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Древнем Прикамье. – Иркутск, Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 279 с.

13. *Голдина Р.Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в древнем Предуралье. – Ижевск, 2012. – 472 с.

14. *Голдина Р.Д.* Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху Средневековья // II международный мадьярский симпозиум. – Екатеринбург: Рифей, 2013. – С.89–109.

15. *Головчанский Г.П.* Христианизация Перми Великой в XV– начале XVIII вв. Диссертация кандидата исторических наук. 07.00.02. Отечественная история. – Пермь, Пермский государственный педагогический университет, 2006. – 186 с. Электронный ресурс: http://www.dissercat.com/content/khristianizatsiya-permi-velikoi-v-xv-nachale-xviii-v#ixzz29BPXxtgY.

16. *Голубева Л.А.* Чудь Заволоцкая // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.64–67.

17. *Епифаний Премудрый*. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского. Электронный ресурс: http://krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html.

18. *Жеребцов Л.Н.* Расселение коми в XV–XIX. – Сыктывкар: Коми кн. издательство, 1972. – 62 с.

19. *Жеребцов И.Л.* Проблема происхождения Перми Вычегодской (древних коми-зырян). Электронная версия. 1999б. Электронный ресурс: http://www.komi.com/folk/komi/68.htm.

20. *Жеребцов И.Л.* Родановская культура древних коми-пермяков. Электронная версия. 1999. Электронный ресурс:http://www.komi.com/folk/komi/67.htm.

21. *Жеребцов И.Л.* Территориально-племенные и этнографические группы коми. Электронная версия. 1999. Электронный ресурс: http://www.komi.com/folk/komi/71.htm.

22. *Зеленеев Ю.А.* Мордва в составе Улуса Джучи // Восток. № 6. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – С.19–25.

23. *Иванищева М.В.* В поисках Чуди Заволоцкой: средневековые древности: Средневековые древности Тотемского края // История и археология Русского Севера. Сборник материалов научной конференции посвященной 60-летию со дня рождения Н.В. Гуслистова. – Вологда: Древности Севера, 2012. – С.41–45.

24.*Игушев А.Р., Клеонов М.В., Савельева Э.А.* Осадные городки на территории Коми края. – Сыктывкар, 2000. – 28 с. Электронный ресурс: http://publish.komisc.ru/articles/2000/gorodok.pdf.

25. *Коробейников А.В.* Иднакар: родовой центр, булгарская колония или фактория? К истории одного научного спора // Иднакар. № 1. – Ижевск, 2007. – С.65–75.

26. *Корчагин П.* Из ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Филолог. – № 13. – 2010; № 14. – 2011. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2010–2011. Электронный ресурс: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_13_259; http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_14_288.

27. *Макаров Л.Д.* Вятская чудь и проблемы русской колонизации Приуралья // Герценка: Вятские записи. Вып. 6. – Киров: Киров ОУНБ, 2004. Электронный ресурс: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number6&ELEMENT=gerzenka6_3_1.

28. *Макаров Л.Д.* Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума. Материалы научной конференции. – Ижевск, 2006. – С.325–330.

29. *Матвеев А.К.* К проблеме классификации языков субстратной топонимии русского севера // Вопросы Ономастики. № 4. – Екатеринбург, 2007. – С.15–27.

30. *Мацук М.А.* Демократические традиции самоуправления народа коми XIV–XVII вв. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – № 1. – 2008. Электронный ресурс: http://www.hcpncr.com/journ108/journ108mamatsukstat04.html.

31. *Мельничук А.Ф.* Среднее Приуралье – перепутье торговых дорог // Вестник Пермского университета. Вып. 5. – Пермь, 2005. Электронный ресурс: http://histvestnik.psu.ru/PDF/2005/19.pdf.

32. *Мурыгин А.М.* Печорское Предуралье. Эпоха средневековья. Диссертация кандидата исторических наук. – Ижевск, 1994. Электронный ресуср: http://cheloveknauka.com/pechorskoe-priuralie-epoha-srednevekovya.

33. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литература УрО РАН, 1997. – 268 с.

34. *Напольских В.В.* Йӧгра. (ранние обско-угорские-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. №3. – М.: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2005. – С.240–268.

35. *Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар. Т.2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РУХил, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С.100–115.

36. *Напольских В., Чураков В.* Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. // История татар. Т.3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш Марджани АН РТ, 2009. – С.470–476.

37. *Напольских В.В.* К начальным этапам этнической истории коми // Арт. № 2. – Сыктывкар, 2010. Электронный ресурс: http://ethn.ucoz.ru/load/stati/napolskikh_vladimir_vladimirovich/k_nachalnym_ehtapam_ehtnicheskoj_istorii_komi/10–1-0–9.

38. *Напольских В.В.* Батыр пэзьдет: кто есть ху. Электронный ресурс: http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/batyrjos.pdf.

39. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/ Под ред. и предисл. А. Н. Насонова. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.

40. Повесть временных лет. Перевод с древнерусского Лихачева Д.С. Электронный ресурс: http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest1.php

41. *Пріцак О.* Походження Русі. Т. 2.Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – К.: Обереги, 2003. – 1304 с.

42. *Розенфельдт Р.Л.* Ванвиздинская культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.116–121.

43. *Розенфельдт Р.Л.* Коми-зырянские племена IX–XI вв. Вымская культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.122–129.

44. *Розенфельдт Р.Л.* Поломская культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.130–134.

45. *Розенфельдт Р.Л.* Удмуртские племена IX–XV вв. Чепецкая культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.135–143.

46. *Розенфельдт Р.Л.* Харино-ломоватовская культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.144–152.

47. *Розенфельдт Р.Л.* Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С.153–162.

48. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финнских этнокультурных связей: историко-археологические очерки. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 260 с.

49. *Савельева Э.А., Королев К.С.* Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 3(7). – Сыктывкар, 2011. – С.89–97. Электронный ресурс: http://www.izvestia.komisc.ru/Archive/i07_ann.files/savelyeva.pdf.

50. *Семенов О.В.* О времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2004. № 31. Электронный ресурс: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0031%2801_07–2004%29&doc=../content.jsp&id=a03&xsln=showArticle.xslt.

51. *Ситдиков А.Г.* Введение в этногенез народов Поволжья и Приуралья. Ч.1 Истоки этногенеза финских народов. – Казань, Изд-во Казанского государственного университета, 2008. – 33 с.

52. Слово про погибель Руської землі. Электронный ресурс: http://litopys.org.ua/oldukr/pohybel.htm.

53. *Тиандер К.* О происхождении имени Перми // ЖМНП. Ч. CCCXXXIII. Январь. – СПб., 1901. – С.16–28. Электронный ресурс: http://oldperm.clan.su/_ld/0/30_Tiander_K_F_O_p.pdf; http://www.dompasternaka.ru/library/detail.php?id=431

54. *Туркин А.* Происхождение названий народа коми // LinguisticaUralica. – 1995. – С.17–28.

55. *Чагин Г.Н.* Города Перми Великой: Чердынь и Соликамск. – Пермь: Книжный мир, 2003. – 256 с.

56. *Чураков В.С.* О внутриэтнических подразделениях удмуртов // История современное состояние, перспективы развития языков и культур. – Сыктывкар, 2005. – С.557–560. Электронный ресурс: http://www.udmurtology.narod.ru/library/churakov/vnutriet.htm.

57. *Чураков В.С.* Об обстоятельствах появления каринских Арских князей на Вятке // Урал-Алтай. Через века в будущее. – Уфа, 2005. – С.216–219.

58. *Чураков В.С.* К исследованию этнической истории удмуртов // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. 1. Проблемы археологии и этнографии. – Чебоксары, 2006. –С.275–286.

59. *Чураков В.С.* О времени образования, характере и названиях удмуртских объединений Ватка и Калмез // Ethnonet. – 2006. Электронный ресурс: http://udmurt.info/library/churakov/vatkalmez.htm.

60. *Golden P.B.* The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge UK.: Cambridge University Press, 1990. – P.229–255.

61. *Helimski E.* The Northwestern Group of Finno-Ugric Languages and its heritage in the place names and substratum vocabulary of the Russian North // Slavica Helsingiensia. Vol. 27: The Slavicization of the Russian North. – Helsinki, 2006. – P.109–127.

62. *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. Tartu: Tartu University, 2006. Электронный ресурс: http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/suoma/vk/saarikivi/substrat.pdf.

Сведения об авторе

Пилипчук Ярослав Валентинович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (г. Киев, Украина); bachman@meta.ua.

УДК 94(47)"1598/1613"

О НЕКОТОРЫХ СБИВКАХ АКЦЕНТОВ В ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

© 2014 г. Саначин С.П.

Статья посвящена нескольким важным, по мнению автора, событиям в истории событий Смутного времени, которым не придают значения современные отечественные историки: преувеличение роли Гермогена в освобождении Москвы, восстание в Казани 9 января 1611 года, безучастность Казани в начале борьбы с поляками, занижение роли 1-го Ополчения и т.д.

Ключевые слова: Смутное время, 1-е и 2-е ополчения, казанские дворяне и служилые люди в событиях 1612 г.

ON SOME VARIATIONS OF EMPHASIS IN THE ASSESSMENT OF THE EVENTS OF THE TIME OF TROUBLES

Sanachin S.P.

The article is devoted to several important according to the author events in the history of the events of the time of Troubles, which do not attach importance to modern Russian historians: the exaggeration of the role of Hermogenes in the liberation of Moscow uprising in Kazan on January 9, 1611, the indifference of Kazan at the beginning of the struggle with the poles, the underestimation of the role of the 1st Militia, etc.

Keywords: the Time of Troubles, the 1st and 2nd Militia, Kazan nobles and military men in the events of 1612.

События времен пика и конца Смутного времени – уникальнейшие, незабываемые и поучительные в истории нашей Родины. Такой катастрофы государства не было ни до, ни после. России приходилось быть под чужой властью. Но тогда было всего лишь внешнее управление русскими княжествами из Орды. А в Смутное время Междуцарствования польско-литовские люди захватили Царственный город Москву и сидели в ней 25 месяцев – с 21 сентября 1610 по 26 октября 1612 года.

Москву пришлось осаждать и штурмовать – видано ли! – своему народу. И народ ее освободил. Однако этот неповторенный подвиг россиян откровенно замалчиваем в год его 400-летия. Удивительна эта тишина! В чем дело? Напрашиваются два объяснения.

Во-первых, власть Московского государства того времени – «Управляющие бояре» (Семибоярщина) была и беспомощной, и предательской. Страну от приглашенных этой властью польско-литовских интервентов и от самой этой власти спас народ. А в наше время, видимо, не желательно акцентировать народные инициативы.

Во-вторых, не горели таким желанием и историки XIX и XX веков, сбивая акценты в оценке подвига народа, вплоть до предательского сокрытия истинных героев, истинных Спасителей Отечества. И если беспристрастно вглядеться в события 400-летней давности, не придется ли еще раз переписывать учебники и даже дополнять памятники нашим признанным героям?

Настоящее сообщение связано с переоценкой некоторых, точнее – четырех позиций «мейнстрима» историографии Смутного времени.

1) Преувеличение роли Гермогена в освобождении Москвы и, тем самым, принижение роли лидера 1-го Ополчения Прокофья Петровича Ляпунова

Дореволюционные писатели старательно завышали роль нашего земляка, всероссийского патриарха Гермогена в организации борьбы против поляков. Историк Москвы Иван Забелин называл патриарха «первым стремителем» национального движения, «произнесшим первое слово» в защиту родины (Забелин, 1999, с.81). Крупнейший специалист по истории Смуты Сергей Платонов вообще уверял, что Гермоген в своих действиях оставался даже одиноким, что он «открыл глаза русским людям на иноземный обман и своею твердостью спас государство от окончательного порабощения» (Платонов, 1889, с.486–487). Превозносили роль патриарха и писатели XX века. Да и сегодня Гермогена называют – например, проф. И.П.Ермолаев на заседании Казанского экспертного клуба Российского института стратегических исследований – «идеологом народной борьбы за национальную свободу» (Сулейманов, 2012, №8).

Авторы, поднимавшие Гермогена даже до «главы приверженцев общеземского дела», находились, надо полагать, под влиянием «Рукописи Филарета», в которой автор отвел стартовую роль в подъеме национального ополчения – что, в общем-то, не удивительно – своему предшественнику на патриаршем посту: «*Великий же патриарх, святейший Ермоген, узре сию настоящую беду, и тако созывает народ…и посылает писания во грады Российския державы на подтвержение людем, дабы царьствующий град исхитили от рук ино-*

племеннич; ***а наипач посылает*** *до страны Рязанския, во град Переславль,* ***к*** *воеводе и властелю Рязанские земли* ***Прокофью Ляпунову*** (Здесь и далее выделено мной – С.С.) *и молит его дабы не дал на расхищение и вечное падение царьствующаго града Москвы* (Рукопись Филарета, 1837, с.43)».

Роль этих «писаний» Гермогена к православному народу стала общепризнанной. И здесь интересны три момента.

Во-первых, ни одного Патриаршего воззвания с призывом к восстанию против оккупантов до сих пор не найдено.

Во-вторых, даже если бы от Гермогена и были грамоты по городам, то это – пока еще только призывы. А само дело потребовало сношения воевод российских земель между собой, сбора людей, вооружения, денег, разработки стратегии действий и т.п. И эту, конкретную работу кто-то же организовал. И этот кто-то проглядывает уже даже в «Рукописи Филарета»: с чего бы иначе всероссийскому пастырю обращать свои мольбы о помощи в далекий от Москвы Переславль Рязанский, к его воеводе и властителю думному дворянину Прокофью Петровичу Ляпунову, который отнюдь не отвечал в Московском государстве за его охрану?

В-третьих, центральные памятники общерусского летописания первой трети XVII века – «Новый Летописец» и «Летопись о мятежах…», хронологически рисующие картину событий Смутного времени, показывают Гермогена, как защитника православной веры, но не как поднимающего народ на военный отпор интервентам.

Так, в августе 1610 года пришли к Гермогену московские бояре и возвестили ему, что избрали на Московское государство польского королевича Владислава. Патриарх же Гермоген им говорил: ***«аще будет креститься и будет в православной християнской вере, и аз вас благословляю****; аще будет не креститься…да не буди на вас наше благословление»* (Новый летописец, 1910, с.100–101).

Материалы летописей подтверждаются и дополняются Государственными грамотами времен Междуцарствования.

В последних числах декабря в благодарственной (! – С.С.) грамоте от Российских духовных и светских людей Польскому королю Сигизмунду III сообщалось, что *«…****смиренный Ермоген патриарх Московский и всеа Русии*** *и… весь освященный собор … отпустили к вам Великому государю* ***бити челом и молити*** (послов – С.С.) *…****чтобы вы… дали на все великие и преславные Государства Российского Царствия сына своего… королевича Владислава Жигимонтовича****…*

И мы, богомольцы ваши,… сына вашего, ***Государя нашего****,… на Российские государства ожидаем со многою радостью и с сердечным желаньем»* (Грамота №217, 1819, с.479–480).

Итак, в 1610 году патриарх не агитировал массы против интервентов. Как видим, отнюдь не *«решительно воспротивился Патриарх Гермоген»* возведению на русский престол польского королевича, как в этом уверяет и Официальный сайт Московского Патриархата (http://www.patriarchia.ru/db/text/547832.html). Даже сам Польский король в вышепоказанной благодарственной грамоте под красной восковой патриаршей печатью именуется еще и как ***«Король Московского государства»***.

Но уже в ноябре-декабре против польских оккупантов начал подниматься народ. О ключевой роли в начавшемся движении не патриарха Гермогена, а именно рязанца Ляпунова, который успел связаться со многими северскими, замосковными и поволжскими городами, – так или иначе, сообщают современники.

Так, Управляющие бояре в январе 1611 года доносят Сигизмунду III и его сыну Владиславу – новому Всеа Русии Самодержцу: *«А ныне, Государи, Прокофей* ***Ляпунов****, по вражью действу, не хотя видеть в Московском Государстве успокоения, и своим злохитрым умыслом Резанцев… прельстил, а иных своим заговором* ***устрастил****… и со всею Резанью от вас… отложился, и вашего Государского Повеления* ***сам ни в чем не слушает и слушати не велит*** *и в городы, которые были вам… послушны, воевод и голов с ратными людьми* ***от себя посылает****, и городы и места* ***заседает****, и в городах дворян и детей боярских* ***прельщает****, а простых людей* ***устращивает*** *и своею смутою от вашей Государской милости их* ***отводит****, а ваши Государские денежные доходы и хлеб всякой* ***збирает к себе»*** (Грамота №223, 1819, с.489).

Впоследствии Пожарский, изъясняя в июньской грамоте в Великороссийские города положение дел в стране, скажет о том же (Грамота №281,1819, с.594).

Практически то же самое сообщает и симпатизирующий Гермогену автор «Нового Летописца»: *«На Резани ж* ***Прокофей Ляпунов****, слышав про такое утеснение Московскому государству, и* ***нача ссылатись со всеми городами Московского государства, чтобы им стать заодно, как бы помочь Московскому государству****.* ***Бог же положи всем людем*** *[эту]* ***мысль*** (а не Гермоген! – С.С.), *и начаша присылати к Прокофью [людей] и во всех городах збиратися. В Колугесобрася князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да Иван Заруцкой, на*

Резани Прокофей Ляпунов, в Володимере князь Василей Масальской, Ортемей Измайлов, в Суздале – Ондрей Просовецкой, на Костроме – князь Федор Волконской, в Ярославле – Иван Волынской, на Романове – князь Федор Козловской з братьею. И ***все соединеся в едину мысль****, что всем померети за православную християнскую веру»* (Новый летописец, 1910, с.105). То есть – сами провинциальные ополченцы!

Оккупанты и московские изменники (Мстиславский Ф., Салтыков М., Андронов Ф.) заволновались. Стали просить Управляющих бояр *«****к Прокофью*** *послати, чтобы он к Москве не збирался»* (Новый летописец, 1910, с.106).То есть и здесь – без патриарха, прямой контакт с Ляпуновым. Бояре, однако, пошли к патриарху. А он им: *«****А к Прокофью Ляпунову стану писати****: [если]* ***будет королевична Московское государство и креститься в православную християнскую веру, благословляю ево служить****, а будет королевич не крестится в православную християнскую веру и Литвы из Московского государства не выведет, и я их благословляю и разрешаю, кои крест целовали королевичю, итти под Московское государство и померети всем за православную християнскую веру*» (Новый летописец, 1910, с.106).То есть Гермоген ставит условие, он все еще верит в хорошего Царя всеа Русии из Польши!

Наконец в марте Ляпунов и всех городов воеводы собрались и пришли под Москву. Захватчики испугались и послали Управляющих бояр к Гермогену уговаривать остановить Ляпунова. *«Бояре же придоша к патриарху. Той же Михайло Салтыков нача ему говорити:* ***«что де ты писал еси к ним,*** *чтоб они шли под Москву, а ныне ты ж к ним пиши, чтоб они воротились вспять».* ***Патриарх же им рече****:* ***«яз де к ним не писывал****, а ныне к ним стану писати; будет ты, изменник Михайло Салтыков, с Литовскими людьми из Москвы выдешь вон, и я им не велю ходити к Москве, а будет вам сидеть в Москве, и я их всех благословлю помереть за православную веру*» (Новый летописец, 1910, с.107).

Таким образом, сам Гермоген отрицал наличие своих грамот с призывом военного ополчения на Москву. Интересно, что автору «Нового Летописца» Ляпунов явно не симпатичен: «Сие же Прокофей Ляпунов не по своей мере вознесеся и гордость взя... Приходяхубо к нему на поклонение и стояху у него у избы многое время, [он] никакова человека к себе не пущаше и многокоризными словесами многих поношаше, х казаком жесточь имеяше» (Новый летописец, 1910, с.112). И, однако, он, в отличие от большинства историков, традиционно вырезающих слова Гермогена *«****Яз***

де к ним не писывал», привел их. (См. напр.: Митрополит Макарий: «…Ты писал по городам, велел идти к Москве, теперь напиши, чтоб не ходили». «Напишу, – отвечал патриарх, – чтоб возвратились, если ты и все находящиеся с тобою изменники и королевские люди выйдите вон из Москвы…» (Широкорад, 2009; Хронос-http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/germogen_ermolay.php).

В повести «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» писатель князь Иван Хворостинин, расточая всяческие похвалы патриарху, приводит следующие слова Гермогена ему: *«Рассказывают про меня смутьяны наши, что я призываю воинов и воодушевляю их противоборствовать этому враждебному и иноверному войску, которое, нарушив клятву, владеет нами вопреки словам своим.* ***Но я ничего такого никогда вам не говорил, ведь вы свидетели моих слов****. И одно я только вам повторял: «Облачитесь в оружие божье, в пост и в молитвы. Кто научен грамоте, псалмами пусть вооружается…»* (Хворостинин, http://old-ru.ru/08–49.html). Далее в том же духе.

В «Новой повести о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках», составленной в самый разгар событий, московские патриоты *«предупреждали, что не следует ждать от патриарха прямого наказа о выступлении. «Что стали, что оплошали? – писали они. –* ***Али того ждете, чтобы вам сам великий тот столп*** (Гермоген. – Р.С.) ***своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути****». Приведенное воззвание московских патриотов подтверждает, что Гермоген не был инициатором восстания против семибоярщины и не только не рассылал грамот, но и на словах не призывал к оружию и кровопролитию»* (Скрынников, 1990, с.158).

Есть свидетельство и архиепископа Архангельского собора Кремля Арсения, современника Гермогена: *«Некоторые говорили восстание городов и народа произошло по совету патриарха Гермогена, хотя истину ведает господь, потому что* ***сам он отрицал это****»* (Скрынников, 1990, с.163).

При всем этом надо понимать, что хоть Гермоген и не был искрой 1-го Ополчения, но, конечно же, был его флагом. И если мы не имеем непосредственно его грамот к народу этого времени, то в грамотах городов друг к другу его имя используется. Иногда лукаво. Так, еще в январе в Москве послам нижегородским *«сказывали, что приказывал с ними в Нижний к вам Святейший Гермоген Патриарх Московский и*

всея Русии речью; а письма… не привезли, что де у него писати некому, дьяки и подъячие и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь разграблен» (Грамота №228,1819, с.497). И это еще до того, как к нему приставили приставов (в марте). А, вот, в августе, будучи уже даже в заточении (с июня), Гермоген как-то умудрился выпустить грамоту. Но не на тему защиты Государства, а *«с повелением написать в Казань и другие города, чтоб отнюдь не упрочивали Царства сыну Маринкиному; а стояли б все за веру, не щадя живота своего …да и к Казанскому войску, чтоб они стояли крепко о вере»* (Грамота №268,1819, с.567). То есть для патриарха и тогда главное – защита «Крестьянской веры».

О ведущей роли Ляпунова в организации отпора «латинянам» **без** упоминания при этом Гермогена говорят и сами интервенты в своих воспоминаниях (Мархоцкий, 2000; Жолкевский, 1871; Пясецкий, 1887). И, конечно же, обращает на себя внимание и тот факт, что командир польско-литовского гарнизона Московского кремля полковник Гонсевский организовал убийство не Гермогена, а Ляпунова. Впрочем, Гонсевский пытался устранить и Гермогена. Он предъявил Боярской Думе подложную «смутную грамоту» патриарха. Однако ***«улики же, предъявленные Гонсевским, никого не могли убедить***. ***Гермоген категорически отверг обвинения***. *Все это предопределило исход разбирательства в Боярской думе»* (Скрынников, 1990, с.160).

Изложенное показывает, что авторитет Гермогена в поднятии народа на защиту державы явно преувеличен. Организаторская роль в этой борьбе принадлежала не ему, а Ляпунову, который не только воссоединил возникшие местные ополчения во всеобщее национальное войско, но и возглавил государственную деятельность созданного тогда «Совета всей Земли». Представляется очень веской и, главное, – непредвзятой вражеская характеристика Ляпунова: «*Прокопий Ляпунов, муж отличавшийся телесной красотою, заботливостью в делах, заслуживший в народе славу человека искусного и опытного в войне» (*Кобержицкий, 1842, с. 8).

Все это дает нам право поставить Прокофья Петровича Ляпунова в передний ряд забытых героев нашего Отечества. Российские историки настолько постарались, что Ляпунова «забыли» даже в родной Рязани: нет там ни памятника ему, ни – хотя бы как в Москве – улицы его имени.

2) Восстание в Казани 9 января 1611 года

В «Татарской энциклопедии» есть статья «Казанское ополчение». Но только об ополчении 1812 года. Об ополчении более драматичного периода нашей страны – Смутного времени специальной статьи нет. По частям, однако, события 400-летней давности можно собрать в от,дельных статьях («Смутное время», «Гермоген», «Морозов», вероятно и «Шульгин»[том не издан]). Может быть, из-за этой разобщенности в них есть странности и недосказанности.

Статья «Смутное время»: *«Выступившие против присяги самозванцу Б.Бельский и его сторонники в ходе восстания 9 января 1611 года были убиты»*(Татарская энциклопедия, Т.5., 2010, с. 358).

Откуда стало известно об этом казанском восстании и его дате? Из четырех казанских «больших краеведов» (Мих. Рыбушкин, Ник. Баженов, Мих. Пинегин, Ник. Загоскин), написавших свои истории Казани, трое первых осторожно обошли молчанием Смутное время. Загоскин же решился, заметив, однако, что *«много загадочного… представляют в себе только что описанные нами казанские события»* (Загоскин, 1891, с. 181).

Несмотря на отмеченную «загадочность», именно Загоскин стал автором «*взрыва в Казани жестокой смуты и сумятицы*» (Загоскин, 1895, с. 442). (А от взрыва до восстания было рукой подать. И ее подала «История Татарской АССР» 1955 года (История Татарской АССР, Т.1., 1955, с.162), откуда *«восстание»* перекочевало в «Татарскую энциклопедию»). Он сообщил, что казанцы разделились на две враждебные партии: одной руководил дьяк казанского воеводского управления Никанор Шульгин, другой – второй казанский воевода боярин Богд. Яковл. Бельский[13]. Разногласия состояли в том: целовать

[13] Богдан Бельский начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и немало преуспел в борьбе с боярской крамолой. В 1584 г. царь Федор Иоаннович обвинил его в измене и отправил в почётную ссылку – воеводой в Нижний Новгород. После смерти царя Фёдора Ивановича в 1598 г. Бельский выступил одним из лидеров антигодуновской оппозиции, созвал в Москву из своих вотчин вооружённых людей, дабы посадить на престол Симеона Бекбулатовича. За это его подвергли суду (1602 г.) и сослали, по одним сведениям, в Сибирь, по другим – «на Низ в тюрьму». В 1605 г. – амнистирован царем Федором Годуновым. С приближением Лжедмитрия I к Москве Бельский подтвердил, что тот – истинный царевич Дмитрий, и стал активным участником этой самозваннической авантюры. После свержения самозванца (1606 г.) сослан царём Василием Шуйским в Казань.

или нет крест «царю Дмитрию Ивановичу» (Лжедмитрию II). Но так ли все это, и что говорят источники?

А источники ничего не говорят о январской усобице или восстании. Из статьи №249 Нового Летописца «О крестном целовании Вору в Казани и об убиении Богдана Бельского» нам известно лишь об убийстве второго воеводы:

«Во граде ж в Казани слышаху, что Литовские люди в Москву вошли, и не похотешабыти под Литвою и начаша крест целовати тому убьенномуКолужскому Вору... Воевода ж Богдан Яковлевич Бельской нача им говоритии крепити [их], чтоб Вору креста не целовати, а целовати б крест, хто будет государь на Московском государстве. Дьяк же НиконорШулгин, умысли с теми ворами, повеле Богдана убити. Они ж Богдана, поимав, и возведоша ево на башню и скинуша з башни и убиша до смерти» (Новый летописец, 1910, с.105). На основании этого короткого сообщения Загоскин делает Шульгина антигероем, а Бельского невинной жертвой, да еще во время «жестокой смуты и сумятицы».

Тут возникает вопрос, а куда смотрел на стычки своих подчиненных их начальник – 1-й казанский воевода боярин Василий Петрович Морозов? На чьей стороне он был и был ли вообще?

По Загоскину Морозова, как бы, и нет. Точнее он был, но *«лишь орудием в руках своих дьяков, в особенности хитрого… Н.Шульгина»* (Загоскин, 1891, с.85). Что он делал во время январского взрыва – Загоскин не знает. Но потом, *«в течение лета того же года мало помалу исчезает с Казанского горизонта и оставшийся воевода, молодой карьерист В.П. Морозов – и с конца лета 1611 года мы видим Никанора Шульгина в положении близком к роли диктатора Казани»* (Загоскин, 1891, с.185). Итак, по версии Загоскина, глава огромной и сложнейшей в управлении части страны под названием Казанского царства – карьерист и слабачек, постепенно куда-то исчезнувший летом.

Источники, однако, рисуют Василия Морозова как авторитетного военачальника – причем и до, и после воеводства в Казани. С 1603 года он воевода в Тобольске, затем в Кашире. В 1605 году он не просто воевода, каких немало в государстве, а главный воевода левой руки царя Бориса Годунова, а затем – главный воевода сторожевого полка царя Федора Годунова. После освобождения Москвы от поляков выдвигался даже кандидатом на царский престол. При венчании царским венцом Михаила Романова Юрьева в числе пятерки самых избранных бояр был в чине: нес яблоко (державу), а затем сан (царскую

одежду). А в 1615 году Морозов послан царем в Псков, где отбил осаду города шведским королем Густавом II Адольфом. За «Псковское сидение» был особо награжден царем.

Что же произошло в Казани в январе 1611 года? Из грамоты, отправленной после 15 января из Казани в Хлынов, следует, что *«**Генваря в 9 день**, целовали мы и вся земля Казанскаго Государства крест Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русии на том, что нам ему Государю своему служити и прямити во всем»* (Грамота №224,1819, с.490)**.** Грамоту подписали воеводы Василей Морозов, Богдан Бельской (еще живой!) и дьяки Никонор Шульгин и Степан Дий(ч)ков. Причем, целование креста сопровождалось Записями(Грамота №225,1819, с.492–493), по которым приведены были к присяге жители Казани. А это как-то не вяжется с восстанием, причем, – того же 9 января.

И что интересно. Несмотря на убийство 2-го Казанского воеводы Бельского, дьяк Никанор Михайлович Шульгин остается в руководстве Казанским Государством вместе с Морозовым и Дий(ч)ковым (а сам – вплоть до действительного переворота в Казани и до своего ареста в марте 1613 года). Напрашивается предположение: а не был ли причиной своей гибели Бельской сам, а не «хитрый» Шульгин? Ведь, что происходит: почти полстраны присягнуло Лжедмитрию II, присягнули и казанцы.

А что Бельский? А он, по справедливому замечанию Загоскина, *«… в свое время признавший за истинного царевича Дмитрия человека, названного современниками Гришкой Отрепьевым* (Лжедмитрий I – С.С.)*, конечно, уж не мог признать за такового же Тушинского вора* (Лжедмитрий II – С.С.)*»* (Загоскин, 1891, с.184). К тому же Бельской был близок с князем Федором Мстиславским – главой Семибоярщины. А для Семибоярщины врагом был Лжедмитрий II, а не Польша, которую она и призвала на помощь от самозванца, и впустила в Москву. Вероятнее всего, казанцы, узнав о свержении царя Шуйского (1610) и занятии поляками Москвы и не желая подчиняться иноземцам, тут же присягнули на верность Лжедмитрию II – единственной антипольской силе на тот момент. Бельской же – профессиональный смутьян при всех властях – пытался отговорить их от этого акта, но лишь навлёк на себя гнев.

Наконец, был ли Богдан Бельской убит 9 января 1611 года? Оказывается – нет. Убийство произошло, но два месяца спустя: *«119-го* [1611 н.с.] *марта в седьмой день, пятая неделя великого поста в чет-*

верг воевода в Казани Андрей Богдан Бельской убиен и наутрие погребен внутрь града каменного в монастыре Живоначальныя троица Ефремом митрополитом казаньским и священным собором. И во 122-м году [1614 н.с.] *положен в Ярославле в монастыре у Святого спаса»* (Библиотека Академии Наук России. Рукопись 24.5.32., Л.227об.). Факт погребения Бельского в кремлевском монастыре, да и самим митрополитом позволяют сделать три вывода:

– Бельский похоронен не как преступник;

– если действительно заказчиком убийства был Шульгин, оставшийся после убийства во власти, значит, заказ был тайным;

– причиной убийства не могла быть агитация Бельского против Лжедмитрия II, о смерти которого в Казани уже было известно.

3) Безучастность Казани в начале борьбы с поляками

Казанцы, изучающие историю Казани по популярнейшему «Спутнику по Казани» Загоскина, вправе досадовать на своих земляков, будто бы проигнорировавших всеобщую защиту Отечества от интервентов в 1611 году. Загоскин писал, что *«…когда под Москвою уже стояли земские ополчения под предводительством Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого…**блистало, однако, своим отсутствием казанское ополчение**»* (Загоскин, 1895, с.496–497); что *«никакие доводы, никакие угрозы Божьею карою не в состоянии были пробить кору индифферентизма Казанского царства к земскому патриотическому движению 1611 года»* (Загоскин, 1895, с.499); что *«начинается бесплодная переписка Казани с соседними городами, которой, в сущности, и ограничивалось дело посылки под Москву казанского ополчения»* (Загоскин, 1895, с.500). Еще более обличителен Загоскин в работе «Казанский край в смутное время»: *«Казанский край… **совершенно отсутствует** в знаменательном земском движении 1611–1612 годов»* (Загоскин, 1891, с.183).

Все это, однако, совершенно не так и говорит об опрометчивом довольствовании Загоскиным лишь летописными источниками. «Татарская энциклопедия» исправила эту грубую оплошность Загоскина. Но как-то осторожно, сообщив, что в Казани всего лишь был «снаряжен отряд из дворян, стрельцов и служилых татар, который выступил на подмогу 12 июня, взяв с собой список с Казанской иконы Божией Матери» (Татарская энциклопедия, Т.5, 2010, с. 358).

Действительную картину, возвращающую гордость за наших земляков, рисует памятник русской историографии XVII века «Хроно-

граф Столяров»: *«**Того же 119 году летом в месяце июле из Казани пришел под Москву боярин Василей Петрович Морозов, а с ним пришли Казанцы и Свияженя и Казанских пригородов дворяне и дети боярские и головы стрелецкие с приказами с стрелцами и служилые князи и Мурзы и Татаровя, и пришед под Москву** Казанские люди советався с атаманы и казаки, которые стоят под Москвою, и **пошли приступать к Новодевичью**. А в Новодевичье монастыре сидели Литва и гайдуки, а с ними с Москвы от Гасевского Александра сидел воевода Лев Афонасьев сын Плещеев и к монастырю приступы были большие, **и у приступа многих людей переранили, а побито не много, а монастырь взяли, а которыя Литва и гайдуки сидели и тех многих побили, а достольных живых взяли»*** (Попов, 1869, с. 352).

Этим лаконичным и ценным для нас сообщением «Хронограф Столяров» показывает и куда летом «исчез» (по Загоскину) Морозов, и что собой представлял морозовский «отряд», в котором мы видим не только большую воинскую рать, собранную из множества мест («казанское войско» – по выражению Гермогена), но и приказы – казну и канцелярию.

Да, казанцы откликнулись на призывы Ляпунова не сразу, с опозданием от всеобщего сбора под Москвой на 4 месяца. Думается, что вот тут-то большую роль сыграл Бельский, который, как проясняется, был убит не в январе, а в марте. Ведь еще в 1584 году братья Ляпуновы принимали активное участие в борьбе против Бельского, о котором носился слух, что он хочет царя Федора Ивановича и царский род изгубити.

Какова же степень участия в 1-м Ополчении казанского войска? В этом вопросе источники скупы. Несомненен лишь факт участия его в освобождении от оккупантов Новодевичьего монастыря, да и то при весьма смутных обстоятельствах. Так, «Новый летописец» сообщает, что *«**прииде под Москву Понизовая сила, и шедши Новодевичь монастырь взяша**, инокинь же изведши отослаша в монастырь сущий во Владимире, и монастырь разориша и сожгоша, а противных в нем всех побиша…»* (Новый летописец… по списку Кн. Оболенского. М., 1853. С. 140). Это же подтверждает и «Летопись о многих мятежах…» (Летопись…, 1771, с. 236, 237). Под *«Понизовой»* понимается местность, находившаяся на территории покоренного в 1553 году Казанского царства, а также в низовьях Волги. В нашем случае *«Понизовая сила»* – не что иное, как войско князя Морозова.

После убийства главного из тройки вождей 1-го Ополчения (Ляпунова) начальниками остались князь Дмитрий Трубецкой и атаман Иван Заруцкой. Казанское ополчение поступило, надо полагать, в распоряжение последнего. Это просматривается из «Дневника…» хорунжего Иосифа Будилы, одного из командиров польско-литовского гарнизона, запертого в Кремле: *«**Заруцкий**, желая показать русским свою крепость, **задумал добывать Девичий монастырь**, в котором утвердились наши, чтобы оберегать дорогу в Можайск и в Польшу. Он послал войско на приступ и добывал его день и ночь, и когда не мог его взять, то оставив лишь часть войска для охранения стен Белого города, остальное силою выбыл из табора и с этою большею силою стал брать его приступом. Наши долго отбивались, но когда у них не стало пороху, должны были сдаться»* (Будило, 1872, с. 251, 252).

В 1612 года Морозов ушел – надо полагать с войском – в Ярославль, где вступил во 2-е Ополчение (Минина и Пожарского). Наконец, известно, что вместе с князем Дмитрием Пожарским Морозов рассылал ополченские грамоты в разные города, призывая их жителей встать против общих врагов польских и литовских и немецких людей и русских воров. Причем на этих грамотах Василей Морозов, как знатнейший, подписывался первым.

Наконец, несколько слов о пребывании Казанской иконы Пресвятые Богородицы под Москвой. Литература и особенно интернет пестрят «вирусами» о принесении ее по поручению Казанского митрополита Ефрема из Казани под Москву для ополчения Минина и Пожарского в 1612 году. Это совсем не так. Икона из Казани, точнее – список с нее [*«образ Пресвятыя Богородицы, списанный с тоя, иже тамоявися»*] (Новый летописец…по списку Кн. Оболенского, 1853, с. 139), была доставлена не во 2-е, а в 1-е Ополчение на год ранее – летом 1611 года.

Создается впечатление, что принесена она была не с войском Морозова, а чуть-чуть ранее. «Новый летописец», рассказав о встрече ее в подмосковных таборах, продолжает: *«Наут[р]ие ж по принесении иконы, пойдоша **вси** под Новодевичий монастырь; **тогда ж прииде** под Москву Понизовая сила…»* (Новый летописец…по списку Кн. Оболенского, 1853, с. 140). То есть принесение образа, и начало атаки на монастырь не приурочено к приходу Понизовой силы.

Принес икону, вероятно, протопоп Казанского Богородицкого монастыря в Казани. В 1-м Ополчении она пробыла полгода. *«И был той образ Ея в таборах под Москвою до зимы. Боярин же Князь **Дмитрий***

Тимофеевичь отпусти *образ той с протопопом Казанским вспять. Протопоп же с образом приде в Ярославль, а в Ярославль в то же время прииде из Нижняго Новаградасо множеством воинства Князь Дмитрий Михайловичь Пожарской с Кузмою, Мининым сыном, Сухоруким, и видев оную икону и* ***слыша*** [! – С.С.]*, яко пришествием Ея под Москву под королевскими людьми Новодевичий монастырь взяша, повеле с оного образа списати, и со оным протопопом отпустити, а тую икону поставити повеле в Ярославле, и начат к ней велию веру имети, и многоия сотворишася чудеса от иконы тоя во время бою с Гетманом Хаткеевичем и во взятие града Москвы; того ради по взятии града Кремля, Князь Дмитрий Михайловичь Пожарской воздвигну храм Пресвятей Богородице честнаго Ея в Церковь Введения, и оную икону внесе и постави ту в церкви во своем приходе… Боярин же Князь Дмитрий Михайловичь Пожарской, по повелению Царя и по благословению патриарха Филарета, во 133 год [1641] той чудотворный образ многим златом обложи и дражайшую утварь устрои»* (Новый летописец…по списку Кн. Оболенского, 1853, с. 164, 165).

Таким образом, принесенный под Москву летом 1611 года список с явленной в Казани иконы Пречистыя Богородицы, помогал 1-му Ополчению освобождать Новодевичий монастырь. Сначала он был в руках Трубецкого и Заруцкого, затем Трубецкого. Через полгода с протопопом (а не с казанским войском Морозова, которое, возможно, осталось) он был отправлен назад. По пути, в Ярославле в феврале 1612 года ее увидели вожди 2-го ополчения Пожарский и Минин. Пожарский не был среди вождей 1-го Ополчения, но участвовал в нем, а о благодатной помощи иконы в освобождении монастыря [у]«*слышал»* только в Ярославле. Здесь же с нее был сделан новый список и отправлен назад в Казань. А оригинал участвовал в окончательном освобождении Москвы, но уже в полку Пожарского, а не в полку Трубецкого.

До сих пор остаются неизвестными судьба и облик явленной в Казани Казанской иконы Пресвятыя Богородицы. Также неизвестны судьба и облик списанной с явленной – да простят меня богословы! – более значимой для судьбы Отечества с точки зрения православной догматики **Казанской ополченческой** иконы Пресвятыя Богородицы. Именно в честь этой – ополченческой – иконы был установлен праздник 22 октября (4 ноября н.с.).

Существует несколько версий ее подлинника. Наиболее достоверными представляются три следующие:

– Казанская ополченческая (список Пожарского) – икона Пресвятыя Богородицы (по версии искусствоведа, профессора Кембриджского университета Н. Е. Андреева);

– Казанская ополченческая (список Пожарского) – икона Пресвятыя Богородицы (по версии Московского патриархата);

– Казанская ополченческая (список Пожарского) – икона Пресвятыя Богородицы в Богоявленском Патриаршем Елоховском соборе Москвы.

4) Занижение роли 1-го Ополчения, временной интервал между 1 и 2 Ополчениями и идеологический произвол историков

Это – пожалуй, самый несправедливый момент в официальной истории возвращения независимости Московскому государству в 1611–1612 годах.

Крупнейшие отечественные историки смогли безосновательно внушить, что после убийства вождя 1-го Ополчения Прокофья Ляпунова с августа 1611 года вокруг Москвы не осталось земского стана, а были только казачьи таборы. Как будто казаки не люди, не наши соотечественники! По сложившейся имперской и советской исторической традиции казаки – или враги, или воры, или просто подозрительная братия: как же можно показывать их героями? Презрение к казакам и умаление их роли – аналогичное презрению и умалению роли штрафных батальонов в Отечественной войне 1941–45 годов. Оно столь высоко, что полуторогодовая непрерывная осада и борьба за Москву 1-го Ополчения, закончившаяся взятием – по большей части казаками! – московской цитадели старательно запрятана за тоже героическое, но кратковременное совместно с казаками участие в битвах с поляками ополчения Минина и Пожарского, в котором тоже было множество казаков.

Дошло до того, что при учреждении нового государственного праздника – «Дня народного единства» даже Госдума РФ, принявшая поправки в Федеральный закон «О днях воинской славы (Победных днях России)», была введена в заблуждение. Она доверилась пояснительной записке к проекту закона, в которой утверждалось: *«4 ноября 1612 года воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе»* (http://www.calend.ru/holidays/0/0/94/). Это – жестокая несправедли-

вость перед другими истинно героическими персонажами возвращения независимости нашей стране 400 лет назад – перед воеводами Дмитрием Трубецким, Прокофьем Ляпуновым, Троицко-Сергиевского монастыря архимандритом Дионисием и келарем Аврамием Палицыным[14].

Потому что факты – таковы:

1) **1-е Ополчение** (Ляпунова, Трубецкого, Заруцкого) **вело непрерывную войну (**«В продолжение шести месяцев со времени отъезда короля в Польшу, то есть, с июля по декабрь [1611], обе стороны сражались храбро; но, не смотря на мужество поляков, неприятель беспрестанно нападал живее и живее» (Кобержицкий, 1842, с.7), как с засевшими внутри Москвы интервентами, так и с пришедшими снаружи на помощь осажденным польско-литовско-немецко-венгерско-украинскими войсками – с 4 апреля 1611 года по 26 октября 1612 года **(19 месяцев)**. И до прихода 2-го Ополчения были уже взяты Девичий монастырь, Земляной город, Белый город, а оккупанты заперты в Китай-городе и Кремле. Видя невозможность победить ополченцев уже в течение полугода, Сигизмунд III послал в сентябре 1611 года к Москве новое войско литовского гетмана Яна-Карла Ходкевича. Октябрьские сражения вынудили отступить и войско умершего Сапеги, и войско Ходкевича. Зимой ополченцы отбивали попытки внешних врагов доставить продовольствие своим в Москву, отбивали и вылазки осажденных. **2-е Ополчение** (Минина, Пожарского) **вело войну** с августа 1612 года по 26 октября 1612 года – **(2,5 месяца)**.

2) Численность 1-го ополчения составляла 100000 человек по Мархоцкому (Мархоцкий, 2000, с.91) или 145000 (15000 чел. Андрея Просовецкого, 80000 чел. Прокофья Ляпунова, 50000 чел. Ивана Заруцкого) по Маскевичу (Дневник Маскевича 1594–1621, 1859, с.66). Затем, с побегом Заруцкого, численность еще уменьшилась. Считается, что к приходу 2-го Ополчения у Трубецкого оставалось 2500 человек. Это сомнительно. На момент освобождения Москвы у Трубецкого оставалось, вероятно, около 50 тысяч человек. Такое число можно

[14]Не включая в этот ряд одного из вождей 1-го Ополчения атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, следует, однако, указать на снятие с него пятна в замысле убийства Ляпунова, поставленного историографом Карамзиным, пользовавшимся отечественными источниками. Современник событий поляк Кобержицкий, знавший весь ход дел и не могущий быть в данном случае пристрастным, приписывал злодейство только одному Гонсевскому, своему соотечественнику (Кобержицкий, 1842, С.7).

вывести из «Повести о Земском соборе 1613 года», где рассказывается, что Трубецкой кормил и поил своих 40 тысяч своих казаков (а 1-е Ополчение – не только казаки), агитируя их за избрания его царем России.

Численность 2-го Ополчения была 7000–8000 человек.

3) Распада 1-го Ополчения и «дыры» между двумя ополчениями не было. Убийство Ляпунова 22 июля 1612 года нанесло огромный удар 1-му Ополчению. Его покинула большая часть ратников. Но блокада Москвы и бои продолжались вплоть до прихода 2-го Ополчения. За это время ополченцы, в частности, сожгли Китай-город (сентябрь), отбили атаки первого прихода литовского войска гетмана Ходкевича (октябрь). Последняя битва фиксируется 25 июля (Будило, 1872, с.303), то есть – за 8 дней до прихода к Москве передового отряда Михаила Самсонова (2-го Ополчения). Поэтому, временной интервал между обоими ополчениями – бессовестная фальсификация!

4) Вожди обоих ополчений Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский еще с марта 1612 года находились в конфронтации. Огромные неоднократные усилия по их воссоединению проявили архимандрит Троице-Сергиевого монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын, и незадолго до решающей битвы войска князей Пожарского и Трубецкого принесли взаимные присяги.

Осажденный Ходкевичем Трубецкой молил архимандрита Троицкого монастыря Дионисия прислать свинца с зелием и посылать письма по городам с просьбой о помощи. В отличие от Гермогена, разродившегося в августе грамотой к земщине всего лишь с озабоченностью склонением соотечественников к Воренку и без малейшего упоминания в ней поляков и отношения к ним, Дионисий занял выраженную прагматичную позицию. Поняв, что подмосковные таборы – единственная сила, на которую можно опереться, он отправил Трубецкому свинец с зелием, а по городам послал грамоты и послов для сбора ратных людей и казны на борьбу с ляхами и изменниками, сидевшими в Кремле. Причем, в грамотах призывал не просто к Москве, а на помощь таборам, на соединение с подмосковным 1-м Ополчением – на «единый с ними подвиг».

Именно Троицкие воззвания подтолкнули Козму Минина сына Захарьина к сбору 2-го Ополчения в сентябре 1611 года. И в начале марта 1612 года 2-е ополчение выступило, но не к Москве, а в Ярославль собирать ратников с разных городов и формировать правительство. Видя безнадежность воззваний, 28 июня в Ярославль из мона-

стыря был послан келарь Авраамий уговаривать Пожарского идти к Москве. Тогда Пожарский выслал к Москве передовые отряды Михаила Самсонова и Дмитрия Пожарского-Лопаты. 14 августа подошло к Москве и главное 7–8-ми тысячное ополчение Минина и Пожарского. Трубецкой снова просил быстрого соединения, боясь, что его казаки могут разбежаться. И вновь уладили ситуацию монахи.

5) Историки XIX и XX веков вознесли до предела заслуги ополчения Минина и Пожарского и до предела запрятали героизм и даже участие ополчения Трубецкого с его казаками в битве с гетманом Ходкевичем 21–24 августа 1612 года, в освобождении Москвы. Дошло даже до именования армия Трубецкого «дворянским резервом Пожарского, отданным под командование Трубецкого» (Родина, 2005, №11). Однако огромная роль казаков – причем, на самом прорывном участке – в Замоскворечье, отражена в источниках. Особенно ее подчеркивал Авраамий Палицын: казаки – *мало бе их* [казаков – С.С.] *числом, – и тако возвращщеся и устремишася единодушно ко острогу приступили, и вземше его, литовских людей всех острию меча предаша и запасы их поимаша. Прочие же литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася: овииво град Москву, инии же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их…». «Приуспевшим же всем казаком к обозу у великомученицы христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападоша казаки на войско литовское: овиубобоси, инии же нази, токмо оружие имущие в руках своих и побивающие их немилостивно. И обоз у литовских людей розорвали»* (Сказание Авраамия Палицына, 1909, стб. 322, 326).

Факт ключевой роли армии Трубецкого в последнем решающем сражении просматривается в дневнике противника-очевидца: *«…гетман* (Ян Ходкевич – С.С.)*, одушевленный великою заботливостию об осажденных, напрягал все свои силы, чтобы выручить их. Он сдвинул весь свой обоз и хотя его войско было небольшое, но он должен был* ***разделить его на две части****,* ***потому что и у русских было две армии****;* ***одна – Пожарского наступавшая на гетмана из своего лагеря, а другая Трубецкого, нападавшая на него из своего табора****.* ***Одна часть*** *войска гетмана, обратившись к Пожарскому, долго билась с ним, наконец, сломала русских, вогнала в реку и овладела полем битвы. Удалившись за реку, русские опустили руки и смотрели, скоро ли гетман введет в крепость продовольствие.* ***Другая часть*** *войска гетмана делала тоже свое дело…Далее, так как нашим мешал еще один городок* (Имеется в виду Климентовский острожек – один из

опорных пунктов Трубецкого – С.С.), *то гетман послал ... и наши взяли этот городок и вырубили в нем русских; но так как они отошли от него, не оставив в нем людей для защиты, то русские, как только это увидали, сейчас же пришли и заняли его своими людьми. ... Между тем, русские, выбив силою из таборов всех своих, кто только был в таборах, и спешив конницу в садах на пожарище, всею силою стали налегать на табор гетмана. Гетман, как человек чрезвычайно храбрый, не убоялся их, и долго с ними перестреливался; затем, видя беду, принимая также во внимание, что у него мало людей и что многие ранены и изнурены, так как сражались с неприятелем целый день, приказал обозу потихоньку отступать назад, а сам с войском сдерживал русских больше часу, пока возы не вышли на открытое место, куда гетман вывел и своих людей. Русские дальше своих ям не вышли; они там торжествовали свою победу…»* (Будило, 1872, с.321–324).

После совместной победы 24 августа было официально заключено (предположительно 22 сентября) «единачество» между обоими Дмитриями и учреждено на Трубной площади единое правительство – «Розряд и всякие Приказы».

22 октября совершен штурм Китай-города, и защищавшихся оккупантов в Кремль вогнали. Кто же участвовал в этом последнем перед капитуляцией бою?

Ответ сообщает «Пискаревский летописец»: *«И в ту пору некой смотрением божиим крикнув* ***казаки князя Дмитреева полку Трубецково****с десницами на город-Китай с Кулишек от Всех Святых с Ыванова лушку.* ***И город взяли*** *октября в 22 день, в четверг перед Дмитревского суботою. И литву и немец многих побили, и казну поймали»* (Пискаревский летописец, 1978, с. 218) и вогнали поляков в Кремль. То есть первыми, кто захватил Китай-город были казаки князя Трубецкого, не вытерпевшие умышленного затягивания переговоров о капитуляции.

То же подтверждает и Будило: *«…в полдень с великою силою пошли на приступ из батарей Трубецкого на Китай-город и с великою потерею для несчастных осажденных втоптали их в Китай-город»* (Будило, 1872, с.351).

26 октября поляки сдались и покинули Кремль. 27 октября был назначен торжественный вход в Кремль войск князей Пожарского и Трубецкого.

В отличие от историков XIX и XX веков, современники событий высоко оценивали роль лидера обеих стадий освободительной борьбы

1611–1612 годов – воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Начиная с дней освобождения Москвы от поляков и вплоть до избрания на Земском соборе царем Михаила Федоровича Романова Юрьева (с октября 1612 до конца февраля 1613 года) Трубецкой был, хотя и временным, – главным правителем Российского государства. Он же был одним из претендентов на царский престол. Именно у Трубецкого был особый титул – «Спаситель Отечества».

Со временем, однако, российскими историками превозносился все более Пожарский («высокоидейный, честный патриот, пр.»), а Трубецкой все более унижался (« крайне тщеславный, упрямый и в то же время ничтожный человек, …бездарный боярин» и т.п.) (Бибиков, 1950, с.179–180). Мнение же о Тубецком врагов иное («осторожный, искусно умевший пользоваться случаями к нападениям») (Кобержицкий, 1842, с. 8).

И все же, Трубецкому повезло больше, чем Ляпунову. В усадьбе Гребневе Щелковского района Московской области в 2012 году, в память о его бывшем владельце установлена памятная доска и заложен памятник казакам Трубецкого.

Будем надеяться, что всех истинных героев Смутного времени нашей Родины вспомнят и достойно отблагодарят будущие поколения.

К резолюции:

Признание в освобождении в 1611–12 гг. России от приглашенных властью польско-литовских интервентов заслуг только лишь народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского – есть жестокая несправедливость перед другими истинно героическими персонажами возвращения независимости нашей стране 400 лет назад. Прежде всего – перед воеводами Дмитрием Трубецким, Прокофьем Ляпуновым, а также, Троицко-Сергиевского монастыря архимандритом Дионисием и келарем Аврамием Палицыным.

Представляется нужным пересмотр точки зрения официальной истории страны на данный факт.

Список источников и литературы

1. http://www.patriarchia.ru/db/text/547832.html.
2. http://www.calend.ru/holidays/0/0/94/.

3. *Бибиков Г.Н.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т.32. – М., 1950.

4. Библиотека Академии Наук России. Рукопись 24.5.32.

5. *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitrafalszywego). // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872.

6. Грамота №217 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

7. Грамота №223 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

8. Грамота №224 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

9. Грамота №225 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

10. Грамота №228 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

11. Грамота №268 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

12. Грамота №281 // Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.2 (доп. к ч.2). – М., 1819.

13. Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. – СПб., 1859.

14. *Жолкевский С.* «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». – СПб., 1871.

15. *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1999.

16. *Загоскин Н.П.* Казанский край в Смутное время». – Казань, 1891.

17. *Загоскин Н.П.* Спутник по Казани. – Казань, 1895.

18. История Татарской АССР. Т.1. – Казань, 1955.

19. *Кобержицкий С.* История Владислава I, владетеля Польши и Швеции (Текст воспроизведен по изданию: Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава) // Сын отечества, 1842, №3).

20. Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, попреставлении Царя Иоанна Васильевича… СПб., 1771.

21. *Мархоцкий Н.* История Московской войны. – М., 2000.

22. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви, Кн. 6, гл. III.

23. Новый летописец [по Никонову списку] //ПСРЛ. Т.XIV, пер. пол.– СПб., 1910.

24. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, изд. по списку Кн. Оболенского. – М., 1853.

25. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

26. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1889.

27. *Попов А.* Изборник Славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. – М., 1869.

28. *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-Польская война // Памятники древней письменности и искусства. Т. 68. – СПб., 1887.

29. Родина, №11, 2005.

30. Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. – М., 1837.

31. Сказание Авраамия Палицына. Гл. 68 // Русская Историческая Библиотека, т.XIII. – СПб., 1909.

32. *Скрынников Р.Г.* Святители и власти. – Л., 1990.

33. *Сулейманов Р.Р.* Смутное время // Звезда Поволжья, 8 – 14.11.2012.

34. Татарская энциклопедия. Т.5. – Казань, 2010.

35. *Хворостинин И.А.* «Словесах дней и царей и святителей московских, еже есть в России». – ок. 1619–24. На современном русском в изложении Петрова А. – http://old-ru.ru/08–49.html.

36. Хронос (Всемирная история в Интернете) – http://www.hrono.ru/biograf/ bio_g/germogen_ermolay.php.

37. *Широкорад А.Б.* Бояре Романовы в Великой смуте. – М., 2009.

Сведения об авторе

Саначин Сергей Павлович, архитектор-градостроитель, г.Казань; sanachin.sp@gmail.com.

УДК 947 (470.343)

ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ МАРИЙЦЕВ В СОСТАВ РОССИИ

© 2014 г. Свечников С.К.

В статье анализируются итоги и последствия вхождения марийского народа в состав России. Вхождение марийцев в состав Русского государства нельзя однозначно характеризовать как зло или благо. Произошли как негативные, так и позитивные изменения.

Ключевые слова: марийцы, вхождение, завоевание, присоединение к России, последствия вхождения

CONSEQUENCES OF INCLUSION OF THE MARI PEOPLE TO RUSSIA

Svechnikov S.K.

The article analyzes the results and consequences of inclusion of the mari people to Russia. Mari inclusion into the Russian state can't be unambiguously characterized as evil or good. There were both negative and positive changes.

Keywords: mari, inclusion, annexation, accession to Russia, the consequences of inclusion

Процесс постепенного вхождения марийцев в систему русской государственности длился сотни лет: начался он еще во времена Киевской Руси, в начале золотоордынского периода замедлился, в годы феодальной смуты, охватившей Золотую Орду во второй половине XIV в., ускорился, а в результате появления Казанского ханства (30–40-е гг. XV в.) надолго приостановился. В середине XVI в. включение марийцев в систему русской государственности подошло к своей решающей фазе – к непосредственному вхождению в состав России. Окончательное присоединение Марийского края к Русскому государству произошло после 1557 г. в результате подавления народно-освободительного и антифеодального движения в Среднем Поволжье и Приуралье (Черемисские войны 1571–1574, 1581–1585, 1592 гг.) (Бахтин, 2012, с.528–580).

Присоединение Марийского края к Русскому государству было частью общего процесса становления Российской полиэтнической империи, и подготавливалось оно, прежде всего, предпосылками по-

литического характера. Это, во-первых, многолетнее противостояние между государственными системами Восточной Европы – с одной стороны, Русью, с другой стороны, тюркскими государствами (Волжско-Камская Булгария – Золотая Орда – Казанское ханство), во-вторых, борьба за «золотоордынское наследство» в завершающей стадии этого противостояния, в-третьих, обеспечение безопасности восточных рубежей Русского государства, в-четвертых, возникновение и развитие великодержавного (имперского) сознания в правительственных кругах Московской Руси. Присоединение Марийского края и всего Среднего Поволжья к России было отчасти обусловлено и экономическими причинами (плодородные земли, волжский торговый путь, новые налогоплательщики, рыбные промыслы и иные проекты по эксплуатации местных ресурсов).

Особенно кровавыми и жестокими для марийцев оказались пять лет истории, с 1552 по 1557 гг. За этот период было физически уничтожено множество марийцев и представителей других народов Среднего Поволжья. По завышенным данным Казанского летописца (иные и более правдоподобные сведения в других источниках не приводятся), «казанцы и черемиса» в течение нескольких лет, до и после падения Казани, потеряли 757270 человек убитыми и уведенными в плен, не считая пропавших без вести (КИ, 1954, с.174). Наиболее пострадала социальная верхушка, которая руководила антимосковским повстанческим движением. В официальных летописях указано, что к концу I Черемисской войны «казанские люди лутчие, их князи и мурзы, и казакы, которые лихо делали, все извелися». Казанский летописец повествует: «Мало же их живых осташа во всей земли Казанской, и разве простых живых людей и худых и немощных и убозех земледелец» (КИ, 1954, с.174; ПСРЛ, т.XIII, 1965, с.282; ПСРЛ, т.XX, 1914, с.583; ПСРЛ, т.XXIX, 1965, с.256). Похожее сообщение передали польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу русские дипломаты: «... а люди казанские болшие все побиты, а черные люди немногие остались, и ныне все государю послушны» (Сб.РИО, 1877, с.526).

Немалые жертвы понесли и русские воины. А.М. Курбский оставил такую запись об итогах «Казанского взятия» и Черемисской войны 1552–1557 гг.: «И в ту шесть лет битвы многие быша с ними воевания; и толикое множество в то время погибе войска християнского, биющеся и воюющеся с ними безпрестанно, иже вере не подобно» (Курбский, 1913, с.59). Но в отличие от повстанцев, царские войска одержали победу. Казанский край стал частью Русского государства,

превратившегося теперь фактически в многонациональную державу, в полиэтническую империю. Иван IV завоевал славу могущественного царя, на небывалую высоту поднялся международный авторитет Московии. «И тако сед на престоле своем великаго царьства Рускаго, правя скипетр державы своея, утер кровавый пот свой, покорив под себе жестокия и лукавыя казанцы, и паче их злейшую черемису поганую, оставив себе славу велию, превыше отец своих, и память вечную в роды русския во веки» (КИ, 1954, с.174), – завершает свое повествование Казанский летописец. Знаменитый русский историк С.М. Соловьев дал похожую оценку присоединению Среднего Поволжья к России: «Надобно перенестись в XVI век, чтоб понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское царство!.. Завоевание Казанского ханства было первым завоеванием, и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец-то царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей; понятно отсюда, почему Иоанн IV стал так высоко над своими предшественниками, почему для русских людей XVII века это был самый величественный образ в русской истории, загораживающий собой все другие образы» (Соловьев, 1988, с.460).

Помимо этого, Московская Русь получила доступ к богатым различными природными ресурсами землям Поволжья, а в перспективе – Урала и Сибири. В распоряжение московского правительства перешли тысячи опытных, закаленных в боях воинов покоренного края. Представители народов Среднего Поволжья активно участвовали в Ливонской войне 1558–1583 гг. на всем ее протяжении, они внесли огромный вклад в дело защиты южных рубежей России (строительство засечных черт, пограничная служба). В царскую казну огромным и нескончаемым потоком хлынули ясаки и прочие налоговые поступления из «подрайской землицы». Русское государство экономически усилилось благодаря овладению волжским торговым путем. Важными для экономики Русского государства были и природные запасы самой Волги, в частности, ценные промысловые рыбы (белуга, осетр), которые водились только в ее среднем и нижнем течении. Наконец, была решена (хотя и не сразу) проблема безопасности русских земель, примыкавших к Казанскому краю, «казанской украины».

Последствия вхождения в состав России для марийцев носят в целом сложный, весьма неоднозначный характер. Трудно не согласиться с таким весомым аргументом сторонников тезиса о положительной

роли установления русского господства в Среднем Поволжье (включая и Марийский край), как прекращение войн, установление мира и относительной политической стабильности в регионе, вследствие чего, как принято считать, возникли благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития (Бахтин, 2012, с.613; Очерки, 1965, с.92). Действительно, к концу XVI в. с изнурительным и страшным периодом военных конфликтов было покончено, но это обошлось слишком дорогой ценой для марийцев. В ходе русско-казанских войн и восстаний народов Среднего Поволжья во второй половине XVI в. марийское население, наиболее продолжительно и упорно оказывавшие сопротивление, понесло чудовищные потери: тысячи, а скорее, десятки тысяч убитых (и еще масса изувеченных, пленных и проданных в рабство), сотни стертых с лица земли селений (илемов, руэмов, крепостей). Начался массовый уход в Закамье, Приуралье, Башкирию (это серьезно ослабило единство этноса) (Сепеев, 1975, с.27–40). Были ликвидированы элементы формирующейся социально-классовой структуры и зарождавшейся собственной государственности. В худшую сторону изменился менталитет марийского народа – стала доминировать психология, характерная для реликтовых этносов (Сануков, 2000, с.32–33).

Несомненно, русские крестьяне приобщали марийцев к более развитым формам и способам сельскохозяйственного производства, хотя уровень развития производительных сил в данной отрасли экономики и у тех, и у других ко времени присоединения края был примерно одинаковым (Kappeler, 1982, s.28–30; Андреев, 1987, с.47–56). Что же касается ремесленного производства и торговли, то тут марийцы в числе остальных народов Среднего Поволжья столкнулись с ограничительно-запретительными мерами со стороны московского правительства и местной русской администрации (запрет металлообработки, а также торговли изделиями из металла, оружием и сырьем для него; условия, не позволявшие марийцам (кроме немногочисленного слоя тарханов, толмачей, новокрещенов) проживать в черте местных городов) (Димитриев, 1986, с.230–240). В результате этого марийское население на протяжении многих лет оставалось исключительно сельским, аграрным. Незапрещенные ремесла продолжали развиваться, но они не выходили за рамки подсобных промыслов (Иванов, 1995, с.143–149). Уже в XVII в. обрела более четкие контуры хозяйственная специализация региона, интенсифицировалась торговля (Алишев, 1990, с.156–166), однако эта отрасль экономики (не только натураль-

ный обмен, но и товарно-денежные отношения) существовала (в отдельные периоды процветала) у марийцев, по крайней мере, с булгарских времен (История, 1986, с.33).

Считается, что включение марийцев в состав феодального Русского государства способствовало перерастанию патриархально-феодальных отношений в развитые феодальные (Бахтин, 2012, с.614; История, 1986, с.201). Между тем марийцев можно включить в число обществ, оказавшихся «вовлеченными в новую формацию в результате военных столкновений между старой и новой формацией», подобно саксам в эпоху Карла Великого или ирландцам при английском короле Генрихе II. Однако данная разновидность перехода, как показывает мировая историческая практика, предполагает длительное существование и большую роль несистемных элементов (Барг, 1984, с.133). И, действительно, даже в 20-х гг. XX в., в «доколхозный период», в сельском хозяйстве Марийского края еще были сильны полупатриархальные отношения (Данилов, 1977, с.36). Более того, марийский этнос лишился своей социальной верхушки в первое столетие после присоединения – одна ее часть была физически уничтожена, а остальные после первой подушной переписи 1718–1719 гг. слились с общей массой рядовых общинников (Иванов, 1995, с.23–24). Кроме того, марийцы стали подвергаться тяжелой и все более усиливавшейся феодально-крепостнической эксплуатации со стороны государства. Злоупотребление властью, вымогательства и взяточничество расцвели в Поволжье уже в самые первые годы после его вхождения в состав России. Хотя обязанности марийских крестьян по своим размерам почти совпадали с обязанностями русских крестьян, фактически марийцы, как и многие другие народы Поволжья, вследствие плохого владения русским языком и незнания юридической практики, были в худшем положении (Иванов, 1995, с.169–173). Очень выразительно писал об этом известный публицист конца XVII – начала XVIII веков И.Т. Посошков: «…к ним паче русских деревень приезжая солдаты и приставы, и подьячи, овогда с указом, овгда ж и без указа и чинят что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой их изобижает, и чего никогда в указе не бывало, того с них спрашивают и правёжем правят» (Посошков, 1951, с.172).

Политика царского правительства и Русской православной церкви в религиозной сфере в первое время в основном отличалась веротерпимостью. До середины XVIII в. не было явных попыток массовой принудительной христианизации, но именно в век Просвещения, как

ни странно, стали допускаться методы физического и психического давления, направленные на обращение марийцев-язычников в православное христианство (Иванов, 1995, с.174–176). Между тем роль своей традиционной религии марийцы всегда ценили очень высоко, полагая, что язычество является символом национального, специфического (это обыкновенно выражалось в формулировке «Нашу веру кончать – нас кончать» (Козлова, 1978, с.222)). Гораздо более мягкие, гуманные методы христианизации применялись со второй половины XIX в., когда миссионерская деятельность слилась с просветительством (система Ильминского, церковноприходские, земские школы, двухклассные училища, где преподавание велось на родном языке, издательская деятельность, зарождение марийской интеллигенции (в первое время она состояла исключительно из священников и учителей) и т.д.). Позитивные последствия этого заметно сказались в 20–30-е гг. следующего столетия, когда произошел бурный подъем национальной культуры во многом благодаря уже созревшей культурно-просветительской базе (Сануков, 2000, с.36–44).

Культурное влияние также неоднозначно. Марийцы заимствовали более совершенные типы жилищ, одежды, пищи, предметов быта и т.д., через русский язык стали приобщаться к достижениям европейской и мировой культуры; в 1775 г. появилась марийская письменность на основе кириллицы, марийские дети стали обучаться в школах (Алишев, 1990, с.203–213). С другой стороны, вследствие русификации, усилившейся в XIX–XX вв., стала утрачиваться самобытность марийского народа, началась аккультурация и ассимиляция. По оценке Сеппо Лаллукки, финского исследователя этнодемографических процессов среди восточных финно-угорских народов России, демографические структуры марийцев, равно как и коми, мордвы и удмуртов, приобрели такие регрессивные черты, что уже из-за этого в обозримом будущем следует вероятнее всего ожидать либо стагнационной, либо сокращенной динамики развития их численности. Далее он указывает: «Наиболее тревожным, однако, является перспективы языков: численность носителей восточных финно-угорских языков постоянно снижается» (Лаллукка, 1997, с.303–304).

Вхождение марийцев в состав Русского государства нельзя однозначно характеризовать как зло или благо. Наряду с деструктивными процессами имели место и существенные позитивные изменения. По справедливому суждению А. Каппелера, марийцы и другие народы Среднего Поволжья столкнулись в целом с прагматичной, гибкой и

даже мягкой (по сравнению с западноевропейской) колониальной экспансией Русского государства. Это было обусловлено, прежде всего, незначительной географической, исторической, культурной и религиозной дистанцией между русскими и народами Волго-Камья (Каппелер, 1996, с.52–53). Более четырех столетий спустя после утраты своей независимости (пусть и относительной) марийцы сохранились как этнос, органично слились с другими народами России в рамках одного евразийского цивилизационного пространства – уже это дает повод говорить о преобладании позитивных последствий вхождения в состав России.

Список источников и литературы

1. *Kappeler A.* Ruβlands erste Nationalitäten: Das Zarenreih und Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. – Köln; Wien: Böhlau, 1982. – 571 s.

2. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М.: Наука, 1990. – 270 с.

3. *Андреев И.А.* О марийско-русских историко-культурных взаимосвязях в земледелии // Этнография марийского народа и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1987. Вып. 11. – С. 47–56.

4. *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – 342 с.

5. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. – Йошкар-Ола, 2012. – 660 с.

6. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 318 с.

7. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. – 456 с.

8. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. – 368 с.

9. История Марийской АССР. Т.I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. – 302 с.

10. Казанская история. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 194 с.

11. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс, 1996. – 379 с.

12. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 344 с.

13. *Курбский А.М.* История о великом князе московском. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 194 с.

14. *Лаллукка С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. – СПб.: Европейский Дом, 1997. – 392 с.

15. Очерки истории Марийской АССР (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1965. – 363 с.

16. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. 411 с.

17. ПСРЛ. Т.XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. Так называемая Царственная книга по списку Московской синодальной библиотеки №149. – М.: Наука, 1965. – 532 с.

18. ПСРЛ. Т.XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965. – 391 с.

19. ПСРЛ. Т.XX. Вторая половина. Львовская летопись. Ч.II. – СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1914. – 265 с.

20. *Сануков К.Н.* Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. – Йошкар-Ола: Правит-во Респ. Марий Эл, 2000. – С.13–61.

21. Сб.РИО. Т.LIX. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т.II. 1533–1560 гг. – СПб.: Тип. Ф.Елеонского, 1877. – 700 с.

22. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 247 с.

23. *Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти томах. Кн.II. Т.III–IV. – М.: Мысль, 1988. – 765 с.

Список сокращений

АЭМК – Археология и этнография Марийского края
КИ – Казанская история
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
Сб.РИО – Сборник Императорского Русского Исторического общества

Сведения об авторе

Свечников Сергей Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева», г. Йошкар-Ола; svechnikov-sk@mail.ru.

УДК 39(4/9)

ДЕМОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

© 2014 г. Столярова Г.Р., Данилов О.В., Соколов А.В.

Статья посвящена вопросам демографии русского населения Царевококшайского уезда Казанской губернии в середине XVIII века. На основе анализа архивных документов, автор устанавливает общую численность русского населения Царевококшайского уезда в середине XVIII века, рассматривает особенности русской семьи этого периода: её состав, продолжительность жизни людей, возраст вступления в брак и т.п. Особое внимание обращается на естественный прирост русского населения за счет населения, уже родившегося на территории Марийского края.

Ключевые слова: Республика Марий Эл, демография, русское население, новое время, Царевококшайский уезд, русская семья, рождаемость и смертность.

THE RUSSIAN POPULATION DEMOGRAPHICS OF TSAREVOKOKSHAISK DISTRICT OF KAZAN PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE XVIII CENTUPY

Stolyarova G.R., Danilov O.V., Sokolov A.V.

Article is devoted questions of the Russian population demographics of Tsarevokokshaisk district of Kazan province in the middle of the XVIII century. Based on the analysis of archival documents, the author establishes the the total number of the Russian population of Tsarevokokshaisk district, considers features of Russian families of this period: their composition, life expectancy of people, age at marriage, etc. Particular attention is drawn to the natural growth of the Russian population by population, already born in the territory of the Mari region.

Keywords: the Republic of Mari El, demographi, russian population, modern ages, Tsarevokokshaisk district, russian families,fertility and mortality.

Данная тема – белое пятно в истории Марийского края. Исторически сложилось так, что до революции 1917 г. историей жизни великороссов среди поволжских «иноверцев» никто особо не интересовался (изучали только последних). В советское же время, с образованием национальных автономий, все внимание историков и этнографов было приковано к титульным нациям и русские опять остались в стороне. В

сочинениях советских ученых: Е.П. Бусыгина (Русское население среднего Поволжья, 1966) и К.И. Козловой информации, касающейся нашего края совсем немного.

К. Козлова, говоря о Царевококшайской переписной книге 1646 г., отмечала, что она «содержит сведения о 19 дворцовых деревнях и починках общим числом дворов крестьянских – 166, бобыльских – 22, а людей в них: 261 и 25 бобылей. Ближайшая из деревень, Варакcино, отстояла от Царева посада всего на 300 сажен, дер. Лапшина на – 748 сажен, дер. Вяткина – 960 сажен, подальше до 4–5 верст от посада отстояли некоторые другие поселки, а самыми дальними считались дер. Дальняя Кузнецова «на речке Кузнецовке и речке Манаге» (в 10 верстах) и починок Олешин, Юшков то ж на речке Кузнецовке, в вершине» (Козлова, 1971, с.216).

К началу XVIII века «Русское население, начавшее хозяйственное освоение Марийского края еще с конца XVI столетия, ... было компактно расселено в Козьмодемьянской уезде – в правобережье, не далее 10 верст от уездного центра по рекам Большой и Малой Юнге и Сумке, на левобережье – по рр. Ветлуге и Рутке, в Царевококшайском уезде – в Дворцовой волости, селе Алексеевском Карамасской волости Галицкой дороги Казанского уезда и в ряде селений Алатской дороги» (Иванов, 1995, с.39).

«Первая четверть XVIII в. примечательна значительным притоком русского крестьянского населения в край, что было вызвано усилением феодально-крепостнического гнета. Так, в лесах левобережья Волги – в устье р. Ветлуги – беглыми крестьянами были основаны село Юрино с деревнями. ... В Казанском уезде, в семи волостях марийской части Алатской дороги, «своими дворами» проживало немало русских ясачных крестьян. Канцелярия свидетельства 1723 г. в отношении их руководствовалась следующим: «которые... пришлые из других городов черносошные ж крестьяне, и тех писать тут, где они ныне живут, а в прежние места, откуды они перешли, не высылать» (Иванов, 1995, с.39).

В указанное время часть беглых русских крестьян осела также в Большой и Малой Мананской волостях Царевококшайского уезда, где ими было основано около десяти поселений (дд. Русский Кукмор, Выползово, Негодяево и др.). В Казанском уезде Кокшайской волости русские стали жить в деревнях Б. и М. Акашево и других поселениях. Смешанные русско-марийские поселения появились и в Уржумском уезде. Общая численность русских крестьян за это время увеличилась не менее чем в полтора раза, в основном за счет притока извне. Приш-

лые крестьяне были выходцами из Суздальского, Костромского, Нижегородского, Галицкого, Хлыновского и других уездов (Иванов, 1995, с.39–40). Например, в документах 1723 года упоминаются «царевококшайские бобыли – Микифор Васильев 50 лет, «родиною» из Новгородского уезда с. Николы Бор; Алапердин 54 лет, «родиной города Кузмодемьянска посадской человек»; ... Андрей Клементьев 72 лет, «прозвищем Сарапка», родиною он «Ярославского уезду села Великого дворцовой крестьянин»; Сергей Иванов 45 лет, пришедший из Хлыновского уезда д. Подгородной» и т.д.

В 1745 г. численность русского населения Царевококшайского уезда составила 3499 человек: 1747 мужчин и 1752 женщины. 625=(282+343) человек проживали непосредственно в Царёве-городе него Посаде, 1486=(756+730) являлись дворцовыми крестьянами проживавшими в 18 русских селениях, 245=(135+110) – монастырскими и 1118=(560+558) – ясашными... (1. Л. 1. 148).

Далее. Как известно, основой человеческого общества является семья.

В своей монографии «Очерки по истории Марийского края XVIII века», доктор исторических наук А.Г. Иванов отмечал, что «среди марийцев в XVIII веке преобладала малая семья, состоявшая из супружеской пары с их малыми и неженатыми детыми или без них. Как видно из материалов ландратских книг и ревизских сказок, малосемейный двор обязательно располагал одним взрослым и 1–2 неполными работниками. Обычно малые семьи марийцев включали 1–2 поколения родственников по прямой нисходящей линии и состояли из 2–7 человек. Одинокие домохозяева были редкостью. Особая ценность рабочих рук в крестьянском хозяйстве и необходимость концентрации совместных усилий обусловили заметное распространение у марийцев сложной по составу неразделенной семьи. Она генетически вырастала из малой семьи и по мере назревшей необходимости вновь распадалась на малые. Неразделенная семья в некоторых марийских дворах была представлена «отцовской» семьей и включала 2–4 супружеские пары (супруги и 1–3 женатых сына, иногда внуки). Численность людей в таких дворах колебалась от 6 до 32 человек. Встречались тик же «братские» неразделенные семьи, когда женатые братья прожинали в одном и том же дворе. В марийских селениях населенность «братской» семьи составляла 5–24 человека. Значительно более редкими были большесемейные коллективы там, где во дворах проживали дяди и племянники (иногда женатые), где семьи дополнялись

дальними родственниками и свойственниками и где семьи не состояли в прямом родстве. ... В неразделенной марийской семье почти повсеместно каждая супружеская пара проживала во дворе в своей «особой избе», но подчинялась единому укладу большесемейного коллектива. Как правило, неразделенные семьи обладали 2–3 мужчинами-работниками и несколькими неполными работниками, что особенно было важным в многоотраслевом крестьянском хозяйстве...» (Иванов, 1995, с.132–133).

Всё вышесказанное, можно целиком и полностью отнести и к русской семье.

Как известно, в то время для России были типичны ранние браки. Историки отмечали, что в XVI–XVII вв. «русские женились очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет... Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым...» (Костомаров, 1993, с.209). Обычно это было связано с физическим увечьем: слепотой, душевным расстройством и т.п.

Постепенно возраст вступления в брак повышался. Петр I указом 1714 г. запретил дворянам жениться, не достигнув 20, и выходить замуж, не достигнув 17 лет, а по указу Екатерины II (1775 год) для всех сословий запрещалось венчать мужчин моложе 15, женщин моложе 13 лет; в случае нарушения указа брак расторгался, а священник лишался сана (Вишневский, 2008). Однако в рассматриваемый нами период, крестьяне и городские низы продолжали «брачить» своих детей в раннем возрасте. Самая юная невеста в Царевококшайском уезде была 12 лет от роду, а жених – 11. Нередки случаи, когда столь молодые жены к 14 годам уже имели детей.

Браки не отличались большой долговечностью, однако не из-за разводов, которые рассматривались церковью как тягчайший грех и разрешались лишь в исключительных случаях. Вследствие высокой смертности всегда был высоким риск прекращения брака из-за смерти одного из супругов, что в значительной мере компенсировалось повторными браками, почти обязательными в условиях крестьянской жизни (Вишневский, 2008). На рубеже XIX и XX веков (1896–1905), например, доля повторных браков в общем числе браков составляла примерно 14% для мужчин и 8% для женщин. В результате каждый мужчина и каждая женщина, дожившие до брачного возраста и сыгравшие свадьбу (один или более раз), жили в браке в среднем четверть века.

По документам середины XVIII века подобные сведения в полной мере получить практически невозможно, так как документов сохрани-

лось немного и зачастую они не содержат данных о браке. Об этом можно только догадаться, изучая состав той или иной семьи и видя несоответствие между возрастом родителей и детей.

Известный демограф А.Г. Вишневский утверждает, что в России уже давно пытались хоть как-то ограничить браки по принуждению. А.С. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» цитировал патриарший указ XVII в., предписывавший священникам «накрепко допрашивать» женихов и невест, а также их родителей, «по любви ли и согласию друг другу сопружествуются, а не от насилия ли или неволи». Но на деле это совершенно не соблюдалось. Часто молодые люди вступали в брак по выбору родителей, и было отнюдь не редкостью, когда разница между брачующимися составляла 15–20, а то и более, лет. Притом, хотя брак всегда понимался как интимный союз мужчины и женщины, при заключении брака на первый план чаще всего выходили экономические и социальные соображения. Какая уж тут любовь!

Например, в 1745 г. «семья», или двор ясачной крестьянки-вдовы 47-летней Дарьи Ивановой из деревни Кукмор (ныне Русский Кукмор) населяли девять человек. Кроме хозяйки – это ее две дочери Анна (23 лет) и Степанида (10 лет), Иван Лавринов (63 лет) с женой 28-летней Анной Андреевой и двумя «детьми» – Василием (34 года) и Алексеем (20 лет) их женами – Анной (32 лет) и Марьей (26 лет). Жены у отца и сыновей одного возраста (1.Л. 106 об.–107). Впрочем, встречаются и еще более вопиющие примеры. В тех же в документах 1745 г. упоминаются крестьяне деревни Ежёвы Василий Андреев (28 лет) и жена его Настасья Прокопьевна (13 лет), Степан Иванов (11 лет) и жена Евдокея Иванова (20 лет) (1.Л. 75 об.–77 об.).

В патриархальной семье на женщину смотрели, прежде всего, как на семейную работницу – способность работать нередко была главным критерием при выборе невесты. Причем, родили жениха часто старались женить сына-отрока максимально рано, чтобы приобрести в семью новые «рабочие руки», а родители невесты, наоборот, максимально поздно, чтобы эти руки как можно дольше сохранить у себя в хозяйстве. Вот и получалось что жениху 14–17 лет, невесте 28–35 лет (1. Л. 106 об.–107). Впрочем, ходу назад после женитьбы не было, оставалось жить по старинной формуле: «стерпится – слюбится» (Вишневский, 2008).

Практически в каждом русском селении имелась большая неразделенная семья – «расширенная (т.е. состоящая из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной сте-

пени близости, – овдовевших родителей и прародителей, неженатых детей, внуков, правнуков, дядьев, племянников и т.д.) и составная (имеющая в своем составе несколько супружеских пар и, так же как и расширенная семья, других родственников). Впрочем, не все члены такой большой семьи обязательно были кровными родственниками, тем более близкими. Она могла включать и более отдаленных родственников (двоюродных и троюродных братьев и сестер, внучатых племянников и т.п.), а также и лиц, связанных свойством, – зятьев, снох, золовок, деверей и пр., – и даже людей, не связанных с ней ни родством, ни свойством, но живущих под той же крышей и ведущих совместное с другими членами семьи домашнее хозяйство: приемные дети, ученики, приживалы, работники, прислуга (Вишневский, 2008).

Правда, численность такой русской семьи была несколько меньше, обычно 14–15 человек. Кроме того, такая семья, как правило, была зажиточной, уже имевшей фамилию (но не обязательно) и, вероятно, являвшейся основательницей деревни.

Например, в деревне Жуково Дворцовой волости (сегодня эта территория входит в черту города Йошкар-Олы) одним из главенствующих был род Осокиных. К 1730 г. его представляли две семьи: Максима Осокина (4 человека) (1.Л. 72об.) и Прокофия Осокина, состоявшая из 15 человек (1.Л. 73об.–74).

Когда Осокины обосновались в деревне Жуково, точно не известно, но, анализируя сохранившиеся документы начала XVIII в., можно сделать вывод о том, что уже в конце 1600-х гг. здесь проживал Василий Осокин, затем его сыновья – Максим и Прокофий (1670 – 28 апреля 1746 г.) (2.Л. 22). В дальнейшем, правда, род Максима Осокина неожиданно пресекся (причины этого пока не известны), но потомки Прокофия живут в Йошкар-Оле до сих пор.

Наиболее известен старший из сыновей Прокофия Васильевича Осокина – Алексей (1700 – 22 октября 1757) (3. Л. 227). В 1736 г. в городе Царевококшайске на месте деревянной Троицкой приходской церкви он на свои средства и местного купца С. Вешнякова построил каменную Троицкую церковь. Алексей Осокин имел несколько кирпичных «сараев» и нанятые им русские работные люди изготовили в 1746–1751 гг. около 100 тыс. кирпичей, предназначавшихся в основном для строительства Троицкого храма (Андреянов, 1991, с.66).

В заключение, хочется отметить, что в ходе данного исследования выявилось несколько закономерностей, объяснить которые пока не представляется возможным:

1. Почему, например, при заключении повторных браков невест брали, как правило, из русских селений Царевосанчурского уезда?

Вообще, невест из других уездов здесь встречается немного, но Царевосанчурск и Яранск явно преобладают. Причем, отдельные вятские селения встречаются по нескольку раз: например, Дурандиха, Самодуриха.., а также сам Царевосанчурск. Деревенские девушки в основном крепостные, принадлежавшие Демидову и Дурново, но, как ни удивительно, замуж они выходили за дворцовых и ясачных крестьян.

2. Почему в записях метрических книг практически отсутствует детская смертность, хотя краеведческие труды утверждают обратное? А при регистрации рождений фигурируют чаще всего мальчики?

В 1747 году в городе и уезде родилось 58 ребятишек: 38 мальчиков и 20 девочек, а умерло 27 человек (1 ребенок), заключено 53 брака (4.Л.1–41);

в 1748 году – родилось 58 ребятишек: 39 мальчиков и 19 девочек, а умерло 51 человек, заключено 45 браков; (5.Л.5);

в 1749 году – родилось 70 детей: 46 мальчиков и 24 девочки, а умерло 65 человек (в т.ч. 2 годовалых мальчика), заключено 72 брака; (6. Л.1–44);

в 1750 году – родился 61 русский ребенок: 45 мальчиков и 16 девочек, а умерло 25 человек, заключено 96 браков; (7.Л. 1–42).

С другой стороны, эти цифры свидетельствуют о том, что русское население Царевококшайского уезда в середине XVIII века медленно, но верно, увеличивалось и счет уже своего, местного населения.

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13–11–12001а/В «Этнокультурный облик русского населения Марийского края: история и современность».

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ) Ф. 292. Оп. 1 Дело 1. Л.1–148.

2. ГА РМЭ Ф. 305. Оп. 3 Дело 6. Л. 45.

3. ГА РМЭ Ф. 305. Оп. 3 Дело 15. Л. 22.

4. ГА РМЭ Ф.305. Оп. 3 Дело 7. Л.1–41.

5. ГА РМЭ Ф.305. Оп. 3 Дело 8. Л.5.

6. ГА РМЭ Ф.305. Оп. 3 Дело 9. Л.1–44.

7. ГА РМЭ Ф.305. Оп. 3 Дело 10. Л.. 1–42.

12. *Андреянов А.А.* Город Царевококшайск: страницы истории (конец XVI века – начало XVIII века). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 96 с.

11. *Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. – 2008. – №7. URL: http://elementy.ru/lib/430650 (Проверено 24 мая 2013 г.).

9. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. – 368 с.

8. *Козлова К.И.* Марийско-русские этнические границы и связи XVII–XVIII вв. // Новые страницы истории Марийского края. Труды. – Вып. XXIII. –1971. – С.213–236.

10. *Костомаров Н.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа.- М., 1993. – 400 с.

Сведения об авторах

Столярова Гузель Рафаиловна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии, ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань; guzelstol@mail.ru.

Данилов Олег Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр археолого-этнологических исследований ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола; veer47@mail.ru.

Соколов Александр Владимирович, старший научный сотрудник, Центр археолого-этнологических исследований ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола; alexander-falke@yandex.ru.

УДК 94

АСТРАХАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1705–1706 гг. В СУДЬБЕ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР

© 2015 г. Торопицын И.В.

В статье рассматриваются события Астраханского восстания 1705–1706 гг. и его влияние на жизнь астраханских юртовских татар. В основу исследования легли исторические источники и труды авторов, целенаправленно рассматривавших данное социально-политическое событие. Основное внимание уделяется изучению политической позиции юртовцев по отношению к восставшим жителей Астрахани, различные аспекты их взаимодействия с восставшими и представителями царских властей. Оценивается степень вовлеченности юртовцев в события, происходившие в Нижнем Поволжье в период Астраханского восстания, и оценка их политической позиции со стороны царских властей.

Ключевые слова: астраханские юртовские татары, Астраханское восстание 1705–1706 гг.

ASTRAKHAN UPRISING (1705–1706) THE FATE OF ASTRAKHAN YURT TATARS

Toropitsyn I.V.

The article discusses the events of the Astrakhan uprising 1705–1706, and its impact on the lives of Astrakhan Yurt Tatars. The study was based on historical sources and the works of authors purposefully would consider the socio-political event. The focus is on the study of the political position of Yurt Tatars against the rebellious inhabitants of Astrakhan, various aspects of their interaction with the rebels and representatives of the Imperial authorities. Evaluated the degree of involvement of Yurt Tatars in the events that took place in the Lower Volga region during the period of the Astrakhan uprising, and evaluation of their political position by the Imperial authorities.

Keywords: Astrakhan Yurt Tatars, Astrakhan uprising, 1705–1706.

Астраханское восстание 1705–1706 гг. занимает особое место в истории Нижнего Поволжья. Крупнейшее в эпоху Петра I выступление служилых людей (стрельцов и солдат) и жителей астраханского посада не раз привлекало внимание исследователей (Голикова, 1957; Голикова, 1975; История Астраханского края, 2000, с. 306–313; Лебедев, 1935; Рабинович, 1956, с. 273–305; Чернов, 1959), однако, роли в

нем астраханских юртовских татар практически не уделялось внимания в историографии. А между тем юртовцы не могли остаться в стороне от всеобщего народного возмущения, охватившего обширный регион в Нижнем Поволжье.

Накануне восстания астраханские юртовские татары представляли собой значительную часть местного населения. Сложный социальный состав юртовцев предопределил их деление на улусы во главе с мурзами и табуны, управлявшиеся табунными головами. При этом мурзы и табунные головы были фактическими распорядителями земель, пожалованных государством каждой группе юртовского общества. Основная масса юртовцев находилась на положении ясачного населения, а привилегированная часть – мурзы, табунные головы и их родственники состояли на службе, за которую получали от государства жалованье. Круг обязанностей, возложенных государством на юртовцев, был достаточно широк, что делало их активными участниками различных событий внутренней и внешней политики России (Торопицын, 2014а; Торопицын, 2014б; Торопицын, 2014в; Торопицын, 2014г; Торопицын, 2014д; Торопицын, 2014е).

Верховная власть требовала от астраханских воевод придерживаться по отношению к местному тюркскому населению взвешенной политики, однако, на практике это могло не всегда соблюдаться. Особенно много поводов для возмущения предоставил воевода Т.И. Ржевский. Как отмечает Н.Б. Голикова, этот астраханский воевода бесцеремонно обращался с тюркским населением края, совершенно не считаясь ни с местной знатью, ни с официально данными татарам правами. «Так, он игнорировал жалованную грамоту, освобождавшую их от поборов с мечетей и свадеб, взыскивая с них «деньгами и ясыри», и «коньми», – пишет она. – Он запретил татарам возить на лошадях и верблюдах и даже носить ведрами воду из реки, заставив их покупать ее бочками у откупщиков, которым отдал на откуп подвоз воды в Татарскую слободу. Татар, бежавших из калмыцкого или кубанского плена, Ржевский возвращал назад, получая от калмыков взятки» (Голикова, 1975, с. 69–70).

Не удивительно, что юртовские татары не предприняли никаких шагов, чтобы попытаться защитить астраханского воеводу и других начальных людей Астрахани в период восстания, поднятого летом 1705 г. жителями города. Те немногие офицеры и чиновника, вроде командиров полков братьев Б. и М. Кереитовых, которым удалось спастись, нашли убежище у калмыков. Более того, Н.Б. Голикова считает, что юртовцы

поддержали восстание в Астрахани. Свой вывод она основывает на анализе письма восставших от 31 июля 1705 г., адресованного донскому казачеству. «Несколько нерусских подписей свидетельствовало о том, – указывает она, – что к восстанию присоединились юртовские татары, индийцы и армяне» (Голикова, 1957, с. 227).

Когда в Москве стало известно о восстании, на чрезвычайном совещании, в котором приняли участие бояре и приказные судьи, были выработаны меры к тому, чтобы принудить восставших принести повинную, за что им было обещано прощение. Придавая большое значение локализации района восстания, участники совещания в Москве направили грамоты к донским и гребенским казакам, гарнизону Терской крепости, черкасскому князю Альдигирею, а также к юртовским татарам. Н.Б. Голикова отмечает, что послание к главе юртовцев Ишею Кашкарину было написано собственноручно боярином Б.А. Голицыным, возглавлявшим приказ Казанского дворца. Доставку грамот доверили астраханскому дворянину И. Михайлову, который в начале сентября выехал из Москвы в сопровождении юртовских татар, приезжавших туда продавать лошадей (Голикова, 1975, с. 171–173).

В первые месяцы восстания юртовские татары во главе с табунным головой Ишеем Кашкариным занимали лояльную к восставшим позицию. Случаев конфликтов между ними отмечено не было. Не удивительно, что стольнику С. Обернибесову, которого в ходе восстания отстранили от управления Камызякским учугом, не удалось убедить юртовских татар выступить против восставших и тем заслужить себе государеву милость. Работники Камызякского учуга сообщили восставшим, что стольник С. Обернибесов на встрече с представителем главного табунного головы И. Кашкарина говорил: «Как бы де Ишей Кашкарин собрался с юртовскими татарами астраханских воров и бунтовщиков всех вырубил, и ево де великой государь за то б пожаловал» (Голикова, 1975, с. 164).

В большей степени юртовцы страдали от калмыцких набегов. Так, в ночь на 26 сентября в Красноярскую крепость из калмыцких улусов вернулась группа юртовских татар, которые сообщили, что калмыки намерены занять враждебную позицию по отношению к восставшим. По словам юртовцев, калмыки уговаривали их присоединиться к ним, угрожая: «Буде вы не пойдете, и мы де вас всех от Астрахани отворотим» (Социальные движения, 2004, с. 72). События ближайших месяцев подтвердили серьезность выдвинутых калмыками угроз: они стали массово угонять у юртовцев скот, совершая нападения на окрестности

Красного Яра и Астрахани. Во время одного из таких набегов в феврале 1706 г. погиб брат табунного головы И. Кашкарина Картай (Голикова, 1975, с. 213–214, 219; Социальные движения, 2004, с. 72).

В период восстания юртовцы активно принимали участие в различных переговорах, которые вели астраханские руководители восстания (старшина). В октябре 1705 г. в Астрахань прибыли послы крымского хана Менгли-Гирея. Юртовцы участвовали в переговорах с ними вместе с астраханской старшиной, а впоследствии их представители Темирша-мурза и родственник И. Кашкарина Тубачей были отправлены в Крым для обсуждения вопросов возвращения пленных астраханцев. «Выбор юртовских татар полномочными послами и поручение им такого сложного дела, как освобождение пленных, показывает, – пишет Н.Б. Голикова, – что астраханский круг вполне доверял им и никаких сомнений в их способности выполнить поручение не испытывал» (Голикова, 1975, с. 169). Она отмечает, что астраханская старшина часто давала юртовцам ответственные поручения – их привлекали к переговорам с калмыками, использовали в качестве переводчиков, поручали доставку важных сообщений в Красный и Черный Яры. По ее сведениям, Темирша-мурза и Тубачей успешно справились с возложенной на них задачей: им удалось освободить 30 пленных, кроме того, хан Менгли-Гирей в своем ответном письме, которое доставил Темирша-мурза, сообщил, что намерен разыскать русских «невольников» и прислать их в Астрахань с Тубачеем, который остался при его дворе (Голикова, 1975, с. 169).

Ограничивался ли этими вопросами круг полномочий астраханских послов, Н.Б. Голикова не сообщает. Между тем известно, что в октябре 1705 г. царицынский воевода А. Турчанинов получил от калмыцкого хана Аюки сведения о намерении юртовских татар бежать из-под Астрахани во владения крымского хана: «астраханские воры, соединяясь с юртовскими татары, послали от себя на Кубань, чтоб они, кубанцы, многим собранием пришли под Астрахань для приему их, воров, и астраханских юртовских татар. И по той де их присылке присланы с Кубани сего ж октября в первых числах к ним, ворам, шестьдесят человек. И те де присланные с Кубани тем ворам сказали: по прошению де их сила многая у них з двемя салтанами готова, как им надо битца. И как та сила понадобитца, чтоб им, ворам, с тою ведомостью приехать на Кубань наскоре. И они де, воры, им, кубанцом, говорили: как де их кубанская сила к ним будет и они де, соотчась с

юртовскими татары, и с ними, кубанцы, пойдут воевать калмык» (Социальные движения, 2004, с. 39).

12 октября в Астрахань приехали юртовские татары, сопровождавшие дворянина И. Михайлова с царскими грамотами. Они рассказали, что в пути встретили полковника М. Кереитова (Кореитова) и Михайлов остался с ним, а полковник приглашал представителей старшины приехать за грамотами на обусловленное место встречи. Опасаясь ловушки со стороны царских властей, восставшие решили отправить за грамотами юртовского мурзу Каспулата (Казбулата) Урусова. Он должен был доставить ответное письмо, в котором астраханцы жаловались на калмыков, которые обвинялись в убийствах, грабеже юртовских татар и отгоне скота у жителей Красного Яра.

Вслед за юртовцами в Астрахань прибыл посыльный, доставивший послание боярина Б.А. Голицына главе юртовских татар И. Кашкарину и личное письмо к восставшим от М. Кереитова. Оба документа были прилюдно зачитаны на кругу. Послание главы приказа Казанского дворца состояло всего из нескольких строк и, по мнению Н.Б. Голиковой, должно было служить дополнением к устному сообщению, которое поручили передать И.Михайлову при личной встрече с И. Кашкариным (Голикова, 1975, с. 221). Царские власти, без сомнения, рассчитывали на содействие юртовцев в своих замыслах и делали ставку на авторитет влиятельного юртовского табунного головы. Не случайно М. Кереитов предлагал прислать к нему на переговоры в числе других представителей восставших персонально И. Кашкарина. Но эти послания лишь возбудили подозрения в отношении него у астраханской старшины, которая отправила на встречу с М. Кереитовым юртовских мурз Казбулата и Булата Урусовых. Встреча состоялась на реке Переузяке. Как отмечали представители астраханской старшины, «юртовской князь Булат мурза князь Казыев сын Урусов» принял «тое великого государя грамоту … и привез к нам великому войску и подал нам в большом кругу» (Лебедев, 35, с. 81).

В ожидании реакции восставших на царскую грамоту хан Аюка решил сам выяснить обстановку. 20 октября с этой целью отправился к Астрахани находившийся в его улусе стольник М. Заманов. Его сопровождали юртовские «Ышеевы» татары, бывшие в Москве с ордобазарной станицей (т.е. перегонявшие туда лошадей на продажу). М.Заманов не рискнул лично появиться в Астрахани. Он остановился на значительном расстоянии от города, куда направил в сопровождении юртовцев своего человека Г. Полякова. Эта группа прибыла в

полночь в ставку к табунному голове И. Кашкарину, где заночевала, а на другой день отправилась в Астрахань.

Появление Г. Полякова встревожило астраханцев. Они стали выпытывать у него, с какой целью он приезжал к И. Кашкарину и в итоге не отпустили его обратно. Об этом М. Заманову сообщил посланный от него ногаец «Акмурзим человек Урусова, Алас», которому удалось выбраться из Астрахани. Расчет М. Заманова на то, что глава юртовских татар вступит с ним в тайную связь, не оправдался. И. Кашкарин, скомпрометированный в глазах восставших посланием царского сановника, не стал рисковать. Вскоре в калмыцкие улусы приехал посланец хана Аюки Дакей, доставивший из Астрахани послание восставших, в котором они просили обеспечить безопасный проезд их представителям в Москву «с челобитной к великому государю». О том же просили хана Аюку и юртовцы, приславшие от имени мурзы К.Урусова, главного табунного головы И. Кашкарина и «всех вкупе» юртовских татар персональное «написанное бусурманским языком» письмо (Социальные движения, 2004, с. 48–49).

Из донесения М. Заманова в приказ Казанского дворца, отправленного в декабре 1705 г., видно, что юртовские татары были готовы подчиниться требованиям властей. Он сообщал, что посланец хана Аюки встретился под Астраханью с сыном главы юртовских татар Теребердеем Кашкариным, от которого узнал, что «в Астрахани учинилось все доброе»: астраханцы хотят принести повинную, главари восставших арестованы и их намерены отправить в Москву, а в Астрахани всем управляет архиерей. С этой вестью юртовцы отправили к калмыцкому хану своего посланца, «татарина Бурая» (Социальные движения, 2004, с. 51). Н.Б. Голикова справедливо замечает, что информация, которую привез калмык Дакей, не отражала реальной обстановки в Астрахани (Голикова, 1975, с. 233–234), тем не менее, эти сведения вполне четко свидетельствовали о настроениях, царивших среди юртовских татар.

Тем временем Петр I, получив информацию о событиях в Нижнем Поволжье (отходе войска повстанцев от Царицына и неудачной попытке верных правительству сил овладеть Черноярской крепостью), приказал направить в Астрахань новую грамоту, составленную в более суровых тонах. На этот раз она была адресована только стрельцам и солдатам восставшего гарнизона. В ней сообщалось, что против них будут направлены полки регулярной армии, а к калмыцкому хану Аю-

ке и юртовским татарам послан указ присоединиться к царским войскам (Голикова, 1975, с. 205).

В начале января 1706 г. восставшие решили послать к царю своих представителей с повинной. К тому времени в их рядах наметился раскол. Об этом царицынский воевода князь П.И. Хованский узнал от посланца И. Кашкарина – юртовского татарина Атепа Илинбаева, который был включен в состав астраханского посольства. А. Илинбаев навестил царицынского воеводу тайно. Он сообщил, что И. Кашкарин приказал ему сообщить князю П.И. Хованскому «с плачем», чтобы войска как можно скорее выступили в поход на Астрахань, так как среди восставших уже не было единства. Главный табунный голова опасался, как бы сторонники жесткого курса в отношении царской власти, собиравшиеся «уйти в море», не претворили в жизнь свое намерение «порубить и разорить без остатку» юртовцев и жителей восточных слобод (Социальные движения, 2004, с. 56). В январе были отмечены первые факты побега юртовских татар, «а куды побежали бог весть, про то мы не ведаем», – писали 14 января 1706 г. в Астрахань служивые люди с учуга Иванчуг (Лебедев, 1935, с. 84–85).

Между тем царские войска под командованием генерала-фельдмаршала Б.П. Шереметева уже двигались на Астрахань. При подавлении восстания в Астрахани их командующий должен был, помимо прочего, руководствоваться статьями, которые были даны царицынскому воеводе П.И. Хованскому на случай, если он самостоятельно выступит на Астрахань до прихода основных сил во главе с Б.П. Шереметевым. Они, в частности, предусматривали, установление тесного взаимодействия с юртовскими татарами. «Да ему ж, боярину и воеводе, – говорилось в них, – призвав Юртовских бей, и мурз, и Татар и сказать им, дабы они ему, великому государю, служили по прежнему во всякой верности, а его, великого государя, милость к ним отъемлема не будет» (Письма, 1900, с. 767). Не исключено, что данное решение могло быть продиктовано тем, что юртовцы хорошо зарекомендовали себя в боях со шведами под командованием Б.П. Шереметева (Торопицын, 2014а, с. 8–12).

24 февраля 1706 г. царские войсками прибыл в Царицын, где Б.П. Шереметеву доставили кубанского татарина, схваченного калмыками Чемета-тайши. Пленный подтвердил на допросе, что восставшие астраханцы обращались к ним за помощью, и «кубанцы конечно хотели соединитца с астраханцы, толко салтан их не пустил». Шереметев распорядился отослать кубанца вместе с протоколом допроса в По-

сольский приказ, а сам принял решение ускорить переход к Астрахани. «Естли б не поспешил, – указывал он впоследствии в письме судье Посольского приказа Ф.А. Головину, – конечно б Астрахань разорена была и имели намерение соединитца с кубанцы и с каракалпаки и итить в верховые городы…» (Социальные движения, 2004, с. 82, 104).

Передвижение воинских отрядов не было тайной для юртовских татар. Есть основания полагать, что часть из них с нетерпением ожидала их прибытия, рассчитывая, что появление правительственных войск восстановит порядок в крае и избавит их от калмыцких набегов. 9 марта глава юртовцев Ишей Кашкарин от имени всех мурз направил письмо Б.П. Шереметеву с заявлением о покорности юртовских татар правительству. Описывая бедственное положение своего народа («А мы здесь велми обедняли и лошадей наших и всякие пожитки до остатку побрали калмыки»), он просил ускорить движение, сообщая, что с началом ледохода часть восставших намерена покинуть город и идти «на лодках в море» (Социальные движения, 2004, с. 93–94). По мере приближения правительственных войск возрастало число перебежчиков из Астрахани. Среди них оказались и представители юртовской знати – мурза К. Урусов, сын табунного головы Ишея Кашкарина Таребердей «с товарыщи» (Голикова, 1975, с. 241–242).

Что касается событий, непосредственно связанных с взятием Астрахани царскими войсками, то о роли в них юртовских татар сохранилось немного сведений. Показания царицынского толмача Г. Калмыкова, находившегося в те дни в Астрахани, свидетельствуют, что в столкновениях с правительственными войсками под городом в районе Ивановского монастыря в марте 1706 г. вместе с восставшими участвовали «астраханские мурзы, юртовские и табунные головы, и татары» (Социальные движения, 2004, с. 106). Однако следует учесть, что сам Калмыков не был непосредственным участником тех событий, так как вместе с «товарищами» находился «за караулом», поэтому, очевидно, пользовался информацией от третьих лиц. О том, насколько она достоверна, судить трудно. Тем не менее, по сведениям Н.Б. Голиковой, юртовские татары вместе с отрядом астраханцев численностью в двести человек под командой стрельца Туменка в ходе штурма Земляного города войсками Б.П. Шереметева отражали натиск калмыков (четырех тайшей и хана Аюки) (Голикова, 1975, с. 300).

Таким образом, факт участия юртовцев в борьбе с правительственными силами (в лице калмыков) на стороне восставших астраханцев имел место. Несмотря на это, существующие исследования и

материалы не дают оснований утверждать, что среди юртовцев проводились аресты в связи с их участием в Астраханском восстании. А между тем, как замечает Н.Б. Голикова, «одного подозрения в участии в восстании было достаточно, чтобы людей годами держали в тюрьме, подвергали пыткам и ссылали». Ей удалось выявить имена 504 человек, привлеченных к суду в связи с Астраханским восстанием, и провести анализ социальной принадлежности всех обвиняемых. Среди них ей не удалось выявить ни одного юртовского татарина (Голикова, 1975, с. 306–307). Несмотря на это, она признает факт активного участия юртовских татар в данном восстании (Голикова, 1975, с. 288).

Очевидно, что одним из доказательств участия юртовцев в Астраханском восстании Н.Б. Голикова считала подпись их представителей на грамоте, направленной восставшими к донскому казачеству 31 июля 1705 г. Однако, как отмечает она, этот список не был использован для арестов среди жителей Астрахани и округи. «Многие подписавшие письмо на Дон, – указывает она, – не только отошли от восстания, но и перешли на сторону правительства и за измену восставшим получили прощение» (Голикова, 1957, с. 227). В статьях, данных фельдмаршалу Б.П. Шереметеву 23 апреля 1706 г., Петр I указал, чтобы тот не применял репрессий к астраханским татарам: «Юртовских Татар не изволь имать, потому что они не причинны» (Письма, 1900, с. 223). Весьма интересно, что сами юртовцы в 1765 г. утверждали, что во время Астраханского бунта 1705–1706 гг. находились на стороне войск фельдмаршала Б.П. Шереметева (Сборник, 1911, с. 175).

Не исключено, что юртовцы были втянуты в водоворот событий восстания в Астрахани в силу целого комплекса причин. Здесь могли сыграть свою роль и накопившееся у них недовольство политикой астраханских властей, о чем говорилось выше, и невозможность дистанцироваться от конфликта, так как они стали подвергаться нападениям калмыков, выступавших на стороне правительственных сил, а фактически воспользовавшихся ситуацией, чтобы безнаказанно грабить местное население. Юртовцы вынуждены были защищаться – как самостоятельно, так и в союзе с восставшими, которые, в свою очередь, использовали их в своих целях.

Одним из способов влияния на юртовцев, в частности, были их заложники-аманаты, содержавшиеся в Астрахани, которых восставшие не стали освобождать, а выделили им положенное содержание. По данным на 1705 г., в Астрахани находилось в аманатах 9 мурз от ногайских, джембуйлукских, джетисанских и юртовских татар, в том

числе «Ивас мурза Алмурзин сын Тинбаев» (Социальные движения, 2004, с. 251).

Есть основания предполагать, что мягкая политика правительства по отношению к юртовским татарам была вызвана опасением утраты в случае репрессий контроля над данной категорией подвластного населения. Жесткие меры в отношении юртовцев могли спровоцировать массовый исход из России тюркских подданных, проживавших в Нижнем Поволжье, что не отвечало интересам российского государства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/14.

Список источников и литературы

1. *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. – М., 1957. – 338 с.

2. *Голикова Н.Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. – М., 1975. – 332 с.

3. История Астраханского края: Монография. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. – 1122 с.

4. *Лебедев В.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. // Историк-Марксист. – М., 1935. № 4(44). С. 77–86.

5. Письма и бумаги императора Петра Великаго. – СПб., 1900. – Т. 4. – 519 с.

6. *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. – Т. 58. – М., 1956. – С. 273–305.

7. Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 134. – СПб., 1911. – [595] с.

8. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. документов. – М., 2004. – 418 с.

9. *Торопицын И.В.* «Без легкой и подвижной иррегулярной конницы… русской армии пришлось бы тяжело». Участие астраханских (юртовских) татар в боевых действиях против шведов (1701–1705 гг.) // Военно-исторический журнал. – М., 2014. – Вып. 1. – С. 8–12.

10. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в развитии отношений России с государствами Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // British Journal of Science, Education and Culture. – № 1 (5) (January-June). – Volume II. – London: «London University Press», 2014. – P. 112–118.

11. *Торопицын И.В.* Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения Нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science –

2014». – Volume 11. History. – Sheffield: Science and education LTD, 2014. – P. 3–8.

12. *Торопицын И.В.* Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – Астрахань, 2014. – Вып. 3 (40). – С. 220–228.

13. *Торопицын И.В.* Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – Астрахань, 2014. – Вып. 2 (39). – С. 228–234.

14. *Торопицын И.В.* Астраханская юртовская знать в системе феодальных отношений XVIII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 2014. – № ¾. – С. 18–25.

15. *Чернов А.В.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. // Исторические записки. – Т.64. – М., 1959. – С. 186–216.

Сведения об авторе

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета; itoropitsyn@mail.ru.

УДК 323.2"451"(571)

«ИНОВЕРЦЫ»[1] И ЦАРИ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОРОДЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР)

© 2014 г. Тычинских З.А.

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов формирования политики Русского государства по отношению к аборигенному населению присоединенных в конце XVI – начале XVII вв. территорий Западной Сибири. На примере служилых татар автором показано, что гибкая политика Московского государства, в основе которой лежало сочетание сотрудничества (в первую очередь, с нерусскими военно-политическими элитами) и администрирования, а также нейтральная позиция, которую изначально занимали российские правители в отношении коренного населения, помогла интеграции аборигенов в систему общероссийской социальных, политических и экономических связей.

Ключевые слова: Сибирь, служилые татары, инородческая политика, ясак.

«GENTILES» AND TZARS: SOME ASPECTS OF FORMING ABORIGINAL POLICY IN SIBERIA (ON THE EXAMPLE OF SLUJILYE TATARS)

Tychinskih Z.A.

The article considers some aspects of the formation of the Russian state policy in relation to the aboriginal population attached to the end of XVI – early XVII century of Western Siberian territories. On the example of tatars the author shows that flexible policy of Muscovy, which was based on a combination of cooperation (primarily with non-Russian military and political elites) and administration, as well as the neutral position, which was originally held by Russian rulers according to indigenous people, helped integration of Aboriginal nationwide system of social, political and economic ties.

Keywords: Siberia, slujilye tatars, aboriginal policy, jasak.

[1] В данном случае термин «иноверцы» – условное название по отношению к аборигенному населению Сибири. В официальной лексике термин «иноверцы» стал употребляться с начала XVIII в., заменив использовавшийся до этого термин «иноземцы». А в конце XVIII в. заменяется термином «инородцы».

Включение в XVI в. обширных полиэтничных территорий в состав России требовало особого внимания правительства к аборигенному фактору. Следует заметить, что в населении присоединенных территорий государство видело, прежде всего, плательщиков ясака, и лишь затем представителей иной веры и этнической принадлежности. Главной целью на данном этапе аборигенной политики являлось обложение ясаком, который имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти.

Приводясь к «шерти», аборигены должны были платить ясак и хранить верность, взамен чего российский государь предоставлял им право проживать и хозяйствовать в районах их исконного обитания, а также обещал держать их «в своем царском милостивом призрении» и «оберегать накрепко». Русская сторона трактовала шерть как признание аборигенами своего подданства, те же могли воспринимать ее в зависимости от своей военной силы и характера взаимоотношений с русской властью как равнозначный союз или мирный договор.

В основе инородческой политики в Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII вв. лежало сочетание сотрудничества (в первую очередь, с нерусскими военно-политическими элитами) и прямого насилия и администрирования.

Причем, если методы насилия и администрирования возлагались обычно на представителей местной власти, то верховная власть позиционировалась как нейтральная, проводившая политику сотрудничества. Возможно, именно поэтому в менталитете как в целом российского населения, так и в такой его особой части аборигенного населения, присоединенного в ходе колонизации обширных российских территорий, достаточно отчетливо сформировался и долго сохранялся собирательный образ доброго «царя-батюшки», являвшегося гарантом справедливости и защитником от произвола местной власти. Формированию образа, безусловно, способствовала нейтральная позиция, которую изначально занимали российские правители и та гибкая политика, которую они вели по отношению к аборигенному населению.

Ярким примером может служить ситуация с татарской феодальной знатью Сибирского ханства. Как отмечал С.В. Бахрушин, татарская военная знать «безболезненно перешла на царскую службу, переменив без резкого перерыва одного господина на другого» (Бахрушин, 1955, с. 165). Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становится сохранение привилегированного положе-

ния тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это служилые татары несли военную службу новому сюзерену – московскому государю. Характер условно прямого подчинения служилых татар царю подчеркивался возможностью и правом их прямого обращения через челобитные с жалобами и просьбами. В ответ обычно верховной властью было гарантировано заступничество.

Демонстрацией лояльного отношения к покоренным сибирским правителям стал организованный в Москве прием плененной в ходе «взятия Сибири» семьи хана Кучума. Насколько важен был данный акт для российских правителей, говорят описанные в источниках известия о том, что для создания пышности и торжественности церемонии, въезд сибирских пленников было приказано сопровождать эскорту богато и пышно одетых дворян. Позаботились и о достойном представлении сибирских цариц и царевичей, для которых были специально сшиты наряды. Впоследствии бывшие сибирские царевичи получают наделы в Касимовском ханстве, становятся правителями этого «царства» (Вельяминов-Зернов, 1866, с.2), а также получают земли в других княжествах.

Малочисленность русских вооруженных сил в Сибири, значительная территориальная дисперсность военно-административных пунктов, существовавшая в течение всего XVII в. постоянная угроза отпадения Сибири от центра обязывали Российское правительство предпринимать меры по установлению прочных административных, политических и экономических связей с «дальней сибирской вотчиной».

Исходя из этих установок, на первых порах государство всячески старалось поощрять служилых татар и оберегать их интересы, в том числе и от представителей местной власти. Когда в 1598 г. воевода Ефим Бутурлин «мимо государеву указу» наложил на юртовских татар ясак по 10 соболей с человека и «не в меру, но по большому окладу» наложил ясак на тобольских «кречатников», которые прежде «за ясак давали кречеты», а после обложения ясаком «государю изменили, побежали», то служилые татары обратились к царю с челобитной, в которой жаловались, что «у них вотчин никаких нет и соболями не промышляют» и прежде ясака с «них не имали». Царь освободил юртовских татар от ясака, а новым воеводам предписал произвести розыск об этих незаконных действиях Ефима Бутурлина и велел «за то на Ефима опалу свою государеву положить». Из Москвы поступило предписание воеводам «льготить и беречи…» юртовских татар, и чтобы «…они б жили в государевом жалованье безо всякого сумненья и

юрты свои полнили» (Бахрушин, 1955, с. 167). «Имянной указ» царей Ивана и Петра Алексеевичей от 21 января 1696 г. гласил: «будет по розыску явится, что ясачные люди разбрелись в дальние страны и изменили от воеводских нападков и тех воевод, которые по совершенным уликам будут тому вины – за то самих казнить смертью же» (Оглоблин, 1900, с. 314).

Обращались служилые татары напрямую к царю и за прибавкой к жалованью. Так, в грамоте от января 1618 года царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводе Федору Коркодинову, сообщалось: «В нынешнем во 126 году, декабря в 9 день, писали есте к нам и прислали Тюменского города юртовских служивых татар головы Маитмаса Ачекматова челобитную» (Оглоблин, 1900, с. 349–353). В челобитной Маитмас Ачекматов указывал, что на государевой службе он состоит с тех пор «как Тюменский город стал», т.е. уже более 30 лет. Там же перечислялись заслуги М. Ачекматова, и излагалась просьба увеличить тому жалованье «против тобольского служилаго татарина Кызылбая Капландыева». Жалованье Маитмаса Ачекматова составляло 8 рублей, в то время как денежное жалованье Кызылбая Капландыева составляло 12 рублей. Кроме того, Капландыеву выдавалось от казны по две чети ржи и овса. Следует заметить, что первое время сумма денежного жалованья служилых татар не была фиксированной и зависела от степени «заслуг» «лучших людей», причем в главных городах она была значительно выше, чем в прочих.

Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилого населения, но и внутри определенной категории в разных городах. Оклады тобольских служилых, и в том числе и служилых татар, были намного выше, чем у служилых других городов. В Москву направлялись многочисленные челобитные от тюменских, тарских, томских служилых татар с просьбой уравнять их денежное жалованье с тобольскими служилыми татарами. Так, в 1629 г. тарские юртовские служилые татары направили к царю челобитную о «придаче» к денежному жалованью «против» тобольских служилых татар и о поверстании в службу их сыновей, племянников и пр. В ответ на эту челобитную последовал царский приговор о том, что «государь слушал и указал: отписать на Тару – велеть юртовским татарам сказать, чтоб они о том не били челом, быть им в тех своих окладах и впредь по-прежнему: и в московских городах у государя городы не все ровны, а им с Тобольском не ровнятся» (Оглоблин, 1900, с. 118).

Центральная власть предписывала сибирским воеводам проявлять к мусульманскому населению «береженье… и ласку» и не ущемлять религиозные чувства татар (Небольсин, 1849, с. 118). Как отмечает Е.В. Перевалова, в Сибири «на этапе военных захватов туземных земель российское государство не стремилось к конфессиональному подчинению…» (Перевалова, 2004, с. 62).

Генеральную линию конфессиональной политики московского государства в течение XVII в. в отношении сибирских инородцев можно определить словами из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей, направленного тобольскому воеводе П.С. Прозоровскому, а также грамоты на имя митрополита Павла от 5 апреля 1685 г. В указанных документах говорилось: «для того, что Сибирь государство дальнее и состоит меж бусурманских иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не ожесточить...» (Андриевич, 1889, с. 331–333)**.** Высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть». Однако на месте эти распоряжения часто не соблюдались. В связи с этим от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы на местную духовную власть, стремившуюся всеми способами увеличить паству. В ответ на эти жалобы государи приказали воеводам взять под свое наблюдение, «чтоб неволею в православие иноземцев не обращали».

По челобитью тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаметева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и, лишь после рассмотрения их воеводой, направлять эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дождався из приказныя избы памятей – тех людей не крестить» (Андриевич, 1889, с. 331–333). Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев с тем, чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы.

В очередной раз распоряжения о недопустимости насильственного обращения в православие подтверждаются в наказе тобольскому воеводе от 1697 г.: «насильством никого не крестить». Ситуация изменилась в период правления Петра I. С начала XVIII в. наступает но-

вый этап колонизации Сибири, который известный сибиревед А.В.Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского» или эпохой конфессионального захвата (Головнев, 1995, с. 90). В первой четверти XVIII в. начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом, она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» (Огрызко, 1941, с. 27).

В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать к остякам и вогуличам с проповедью Евангельской, для того, чтобы «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самих остяков и вогулов было велено «от мала до велика крестить». В результате миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м годам XVIII в. основная часть остяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена (Огрызко, 1941, с. 265). Наряду с вогулами, остяками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар (Щеглов, 1883).

В то же время нельзя не отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар, в целом, и служилых татар, в частности, проходил гораздо мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. В этот же период проходит активная кампания по христианизации служилых татар в бывших Казанском и Касимовском ханствах. Государственными указами 1713, 1715 гг. инородцам-магометанам, владевшим поместьями и вотчинами, было предписано перейти в православие. В противном же случае их земли отходили государству или же их крещеным родственникам (Шарифуллина, 1991, с. 22–23). Политика насильственной христианизации в Поволжье была направлена на устранение инородческого служилого землевладения, на котором была основана социальная мощь татарской служилой аристократии (Степанов, 1964, с. 55). «Мягкость» же в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была обусловлена рядом причин, и, прежде всего, тем, что в Сибири не сложилось дорусское служилое землевладение, отсутствовал класс феодалов-землевладельцев, который мог бы представлять реальную социальную силу. А также такими факторами, как сравнительная малочисленность служилых татар, необходимость как социальной, так и военной поддержки

татарской аристократии, значительная отдаленность от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянная угроза ее отпадения, необходимость в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» в течение всего XVIII в.

Очередной этап в конфессиональных отношениях наступает с воцарением Екатерины II, которая отходит от насильственных методов и стремится использовать ислам, наряду с православием, в своих политических интересах. Во второй половине XVIII в. на имя татарского головы мурзы Авазбакея Кульмаметева и ахуна Абтигарима Тацимова, а также головы Сабанака Кульмаметева приходит предписание о том, что дела по «махометанскому закону… препоручены в единственное их ведение». Им также должны были быть «по духовным делам в послушании» состоящие «в том махометанском законе» татары Тарского, Томского, Тюменского и Верхотурского ведомств (РО ТГИАМЗ. № 12864, л.3).

Преданную усердную службу аборигенной элиты верховная власть поощряла богатыми дарами и земельными угодьями. Так, по указу Петра I (1703 г.) известному «велено владеть им и детям их (Авазбакея и Сабанака – *З.Т.*) ...в Тобольском уезде вверх по Тоболу и Иртышу рекам по изъясненным в грамотах дачам пашенными землями, сенными покосами, и рыбными ловлями и всякими угодии...» (РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 15об.)

Кроме земельных пожалований «за многия службы» Авазбакея и Сабанака указом от 20 февраля 1714 года из казны Великого государя мурзе Сабанаку был дарован «тесак булатный, у которого черен каменной яшмовый оправлен серебром, с чернью, турецкого дела», а внуку Авазбакея мурзе Нематулаю – оправленная серебром турецкая сабля. Несколько позже «от ближнего боярина Федора Салтыкова» было отправлено жалованное письмо от царицы Параскевьи Федоровны с подарками «на кафтан прадеду и мурзе Авазбакею сукна серого пять аршин, да двум татарам, которые приезжали от того прадеда к Москве сукна темно-зеленого по пяти аршин» (ГУТО ГА в Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 99 об.).

Земельные пожалования от верховной власти татарам за службу являлись одной из главных форм приобретения обширных земельных владений. По указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича воеводе А.Ф. Нарышкину от 7 августа 1695 г. были предоставлены татарскому голове Азбакею (Авазбакею) Кульмаметеву и его сыну Сабанаку с потомками права «на пашенные земли, сенные покосы,

рыбные ловли, озера и всякие угодья вверх по рекам Тоболу и Иртышу» (Андроников, 1911, с.91). Такое расплывчатое определение дарованных владений, без указания границ, позволяло Кульмаметевым претендовать на значительные земельные владения, а также самовольно захватывать свободные участки.

Правом обращения с челобитными пользовались не только служилые татары, но и другие категории населения, например, бухарцы.

Во второй половине XVIII в. формируется новая система отношений между аборигенами и верховной властью, которая окончательно утверждается в начале XIX в. в связи с реформами М.М. Сперанского. Происходит процесс интеграции аборигенов в систему общероссийской социальных, политических и экономических связей. Это подчеркивалось и введением нового соционима «инородцы», признающее аборигенное население как уже российское, хотя и особое сословие. Нивелирование положения инородческой знати с рядовым населением, а с другой стороны, уравнивание прав аборигенного населения с русским крестьянским, знаменовало ликвидацию особого статуса «иноземцев», «иноверцев», что исключало основания для права пользования ими прежней привилегией обращения напрямую к высшей власти.

Тем не менее, вплоть до начала XX в. представители аборигенной элиты на особом статусе «инородцев» включались в состав представительских делегаций, в т.ч., по случаю коронационных торжеств, юбилеев дома Романовых и т.д.

Список источников и литературы

1. *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. 2. – СПб., 1889. – 487 с.

2. *Андроников И.А.* Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. – Тобольск, 1911. 396 с.

3. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. II. – М., 1955. С. 153–175.

4. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. – СПб., 1866.

5. *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 607 с.

6. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 99 об.

7. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 308 с.

87. *Небольсин П.* Покорение Сибири. Историческое исследование. – СПб. 1849.

9. *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. – М: Университетская типография, 1900.

10. *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. – Л., 1941.

11. *Перевалова Е.В.* Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.

12. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 15об.

13. РО ТГИАМЗ. № 12864. Л.3.

14. *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. – Казань: изд-во КГУ, 1964. – С. 52–70.

15. *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. – Казань, 1991. – 127 с.

16. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг). – Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. – 778 с.

Сведения об авторе

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, доцент Тюменского государственного университета ; zaituna.09@mail.ru.

УДК 94(47)"17"

ЛАШМАНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

© 2014 г. Файзрахманов И.З.

В статье анализируются повинности населения Среднего Поволжья по заготовке корабельных лесов в XVIII – начале XIX в., а также рассматриваются меры по сохранению и разведению корабельных лесов, объемы заготовок.

Ключевые слова: лашманы, корабельные леса, судостроение.

LASHMANSKY DUTY

Faizrakhmanov I.Z.

The article analyzes the duties of the population of the Middle Volga region in the workpiece ship forests in the XVIII – begin XIX century, and discusses measures for the conservation and breeding of the ship forests, harvesting volume.

Keywords: lashmans, ship timber, shipbuilding.

Появление сословия лашман связано с деятельностью Петра I по созданию военно-морского флота России. Термин «лашман» (нижненемецкое наречие от laschen – обрубать, обтесывать, обделывать и mann – человек) на русский язык можно перевести как «человек, занимающийся обрубкой, обтесыванием, обделкой дерева». Основополагающим документом системы заготовок корабельного леса был указ от 31 января 1718 г., по которому нерусское служилое население Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний и Симбирского уезда было приписано к адмиралтейству (ПСЗ, 1830, № 3149).

Причиной появления этого закона стала нехватка рабочей силы на заготовках корабельного леса. В 1717 г. Н.А.Кудрявцев писал царю: «По вашим указам корабельные леса готовятся, но работники, конные и пешие упорны стали к найму, нейдут, по указу вашего величества берем невольных для того – остановить работы не смеем. Да повелено будет к работе над корабельными лесами определить из гарнизонных офицеров, потому что в народе офицеры всегда страшнее дворян» (Соловьев, 1866, с.204–205). Вследствие исключительной тяжести этой работы желающих наниматься на нее практически не находилось, несмотря на предлагавшиеся немалые для того времени деньги – за каждое свезенное до пристани дерево платили по 3 рубля 81 копейке.

После многочисленных попыток привлечения наемных работников для заготовки и вывозки корабельных лесов, которые не увенчались успехом, государство пошло по не раз испытанному пути – на путь принуждения. Петр I решил, что приписка к адмиралтейству нерусского служилого населения вышеуказанных губерний обеспечит своевременную заготовку корабельного леса для флота. И он не прогадал в своем решении. С этого времени регулярное снабжение флота корабельным лесом стало обязанностью этой категории населения, позднее именованное лашманами.

Начало заготовок корабельного леса в Казани для Санкт-Петербургского адмиралтейства относится к 1709 г. Петр I в письме от 10 сентября 1709 г. к казанскому губернатору П.М.Апраксину впервые велел готовить для отправки в Петербург корабельный лес (Собрание собственноручных писем государя, с.93–94). Сначала заготовка и отправка корабельных лесов осуществлялись губернией во главе с губернатором П.М.Апраксиным. В 1710, 1711 и 1713 гг. им было отправлено корабельных лесов на 11 кораблей. В дальнейшем вся забота по заготовке и отправке лесов легла на плечи Н.А.Кудрявцева. Им в 1713 г. для пробы было отправлено лесов на один корабль. В последующем заготовки и отправка были увеличены ежегодно на 6 кораблей (из них на 3 корабля поставлять наймом) и на другие суда (МИРФ, 1866, т.3, с. 695, 699, 702).

Указом Петра I от 6 сентября 1720 г. дубовые леса, годные к корабельному и галерному строению (ежегодно на 20 галер) и на другие потребности, предписывалось привозить исключительно из Казани (МИРФ, 1867, т.4, с.431).

10 октября 1726 г. Адмиралтейская коллегия указала заготавливать леса в Казани ежегодно на 3 корабля и 15 галер и на прочие мелкие суда. Для лучшего заготовления лесов было определено ежегодно направлять в Казань одного советника Адмиралтейской коллегии и с ним корабельного мастера (МИРФ, 1875, т.5, с.359). Указом Адмиралтейской коллегии Н.А.Кудрявцеву от 2 февраля 1727 г. в Казань из Петербурга были направлены советник Адмиралтейской коллегии И.Козлов и корабельный мастер Рамз, определенное число офицеров, солдат и мастеровых людей (МИРФ, 1875, т.5, с.377).

Леса были приписаны к Санкт-Петербургскому адмиралтейству и находились под надзором Казанской адмиралтейской (лесной) конторы.

Для охраны заповедных лесов принимались жесточайшие указы, вплоть до смертной казни. Указом от 27 мая 1720 г. все леса по обе

стороны Волги – на 50 верст и ее притоков – Камы, Вятки, Суры и др. – на 20 верст объявлены заповедными, установлена смертная казнь за незаконную вырубку. В корабельных лесах устраивались места казни. Этот закон действовал недолго. 6 июня 1722 г. последовал новый указ Петра I, несколько смягчивший наказание за самовольную рубку заповедных лесов – пойманных штрафовали, максимальное наказание составляло 10 лет каторги или же били кнутом и высылали на галерную работу на 20 лет (ПСЗ, 1830, № 4028).

Указом от 17 января 1722 г. было запрещено рубить дуб не только в заказных рощах, но и в любом другом месте. Нарушителей закона ждали суровые наказания: штраф по 15 рублей за каждое корабельное дерево, а за прочие леса – по 10 рублей за дерево. За большое количество порубок наказывали вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу (ПСЗ, 1830, № 3967). В последующем (3 декабря 1723 г.) эти законы были смягчены: штраф за незаконную рубку одного дерева был снижен до 5 рублей. Смертная казнь применялась лишь в случае умышленного поджога корабельного леса (ПСЗ, 1830, № 4379).

В 1726 г. Н.А.Кудрявцев сообщал о незаконных действиях вальдмейстеров (лесных смотрителей), которые штрафовали людей за рубку малых зарослей, росших в их лугах и пашнях (по 5 рублей за дерево), из-за чего пахать землю стало просто невозможно. В своем письме Н.А.Кудрявцев просил отменить такое положение указа. В результате институт вальдмейстеров был отменен, но в 1730 г. был снова возрожден (Сборник РИО, 1887, т.56, с.596–597).

В 1732 г. корабельный лес было запрещено рубить на расстоянии в 100 верст от рек, по которым возможен сплав (МИРФ, 1904, т.17, с.106).

Одним из важных экономических последствий состояло в том, что под предлогом охраны корабельных лесов, населению было запрещено рубить не только корабельный лес, но и любые другие деревья на выделенных для флота участках, которые занимали огромные расстояния. От этого страдало в равной мере как русское, так и татарское крестьянство, представители других народов. Все это ухудшало экономическое положение сельского податного населения.

В наказах 1760-х гг. в комиссию по сочинению проекта нового Уложения (Екатерининской комиссии) различные слои населения просили разрешить использовать лес, негодный для кораблестроения (Сборник РИО, 1889, т.68, с.29; 1903, т.115, с.374). Крестьяне жаловались на вальдмейстеров, которые жили за их счет, просили не заставлять пользоваться их пилами. При не выявлении виновника в незакон-

ной рубке корабельного леса, расходы несли крестьяне той деревни, на чьей даче был тот лес и т.д. (Сборник РИО, 1903, т.115, с. 345, 352, 414).

Указ от 11 сентября 1782 г. Екатерины II предоставил все леса на частных дачах в полную собственность и распоряжение их владельцев. С этого времени начинается безнаказанное истребление корабельных лесов, растущих на частных дачах.

После указа 1782 г. об освобождении помещичьих лесов от запрещений рубить в них корабельные деревья в народе широко распространился слух о том, что дубовые деревья освобождены от защитительных указов и в других лесах, и что их можно рубить свободно. Вследствие этого начались самовольные рубки дубовых деревьев, чему способствовало распространенное мнение о высоких урожаях пшеницы на землях, бывших под дубовыми лесами. Лишь указы 1786 г. о выделении из состава казенных лесов пятой части под заповедные рощи для кораблестроения и делении остальной площади лесов на годичные лесосеки ограничили практику самовольных порубок.

В правительственных указах обнаруживается стремление не только сберегать корабельные леса, но и ввести правильное их пользование (выборочная рубка, посевы «желудков»).

На основании сенатского указа от 9 ноября 1726 г. в Россию были приглашены из Германии 3 форстмейстера («лесные знатели»). При Казанском адмиралтействе форстмейстерами были назначены М.Зелгер и Я.Фалентин. Они прибыли в Россию в 1729 г. и должны были обследовать и описать леса, пригодные для кораблестроения, подчищать от сучьев корабельные деревья, определять время их заготовки, пути сплава и пр. В помощь им должны были определить необходимое число работников. 26 марта 1729 г. для подчистки лесов, где росли молодые дубы, было определено 100 человек (МИРФ, 1875, Т.5, с. 45). Эта работа выполнялась ежегодно, в которой участвовали до 100 работников из лашман (МИРФ, 1883, т.10, с.118). В 1731 г. было постановлено сеять дубовые желуди на свободных чувашских и черемисских землях Казанской губернии (ПСЗ, 1830, № 5867). Указ от 20 апреля 1732 г. еще раз регламентирует искусственное лесовосстановление в России (ПСЗ, 1830, № 6027).

В 1734 г. Я.Фалентин уехал в Германию, а М.Зелгер остался в Казани (умер в 1742 г.). После смерти М.Зелгера его дело продолжил унтерфорстмейстер И.Селиванов. С 1729 г. по 1762 г. в разных уездах было подчищено 2153368 дерев, из посеянных желудков вышло 6500 молодых дубков (МИРФ, 1886, т.11, с.73). Первые попытки искус-

ственного разведения корабельных лесов проводились на небольших участках и практического значения не имели. Всего до 1836 г. в Казанской и Симбирской губерниях были проведены посевы или посадки дуба на площади в 207,4 га. (преимущественно эти посадки XIX в.) (Редько, 1997, с.41).

При подчистке обрезались нижние сучья у дубов, вокруг них вырубались все деревья других пород и кустарники. Это делалось для улучшения качества дубовых деревьев для судостроения. В XVIII в. подчистка дубовых рощ применялась как мера ухода за дубом, обрубали не только подсыхающие, но и живые нижние ветви.

Облащиками называли тех, кто отыскивал и клеймил деревья, пригодные для корабельного строения. Для определения пригодности дуба они постукивали по стволу молотом или обухом топора, при этом приходилось лезть на дерево и простукивать его по высоте, отчего за ними и закрепилось это название. В 1731 г. их набирали из лашман и матросов, а позже из одних матросов (ПСЗ, 1830, № 5867). В 1764 г. солдаты гарнизонных полков из ясачных татар Казанской губернии были переведены в «облащики» (ОДАМ, 1895, т.7, с.751).

«Облаживание» делалось с целью обеспечить корабельным лесом судостроительную промышленность, однако привели к негативным последствиям. Лесные знатели из Германии не учли местные суровые холодные зимы, из-за которых подрезанные и лишенные защиты сопутствующих деревьев дубы повреждались морозом, и через образовавшиеся трещины в ствол проникала гниль. Вырубка сопутствующих деревьев привело к сильному изреживанию насаждений в лесу. Впоследствии такого рода вмешательства в жизнь лесов были признаны неуместными (Гаянов, 2001, с.150).

В Казанской губернии строительство флота поглощало огромное количество леса. В результате его запасы вдоль водных путей быстро сокращались. Особенно быстро редели вековые дубовые рощи. Многие корабельные рощи, снабжавшие отечественный флот высококачественной древесиной, были вырублены вдоль основных рек. Общая лесистость прибрежных территорий и сегодня в 2–3 раза меньше лесистости удаленных от рек районов.

Основными причинами сокращения лесных массивов было подсечное земледелие и лесные пожары в засушливые годы. С увеличением населения требовалось больше пашенной земли, для чего вырубались леса. Рубки леса для судостроения были значительными. Уменьшение площадей корабельных лесов видно по карте корабель-

ных лесов Казанской губернии 1729 г. Особенно поредели леса в Свияжском уезде, в которых наблюдались большие пустоши (РГАДА, ф.16, оп.1, д.5, л.294). При этом, главным образом, вырубались дубовые леса, а также выборочно только те деревья, которые были годны для судостроения. В последнем случае это не приводило к обезлесиванию территории. Однако заготовка корабельного леса шла практически без заботы о его восстановлении. Выборочная рубка дубовых дерев в лесах приводила к изреживанию и ухудшению их общего состояния, смене пород, увеличению в составе насаждений доли худших деревьев. На месте вырубленных дубов и сосен росли менее ценные лиственные породы: береза, осина и т.д.

Определение лесов для корабельного строения способствовало сохранению в корабельных рощах не только дубов, но и других пород деревьев, так как их также запрещалось рубить. Со временем, по мере определения количества корабельных лесов и перехода к железному судостроению, правительство ослабило контроль над заповедными лесами.

Для складирования и отгрузки заготовленного леса сооружались пристани. В 1729 г. корабельные леса вывозились на 18 пристаней, расположенных по Волге, Свияге, Суре и их притокам (РГАДА, ф.16, оп.1, д.5, л.294). В докладной записке де-Рибаса 1798 г. сообщалось, что в Казанской губернии леса заготавливаются в более 120 местах и вывозятся к 40 пристаням (МИРФ, 1902, т.16, с. 275). Там они сдавались морским чиновникам.

Основной водный путь проходил по Волге. Корабельные леса располагались по берегам рек Волги, Камы, их притоков Свияги, Суры и других, что делало удобным их перевозку.

Указ от 7 мая 1740 г. предписывал доставку корабельного леса осуществлять исключительно подрядом. Были две основные причины этого решения: во-первых, доставка лесов производилась во время земледельческих работ; во-вторых, казна была вынуждена платить излишние деньги на тот период, когда крестьяне по нарядам прибывали на места сбора (всего в 6 местах по водному пути из Казани до Петербурга) и ожидали прибытия корабельных лесов для дальнейшей их доставки.

Отправление корабельных лесов нередко затруднялось приисканием необходимого числа работников для доставки. Например, из 104 судов, приготовленных в 1745 г. к нагрузке, удалось отправить только 25, а на остальные не нашлось рабочих. Причинами этого были сле-

дующие обстоятельства: некоторые дворяне запрещали крестьянам наниматься на эти работы; рабочие должны были иметь печатные билеты и многие боялись, что их продержат на работах до установленного срока, т.е. всю навигацию до октября (Шелгунов, 1857 с.138).

Как правило, доставка леса осуществлялась за одну навигацию. Но бывало, что из-за маловодья рек и других неблагоприятных обстоятельств, доставка продлевалась до двух лет. В определенные сроки сплавщики собирались в Казани, Н.Новгороде, Рыбинске, Твери, Вышнем Волочке и Новгороде и из этих мест сплавляли лес в Санкт-Петербургское адмиралтейство. По данным за период с 1783 по 1798 гг. казанский лес был заготовлен и отправлен в разные адмиралтейства в следующем количестве: 381599 деревьев, из них 209991 – в Санкт-Петербург (55%), 46360 – в Астрахань (12%), 41879 – в Таганрог (11%), 83369 – в Казань (22%) (РГА ВМФ, ф.198, оп.1, д.80, л.15 об.). С начала XIX в. корабельный лес из низовых губерний стал доставляться в ограниченном количестве и в Архангельск. Так, за период с 1818 по 1840 гг. в 8 губерниях Низового округа корабельных лесов лашманами было заготовлено 541270 деревьев. Из них после обделки 71228 штук были признаны негодными для кораблестроения и отправлены на распиловку досок, а большая часть годных деревьев в количестве 831425 штук (после обделки) была отправлена в Санкт-Петербург (595585 – 71,6%), Архангельск (10205 – 1,2%), Астрахань (198018 – 23,8%), Казань (27617 – 3,4%) (РГА ВМФ, ф.159, оп.1, д.448, лл.100 об.–101).

Срубленные и очищенные деревья вывозили по зимним дорогам к реке. Сушка леса проводилась в естественных условиях. Лесоматериалы – бревна, брусья и доски – рекомендовалось выдерживать от 1 до 3-х лет. Дуб и другие твердые материалы выдерживали до 5 лет. Чтобы предохранить лесоматериалы от излишнего увлажнения, было запрещено производить их доставку на верфи сплавом, поэтому корабельный лес перевозился на барках и стругах, которых тянули бурлаки. Струги и барки для отвоза корабельного леса строились или покупались подрядчиками. Например, в 1719 г. в письме подрядчик Яков Корсаков сообщал, что для отправления лесов было изготовлено 110 стругов и 400 барок (Материалы для истории морского дела, 1859, с.117).

Судам, нагруженным корабельными деревьями, было запрещено создавать препятствия и остановки (ПСЗ, 1830, №10926, 13963). Как правило, суда шли до Петербурга без перегрузки, но часть корабельных деревьев по прибытии судов в Рыбинск разгружались на более мелкие так называемые череповецкие и вышневолоцкие лодки. Далее

суда переправлялись по реке Шексна до Крохинского посада, по реке Ковжа и искусственные каналы и шлюзы, через озера Маткомская и Онега по реке Свирь сплавлялись до Санкт-Петербурга (НА РТ, ф.385, оп.1, д.248, лл.5–56об.). На протяжении всего пути тяга была либо конная, либо бурлацкая. По прибытии в Петербург суда разламывались, так как их обратное возвращение было крайне затруднительным и дорогостоящим. В начале XIX в. случаи возвращения судов были чрезвычайно редкими и рассматривались как своего рода «феномен».

Доставка одного пуда дубового леса из Казани до Петербурга в 1766 г. было немногим более 10 копеек (МИРФ, Т.9, с.233).

Для сокращения объема перевозок многие детали корпуса судна изготовляли по лекалам (шаблонам) на местах заготовок и подвозили их на верфи почти в готовом виде. Это значительно снижало затраты на транспортировку и ускоряло сушку. Доставка готового лесоматериала из Казани в Петербург требовало оперативности. Не раз бывало, что готовые части из-за долгой перевозки быстро портились и сгнивали.

К качеству древесины, используемой для судостроения, предъявлялись высокие требования, так как от этого и от правильной ее заготовки зависели сроки службы кораблей флота. Использовались наиболее твердые породы дерева. Основной материал строительства – это дуб и сосна. При этом дуб использовали на самые важные части судна. Длина деревьев должна была составлять 13–14 м, а иногда 18–22 м и более при диаметре бревен в верхнем отрубе не менее 22 см. Годными признавались деревья без пороков или же с небольшими пороками.

Многочисленны были жалобы корабельных мастеров на низкое качество заготовлявшегося в Поволжье корабельного дубового леса. Например, в 1712 г. корабельный мастер Ф.М.Скляев выбрал только 170 годных дерев из 400, остальные оказались гнилыми. 2 сентября 1720 г. Петр I лично предписал Н.А.Кудрявцеву присылать дуб не старый, и не слишком пересушенный (История отечественного военного судоремонта, 2004, Кн.1, с.25–26). В 1727 г. мастера Санкт-Петербургского адмиралтейства жаловались, что из привозимых из Казани лесов половина не годится для строительства кораблей, поэтому их использовали для строительства мелких судов. Для разбора корабельных лесов на казанских пристанях из Адмиралтейской коллегии был направлен советник И.Козлов. В результате разбора лесов на пристанях годных на корабельное и мелочное строительство оказалось 8390 дерев разного размера и досок, негодных – 53741, т.е. из общего количества наличных заготовленных лесов годных к дальнейшему

использованию оказалось всего 13,5% (Сборник РИО, 1889, Т.69, с.648, 702).

Указ Сената от 16 февраля 1766 г. предписал Казанской адмиралтейской конторе вести должный учет за качеством вырубленного леса, вывозкой его к пристаням и за числом работников при этих операциях. В соответствии с этим указом учреждается особая экспедиция во главе с полковником А.И.Свечиным, который докладывал непосредственно Адмиралтейской коллегии, а не Казанской адмиралтейской конторе. В результате принятых мер, эксплуатация лашман была еще более усилилась (МИРФ, 1886, Т.11, с.229).

Большое количество заготовленных и вывезенных на пристани лашманами корабельных лесов там же отсортировывалось прибывшими из Петербурга сортировщиками. К тому же, часть отправленного в Петербург корабельного леса терялась по пути. Часть прибывшего на верфи Санкт-Петербургского адмиралтейства леса браковалась из-за его низкого качества. Например, зимой 1815–1816 гг. в 8 Низовых губерниях Поволжья для Петербурга было заготовлено 27488 дубовых деревьев, из них 12442 дерева (45%) было забраковано на пристанях (Редько, 2002, с.187).

Качественный лес, главным образом, уходил в Петербург, а в Казани суда строили из менее пригодных остаточных лесоматериалов.

В конце XVIII в. для Балтийского и Каспийского флота ежегодно требовалось 1701562 пуда дуба (или 18905 дерев), 5106 сосновых мачтовых и толстомерных дерев, 41660 строевых сосновых бревен (Врангель, 1841, с.126).

Согласно докладу Комитета образования флота от 14 ноября 1803 г. ежегодная потребность флота в лесах определялась в следующем размере: 27 тыс. больших дубовых дерев со средней массой каждого по 80 пудов, т.е. по 2160000 пудов.

По некоторым оценкам, всего с 1709 по 1856 г. в поволжских губерниях было вырублено около 2-х млн. наиболее высококачественных дубовых деревьев (Редько, 1997, с. 32).

Таким образом, широкое применение принудительного лашманского труда при заготовлении корабельных лесов сыграло основную роль в обеспечении лесоматериалами основных морских верфей страны в период деревянного морского судостроения.

Список источников и литературы

1. Национальный архив РТ (НА РТ), ф. 385, оп.1, д.248.

2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф.198, оп.1, д.80; ф.159. оп.1, д.448.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.16, оп.1, д.65.

4. *Врангель В.* История лесного законодательства Российской империи. – СПб.: [б. и.], 1841 (Типография Фишера). – 156 с.

5. *Гаянов А.Г.* Леса и лесное хозяйство Республики Татарстан. – Казань: ГУП ПИК «Идел-Пресс», 2001. – 240 с.

6. История отечественного военного судоремонта. – СПб.: Гангут, – 2004. – Кн. 1. – 335 с.

7. Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717–1720 гг. – М.: Университетская типография, 1859. – 162 с.

8. Материалы для истории русского флота (МИРФ): в 17 т. – СПб.: [б.и.], 1866–1904 (Типография морского министерства). – 17 т.

9. Описание дел Архива морского министерства (ОДАМ): в 10 т. – СПб.: [б.и.], 1877–1902 (Типография морского министерства). – Т. 1–9.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): в 44 т. – Собр. 1-е.– СПб., 1830.

11. *Редько Г.И., Редько Н.Г.* История лесного хозяйства России. – М.: МГУЛ, 2002. – 458 с.

12. *Редько Г.И., Яковлев И.А., Яковлев А.С., Тихонов П.Т.* Корабельные дубравы Чувашии. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1997. – 64 с.

13. Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО): в 148 т. – СПб., 1867–1916. – 148 т.

14. Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. – М., 1811. – Т. 1. – Ч. 1. – 231 с.

15. *Соловьев С.* История России с древнейших времен. – М.: Университетская типография, 1866. – Т. 16. – 408 с.

16. *Шелгунов Н.* История русского лесного законодательства. – СПб.: [б.и.], 1857 (Типография Министерства государственных имуществ). – 378 с.

Сведения об авторе

Файзрахманов Ильшат Завдатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана»; fayil81@mail.ru.

УДК 94 (470.4)"14/15"

ЯСАЧНЫЕ ОБЩИНЫ В СИСТЕМЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

© 2014 г. Хисматуллин Б.Р.

В статье рассматривается роль ясачных сельских общин Казанского ханства в развитие земельных правоотношений. Рассматриваются виды и формы земельных владений общинников, порядок выделения частной земельной собственности, роль государства в процессе регулирования землевладения и землепользования.

Ключевые слова: община, земельное право, джиен, ясак, оброк, земельная собственность, ясачные сотни, Казанское ханство.

YASACHNY COMMUNITIES IN THE SYSTEM OF LAND RELATIONS IN THE KAZAN KHANATE

Hismatullin B.R.

In article the role the yasachnykh of rural communities of the Kazan khanate in development of land legal relationship is considered. Types both forms of land possession of obshchinnik, an order of allocation of the private landed property, and a role of the state in the course of regulation of land tenure and land use are considered.

Keywords: community, land law, jien, yasak, obrok, land ownership, yasachny hundreds, the Kazan khanate.

Одной из важнейших, сравнительно мало исследованных проблем эпохи поздних средневековых тюрко-татарских государств являются земельные правоотношения, система жизнедеятельности, функционирование сельских общин. Различные формы сельской общины были характерны для многих государств и культур на различных стадиях их существования, в том числе и для Казанского ханства.

Ранняя сельская община представляла собой территориальное единство большесемейных (домовых) общин. В ведении сельских общин находились экономические, военные и политические вопросы (Философский словарь, 1987, с. 422).

История возникновения сельской общины восходит ко времени первобытных общин. Необходимость организации защиты заставляла людей смыкаться в организованные союзы, роды, которые вели доста-

точно замкнутый образ жизни. Они оседали составными своими частями, семьями, что служило переходной ступенью к более сложным союзам (Блюменфельд, 1884, с.3).

В историографии сложились разные точки зрения относительно возникновения сельских общин. Многие считают, что сельские общины восточных стран коренным образом отличались от западных. Причем, по их мнению, общинный уклад жизни в общинах восточных стран имел застойный характер (Качановский, 1971, с. 178–192). Однако анализ различных форм сельских общин подтверждает, что общинные формы были схожи между собой как в европейских, так и в азиатских странах. И там, и здесь существовали сельские общины, которые, как правило, в глубокой древности были родовыми, а затем, в средневековье, стали соседскими, территориальными (Качановский, 1971, с. 181–187). Из семейных общин постепенно выделялись члены, образующие новые общины, вместе с тем, «в семью стали входить лица, не связанные с нею кровными узами: зятья, шурья в силу брака, сироты по усыновлению и другие бездомные люди» (Блюменфельд, 1884, с. 3, 18). Таким образом, возникали союзы родовых общин (семейных), составлявших территориальную общину. У германцев такие союзы известны под названием «марки», у древних славян – «верви», «задруги», у тюркских народов, в частности у казанских татар – «джиены».

В Среднем Поволжье общинная форма жизнедеятельности имела свою предысторию. В ранней Волжской Болгарии съезд свободных общинников (собрание вооруженных мужчин – курултай), являлся важным институтом государственного управления. Джиен созывался правителем для всенародного утверждения решений по наиболее важным проблемам (Нигамаев, 2006, с. 145). Джиен организовывал на основе родоплеменных отношений. В Волжской Болгарии известны такие племена, как темтюзи, собекуляне, челмата, савиры (сувары) и др.

В последующий период в регионе произошли определенные социально-политические преобразования. Прежде всего, это связано с завоеваниями монголов и образованием Золотой Орды. Новые порядки не сопровождались коренной ломкой общинного устройства. В Болгарском улусе стали действовать общие военно-административные порядки Золотой Орды.

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, кочевые группы Золотой Орды являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной общине (Федоров-Давыдов, 1973, с. 11). А в местах, где было

развито земледелие, прежние родовые общины постепенно трансформировались в сельскую общину.

Таким образом, сельские общины в Поволжье существовали уже задолго до образования Казанского ханства. О характере общинной жизни у татар Среднего Поволжья свидетельствует и традиция празднования джиенов. При этом следует подчеркнуть, что если джиены изначально являлись традиционной формой объединения сельских общин, то с начала XVIII в., потеряв свое прежнее значение, приобрели форму традиционного народного праздника.

В раннефеодальный период жители нескольких соседних селений объединялись в джиены на основе патронимии (родственного коллектива), сформировывая свои джиенные округа. Как правило, они именовались по названию головного села, в котором проводились все общественно значимые мероприятия (сходы, советы старейшин, праздники) (Татарская энциклопедия, 2005, с. 276). Несколько таких джиенных округов составляли более крупные объединения, которые получили в историографии название джиенной конфедерации (Хисамутдинов, 1967, с. 198; Бурганова, 1982, с. 21).

Также следует подчеркнуть, что джиены из родовой общины преобразовались в более сложные, а впоследствии сельские общины. Но, поскольку свое происхождение данные сельские объединения вели от одной родственной группы, они формально продолжали оставаться членами одного джиенного объединения (Хисамутдинов, 1967, с. 213).

Если в ранний период своего существования у болгар джиены образовывались близко родственными группами, то вследствие роста населения, они распадались на новые и основывали отдельные поселения, сохраняя лишь предания о кровном родстве (Бурганова, 1982, с. 21–22).

Определенные изменения в организации джиенных объединений произошли в период Казанского ханства. Они были обусловлены консолидацией различных близкородственных этнических групп. Прежде всего, влияние оказал ногайский компонент (Исхаков, 2005, с. 31). В частности, джиены бассейна р. Ашит сохраняли следы древнекыпчакского влияния (Бурганова, 1982, с. 22; Әмири, 1994, с. 44–45).

Также исследователи выделяют названия татарских джиенов, восходящих к финно-угорским (марийскому и удмуртскому) языкам.

Таким образом, поземельные общины в Казанском ханстве, по форме своей организации были уже не столько родоплеменными, сколько соседскими.

Основное внимание в историографии истории сельской общины казанских татар уделялось анализу формирования внутри общинных объединений этнотерриториальных групп населения, а также хозяйственно-бытовым аспектам вопроса. При этом не учитывалась роль сельской общины в сфере поземельных правоотношений, социально-политической системы, в целом в системе правовых норм Казанского ханства. Ко всему прочему, данное обстоятельство способствовало восприятию сельской общины казанских татар как составной части русской поземельной общинной жизни. На самом деле, они имели свои отличия.

Главное отличие между ними заключалось в правовых основах организации управления сельскими общинами. Как известно, процесс становления русского государства сопровождался постепенным закрепощением крестьянства, правовое положение которого позднее было закреплено в судебнике 1497 г. введением Юрьева дня. Данная статья закона ограничивала свободу передвижения сельских жителей. Сельские же общины Казанского ханства являлись владельцами фонда государственных земель и, в известной степени, распоряжались ими. Это прослеживается и в писцовых книгах более позднего периода (Писцовая, 1978, с. 29), а также в земельных документах Казанского ханства, где содержится информация, подтверждающая наличие мелкой поземельной собственности у сельской общинников. В частности, в документах зафиксирован факт купли-продажи земельных наделов (Мухамедьяров, 2012, с. 148): «…лета 945 году продал я, Кудай Берди, за нуждою своею два знамя своя Кошме Сабу…» (Ардашев, 1908, с. 3). Они дают достаточное основание предположить о существовании мелкой земельной собственности у отдельных представителей ясачного населения.

Составление актов купли-продажи землевладений общинников в Казанском ханстве требовало наличия свидетелей и получение на них свидетельств, подтверждающих факт составления договора: «… и сию письмо дал чтоб в пред о тои земли некаму не тягатся а свидетели Тойза Акмашеех да Утяшка, а им дано за работу одна куница, Акмашаех лисицу, Утяшку одно куницу, письмо писал Хуригарай» (Ардашев, 1908, с. 3) «…танык бирүчеләр Тойҗа Акмашәех һәм Үтәш, аларга шуның өчен Тойҗәгә бер сусар, Акмашәехкә бер төлке, Үтәшкә бер сусар бирдем. Язды Худигәрәй», или же: «Танык булдылар: Шәхит мафа Агиш углы Якибилдар танык өчен ун алтын акча алды...» и т.д. (Алишев, 2002, с. 16, 19).

Наличие таких правовых рамок, определявших нормы продажи и скупки земли, показывает существование в государстве четких правил, установленных в законодательном порядке. Эти документы свидетельствуют о довольно частых земельных спорах в Казанском ханстве. Как известно, решением такого рода споров в Казанском ханстве, как и в условиях Османской империи, занимались провинциальные судьи-кадии: «…сторонным людем той земли на нево … не бить челом а хотя и бить челом из нас кто станет то судием не принимать…» (Ардашев, 1908, с. 3); «кем дә булса дәгъва кузгатса, казыйлар (судъялар) кабул итмәсеннәр һәм тыңламасыннар» (Алишев, 2002, с. 23).

Некоторые земельные наделы, принадлежавшие какому-либо одному лицу, могли продаваться отдельными частями: «Чураш Атяков которой был у меня после отца своего юргашевская земля да четыре знамяны таковые а ту землю и знамяны свое продал я Чюраш Янчуру Козялееву» (Ардашев, 1908, с. 3); «…Чураш Утяков әтиемнән калган Юраш исемендәге җирем бар иде. Шуңа кушып тамгалы дүрт җиремне мин, Чураш, Янчура Хуҗалиевка саттым ... һәм тагын мин, Чураш Утяков, тамгалы ике җиремне Чюреев балалары Янтай һәм Яланалиләргә саттым һәм шул ике тамгалар өчен егерме тиен акча алдым» (Алишев, 2002, с. 23).

Все это свидетельствует о наличии относительно развитой формы частной собственности на землю в сельских общинах Казанского ханства.

Содержание текстов земельных документов не позволяет установить размеры земельных владений ясачного населения. Однако показывает, что они формировались, в том числе и путем частных сделок.

Это же явление прослеживается и в других тюрко-татарских государствах позднего средневековья, в частности, в Крымском ханстве. К примеру, исследователь крымско-татарской сельской общины Ф.Ф. Лашков писал о паевой системе пользования общинной пахотной землей. Данный принцип характеризуется тем, что общинники получали в пользование определенные паевые участки, на которые делилась вся пахотная земля (Лашков, 1896, с. 107–196).

Многочисленные исследования истории сельских общин народов Востока показывают, что становление частной собственности на землю внутри таких союзов, среди восточных стран, были характерны лишь для Индии и Китая (Качановский, 1971, с. 184). В остальных регионах востока, «земли свободных сельских общин самим процессом

развития феодального общества обречены были на исчезновение» (Петрушевский, 1960, с. 278).

У татарских земледельцев-общинников традиция регулирования земельных правоотношений путем составления частных актов сохранилась и после завоевания региона Московским государством. Исследователи отмечают о функционировании татароязычных документов в области регулирования поземельных отношений у населения Поволжья и Приуралья на всем протяжении XVIII – первой половины XIX вв. (Миннуллин, 1986, с. 75). Данный факт подтверждает устойчивый характер индивидуализации земельной собственности в сельских общинах Казанского ханства. Процесс становления частной собственности на землю в сельских общинах Крымского ханства произошел позднее. Источники по истории Крымского ханства XVII–XVIII вв. показывают, что земля стала предметом купли-продажи, дарения, завещания и обмена (Лашков, 1896, с. 72–137).

Отсутствие крепостничества и мелкая форма индивидуальной земельной собственности в Казанском ханстве являлся составной частью социально-политического устройства государства. Феодальные порядки в стране строились на основе налогообложения государственных землепашцев ясачными выплатами. В данном случае государство выступало в роли феодала, не заинтересованного в лишении их личной свободы и земельной собственности.

Что касается основных функций сельской общины в области регулирования земельных правоотношений, то здесь община защищала интересы всех своих членов. Уравнительно-правовые функции сельских общин, как традиционные формы самоуправления, продолжали существовать и после падения Казанского ханства. В частности, по «Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг.» видно, что ясачным общинам принадлежало право распоряжаться фондом государственного землевладения. Лесные, пастбищные участки, луга находились в нераздельном пользовании сельской общины, пахотная земля (паевой участок земли) – в индивидуальном пользовании (Писцовая, 1978, с. 138). Сам двор находился в наследственном владении отдельной семьи (Писцовая, 1978, с. 62).

В рамках территориальных общин также осуществлялась местная система управления, о чем свидетельствует само значение слова джиен – «народный сход, собрание» (Хисамутдинов, 1967, с. 207). Такие собрания проводились как по отдельным деревням, так и по джиенным округам в целом (Хисамутдинов, 1967, с. 207). Собрания джиен, сель-

ских общин и джиенные округа предполагают взаимосвязь общинной формы управления с административной и военно-служилой системой Казанского ханства (Галлям, 2010, с. 98; Исхаков, 2005, с. 31), что также подтверждается данными этнографии (Бурганова, 1982, с. 24).

По всей видимости, в общинных джиенах, проводившихся в центрах конфедераций, участвовали феодалы и представители местной административной власти. Одной из основных функций собраний-джиенов было рассмотрение спорных границ земельных владений, что предусматривало участие в нем и местных провинциальных судей – кадиев (казый).

Отсутствие крепостных порядков, наличие мелкой частной собственности на землю наложили свой отпечаток на систему налогообложения государства – ясак являлся основной группой налоговых сборов Казанского ханства (Мухамедьяров, 2012, с. 155). Он представлял собой поземельно-подоходный сбор-налог с феодально-зависимого населения (Димитриев, 1956, с. 108).

Ясачные сборы поступали как непосредственно в государственную казну, так и в пользу отдельных феодалов. Кроме ясака, население сельских общин платило государству другие виды налогов и повинностей. Они перечисляются в ярлыке хана Сахиб-Гирея: «…ясак, оброк, подать, именуемую салыг, не взимать. Подать кулыш-култыка, таможенную пошлину, харадж и хараджаг не требовать, …деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы не собирать. Продовольствия, фуража не требовать» (История, 1937, с. 102).

Как видно из содержания ярлыка, виды налоговых сборов исключительно многообразны. Но нельзя однозначно утверждать, как это делают многие исследователи, что население сельских общин Казанского ханства выполняло все их виды. Необходимо учитывать то обстоятельство, что ярлык адресован представителю привилегированного сословия – тархану. И в нем перечислены все основные виды поборов, которые существовали в Казанском ханстве, от которых освобождались обладатели тарханных привилегий. Скорее всего, «все эти подати и повинности выполнялись не одновременно, а в различных случаях и в различных местностях с различных категорий людей и земель» (Мухамедьяров, 2012, с. 162).

У периферийных народов Казанского ханства сельские общины имели свои особенности. Общинная жизнь марийцев была представлена в виде совокупности территориальных групп родственного населения. В «Казанском летописце» перечисляются следующие родовые

группы – горный, луговой, кокшайский и ветлужский (ПСРЛ, 1903, с. 60). Они существовали в виде землячеств. Общественные порядки в этих землячествах регулировались племенной верхушкой на основе обычных правовых норм. Общинное землевладение и землепользование с патриархальными обычаями сохранились у марийцев вплоть до начала XX в. (Хамидуллин, 2002, с. 215). В период Казанского ханства марийским сельским общинам и местным феодалам принадлежало право землевладения (Бахтин, 1998, с. 135). Взамен они должны были платить ясак и отбывать некоторые повинности.

У чувашей также довольно сильны были пережитки родовых отношений. В общинах большим авторитетом пользовались старейшины (Димитриев, 1976, с. 7–8). Во главе большинства чувашских селений, связанных следами родоплеменной общности, стояли окружные князья – емпу. Группы родственных соседних чувашских селений находились в ведении сотных князьков – серпу (Хамидуллин, 2002, с. 215).

Схожесть общинной жизни у периферийных народов ханства заключалась в том, что языческая обрядность способствовала этнической замкнутости сельских общин и долговременному сохранению в них родо-племенных традиций. В то же время, эти общинные объединения органично вписывались в социально-политическую систему государства.

Территория Казанского ханства делилась на политико-административные округа – даруги, вассальные улусы, ясачные сотни, пятидесятни и десятни. Исследователи придерживаются мнения, что ясачные административные округа – сотни создавались на основе джиенных округов (Галлям, 2010, с. 94–100; Хисамутдинов, 1967, с. 207; Бурганова, 1982, с. 20–27). Так, например, все «джиены Заказанья объединяются в 13 конфедераций, каждая из которых представляет собой как бы автономную территориальную единицу» (Бурганова, 1982, с. 26).

Из дастана «Кадыр Гали» видно, что при курултае, каждый выборный возглавлял представительство от своей местности, крупных населенных пунктов в составе десяти человек[1]. По содержанию ис-

[1] В данном литературном повествовании говорится: «…Сәрдә иленең Кылый Гали бай бер ун кеше, Чыпчык иленең Ямгурчы билә Карил Курт бер ун кеше, Шабша иленең Җанҗура бик бер ун кеше, Шәехзадә иленең Кулуш мирза бер ун кеше. – бу кем ирсәләр Хаҗи Гәрәй ханы падишаһлыкка алып килеп хан ясадылар» (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 471).

точника усматривается, что населенные пункты, перечисленные в дастане, являлись частью административной системы Казанского ханства. На основе десятней и пятидесятней образовывались более крупные военно-административные единицы – ясачные сотни.

Таким образом, будучи органичной частью социально-политической системы Казанского ханства, объединения сельских общин способствовали регулированию земельных правоотношений на основе обычных правовых норм. Общинная система управления, возникшая на основе естественного, исторического развития, была подчинена социально-политической системе государства. Во внутренних, хозяйственно-бытовых вопросах общинные объединения имели самостоятельность, в связи с чем, они сохраняли реликты родоплеменного строя. Кроме основной обязанности ясачных общин – выплаты ясака, существовала и воинская повинность. Известно о существовании в Казанском ханстве отрядов ополчения из ясачных людей, формировавшихся по территориальному и национальному признаку (История, 1951, с. 156).

Список источников и литературы

1. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М.: «Наука», 1990.

2. *Алишев С.Х.* Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаклар. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 72 с.

3. *Ардашев Н.Н.* Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях. – М., 1908.

4. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории марийского края. – Йошкар-Ола, 1998.

5. *Блюменфельд Г.Ф.* О формах землевладения в древней России. – Одесса: Типог. П.А. Зеленого, 1884.

6. Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. Кит. Нәшр., 1963.

7. *Бурганова Н.Б.* О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1982. – Вып. 2. – С. 20–67.

8. *Галлям Р.Г.* Сотенная организация ясачных поселений в уездах Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале последней четверти XVIII веков, как реликт эпохи Казанского ханства (социально-административный и организационно-территориальный аспекты) // Исторические судьбы народов Поволжья. Сб. статей. Вып.1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 94–101.

9. *Димитриев В.Д.* Навеки с русским народом. – Чебоксары, 1976.

10. *Димитриев В.Д.* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. – М., 1956. – № 12. – С. 107–115.

11. *Әмири К.* Кайпан җыены // Идел. – Казан, 1994. – № 1. – С. 44–47.

12. История Татарии в материалах и документах. – М., 1937.

13. История Татарской АССР. В 2 т. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1951.

14. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005.

15. *Качановский Ю.В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. – М.: «Наука», 1971.

16. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь, 1896. – №24. – С. 35–71.

17. *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь, 1896. – №24. – С. 72–137.

18. *Миннуллин З.С.* Оформление поземельных отношений у татарских крестьян в XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. – Казань, 1986.

19. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Репринтное издание / Сост. Р.Г.Галлям. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 276 с.

20. *Нигамаев А., Хузин Ф.* Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006.

21. *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII – XIV веков. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960.

22. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.

23. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царсте. – СПб, 1903.

24. Татарская энциклопедия: В 5 т. – Т. 2: Г-Й. – Казань: Институт Татар. энциклопедии АН РТ, 2005.

25. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

26. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1987.

27. *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Тат.книг.изд., 2002. – 335 с.

28. *Хисамутдинов Г.М.* Общинной строй татар и его пережитки // Татары среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука. 1967. – С. 195–215.

Сведения об авторе

Хисматуллин Булат Ринатович, аспирант отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ (г.Казань); Bulatbayer@mail.ru.

МАТЕРИАЛЫ

КРУГЛОГО СТОЛА «ПОНЯТИЯ "ЧЮВАШ" И "ЯСАЧНАЯ ЧЮВАША" В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVIII ВВ. КАК ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЫ»

Председатели: В.П.Иванов, Р.Г.Галлям

Галлям Рашид Габдельфартович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

Уважаемые коллеги!

«Чюваши» по источникам – это этносоциальная страта XVI–XVII вв. При том, нельзя исключать в составе современного чувашского этноса волжско-болгарский элемент (скорее всего, это так). Вероятно, и само название «чуваш», в той или иной форме (например, в форме этнонима «суаз» и т.д.) восходит к волжско-болгарскому периоду. Здесь мы видим ситуацию, схожую с этносоциальным понятием «башкир» в XVIII–XIX вв. Примерно то же самое и с понятием «чуваш».

Если хотите, «чюваш» – это соционим, В данном случае мы видим трансформацию этнического понятия в этносоциальный. В том числе в него входили все этнические чуваши (чуваши-земледельцы, т.е. ясачные чуваши). В документах XVI–XVII веков термин «чюваш» необходимо рассматривать как этносоциальное понятие. Оно применялось по отношению к феодально-зависимому населению. Социальное значение термина нивелируется в конце XVII – начале XVIII веков, когда начались реформы Петра I.

В этой связи интересно, что языковеды по-разному трактуют этимологию термина. Рифкат Ахметьянов (филолог-лингвист) трактует слово как «земледелец-пахарь». В этом есть своя логика. И позднее, у казанских татар слово «чуваш» применялось для обозначения социальной принадлежности (иносказательно – и для характеристики социальной несостоятельности) своих соплеменников. В XVI–XVII вв. «чювашами» также назывались пахари-земледельцы из татар (т.е. ясачные татары), которые, в отличие от так называемых служилых татар, татарских князей и мурз (т.е. от татарской аристократии своего периода), в массе своей были людьми волжско-болгарского проис-

хождения. В целом же, под «чювашами» в источниках XVI–XVII вв. надо понимать всех земледельцев-пахарей (т.е. ясачных людей) из числа бывших волжско-болгарских племен и народностей, покоренных в XIII в. золотоордынскими «татарами».

Ахметзянов Марсель Ибрагимович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (г.Казань).

Сарматские племена, которых Е.П. Казаков называет новыми сарматами, поселялись сперва на Южном Урале, затем освоили Среднее Поволжье. После них в конце IX века появились булгары. Они селились на Самарской луке. По численности археологических памятников булгарские составляют лишь 1/10 часть сарматских, которых называют носителями именьковской археологической культуры. Вот и рассуждайте: кто, кого ассимилировал, на каком языке говорили. Именьковская культура преобладала над булгарами и их язык на Средней Волге был ведущем примерно до 1361 года. Надписи эпиграфических памятниках Золотой Орды, так называемых памятниках чувашского элемента, принадлежат сарматскому языку.

Марийский языковед Ф.И.Гордеев предположил, что черемисы восходят к этнониму сарматы. По всей вероятности, это так. Например, гидроним «Чирмешән» встречается на Алтае, около Самарской Луки, в южном Приуралье, это гидроним, связанный с сарматами.

Интересно, что все ученые-археологи считают, что сарматы ираноязычные племена, они – светлотелые с голубыми глазами, воинственные. Вряд ли это так, ведь ираноязычные племена не светлокожие. Во 2-м веке нашей эры с северного Кавказа вышли какие-то племена, сошлись с древними тюрками и были тюркизированы. От этого слияния получились кыпчаки. Это мои предварительные выводы.

Сарматы были связаны с этнонимом «Бүләр», «Тазлар», эти родовы этнонимы встречаются у сибирских татар. Сарматы повлияли на формирование племен Прииртышья. Булгарский язык нам совершенно не известен. А сарматский сливается с чувашским языком. Там есть элементы персидского языка, в какой-то степени древнетюркского языка. Значит, чувашский язык возник в результате воздействия других культур. Поэтому в Среднем Поволжье мы имеем дело с остатками сарматского языка. Говорят, что у булгар сохранился 12-летний

животный календарь, это сомнительно. Потому что с одного памятника теории строить нельзя, нужно хотя бы десяток документов для предварительного заключения.

О мусульманизации А.Х.Халиков писал, что с булгарами, осевшими на Средней Волге, связан только Большетарханский могильник. А это могильник кочевых племен, здесь 400–500 могил. А Танкеевский могильник совсем другой, он в десятки раз больше. Правда, Халиков утверждал, это могильник принадлежал угро-финнам. По моему мнению, Танкеевский могильник принадлежал, скорее всего, сарматам. Я хочу сказать, что болгары сошлись с этими народами и стали мусульманами, языческих могильников не было. Е.А.Халикова пишет, что к XI веку в Волжской Булгарии не осталось языческих могильников. Судьба мусульман-булгар такова.

Никто в моем присутствии не говорил о большой чуме, которая прошла в Поволжье в 1344–1345 годах, после чумы в регионе осталось очень мало народу, особенно в городах. Булгар также осталось очень мало – около берегов реки Зай и современного Мамадышского района, еще в местности, где Вятка сливается в Камой. Эти булгары считаются «худыми булгарами».

Булгарский улус никогда не был Булгарским княжеством. Булгарский улус был доменом сына Джучи Бату хана. Они подчинялись Габдулле хану, который появился здесь 1381 г., считал себя потомком здешних ханов. После чумы Среднее Поволжье осталась беззащитной. Стали нападать русские князья. Грабили Джукетау, Биляр и т.д. Казанские князья спасались, уплачивая большие суммы серебра. В источниках перечислено кого уничтожают: уничтожают татар и бесерман. С XIV века булгары не упоминаются как этническое название. Термин булгар в качестве топонима использовался только для обозначения территории. Нет ни одного родословного, восходящего от булгар. Все родословные восходят к золотоордынскому периоду и Ногайской Орде. Есть сеиты – выходцы из Мекки, их потомки встречаются в России. Есть потомки Сулейман Фарси, который пришел сюда из Средней Азии и стал святым.

Появление в Среднем Поволжье Улуг-Мухаммада считалось благом. В то время чуваш не отличали от черемис, всех называли черемисами. В письменных источниках они появляются лишь в начале XVI века. «Чуваш» это даже не этноним, а прозвище, например, пахарь. Я уверен, что чувашский народ – это потомки сарматских племен. Спасибо за внимание.

Закиев М.З. Вы показали карту П.Н.Старостина[1], он считает, что именьковская культура принадлежит праславянам.

Ахметзянов М.И. Здесь не было славян.

Закиев М.З. Вы не нашли источники по языку именьковцев?

Ахметзянов М.И. Именьковцы были большим союзом племен, и, видимо, имелись диалекты. Часть из них осела в нашем регионе. Чувашский язык я считаю остатком сарматского языка. У меня есть статья о судьбе булгарского языка (Татарларның сармат балалары // Нугай урдасы. Казан, 2009. 20–30 б.). Очень четко прослеживается исчезновение мусульманизации и исчезновение булгарского языка с фонетического, затем морфологически и лексического. К 1370-м годам сарматский язык исчезает.

Закиев М.З. По истории мы знаем, что после Скифского государства образуется Сарматское государство, его основным, языкообразующим населением были асы и аланы.

Ахметзянов М.И. Асы и аланы проживали на Северном Кавказе и связаны с кавказскими народами. А сарматы – выходцы из Средней Азии. Термины «Бүләк», «Биләр», «Тазлар» появились в Средней Азии. На это есть намеки в родословных.

Егоров Николай Иванович, д.филол.н., г.н.с. отдела языкознания ЧГИГН (г.Чебоксары).

К вашему докладу очень интересно и близко подошли челябинские археологи. Позднесарматовские памятники археолог С.Г.Боталов считает смешанными хунно-сарматовскими памятниками. Вот это очень интересно. Потом они мигрировали на запад. Мы обычно с булгарами связываем Причерноморье, Великую Болгарию и оттуда выносим историю булгар на Волго-Камье. А от Южного Урала до Волги, в степях кто-то жил, наверное. Кто это были, куда они делись? Почему им не осесть на Каме? Это компонент у волжских булгар мы не учитываем. Именьковская археологическая культура – это никакая ни славянская, а гунно-сарматская получается.

Что касается языка древних булгар, то вот в 2011 году вышла 2-х томная монография венгерских ученых Англоша Ронтоша и Аргу Де-

[1] См. форзац 1 «Расположение именьковских памятников» и форзац 2 «Карта-схема исследованных раннеболгарских памятников».

берты «Западно-тюркский язык. Булгарские заимствования в венгерском языке». Там приводиться 500 древнебулгарских слов, которые попали в венгерский язык и сохранились там. Это очень интересно, новые подходы. Что касается этнонима «чуваша», то первое упоминание у А.М.Курбского. Он пишет: «Егдаж переплавившася Суру реку, тогда у Черемиса горная, а по их Чуваша зовоные, язык особливни...».

Вы показали административные дороги Казанского ханства, нам хотелось бы показать главные торговые пути. Тогда административные дороги станут еще более понятными. Сейчас мы собираем данные по сигнальным пунктам. Например, Елабужская башня использовалась так же как сигнальный пункт. Через эту башню выпускали дым. Такие сведения имеются и при взятии Казани. И в Казани такое же было – змеиное гнездо. При нападении неприятеля Казань была окружена этими пунктами и выпускался дым. Вот мы ищем такие пункты. Они ставились в основном по торговым путям.

Исхаков Радик Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань).

Материалы изучения традиционной культуры соседних социумов свидетельствуют о более сложном, синкретичном характере их культурно-религиозных представлений в прошлом. В частности этнографические материалы XIX–XX в. фиксируют в традиционной культуре низовых (*анатри чăвашсем*) и средне-низовых (*анат енчи*) чувашей значимый пласт связанный с исламом. Изучение этих элементов культуры в ходе путешествия по Казанской и Симбирской губернии в 1906–1908 г. привели известного венгерского исследователя-этнографа и фольклориста Д. Месароша к довольно смелому выводу, «что большая часть народа (чувашского – *Р.И.*) когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством. Из этих двух составляющих создалось сегодняшнее религиозное верование чувашей» (Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары, 2000. С.20.). Действительно, при внимательном и детальном анализе религиозных обрядности и терминологии чувашей можно обнаружить множество заимствований,

связанных с мусульманским влиянием. К наиболее существенными элементами мусульманской обрядности, вошедшими в культурную традицию чувашей можно отнести празднование пятницы как выходного дня, совершение ритуального омовения (в бане) перед совершением наиболее значимых религиозных ритуалов, использование некоторых внешних атрибутов, характерных для служителей исламского культа (использование стилизованных головных уборов, имитация совершения мусульманского ритуала (поясные поклоны при молениях) и произнесения первых слов молитвы при жертвоприношениях (*Бисмилла/Писмилле/Писмилла/Смилла* – араб. во имя Бога). Заметные следы исламского вероучения обнаруживаются в чувашской религиозной мифологии. Так в их религиозном пантеоне имелись такие божества и духи как *Пихамбар* – хозяин волков (животных) (в мусульманской традиции одно из обозначений пророков Божьих), *Перешти* – посредник между людьми и *Тура* (Верховным Божеством) (перс. ангел), *Шуйтан* – злое божество (араб. Дьявол), *Эсреле* – дух смерти (араб. ангел смерти), *Киремет* – наименование могущественных божеств и духов (араб. духовная щедрость) и др. В религиозной терминологии также можно зафиксировать множество мусульманских заимствований. Например: *Таванкиремет – дивана* (перс. юродивый, блаженный), *мочаур* (смотритель священной рощи или капища) – *музавир* (араб. человек, живущий на могиле святого), *молла* (служитель культа) – *мулла* (араб. господин, служитель исламского культа), *эдем* (человек) – *әдәм* (араб. – Адам, первочеловек), *тенекиряс* (крестится) – *дингә кермәк* (араб., общетюркс. – входить в веру), *тен* (вера) – *дин* (араб. вера) и проч. Таким образом, можно констатировать определенный уровень исламизации части предков чувашей, вхождение в систему их синкретических народных верований авраамических представлений уже в эпоху средневековья. Может ли это свидетельствовать о возможности консолидации на основе мусульманских культурно-религиозных ценностей и интеграции в состав татар-мусульман Предкамья в XVI–XVII в. отдельных групп предков чувашей, имевших к этому времени высокий уровень исламизации? Это вопрос, требующий дальнейших комплексных сопоставительных исследований в области культурных параллелей татар и чувашей.

УДК 81'373.235

ОБ ЭТНОНИМЕ *СУАС*

© 2014 г. Закиев М.З.

В статье анализируются этноним суас и этническая принадлежность народов, обозначавшихся этим термином в переписных книгах: *булгары, чуваши, удмурты, татары.* Автор делает предположение, что проживавшие близ Казани суасы (чуваши) отатарились, а более отдаленные оставались чувашами.

Ключевые слова: суас, этническая принадлежность, топонимика, лингвистика.

ABOUT THE ETHNONYM SUAS

Zakiev M.Z.

The article analyzes the ethnonym suas and ethnicity of the peoples, which was written by this term in the census books: the Bulgars, Chuvash, Udmurt, Tatar? The author makes the assumption that living near Kazan swasy (Chuvash) otatarilis and more distant remained Chuvashes.

Keywords: suas, ethnicity, place names, linguistics.

Писцовые книги в России составлялись с конца XV в. до 80-х годов XVII в. особыми комиссиями, посылаемыми из Москвы на места. В записях этих комиссий встречаются разные фонетические варианты этого этнонима *суас/чуас/чуаш/чюваш*. Иногда в писцовых книгах отмечается их этническая принадлежность: *булгары, чуваши, удмурты*. По мере принятия от русских названий *татар*, суасы/чювасы записываются и татарами.

Е.И. Чернышев в своей работе «Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв.», подробно изучив этнический состав татарских деревень, приходит к выводу, что этноним *суас (чюваш/чуаш)* был самоназванием предков казанских татар (Чернышев, 1963, с.135).

Узнав о том, что в XVI в. в переписи населения, проводимой русским правительством, население вокруг Казани называло себя *суас*, некоторые татарские историки, считающие агрессию Чингиз хана счастьем для нашего народа, а Монголию – прародиной современных татар, пытались убедить других, что в то время вокруг Казани жили чуваши, а татары пришли сюда лишь во время монголо-татарской агрессии в XIII в., якобы они в XVI в. не успели еще распространиться на территории вокруг Казани. Между тем безоговорочно доказано, что

суасы были одними из тюркоязычных предков булгар и современных татар. Это доказывается этимологией этнонима *суас>чуаш>чюваш>*.

Этноним *суас* состоит из корней *су* плюс *ас* ‘речные асы’. *Ас* – это древнейший этноним тюрков, он лежит и в основе слова *Азия*, т.е. континент назвали *Азией*, ибо в ней большинство населения называло себя этнонимом *ас*. Первая часть *су* ‘вода, река’ в глубокой древности имела форму *суб*. В 10–4 тысячелетиях до н.э. в Передней Азии жили *субары* ‘речные люди’, т.е. ‘речные ары/иры’. Фонетические варианты этого этнонима *субар/сумер/шумер*. Следовательно, шумеры носили тюркский этноним.

Этноним *суас* в глубокой древности звучал как *субас*, т.е. с определением *суб* ‘вода, река’. В нашем регионе зафиксирован его фонетический вариант *шупаш* в топониме *Шупашкар*, где консолидировались финно-угорские и тюркские племена: *кар* – это финно-угорское слово со значением ‘населенный пункт, город’, *шупаш* – это тюркская часть, обозначающая *суас* ‘речные асы’.

Этнонимом *ас* обозначались тюркоязычные племена с древнейших времен. Этноним *ас-лык/астык* применялся еще 20–30 тыс.лет тому назад в Сибири (может быть, не только в Сибири) до переселения сибиряков на Американский материк. В языке американских индейцев тюркские этнонимы *астык/ацтек* и *куман/коман* сохранились до наших дней.

Этноним *ас* зафиксирован почти во всех источниках как синоним этнонима *алан,* который, в свою очередь, восходит к слову *олан (оглан)* 'сын'. Поэтому и этноним *ас/яс* обычно переводится как 'сын или молодой". В переписи, проведенной после завоевания Казанского ханства русскими, население Заказанья называло себя *суасами,* старшее поколение марийцев до сих пор называет казанских татар этнонимом *сюас* (кстати, они чувашей именуют словом *сюасламари,* т.е. осюасившимися марийцами). Название *ас* содержит и другой этноним предков современных татар – *буртас,* которое состоит из *бурта* (улей) и *ас,* то есть они занимались бортничеством. Часть волжских булгар также носила этноним *ас/яс.* Одну из жен русского князя Андрея Боголюбского, булгарку по происхождению, называли «Княжна асская». Среди булгар и башкир жили племена с этнонимом *остяк/иштяк,* состоящим из корня *ас/иш* и обладательного аффикса *-лык/-тык.* В современном языке это слово звучало бы как *аслы/ишле.* Ногайцы, которые отделились от Казанского ханства, считают, что

они полностью состоят из прежних *асов.* Во всех регионах обитания асов сохранились обычно лишь тюркоязычные следы. Чувашеподобные следы асов мы наблюдаем лишь на Средней Волге.

Этноним *ас/аш/иш* сохранился во многих топонимах Урало-Поволжья, например, в нашем регионе: *Апа-ас>Апас, Төп-ас>Добъяз, Олыас>Олыяз, Ак-тян-аш>Актаныш, Кяряк-аш>Кярякяшле* и др. В исторических источниках отмечено, что на Средней Волге асами был построен знаменитый город *Аслы,* разрушенный до основания монголо-татарскими завоевателями. *Аслы* может быть другим названием города *Косан*, ибо этот город был основан *кусянами/косанами* и *асами* (*ас-сюнами>усунями*).

Сейчас перейдем к выяснению вопроса, кто жил в Казани и вокруг Казани с древнейших времен.

Археологи доказали, что в регионах Казани поселения существовали еще в VIII–VI вв. до н.э. Надо предполагать, что в этих поселениях жили преимущественно *косаны* ‘белые сюны/хунны’. Имеются сведения, что *косаны* вместе с племенами *усунь* (*ас–сюн* ‘асские сюны’) пришли в Среднюю Азию во II в. до н. э. с Севера (История таджикского народа, 1965, с.309) и совместно с *тохарами* ‘горными арами’ приняли участие в разрушении Греко-Бактрийского царства и в освобождении тюркоязычных бактров (*бакты эров* ‘модей, имеющих сады’) от греков, насажденных туда А. Македонским в IV в. до н.э.

Косаны и усуны действительно жили в Урало-Поволжье, ведь их следы сохранились в местных топонимах *Косан* и *Усюн (Өсөн)*. О приходе косанов и усуней в северных широт свидетельствует и тот факт, что они были белолицыми, (Грумм-Гржимайло, 1908, с.342). Все эти факты говорят о том, что на Средней Волге жили очень сильные и организованные в племенной союз (может быть в государство) *Косаны* и *Усуни,* которые во II в. до н. э. были в состоянии выслать могучую армию для освобождения бактров от греческих завоевателей А.Македонского.

Кусян/косан – это белолицые сюны/хунны, а *усунь* – это ‘асские сюны’, ибо этноним *усунь* образовался из основ *ас+сюн.*

Поскольку Казань построили вместе с *кусюнами* ‘белыми сюнами’ и *асы (ас-сюны)* ‘асские сюны’, постольку этот город мог иметь и название *Ас* или *Аслы*. Именно поэтому служба Батый хана город Казань называла *Аслы* ‘Асский’. Монголо-татарские завоеватели этот город разрушили до основания. Но *асы* (прежние косаны) наряду с

булгарами и русскими оставались основными противниками монголо-татарских завоевателей. Поэтому после ряда поражений батыевских войск (в 1223, 1229, 1232 годах) в 1235 году монголы созвали специальный курултай, где состоялось «решение завладеть странами *Булгара, Асов* и *Руси*, которые...не были еще покорены и гордились своей многочисленностью...» (Тизенгаузен В.Т., 1941, с.23). Действительно, в этом регионе реальной силой против Батыя были *булгары, асы (косаны)* и *руси*. О том, что эти сильные асы были именно косанские асы, мы можем судить и исходя из того, что к 1235 году другие асы Хорезма (хуарасм/суарасм) и Асхабада были уже давно покарены (туда Батый уже не стремился).

Но название *Косан/Казань* успело войти в язык русских и булгар, поэтому в период Золотой Орды оно стало опять активным названием города.

Племена, носившие этноним *ас/алан*, были распространены практически во всех тюркских регионах.

Вопросы признания этнического значения этнонима *суас/чуас/чуаш/чюваш* в нашем регионе непосредственно связаны с проблемой толкования характера булгарского языка.

До 1865 года все предполагали, что булгары были предками современного татарского народа. Как только Х.Фейзханов в 1863 году обнаружил в булгарской эпиграфике чувашские слова, профессор Казанской духовной академии миссионер Н.И.Ильминский в 1865 году выпустил статью, в которой, не утруждая себя изучением самих надгробных памятников, писал, что булгары говорили на чувашском языке. Это мнение Н.И.Ильминского было поддержано Н.И.Ашмариным, и в наши дни поддерживается многими чувашскими и некоторыми татарскими историками.

Но подробно изучив язык булгарских надгробных памятников, мы пришли к выводу, что язык булгарской эпитафии первого стиля, в которой отсутствуют чувашские слова, до сих пор применяется казанскими татарами. Памятники второго стиля, в которых имеются чувашские слова и выражения, написаны не булгарами, а самими чувашами, принявшими ислам, в результате чего находящимися на стадии принятия булгарского языка вместо своего прежнего – чувашского. В тексте памятников второго стиля насчитываются 50 самостоятельных лексических единиц, 74 процента из них тяготеет к татарскому, лишь 26 процентов – к чувашскому языку. Окончательная ассимиляция чува-

шей-мусульман со стороны булгар произошла в 60-х годах XIV столетия. Эта дата совпала с датой полного разгрома Булгарского улуса войсками золотоордынского князя Булат Тимура, что и послужило, по-видимому, непосредственной причиной прекращения производства каменных надгробий как первого, так и второго стилей. Лишь спустя 20 лет, т.е. в 1380 году, появляются каменные стелы, но без чувашизмов. Таким образом, язык булгарской эпитафии является предшественником современного татарского языка, а не чувашского.

Что касается мнения о лишь чувашеязычности *суасов*, то надо объяснить, что предки чувашей назывались этнонимом *веда*, который исторически восходит к угро-финскому *веда* 'вода'. Историческая обстановка сложилась так, что веды еще задолго до нашей эры очень тесно общались с суасами (одними из предков казанских татар), тем самым свой первоначальный финно-угорский язык марийского типа в какой-то степени приблизили сюасскому тюркскому языку, в результате чего, приняли от них этноним *суас*/*чуваш*. Марийцы, не испытавшие сильного влияния суаского языка, ставшие свидетелями этого процесса, именуют казанских татар *суасами,* а чувашей – *суасламари*, т.е. осюасившимися марийцами.

Этноним *суас* «речные асы» еще задолго до нашей эры выражал с самого начала тюркоязычных групп людей, имел морфонологические варианты *чуас>чуаш/чюваш*, которые позже закрепились за народом, носившим сначала этноним *веда* ‘водные’, первоначальный финно-угорский (точнее марийский) язык которых под влиянием суасского принял некоторые особенности тюркского языка. В результате образовался новый этнос, получивший впоследствии этноним *чуваш* – один из фонетических вариантов выражений *суас/чуас/чуаш/чюваш.*

Исходя из сказанного можно предположить, что в писцовых книгах этнонимом *суас* могут быть обозначены и булгары и их часть – суасы, а словом *чюваш/чуваш* могли быть названы и суасы-булгары, и чуваши, и удмурты. Большинство чуваш вокруг Казани обулгарились (отатарились), а дальше от Казани они продолжают жить как чуваши, т.е. как суасламари, по выражению марийцев. А булгары-суасы впоследствии приняли этноним *татар*, ибо их русские постоянно называли татарами.

Список источников и литературы

1. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Белокурая раса в Средней Азии. – СПб., 1908. (Переиздан в книге Л.Н.Гумилева. История народов хунну. Кн.1.) – М., 1998. – С.340–352.

2. *Закиев М.З.* История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие. – М., 2008. – 212 с.

3. История таджикского народа. С древнейших времен до V в.н.э. – М., 1965. – 283 с.

4. *Тазенгаузен В.Т.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.-Л., 1941.

5. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. – Рига, 1963. – С. 134–178.

Сведения об авторе

Закиев Мирфатых Закиевич, доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ, заведующий отделом языкознания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г.Казань; zakiev@mail.knc.ru.

УДК 94(470.4) "15/16"

ПРОБЛЕМА «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШЕЙ» КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОВЕКТОРНОСТИ БУЛГАРО-ЧУВАШСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

© 2014 г. Иванов В.П.

Проблема этнической идентификации одной из многочисленных групп населения Казанского уезда второй половины XVI–XVII вв., зафиксированной в писцовых книгах этого периода как «ясачные чуваши», продолжает оставаться одной из дискуссионных. Автор на основе вновь привлеченного материала делает попытку обосновать свою точку зрения, заключающуюся в том, что вопрос об этническом и сословном содержании термина «ясачные чуваши» может быть разрешен только с учетом признания данной группы потомками булгарской народности, из чего следует, что указанный термин является не соционимумом, а этнонимом.

Ключевые слова: булгары, заказанско-приказанские чуваши, писцовые книги, Казанское ханство, Казанский уезд, «ясачные чюваша», «служилые татары», «арские чуваши», бесермяне, язычники, исламизация, миграция.

THE PROBLEM OF "YASACHNY CHUVASH" AS A REFLECTION OF THE MULTI-VECTOR BULGARO-CHUVASH ETHNOGENIC CONTINUITY

Ivanov V.P.

The problem of the ethnic identity of one of the many groups of Kazan district of the second half of the XVI–XVII centuries, recorded in the census books of this period as the "yasachny Chuvash", continues to be one of discussion. The author on the basis of newly attracted source makes an attempt to justify their point of view, namely, that the question of ethnic and social class content of the term "yasachny Chuvasha" can be resolved only with the recognition of this group are descendants of the Bulgarian nation, which implies that this term is not sociounym and ethnonym.

Keywords: the Bulgars, zakazana-prikazana Chuvash, the census books, the Kazan Khanate, Kazan district, "yasachny chuvash", "service Tatars", "Arsk Chuvash", besserman, the pagans, Islamization, migration.

В обширной тематике этнической истории чувашей все еще остается не проясненным целый ряд весьма значимых проблем. Одна из них – это вопрос о так называемых приказанско-заказанских чувашах, точнее – о «ясачных чувашах». Следует отметить, что, хотя, казалось бы материалов об этом «загадочном» по происхождению общности немало, но они таковы, что допускают неоднозначные трактовки. Как известно, дискуссия идет в основном о том, кем были «ясачные чуваши» – собственно этническими же чувашами или же одним из сословных групп казанских татар?

Исследователь истории Поволжья Г.И. Перетяткович приводит сведения о чувашском населении в левобережье Волги еще до взятия Казани (до 1552 г.) (Перетяткович, 1877, с.120, 194). Об арских и левобережных чувашах первой половины XVI в. не раз упоминается в русских летописях. Согласно данным писцовых книг Казанского уезда 1556–1558 гг. и 1602–1603 гг., а также другим источникам, во второй половине XVI – первой половине XVII вв. в Галицкой, Алацкой, Чувашской (Зюрейской), Арской и Ногайской «дорогах» (прежние даруги) огромного по площади Казанского уезда известно не менее 200 чувашских селений (Димитриев, 2004, с.99). Документы второй половины XVI–XVII вв. левобережных чувашей называют «ясачными чувашами», наряду с терминами «ясачные черемисы», «ясачные вотяки». Писцовая книга Казани 1565–1568 гг. в Казани фиксирует 150 дворов торговцев – татар и неясачных чувашей (Список с писцовых книг, 1887, с.64).

По источникам XVI в. можно установить, что Казанское ханство делилось на Горную, Луговую, Арскую, Побережную стороны (Димитриев, 2001, с.29–30; Иванов, 2005, с.105).

Горная сторона – правобережье Волги – была населена чувашами, горными марийцами и в небольшом количестве восточной мордвой. В междуречье нижней Свияги и Волги начали оседать служилые татары. По документам XVI–XVII вв. определяется, что во времена Казанского ханства на Горной стороне имелось более 300 чувашских материнских деревень.

На **Луговой стороне** обитали луговые марийцы, левобережные чуваши, татары. Сюда относились Галицкая (Западный угол) и Алатская даруги (от Казани на север, северо-запад, северо-восток).

Арская сторона – районы значительно северо-восточнее Казани, южная часть Удмуртии – населена марийцами, удмуртами, арскими

чувашами, татарами, значительным количеством остяков. Сюда относилась Арская даруга.

Побережную сторону, составлявшую широкую полосу на правобережье нижней Камы от ее изгиба и до Волги (а с левобережья нижней Камы начиналось «дикое поле») населяли заказанские чуваши, марийцы и татары; возможно, сюда относилась часть кочевьев башкир. На Побережной стороне размещались Ногайская (правобережье Нижней Камы) и Чувашская (от Казани на восток до Камы) даруги.

Чувашскую даругу следует рассматривать как отдельную административную единицу, однако она так называлась только до XVII в., а с этого времени известна как «Зюрейская». Как утверждает Г.Ф. Саттаров, название «Чувашская», «вероятно, является первичным, связанным с проживанием в средние века во многих населенных пунктах Заказанья, расположенных вдоль этой дороги, булгаров-суас (то есть волжско-камских булгаров)» (Саттаров, 1980, с.45).

Регион, расположенный к северу от Камы, составляет Предкамье. Западное Предкамье (часть Предкамья в междуречье Волги и Вятки) являлось самым густонаселенным районом Казанского ханства, его историческим центром и местом формирования этноса казанских татар. Восточное Предкамье составляла территория к востоку от р. Вятка.

В «Приложениях» своей последней книги «Чувашский народ в составе Казанского ханства» В.Д. Димитриев приводит список чувашских селений левобережья бывшего Казанского ханства (Димитриев, 2014, с.168–181). В неполный список по «Писцовому описанию Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов» вошли более 250 таких селений; по данным писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг., по Ногайской даруге числилось 26 деревень, по Чувашской – 31, по Арской – 44, по Галицкой и Алатской даругам – 44. По сведениям отказных, отводных, отдельных, дозорных и межевых книг Казанского уезда 1642–1646 гг. зафиксированы как чувашские 74 селения. По данным переписной книги Казанского уезда 1678 г. список чувашских деревень состоит из 58 названий.

Интересно отметить, что, казалось бы, в самом центре этнической территории казанских татар – Казанском уезде – на начало XVII в. чувашей было намного больше, чем татар: здесь, согласно писцовой книге 1602–1603 гг., насчитывалось 802 двора ясачных чувашей и 228 служилых татар (Исхаков, 1988, с.143). При этом следует иметь в виду, что во второй половине XVI–XVII вв. служилые чуваши нередко именовались служилыми татарами по традиции, оставшейся от Казан-

ского ханства, где служилые люди считались татарами. Однако Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев и Д.М. Исхаков «ясачных чувашей» признают скорее за татар, чем этнических чувашей (Ермолаев, 1978; Чернышев, 1963; Чернышев, 1971; Исхаков, 1997; Исхаков, 2010). По мнению Д.М. Исхакова, в XVI – начале XVII вв. татарский этнос состоял из двух этносословных страт: правящего феодального сословия «татар» и феодально-зависимого ясачного населения – «чувашей» (Исхаков, 1997, с.222). Впрочем, аргументы приводятся неубедительные. Хотя при этом и отмечается, что «есть основания полагать, что называвшиеся «татарами» социальные верхи являлись представителями тюркских групп с клановым делением золотоордынского происхождения. «Ясачные чуваши» же, скорее всего, имели булгарские этнические истоки» (Исхаков, 1997, с.222). При этом Д.М. Исхаков сам же отмечает, что «булгарский этнический компонент формирующейся этнической общности казанских татар к середине XVII в. был в 4–5 раз многочисленнее «татарского» компонента последних» (Исхаков, 2010, с.66). Мы же считаем, что более обоснованна точка зрения Г.Ф.Саттарова: «ясачными чувашами» в Казанском уезде в XVI – середине XVII вв. назывались те группы булгарского населения, в языке которых кыпчакские элементы не одержали окончательной победы, и «булгары с родным булгарским языком (чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период между XIII и XVI вв.» (Саттаров, 1973, с.32). Об этом, продолжает исследователь, может свидетельствовать расшифровка названий многих деревень центральной части Казанского уезда – Заказанья, которые, как подтвердило исследование М.И. Скворцова, этимологизируются на основе чувашского языка (Скворцов, 1988).

Можно уверенно сказать, что в татарах Приказанья и Заказанья следует видеть население, генетически связанное с булгарской народностью, но подвергшееся в последующий период (до конца XVII в.) отатариванию. Р.Н. Степанов данные группы населения называет «луговыми чувашами» (Степанов, 1964, с.67).

Ижевскими историками была высказана еще одна гипотеза о том, что под «чювашой» Арской даруги имеются в виду какие-то группы южноудмуртского населения, в определенной мере тюркизировавшиеся еще в составе Волжской Булгарии. «В этническом оформлении бесермян не исключено участие и какой-то тюркской группы, родственной позднейшим чувашам (не отсюда ли столь многочисленные параллели в костюмных комплексах бесермян и чувашей, а также

факт смешения в источниках этнонимов «чуваша», «бесермяне»); после разгрома Волжской Булгарии часть «чувашей Арских» оказалась на Вятке и здесь окончательно сформировалась та этническая группа удмуртов, которая впоследствии стала называться бесермянами» (Гришкина, Владыкин, 1988, с.27). Очевидно, татаризация «чувашей Арских», оставшихся в Прикамье в окружении тюркского населения, продолжалась ускоренными темпами и завершилась уже в составе Русского государства, в результате эта группа населения, как справедливо полагают Р.Н. Степанов, М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин, пополнила собой ряды ясачных татар.

Действительно, «Арские (вятские) чуваши» упоминаются в целом ряде источников, относящихся ко времени как до завоевания Казанского ханства, так и второй половины XVI в. (Спасский, 1910, с.165) Окончательное присоединение Вятки к Московскому государству произошло в 1489 г. С этого времени и фиксируются здесь «чювашане».

Булгары, расселившиеся в бассейне реки Чепцы – притока Камы, были известны здесь под названием «чуваши» еще в самом начале XVI в. Первый документ, называющий переселившихся на Чепцу (Северная Удмуртия) булгаро-чувашами, относится к 1510 г. Он выявлен и опубликован М.В. Гришкиной (Гришкина, 1988, с.35–38). Данная группа булгар – предков бесермян – долгое время фигурировала под именем «причепецких чувашей». Поэтому письменные источники часто смешивали этнонимы «чуваши» и «бесермяне» (Тепляшина, 1967, с.177). Как отмечает Д.М. Исхаков, «с начала XVII в. вместо «чувашей арских» и «арских татар» мы видим уже «бесермян», иногда не совсем последовательно, ибо понятие «чуваши» еще сохраняется, особенно на территории «вверх Чепцы». Затем в Карино исчезают и удмурты (отяки), остаются одни «бесермяне». В районе верховьев р. Чепцы удмурты сохраняются, а вместо «чуваш» закрепляется термин «бесермяне» (Исхаков, 2010, с.59).

В грамоте московского великого князя Василия III наместнику г.Слободского Г.Ф. Мансурову от 29 июня 1522 г. указывается, что в городе и уезде живут, наряду с русскими, каринские князья, чуваши и вотяки (удмурты). В других актовых источниках XVI – первой половины XVII вв. содержится много сведений о чувашах на р. Чепце, часто одновременно именуемых «бесермянами» (иногда в форме «чуваша с бесермянами»). На р. Чепце, в селении Гурия-Кала обнаружен булгарский намогильный памятник 1323 г., содержащий в эпитафии чувашские слова (Димитриев, 2004, с.103).

В 1551 г., когда «горные люди твердо к государю укрепилися», арские люди восстали против власти крымского улана Кучака: «… и приходили чюваша Арская з боем на крымцов. О чем де не бьете челом государю? Пришли на царев двор, и крымцы Кощак улан с товарищами о ними билися, и побили чювашу» (Гришкина, Владыкин, 1982, с.24). «Что значит термин «чюваша Арская», свидетельствует ли он о наличии на территории Арской даруги чувашского населения? – задаются вопросом М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин. – Здесь нельзя пройти мимо того факта, что в 40–50-е гг. XVI в. исторические источники фиксируют «чювашу» и на Вятке (Гришкина, Владыкин, 1982, с.24).

«Чюваши Арские» упоминаются также в документах, конкретно датируемых 1546–1548 гг. Здесь интерес представляет, – подчеркивают М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин, – дальнейший ход развернувшегося процесса дечувашизации, хорошо иллюстрируемый выявленными сведениями (Гришкина, Владыкин, 1982, с.24–25). В начале XVII в. наряду с «чювашой», на Вятке появляются «бессермяне»: перепись 1615 г. зафиксировала в Большом и Нижнем татарском погостах дворы «бесермян и отяков». Перепись 1629 г. отметила в Каринской волости и «верх Чепцы дворы и пашню бесермян и отяков, и чюваши». В переписи 1646 г. «чюваша и отяки» отмечены в погосте Гоженове, а в погостах Шамарданов и Шамардан – только «отяки»; в переписи «приставных» дворов 1662 г. «чюваша и отяки» должны быть в погосте Красная Слюда, однако перечислены только «отяки», городище Гординское в заставке отмечается как населенное «чювашами», но перечисляются дворы бесермян. Перепись 1678 г. во всех «чювашских» деревнях отмечает бесермян, этноним «чюваша» на ее страницах более не появляется. По всей вероятности, заключают М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин, «чюваша арская» и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI – нач. XVII вв. мы застаем уже в бассейне р. Чепцы и объединяем под этнонимом «бесермяне». Не случайно в удмуртских преданиях говорится, что удмуртов, которые покинули пределы Арской земли и поселились за Вяткой, татары называли «д'уаш ар» (Гришкина, Владыкин, 1982, с.24–25).

В левобережье Вятки сохранились топонимы на основе термина «чуваши» и т.п. На территории Удмуртии в настоящее время существуют селения: Чуваши – в верховьях р. Селитра, на р. Уть – притоке Кильмези, в верховьях р. Святицы – левого притока Чепцы; Чувашики – на р. Уть; Чувашайка – на правобережье р. Кырымкас – левого притока р. Иж, впадающей в Каму, и т.д. На территории бывшей Вятской

губернии зафиксировано 14 названий, связанных с термином «чуваш» (Каховский, 1982, с.93).

По мнению Ю.А. Кизилова, в период утверждения Казанского ханства, т.е. в XV в., «только какая-то часть булгарской знати и местного населения приняла ислам и обычаи татар-кыпчаков». Это, конечно, не бесспорно, но исследователь прав в том, что в «целом процесс этнической интеграции населения «луговой» (т.е. левобережной Волги. – *В.И.*) был продолжительным и трудным. Собственно татары жили только в центральной части Новой Орды, на луговой стороне Волги» (Кизилов, 1984, с.78). По всей видимости, этнонимом «чуваш» в Казанском ханстве никогда не обозначали ясачных татар. В 1565–1568 гг. «чуваши» пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же. В ареалах их расселения и топонимика представлена в основном чувашская (Скворцов, 1988).

Как известно, на основании изучения материалов писцовых книг Казанского уезда 1565–1568 гг. и 1602–1603 гг., а также Свияжского уезда 1565–1567 гг. Е.П. Чернышев (Чернышев, 1963; Чернышев, 1971) и И.П. Ермолаев (Ермолаев, 1978) пришли к «оригинальному» выводу, что в данных «книгах» термин «чуваш» – не этноним, а соционим со значением «ясачный татарин». «При описании деревни Евлушеик, Ногайской дороги, писец противопоставляет землю ясачных людей («ясачной чюваши») и землю «служилого татарина и его чюваши». Это говорит о том, – утверждает И.П. Ермолаев, – что писцы под термином «чюваш» никак не могли понимать название народа – это социальный, а не этнический термин в данной Писцовой книге, а, следовательно, и вообще в жизни в конце XVI – начале XVII в.» (Ермолаев, 1978, с.23). В последующем, как уже отметили, данная идея получила поддержку и развитие главным образом в трудах Д.М. Исхакова. Что примечательно, Д.М. Исхаков совершенно однозначно заключает, что «в XVI – первой половине XVII вв. этническую общность потомков волжских булгар в русских документах именовали «ясачными чувашами». Золотоордынско-тюркская группа называлась «татарами». Татары представляли из себя социальную верхушку Казанского ханства. После присоединения Казанского ханства к Русскому государству эта группа продолжительное время сохраняла свои привилегии, являясь служилым населением. Булгарская группа была «черным людом» (т.е. ясачниками)» (Исхаков, 2010, с.65). И далее автор дает своеобразное объяснение тому, почему наименование «чуваши» применительно к заказанскому булгарскому населению не может

являться этнонимом: «Для той части булгар, которая принимала участие в формировании казанских татар, наименование «чуваша» не являлось этнонимом. Есть основания полагать, что эта группа называла себя «бесермянами», т.е. «мусульманами». Наименование «чуваш», являвшееся этнонимом формирующейся чувашской этнической общности, было распространено русской администрацией на «бесермянскую» часть булгар потому, что в XVI – первой половине XVII вв. между «бесермянской» и «чувашской» частями булгарской этнической общности еще сохранялась определенная переходность» (Исхаков, 2010, с.65–66).

Однако беспристрастный анализ имеющихся материалов по данному вопросу дает больше оснований согласиться с утверждением, что в XV–XVI вв. из татар не было «ясачных людей», они составляли элиту и «служилых татар», только в XVII в. отатаренные (точнее – омусульманившиеся) чуваши становятся «ясачными татарами» (Димитриев, 2004, с.149). В писцовых, дозорных книгах и других источниках Казанского уезда второй половины XVI – первой половины XVII вв. отмечаются, наряду с ясачными чувашами, также и ясачные черемиса (марийцы), и ясачные вотяки (удмурты), в Казани – торговцы-чуваши и торговцы-татары. Как известно, в Казанском ханстве ясак платили только подчиненные народы, татары не являлись ясачными. И после присоединения ханства к России до XVII в. из татар ясачных людей не было. Если чуваш – социальный термин, – резонно ставит вопрос В.Д. Димитриев, – то почему же были ясачные черемиса и вотяки, и лишь в XVII в. – ясачные татары?» (Димитриев, 2004, с.149).

Как известно, писцовая книга 1602–1603 гг. зафиксировала 79 селений, в которых произведено описание ясачных земель. Обращает на себя внимание, что в ней не встречаются деревни с исключительно ясачным населением – указывает И.П. Ермолаев. – Между тем, такие деревни существовали и были очень распространены. При межевании часто упоминались ясачные крестьяне других деревень, не вошедших в данное писцовое описание (деревни Тарловья, Тарлаши, Тямти, Масра, Морлы, Коваль, Клюклер и др.) (Ермолаев, 1978, с.26). Такой метод выборочного описания земель писцами наводит на мысль, – заключает автор, – что целью данной переписной книги было не столько описание земель вообще, сколько размежевание служилых татар от ясачного населения. Следовательно, в описание могли попасть только те ясачные деревни, в составе жителей которых находились служилые люди (Ермолаев, 1978, с.26). Думается, что данный вывод нуждается в

соответствующем обосновании, но его нет. В самом объяснении смысла формулировки цели переписи – «размежевание служилых татар от ясачного населения» – присутствует немалая доля неопределенности. Надо полагать, что, скорее всего, речь должна идти о «размежевании земель представителей разных сословий».

Поскольку упомянутыми нами авторами принято считать, что «ясачные чуваши» на самом деле являются этническими татарами, то возникает вопрос, почему в писцовой книге 1602–1603 гг. нет-нет да, но встречается фиксация также и «ясачных татар»? Например, «… деревни Шигали служилой татарин Токозя Колушев, деревни Бустыр ясачной чювашанин Теребердей Сабалчеев, да деревни Салтан ясочные татаровя Курмаш Кулсареев, Тохтамыш Утямяшев» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.84). А это значит, что все-таки «ясачные татары» были (хотя представлены они крайне немногочисленно), так же, как были и «ясачные чуваши», «ясачные вотяки», «ясачные марийцы», которые и составляли абсолютное большинство этой сословной группы. В многостраничном деле «О спорной земле дер. Ащерма (Ящерма) по Арской дороге» (1642–1643 годы, 5 мая) строго определенно очерчена идентичность чувашей именно как этнической общности, а не социального сословия, и, что примечательно, ни в одном месте они не указаны как «ясачные чуваши» (Документы и материалы, 1951, с.14–21).

Писчик постоянно подчеркивает: «ясачная чюваша». Если последние являлись этническими чувашами, то, казалось бы, достаточно было бы ограничиться термином «чюваш». Но, что примечательно, так же двусложно именно как «служилые татары» обозначаются собственно «татары». Из этого следует, что были «ясачные чюваши» (т.е. язычники) и «ясачные новокрещены» (т.е. крещеные чуваши), как, собственно говоря, были и «служилые новокрещены» (т.е. и крещеные чуваши, и крещеные татары), так и «ясачные татары». Например: «А на меже были с писцы: деревни Коротаевы ясачные новокрещены – Иван Ебенкозин, Семейка Данилов да чюваша – Тока Конакозин, Яуш Черюев, Байчюра Канакозин» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.137). Ясно, что все они из одной деревни, и новокрещены уже с русскими именами, а «чюваша» – языческими.

«В тех деревнях за ясачными новокрещены и за ясачною чювашею за 174-мя дворы» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.53). То есть обе группы чувашей жили вместе в одних и тех же деревнях.

«А на меже были старожильцы: деревни Айши служилые татарове Янгильдей Едигерев, Юлгуш Кигиулов, Исенгильдей Янчурчеев, да той же деревни чюваша Кудабердей Куламетев; деревни Марли… ясачной татарин Учкей Алдербышев» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.172). Как видно, служилыми татарами здесь обозначены чуваши, принявшие ислам.

«За кем та пустошь истари была – за ясачными татары или за служилыми людьми» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.196). Скорее всего, ясачными татарами писчик обозначил перешедших в мусульманство чувашей, но в связи с бедностью не претендовавших войти в сословие служилых татар. Поэтому свое статусное состояние они и не оспаривали.

В том же уже упомянутом спорном деле о земле 1642–43 гг. деревня Ащерма по Арской дороге называется татарской, а истцы, живущие в ней, «чювашами». В писцовой книге одни и те же лица (Тогонай Девлеткильдеев, Тууш Тянеев) упоминаются в одном месте как ясачные татары, в другом – как ясачные чюваши (Ермолаев, 1978, с.23). «В той же деревне служилой татарин Сабакай Еникеев … живет с братом своим с Чувашаем в одном дворе» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л.10). Вполне возможно, что в данном случае один из братьев-чувашей (этнических) принял мусульманство, стал служилым, а второй остался в язычестве.

Имя Сабакай встречается также и на л. 201: «а береза стоит в земле татарина Сабакая». Значит, он не являлся служилым, а был чувашом, принявшим ислам, и таким образом иденцифирующим свою «новую» национальную принадлежность. Имя Сабакай – чувашское языческое имя. К примеру, одно из селений Мелекесского района в Ульяновской области, многие жители которого до сих пор не приняли православие, так и называется по имени его основателя – Сабакаево (Сапакиел).

Кстати, антропонимический аспект рассматриваемой темы требует специального внимания. В этой связи интересно отметить, что в известном своде чувашских языческих имен, изданном В.К. Магницким в 1905 г., значится 10587 имен (Магницкий, 1905). Так вот многие из них встречаются и в писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. Например: Алликей (л. 208), Алмендей (л. 38), Ахчюра (л. 188), Бегиш (л. 211), Давлезер (л. 61), Емендей (л. 32) и т.д. Здесь важен тот факт, что В.К. Магницкий свой список языческих имен составил не впрямую на основе писцовых книг, а опираясь, главным обра-

зом, на материалы I ревизии (1719–1723 гг.) населения Чебоксарского уезда, церковные документы с. Шуматово Ядринского и с. Абашево Чебоксарского уездов.

И.П. Ермолаев отмечает: «писцовая книга показывает, что как только «ясачный чювашин» становился служилым, он начинал называться служилым татарином. Так, например, в деревне Укреч Култук по Ногайской дороге описана ситуация, как в поместье служилого татарина Емая Енибекова упоминается «двор брата его Кошая», а в поместье вдовы служилого татарина Чапкуна «двор чювашенина Тогоная Великаева» (Ермолаев, 1978, с.23). В деревне Большой Бимер по Галицко-Алатской дороге упоминается чювашенин Мансур, один сын которого платил ясак, а другой стал служилым татарином (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, лл.229–230). Все это говорит о том, – указывает И.П. Ермолаев, – что называемые писцом «ясачные чюваши» после верстания на службу становились «служилыми татарами» (Ермолаев, 1978, с.23).

Что примечательно, во многих случаях писчик вообще обходится без приставки «ясачный», например: «новокрещен Иван Исаков… поляна деревни Новые Черемыши у чюваши»; «новокрещен Иван Ларионов… та поляна у чюваши» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, лл. 63, 64, 65 и т.д.).

Общеизвестно, что процесс отатаривания булгаро-чувашей через принятие ислама, начавшийся еще в булгарскую эпоху, продолжался с переменным успехом не только в золотоордынское, и в казанско-ханское время, но и в период христианизации, в целом вплоть до начала XX в. Причем в XIX–XX вв. «отпадали в магометанство» уже не только язычники, но и во «новокрещеные» чуваши. Есть сведения, что в начале XIX в. из 270 тыс. крещеных чувашей Казанской губернии желали вновь обратиться в язычество 186 тыс. чел. (Кузеев, 1992, с.189). И.П. Ермолаев указывает, что в писцовой книге такого рода процессы отмечены. «Видим мы и недостаточную прочность новой религии (т.е. православия) в мусульманской и языческой среде. Часто служилые если не формально, то фактически (в бытовом отношении) отходят в старую веру. Такими, вероятно, если судить по именам, были Якуш Иванов и Тахтар Иванов» (Ермолаев, 1978, с.12). Принявшие мусульманство чуваши могли оставаться чувашами по языку и культуре, но в народе их уже называли татарами.

Вообще, на этот счет скорее прав В.Д. Димитриев, указывавший на то, что «еще Е.И. Чернышев ошибочно считал, что «ясачные чуваши»

исповедовали ислам, т.к., мол, при описании одной чувашской деревни указано, что при деревне имеется татарское кладбище. В этой деревне для управления и взимания ясачных платежей от ясачных чувашей были размещены мурза и один-два служилых татарина. Писцы любой иноверческий объект в Казанском уезде называли татарским. Служилых чувашей называли служилыми татарами (об этом есть статьи И.Н.Юркина и В.К. Магницкого). Нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что ясачные чуваши разговаривали по-татарски. При деревнях ясачных чувашей топонимика чувашская (статья М.И. Скворцова). Известно, что ни в одном татарском ханстве ясачных татар не было» (Димитриев, 2004, с.37–38). И.П. Ермолаев же, утверждая, что «под «чювашами» в писцовой книге понимается вовсе не национальный признак, а социальная категория населения, указывает и на то, что в источнике упоминаются татарские кладбища возле деревень с «ясачными чювашами» (Ермолаев, 1978, с.12). При этом ссылка делается на 3 факта (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, лл.29об., 44, 91об.). Однако данный аргумент не убедителен. Дело в том, что в смешанных чувашско-татарских селениях у каждой этнической группы всегда были и сегодня сохраняются свои отдельно расположенные кладбища. И.П. Ермолаев сам же подчеркивает, что большинство деревень имело смешанный состав населения (служилые и ясачные люди). Всего в писцовой книге описано 114 деревень. Из них две находились в вотчинном владении, 22 – в поместном владении у одного служилого человека, 10 – в поместном владении у нескольких служилых людей, 76 деревень имели смешанное служило-ясачное население (из них большинство, а именно 37 деревень имели одного служилого человека и несколько ясачных дворов) (Ермолаев, 1978, с.14).

Причем, обращает на себя внимание тот факт, что при описании границ земельных участков писчик специально указывает, что кладбище именно татарское. Невольно возникает вопрос, а почему ни разу не указаны в качестве ориентира чувашские кладбища? А они русскими чиновниками ни тогда, ни позже, никогда не брались во внимание (соответственно, и на учет) из-за их «языческого поганства».

И еще. Никак нельзя обойти вниманием факты упоминания в «Писцовой книге» термина «чюваш» как самостоятельного понятия, без приставки «ясачный», т.е., по сути, в качестве этнонима. Например: «и на ее жеребей двор помещиков, двор – чювашенин Тогокай Велкиев» (Писцовая книга Казанского уезда, 1979, л. 33); «люцких чювашских дворов» (л. 3); «а чювашских людей со 6 дворов князь Ба-

гиш хлеба и денежного оброку сказал не емлет…» (лл. 4–5); «пашни ж осталось чюваше в двух полях» (л. 10); «да Измы деревни чювашенин Янгурьян Куватов» (л. 100); «И живут де за ним те русские люди и чюваша и латыши на льготе» (л. 104); «той же деревни чюваша Монаш Бозяев» (л. 132); «во дворе бобыль чювашенин Евгасты Хозесентов» (здесь вроде бы противоречие – бобыль и в то же время ясачный? Нет, здесь именно бобыль-чювашенин!) (л. 139); «пахали на той пустоши пашню деревни Чюваш чюваша сверх своих жеребьев» (л. 195); «Мозяр деревни служилой тотарин Ишмамет Хозяков да чювашской староста Казауль Тансарыев» (л. 196) и т.д. и т.п.

А ведь между тем марийцы писцом определены четко. Например: «у деревни ж на речке Малмыже за служилым и за ясачное черемисою 10 меленок мутовок»; «Направо земля служилого татарина, а налево земля … ясачные черемисы» (л. 125); «прибегали де на тое пустошь в войну многие люди – вотяки и черемиса. … А чюваша Салауч деревни тою землею владеют давно» (л. 167).

О том, что «ясачные чуваши» Казанского уезда во второй половине XVI в. (разумеется, и до этого времени) были этническими чувашами, свидетельствуют источники о переселении некоторых из них из Казанского уезда на территорию нынешней Чувашии и в Закамье. Часть приказанско-заказанских чувашей-язычников возвращается в XVI–XVII вв. в Закамье, другие их группы переселяются и на территорию современной Чувашии: в XVI в. – юго-восточные и южные районы, и активно участвуют в освоении «дикого поля». Установлено, что чувашскими мигрантами из Казанского уезда был основан целый ряд селений в районах Чувашии (Иванов, 1984, с.32), как, например, в Цивильском районе – Анчикассы (бывш. Старые Шигали), Канашском – Татмыш-Ягутлы (ныне в составе с. Янгличи), Атнашево, Вутобоси, Кибечи, Чагасй, Девлизерево, Ухманы, Вурнарском – Хирпоси, Чебоксарском – Большие Мамыши, Марпосадском – Сатышево, Итяково, Комсомольском – Тойси-Паразуси, Ендоба, Байбахтино, Ивашкино, Шерауты, Аликовском – Урмаево, Батыревском – Сугуты, Тойси, Балабаш-Баишево, Большая Таяба, Бахтгильдино и др. Причем, ряд этих новых деревень, основанных переселенцами из левобережья Волги, сохранили названия материнских селений. Как известно, в документах XVII в. и в переписных книгах XVIII в. чувашские селения правобережья Волги, основанные переселенцами из Приказанья, продолжали вплоть до 1781 г. числиться в Казанском же уезде (Иванов,

2005, с.125). С образованием Симбирского уезда часть их, находящаяся в зоне «дикого поля», вошли в его состав.

Значительное количество чувашей из Приказанья и Заказанья в конце XVI–XVII вв. вернулось в Закамье и основало здесь много селений. Целый ряд закамских чувашских селений был основан выходцами из Зюрейской даруги Заказанья: Нижние Имения, Камышлы, Каска (Бюляр Тюбяк тож), Студеный Ключ, Савруши, Нижние Савруши Михидерово тож, Ивашкина Тойгуза, Гандубино, Калмыкове Ильмовый Куст тож, Новое Ильмовое, Новый Адам, Верхняя Майна, Киреметь Тридцать дубов тож и др. в 1716 г. состояли в Зюрейской (бывшей Чувашской) даруге Казанского уезда, хотя другие селения Закамья входили в Ногайскую даругу. По данным третьей четверти XVIII в., в Зюрейской даруге числились следующие чувашские деревни Закамья: Саволей, Акташ (Окташ), Нижний Акташ, Шумыш, Новый Шумыш, Явушево, Токташи, Верхние и Нижние Савруши, Нижние Кандраты, Ишалкино, Никуткино, Нижняя Мака Батрас тож, Савантеево, Чайгутлы, Курки (Димитриев, 2014, с.102).

Судьбу чувашских селений Казанского уезда, – отмечает В.Д. Димитриев, – показывает переписная книга Д.И. Кошелева Галицкой дороги 1678–1679 гг. На листах 400–443 приводятся данные переписи под заголовком «Чювашские деревни и починки»: Ковали (была еще отдельная марийская деревня Ковали с 20 дворами), Мозяр Малый, Чюваш, Абаш, Большой Ряз, Мамедели, Ертуш, Чюравчи, Сеитово, Бигишна, Караккозя, Яни, Карадмен. Однако в них уже жили татарские ясачные люди: чуваши к этому времени успели отатариться, но, по традиции предшествующих писцовых книг, эти деревни продолжали писать чувашскими. На листах 444–614 даны сведения о «черемисских волостях и починках». Раздел на листах 614 об. – 625 называется: «За Волгою рекою живут Галецкие ж дороги горные чюваша, а ясак платят с чермисою ровно» (Димитриев, 2014, с.100–101).

И, наконец, хотелось бы особо отметить, что тема «ясачных чувашей» имеет еще один далеко немаловажный аспект, а именно: кем же были «ясачные чуваши» по религии – мусульманами, язычниками или православными? Согласно тезису о «ясачных чувашах» как этнических татарах, они были только мусульманами, и никак не язычниками, и тем более православными. Логично спросить, а «ясачные марийцы» или «ясачные удмурты» тоже были мусульманами? Возникает закономерный вопрос: как могли татары-мусульмане своих единоверцев называть «чувашами», заведомо зная, что чуваши – есть язычни-

ки? Можно ли представить, чтобы русские помещики называли русское же тягловое население, допустим, башкирами, вотяками и т.д.?

В попытках как-то аргументировать, почему ясачные чуваши должны быть признаны этническим татарами, Е.И. Чернышев находит простое объяснение: «служилые татары противопоставляли себя ясачным татарам и называли их «чювашами» (Чернышев, 1963, с.176). В действительности, они себя противопоставляли последним не столько по причине разницы в социально-экономическом статусе, но прежде всего потому, что реально существовали и этнический, и конфессиональный разрывы.

В целом, имеющиеся материалы о заказанско-приказанских, «ясачных чувашах» дают достаточно оснований полагать, что генеральная линия этногенеза чувашей и казанских татар в значительной степени была заложена в золотоордынскую эпоху, когда начались процессы культурно-языкового смешения немногочисленной уцелевшей мусульманской части булгарского населения с прибывающими в регион кыпчако-татарами, и одновременно происходила консолидация не принявших ислам групп булгар в отдельную этноконфессиональную общность. С середины XIV по начало XV вв. имело место интенсивное перемещение булгар, прежде всего их неисламизированных групп, из Закамья в Предкамье и Заказанье, на северо-восток современной Чувашии – в междуречье Кубни и Цивиля.

На базе булгарского населения, расселившегося компактным массивом в правобережье Волги, в междуречье Аниша, Кубни и Свияги, к концу XV в. формируется новое этническое образование под этноконфессиональным именем «чуваши», с другой – далеко не малочисленная и достаточно консолидированная группа булгаро-чувашей концентрируется в Заказанье. Основу обеих территориальных групп этноса составило преимущественно сельское земледельческое булгарское население («худые булгары»), не принявшее ислам (и отпавшее от него), вобравшее некоторое количество марийцев. Расселившееся в Заказанье («Арские земли») булгарско-чувашское население (бесермяне) ассимилирует часть местных удмуртов и частично оттесняет их на север («Чуваша Арская и Казанская»). В период Казанского ханства (XV – перв. половина XVI вв.) происходит усиленный приток в левобережные районы Среднего Поволжья кыпчако-татарского населения, которое начинает доминировать как в социально-политическом, так и культурно-языковом отношениях. В последующем, к концу XVII в., значительная часть левобережных (заказанско-

приказанских) булгаро-чувашей окончательно растворилась среди казанских татар (именно поэтому луговые марийцы жителей отатаренных булгаро-чувашских деревень продолжали называть «суасами» – чувашами.

«...Мне удалось узнать в Елабужском уезде, – отмечает В.К. Магницкий, – что живущие в этом уезде черемисы называют местных татар по своему «сюэс», а так называемые горные черемисы Козмодемьянского уезда Казанской губернии словом: «суас» или полнее «суасла мари» – суасо-подобный человек, или как суас «человек» называют своих соседей чуваш... В виду этого можно, кажется, полагать, что в лице татар в елабужском уезде скрываются омагометанившиеся чуваши. Такое предположение подтверждается и названиями некоторых татарских селений, объясняющимися с чувашского языка» (Магницкий, 1905, с.4).

Исходя из сказанного напрашивается однозначный вывод о неубедительности аргументации тезиса о том, что под термином «чюваша» в XVI – начале XVII вв. следует подразумевать социальный, а не этнический термин, и что «ясачные чуваши» являлись не чувашами, а этническими татарами. Данную концепцию трудно поддержать даже хотя бы в силу того исторического факта, что в XV – начале XVII вв. из казанских татар не было «ясачных людей», они составляли элиту и «служилых татар», и только в XVII в. отатаренные чуваши становятся «ясачными татарами».

И, в заключение, вольная ремарка относительно термина «чăваш» (чуваш). Конечно, относительно его происхождения наука располагает весьма скудными историческими данными, но и они позволяют предполагать, что, возможно, какая-то, причем значительная часть сувар (сувазов) в свое время, не желая принимать ислам, держалась особняком и, естественно, в процессе полного поглощения суваров булгарами идентифицировалась как «сувазы» (чуваши). По крайней мере, логично думать, что этноним «чăваш» не появился, как говорится, ни с того ни с сего, т.е. собственно чуваши издревле себя именно так идентифицировали. Было бы иначе, такой этноним не мог бы буквально внезапно получить широкое распространение среди огромного по тем временам (XVI–XVII вв.) массива населения Среднего Поволжья, которое вплоть в начале XVIII в. превышало численность собственно казанских татар (как известно, по данным ревизии 1719–1723 гг., чувашей в России насчитывалось 218 тыс. чел., казанских татар –

175 тыс.; да и в целом всех татар в империи было зафиксировано 295 тыс. чел.) (Иванов, 2005, с.128).

Список источников и литературы

1. *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

2. *Гришкина М.В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии в XVI – первой половине XVIII вв. // Проблемы аграрной истории удмуртов. Ижевск, 1988.

3. *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001.

4. *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа / Сб. статей. Чебоксары, 2004.

5. *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства. Предыстория и история. Чебоксары, 2014.

6. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том 1. Часть II. Саранск, 1951.

7. *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Публикация текста. Казань, 1978.

8. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005.

9. *Иванов Л.И.* К вопросу об основании чувашских селений на правобережье Волги переселенцами из Казанского уезда // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984.

10. *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // СЭ. 1988. №5.

11. *Исхаков Д.М.* Проблема становления и трансформации татарской науки. Казань, 1997.

12. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.

13. *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010.

14. *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982.

15. *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984.

16. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

17. *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

18. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV–XVI веках. М., 1877.

19. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / Сост. Р.Н. Степанов. Казань, 1979.

20. Список с писцовых книг г. Казани. Казань, 1887.

21. *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань, 1973 (на тат. яз.).

22. *Саттаров Г.Ф.* Этнонимы Татарии // Советская тюркология, 1980, №1.

23. *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в «Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов» // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988.

24. *Спасский Н.А.* Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Казань, 1910.

25. *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ: Право, история, филология. Казань, 1964.

26. *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки Чувашского НИИ / Вып. 4. Чебоксары, 1967.

27. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963.

28. *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Сведения об авторе

Иванов Виталий Петрович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии и социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары); human2000@ya.ru.

УДК 81'373.23(093)"15/17"

ПОНЯТИЯ «ЧЮВАШ» И «ЯСАЧНАЯ ЧЮВАША» В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVIII вв. КАК ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЫ

© 2014 г. Охотникова С.В.

В статье приведены различные точки зрения исследователей об этнической принадлежности группы населения Казанского и Свияжского уездов Казанской губернии в XVII в., именуемое как «ясачные чуваши». Сам автор придерживается мнения, что в этническом отношении это были чуваши, позже ассимилированные татарским мусульманским населением и потерявшие свою первоначальную этническую идентичность.

Ключевые слова: «ясачные чюваша», «служилые татары», этническая принадлежность, XVII в., исламизация, писцовые книги, Казанское ханство, Казанский уезд, миграция.

THE CONCEPT OF “CHUVASH” AND “YASACHNY CHUVASH” IN WRITTEN SOURCES OF THE XVI–XVIII CENTURIES AS ETHNIC AND SOCIAL STRATA

Ohotnikova S.V.

The article contains a different opinions of the researchers about the ethnic identity of the population of Kazan and Sviyazhsk districts of Kazan province in the seventeenth century, referred to as “yasachny Chuvash”. The author is of the opinion that in ethnically they were Chuvash, later assimilated Tatar Muslim population and lost their original ethnic identity.

Keywords: yasachny chuvash, service tatars, ethnic identity, XVII century, Islamization, the census books, the Kazan Khanate, Kazan district, migration.

На основе анализа литературы по истории ясачных чувашей, можно выделить общие и особенные моменты во взглядах татарских и чувашских исследователей на указанную проблему. Ученые едины во мнении, что представители многочисленной группы, именуемой в документах второй половины XVI–XVII вв. «ясачная чюваша», являлись феодально-зависимым населением Казанского края, так называемым «черным людом», жившим общинами и платившим ясак и подати.

Общим для татарских и чувашских исследователей является представление об ареале расселения ясачных чувашей. Данное население в основной своей массе проживало в центральной части Казанского

ханства, а после присоединения к Русскому государству и изменения административно-территориального деления – на территории Казанского и Свияжского уездов.

На этом, в принципе, общность взглядов и завершается, создавая тем самым обширное поле для дискуссий и выявляя разнообразные противоречия. Наиболее серьезными и значимыми представляются спорные моменты, касающиеся этнической принадлежности группы «ясачная чюваша», ее языковой и религиозной принадлежности. Рассмотрим некоторые аспекты данных предметов обсуждения подробнее.

Традиционным для татарской историографии является утверждение, что понятием «чюваш» в Казанском ханстве обозначалось тяглое нерусское население местного происхождения (Ермолаев, 1978, с. 5–31; Исхаков, 1998, с. 80–110; Чернышев, 1963, с. 170–183), включавшее собственно чувашей, а также татар, мари и мордву. Под термином «служилые татары» аналогично понимаются феодальные владельцы из нерусских народов (Ермолаев, 1982, с. 70–71). На фоне остальных выделяется своими взглядами Ш.Ф. Мухамедьяров, считающий, что в Казанском ханстве ясачными людьми были лишь представители нетатарских народов, и только после взятия русскими Казани ясак стал взиматься с татарского населения (Мухамедьяров, 2012).

Чувашские исследователи придерживаются мнения, что до 1552 г. наименование «чюваш» являлось несомненно этнонимом (Димитриев, 1956, с. 107–115). После вхождения Казанского ханства в состав Русского государства часть татар была переведена в ясачных людей, и общее число тяглого населения на данной территории возросло (Димитриев, 1986, с. 57). При этом чуваши по-прежнему оставались преобладающим по численности ясачным населением Казанского уезда.

Таким образом, первоначально названия «чюваш» и «ясачная чюваша» являлись этническими понятиями, одновременно отражавшими социальное положение чувашского населения Казанского края. Со второй половины XVI в. этнонимы «чюваши» и «татары» стали превращаться в социальные термины, Это стало следствием того, что русская администрация для удобства отнесла весь «черный люд» в одну категорию – «ясачная чюваша», включив в нее ясачных чувашей и появившихся в середине XVI в. ясачных татар. Чуваши, не переселившиеся на правобережье Волги и в Закамье, постепенно отатаривались в XV–XVII вв. и к середине XVII в. для русского населения и русской администрации мало отличались от татар. Как справедливо отметили татарские историки, «русские, да и не только они, особенно на народном уровне, вряд ли делали различие между татарами и му-

сульманами», одинаково называя их «татарами» (Исхаков, 2002, с. 12, 13) и «татарское население присоединенного к Русскому государству Казанского ханства было поделено на ясачное и служилое сословия, известные на территории Казанского уезда как ясачные чуваши и служилые татары» (Амирханов, Габдуллин).

Кроме того, писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. свидетельствует о появлении после вхождения Казанского ханства в состав Русского государства социального лифта, позволившего переходить из одного сословия в другое. В названной писцовой книге указаны, хотя и немногочисленные, случаи перехода ясачных крестьян в служилое сословие и наоборот (Писцовая книга, 1979, с. 79, 179, 203). О том, что во второй половине XVI–XVII в. классификация населения бывшего Казанского ханства по этнической принадлежности постепенно сменялась сословным делением на служилых «татар» и ясачных «чувашей», косвенно свидетельствуют и иные письменные источники. Так, из опубликованной С.М. Михайловым в 1854 г. «Грамоты об именовании встарь чуваш татарами» от 10 июня 1689 г., выданной Приказом Казанского дворца чебоксарскому воеводе Б.С. Львову, следует, что в указанный период на территории Чебоксарского уезда служилые чуваши нередко именовались служилыми татарами (Димитриев, 2003, с. 93–96).

Анализ точек зрения татарских и чувашских исследователей по вопросу этнической принадлежности группы «ясачная чюваша» показывает, что их различие не так уж и велико. Оно заключается, главным образом, в разном понимании термина «ясачная чюваша» на этапе развития чувашского этноса в составе Казанского ханства. Поддерживая мнение чувашских ученых о том, что первоначально данное название являлось этнонимом и лишь со второй половины XVI в. постепенно приобретает социально-сословное содержание, хотелось бы подтвердить данную точку зрения несколькими весомыми аргументами, до сих пор не опровергнутыми татарскими историками.

«Многие деревни (свыше 50) ясачных чувашей даруг (дорог) Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились во второй половине XVI–XVII в. на правобережье Волги и Нижнее Закамье, на свои прежние территории. Эти селения до сегодняшнего дня являются чувашскими» (Димитриев, Эпохальная веха). Данный факт, опубликованный В.Д. Димитриевым и оставленный татарскими исследователями без комментариев, является несомненным доказательством чувашской этнической принадлежности основной массы «ясачная чюваша».

Не подлежит сомнению тот факт, что понятие «ясачные татары» появляется в письменных источниках только с середины XVII в. По мнению чувашских историков и видного исследователя истории народов Среднего Поволжья А. Каппелера, причиной этого являлось то, что в Казанском ханстве не было ясачных татар (Иванов, 2010, с. 52–56; Каппелер, 2012, с. 13–39). Между тем, в источниках XVI – первой половины XVII в. неоднократно упоминаются, помимо чувашей, и другие этнические группы ясачного населения – вотяки (удмурты) и черемисы (мари).

Отметим, что в XVI–XVII в. русские летописцы по давней традиции продолжали называть население правобережья Волги между Сурой и Свиягой «черемисами». В «Истории о Казанском царстве» в середине XVI в. было записано следующее: «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварский, той владеяше ими». Далее автор объясняет, что это за «языки» (народы) черемисские: первый – «горная черемиса», второй – «луговая черемиса», третий – «отяки» (Казанская история, 1954, с. 48, 86). Как было установлено В.Д. Димитриевым, первый народ – это чуваши, второй – марийцы, третий – удмурты (Димитриев, 1964, с. 118–132). По весьма обоснованному мнению М.Н. Тихомирова, четвертый народ, владевший всеми вышеперечисленными, – татары (Тихомиров, 1950, с. 100). Данные летописные сведения также свидетельствуют, что до середины XVI в. татары являлись не только феодальным сословием, но и отдельным этносом, обладавшим специфическим языком кыпчакского типа, отличным от чувашского. В связи с этим не совсем верным является предположение Д.М. Исхакова о татароязычности всей группы «ясачных чювашей» Казанского края в XVI–XVII вв. (Исхаков, 1998, с. 91). Его доводы по этому вопросу могут свидетельствовать лишь о переходе на кыпчако-татарский язык части чувашского населения, принявшей ислам, а также о возможном двуязычии некоторых представителей татар и чувашей.

Проявление этнического самосознания татар-мусульман как народа, отличного от чувашей-язычников, случаи которого практически не зафиксированы в документах XVI–XVII вв., нашло отражение в «наказах инородцев Приволжья», направленных в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения в 1766 г. В докладах депутата от пензенских мурз и татар Еникеева и депутата от казанских татар Хальфина утверждалось: «Предки наши были природные князья, мурзы и служилые татары, а не ясашные крестьяне. Того для нас и не причитать с простыми и не заслуженными ясачными крестьянами и прочими неслужилыми татарами, по-

тому что мы после их яко законные наследники, имеем нужду изъяснить, чтоб нас, магометанскаго закона людей, с прочими всякаго разнаго звания народов идолопоклонниками не считать» (Никольский, 2007, с. 288). Также из документа следует, что татары-мусульмане четко отделяли себя от иноверцев, в частности, «идолопоклонников» (язычников), которыми, судя по тексту документа, являлись ясачные крестьяне. По моему мнению, тезис Д.М. Исхакова об исповедании всеми ясачными чувашами Казанского края в XVI–XVII вв. ислама (Исхаков, 1998, с. 90, 91), может быть сформулирован в ином виде: часть ясачных чувашей, проживая в Казанском ханстве, долгое время оставалась язычниками, что подтверждается сохранением языческих верований среди чувашей, переселившихся на современные территории Чувашии в XV–XVI вв. и Альметьевского района Татарстана в XVIII в. (Столярова, 2006, с. 96–115). Другая часть чувашского населения стала мусульманами, и к концу XVII в. основная масса, оставшаяся на территории Казанского уезда, отатарилась.

Таким образом, упоминаемая в источниках XVI–XVIII вв. группа «ясачная чюваша», проживавшая на территории Казанского ханства и образованного позднее Казанского уезда, представляли собой динамично развивавшуюся в этническом, языковом и религиозном отношениях группу тяглого населения, которая за указанный период времени пережила трансформацию от тюркоязычной группы язычников булгаро-чувашей до отатаренной части «черного люда», влившейся к концу XVII в. в татарский этнос, исповедовавшей ислам и говорившей на языке кыпчакского типа.

Список источников и литературы

1. *Амирханов* Р., *Габдуллин И.* Надыровская волость. URL: http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7 (дата обращения: 10.01.2014).

2. *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. Вып. 27. С. 118–132.

3. *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 93–96.

4. *Димитриев В.Д.* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115.

5. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.) Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 57.

6. *Димитриев В.Д.* Эпохальная веха в истории народа. URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./86/3743/3410/3434 (дата обращения: 10.01.2014).

7. *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болотина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 5–31.

8. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 70–71.

9. *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 52–56.

10. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени: (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.) Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 80–110.

11. *Исхаков Д.М.* Татары: краткая этническая история. Казань: Магариф, 2002. С. 12–13.

12. Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 48, 86.

13. *Каппелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии: (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НЛГУ, 2012. С. 13–39.

14. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Репринт. воспроизв. / сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исхаков, А.А. Бурханов. Казань: Ихлас; Ин-т истории АН РТ, 2012. 276 с.

15. *Никольский Н.В.* Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей // Собр. соч.: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. Т. 2. С. 288.

16. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. С. 79, 179, 203.

17. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 170–183.

18. *Столярова Г.Р.* История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 96–115.

19. *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству. Советская этнография. 1950. № 3. С. 100.

Сведения об авторе

Охотникова (Гончарова) Светлана Валерьевна, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук», научный сотрудник, кандидат исторических наук (г. Чебоксары); svetlana-goncharova7@rambler.ru.

НАСЛЕДИЕ

Чернышев Е.И.

ТАТАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ 2-й ПОЛОВИНЫ XVI и XVII вв.*

Задачей статьи является характеристика татарской деревни второй половины XVI и XVII в. с точки зрения ее экономики, расслоения крестьянства и степени внедрения товарного производства, которое в центральных частях России было уже господствующим. Исследований по этому вопросу совсем не имеется[1], но есть очень ценные публикации источников[2].

Эти публикации документов, а также неопубликованные писцовые и переписные книги интересующего нас периода дают основание

---

* *Чернышев Е.И.* Татарская деревня 2-й половины XVI и XVII вв.// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1963. С.174–183.

[1] Г. Перетяткович в своих трудах уделял внимание колонизации и хозяйству русских помещиков; И.М. Покровский в работе «Казанский архиерейский дом» (Казань 1906) интересовался монастырскими владениями; книга Н.А.Фирсова «Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве» (Казань 1866) написана на основе Полного собрания законов, без привлечения писцовых книг. В советские годы лишь Ш.Ф. Мухамедьяров изучал сельское хозяйство татар, но только в период Казанского ханства. Этому вопросу посвящены его диссертация «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства», его статьи «К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV и XVI веках» (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959), «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (Казань 1958). В «Известиях Казанского филиала Академии наук СССР» (1957, № 2) опубликована статья Ш.Ф.Мухамедьярова «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.», но и она носит характер археографической заметки, имеющей целью подчеркнуть некоторые факты периода самостоятельности Казанского ханства.

[2] Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Казань 1859; С. Мельников. Список с писцовой книги по гор. Казани с уездом 1565–1567 гг. Казань 1887; Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда. Казань 1909; История Татарии в документах и материалах. М., 1937; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск 1940–1952.

глубже изучить татарскую деревню. Для этой цели нами проанализированы данные писцовых, переписных и дозорных книг по Казанскому и Свияжскому уездам 1565–1567, 1602–1603, 1617–1619, 1646, 1685 и 1686 гг.[3]

Еще до завоевания Казанского ханства русские помещики считали его территорию «подрайской землицей». Публицист XVI в. Иван Пересветов прямо высказывал стремления русских помещиков скорее овладеть этими богатыми угодьями. Хорошо известен отзыв казанского летописца о природных богатствах Казанского ханства[4]. Другой знаток края и один из завоевателей Казани, князь Андрей Курбский, так описывает центральную часть Казанского ханства: «В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны и села часты; хлебов всяких такое множество, воистину вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных; тако ж и скотов различных стад бесчисленные множества»[5].

В течение 5 лет со времени завоевания Казани царским войскам удалось, в результате многочисленных походов вглубь страны, закрепить господство русского правительства в Камско-Волжском крае. Началось освоение земель бывшего Казанского ханства; во вновь присоединенный к России край направились многие русские крестьяне и посадские, купцы, помещики и вотчинники. Это бурное вторжение русского помещичье-вотчинного землевладения не могло не вызвать сильных изменений в татарском землепользовании, которые граничили с сильнейшим экономическим кризисом татарского сельского хозяйства как результатом социально-экономического и политического переворота в Камско-Волжском крае.

Из писцовых книг Дм. Кикина 1565–1567 гг. по Казанскому и Свияжскому уездам видно, что во владение русских помещиков и вотчинников перешло более 206 сел и деревень и 60 пустошей, до 1552 г. обрабатывавшихся татарами. На помещичьих землях, не считая дворцовых и ясачных, в это время проживало несколько более 1600 душ кре-

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, 848, 642, 153, 645, 6468 и 6447.

[4] «Место пренарочито и красно вельми и скоропажитно и пчелисто и всякими земными семяны родимо и овощами преизобильно, и звериcто и рыбно и всякого угодия много ...» (Казанская история. М.-Л., 1954, с. 47).

[5] Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 190–191.

стьян. В 60-х годах помещики ощущали громадную нехватку рабочих рук, так как земледельцы хотя и прибывали, но на помещичьих землях селились в последнюю очередь. Большинство крестьянского населения устраивалось на государевых и дворцовых землях, а также в монастырских вотчинах, ибо тут они обладали большей хозяйственной свободой, чем на землях помещичьих. Населенность крестьянского двора была незначительной: в Казанском уезде у 196 помещиков было 878 крестьянских дворов, в которых жило 1063 души. Выходит, что на каждого помещика в среднем приходилось 4,5 двора, а во дворе не было в среднем и полутора душ крестьян. В дальнейшем, в связи с прибытием новых масс русских крестьян, населенность дворов увеличилась, и в 1646 г. в Свияжском уезде на крестьянский двор приходилось, уже в среднем почти 3,5 души, а на бобыльский – 2,64 души. Таким образом, мы могли констатировать весьма значительный рост населения. За первое столетие русского владения краем увеличилось и число помещиков; так, в Свияжском уезде в 1646 г. было 119 помещиков вместо 34 в 1565 г. Правда, на долю 64% всех помещиков приходилось 546 душ крестьян и 90 душ бобыльских, во всех их имениях был 171 двор крестьян и 37 дворов бобылей, т. е. на каждого помещика приходилось 2,72 двора, а на двор – немногим более 3 душ крестьян и бобылей. Это была самая малообеспеченная крестьянами группа помещиков. Если же взять другую группу помещиков, из которых каждый имел свыше 41 двора, то в эту группу попадает семь помещиков с 738 душами крестьян и бобылей (более 105 душ на каждого помещика).

Хозяйство помещиков все в большей степени становилось товарным. Если в XVI в. товарную продукцию давало луговодство и лесоводство, то в XVII в. товарными становятся и хлебопашество, и некоторые промышленные сельские производства, как поташное, кожевенное, винокуренное и ткацкое. Имея в своем распоряжении десятки тысяч пудов сена, помещики обращали его в товар, обладая значительной пашней и крепостными, помещики продавали хлеб купцам-скупщикам, а монастырские власти обзаводились даже грузовыми судами и сбывали хлеб вниз по Волге. Зажиточная часть государственных, дворцовых и монастырских крестьян тоже была вовлечена в товарно-денежные отношения, хотя, конечно, и в весьма ограниченном размере по сравнению с помещиками. Обширный Казанский край в XVII в. был заметным производителем товарного хлеба и фуража, причем потребителями этих товаров были не только отдаленные области, но и местное бобыльское население в деревнях и посадское – в

многочисленных городах. Казанский край представлял собой значительный местный рынок, органически вошедший в систему всероссийского рынка.

В городах Камско-Волжского края, и особенно в Казани, в XVII в. наблюдается заметное развитие мелкотоварного производства. Переписная книга по гор. Казани 1646 г. поименно указывает 299 наемных работников, тогда как крепостных указано лишь 158. Свободный труд в мелкотоварном производстве использовался почти в два раза больше крепостного[6]. Рядом с мастерскими в XVII в. возникли и небольшие мануфактуры – кожевенные, кирпичные, медеплавильные, мельничные, питейные, «зелейные» и селитряные, хотя, правда, на некоторых из них, особенно военного характера, использовался крепостной труд.

Развитие производительных сил требовало свободы хозяйственной инициативы, ломки крепостнических порядков, политика же правительства была направлена на усиление и распространение крепостничества. Эти противоречия в экономике и политике приводили к усилению классовой борьбы в городе и деревне.

Прежде чем перейти к характеристике татарской деревни того времени, остановимся на одном существенном вопросе, который поставил Ш.Ф.Мухамедьяров в статье «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.» где он отметил, что в книге очень часто упоминаются чуваши. Статья отмечает 802 двора чувашей в 73 селениях Казанского уезда. В течение второй половины XVI и всего XVII в. в писцовых и переписных книгах рядом со служилыми татарами действительно упоминается «ясачная чуваша». Получается, что татары были только служилые, а чуваши – только ясачные. Хотя такое деление заведомо весьма сомнительно, но это мало смущало исследователей, причем один из них, П.В. Денисов, считает, что жившие в Казанском уезде чуваши в XVI и XVII вв. были ассимилированы татарами и омусульманились. В доказательство этого он ссылается на документ – грамоту 1612 г. на угодья в починке Трюк-Тямти по Зюрейской дороге. Эта грамота была дана на ясак «чувашину абызу Кучкею Мереткозину, а от него перешла к сыну его служилому татарину Досмаметку». Так примитивно П.В. Денисов объясняет отатаривание чувашей Казанского уезда[7]. Мы с такой постановкой вопроса

[6] Крепостной труд применялся в 11 мастерских, крепостной и наемный – в 22 мастерских и только наемный – в 71 мастерской.

[7] П.В. Денисов. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, с. 83.

согласиться не можем – прежде всего потому, что в писцовых книгах XVI в. по левому берегу Волги по соседству с татарскими упоминаются марийские волости, а не чувашские; во-вторых, в начале XVII в. татары в Казанском уезде не могли быть в меньшинстве среди чувашского населения; в-третьих, некоторые места писцовой книги позволяют считать, что служилые татары называли чувашами ясачных татар. Так, в писцовой книге Свияжского уезда Д. Кикина 1565 г. говорится, что в дер. Большой Новой Хозяшеве «жили в войну казаки и чуваша казанские люди..., и те казаки – служилые и чуваша – ясачные люди»[8]. В писцовой книге Болтина 1602 г. по Казанскому уезду читаем: «В той же деревне (Большой Елге) служилой татарин чуваша Ия Микеев, оклад его 9 руб.». Эти записи вполне ясно показывают, что под «чувашами» имелись в виду ясачные татары, причем служилый татарин Ия Микеев был раньше ясачным, поэтому он и обозначался словом «чуваша». Даже в первой половине XVIII в. в документах встречается выражение «из чуваш новокрещен ясачный татарин». Словом «татарин» здесь обозначается национальность; этот татарин принял православие, а раньше, как ясачника, его именовали «чувашей». В дозорной книге № 153 указываются понятые «чуваша» дер. Нурмы и Кобек, но межа учинена «от татарского прясла дер. Кебеч на дуб». Следовательно, понятыми были ясачники из татарских деревень – не чуваши, а татары[9].

---

[8] Но в книге Свияжского уезда упоминаются и чуваши по национальности – курмышские, чебоксарские и цивильские чуваши.

[9] Н.А. Фирсов. Инородцы. – «Ученые записки Казанского ун-та», 1870, с. 342–343.

В документах XVII в., но только второй половины, прямо говорится, что в тех же селениях, где по книгам Д. Кикина или И. Болтина указаны чуваши, на самом деле жили ясачные татары. Так, в отводных книгах Ивана Елизарова 1674 г. указывается, что «ясачные татаровя» дер. Селик-Кабан («Столбища тож») писали в челобитной, что «преж до сего жили в той деревне деды и отцы их за казанскими митрополиты во крестьянах» (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2. Саранск, 1950, с. 137–139).

Во второй половине XVII в. «ясачная чуваша» заменяется более точным обозначением «ясачная татаровя». Так, в межевых книгах Гр. Соковнина 1674 г. говорится: «Били челом Арские дороги дер. Бурнаковы ясашные татаровя Ляйлячко Байчорин стоварищи на вотяков той же дороги дер. Тульи», хотя тут же употребляет и старое название: «а в распросе вотяк Ильбахтка Тавгилдин против челобитья ясашные чуваши дер. Бурнаковы». В ввозной грамоте 146 (1638) г. жители дер. Бурнаковой названы чувашами, которых

Все это приводит к заключению, что под словом «чуваша» надо разуметь ясачных татар. Нет никакого сомнения, что ясачных татар называли «чувашами» служилые татары, со слов которых писцы и назвали ясачных татар чувашами. Все это позволяет нам в дальнейшем изложении «чуваш» Казанского и Свияжского уездов считать ясачными татарами.

Татарская деревня второй половины XVI в. весьма слабо отражена в исторических источниках. Писцовые и межевые книги Борисова и Кикина по Казанскому и Свияжскому уездам перечисляют некоторые татарские деревни, которые граничили с землями русских помещиков, и это дает основание отметить, что служилые татары в Свияжском уезде в 1565–1568 гг. имели поместья лишь в 15 деревнях – Албабе, Товулине, Моллине и др. Ясачных татарских деревень в Свияжском уезде указано значительно больше (25 селений), но это только те, земли которых были смежны с землями русских помещиков, – Большое и Малое Итяково, Малое Хозяшево, Бузаева и др.

В Казанском уезде упоминается 13 селений со служилыми татарами и 28 селений с ясачными татарами, земельные угодья которых были смежными с землями русских помещиков. Из 13 селений со

надо считать татарами (там же, с. 144–147). В дозорных и межевых книгах 1675 г. Ив. Протопопова по дер. Ачасыр и Ураспугиной Свияжского уезда читаем, что били челом «ясачные татаровя тех деревень, где они живут от Казанского взятья прадеды и деды и отцы их в ясаке». А между тем в писцовых книгах Ив. Франзбекова 1648 и 1649 гг. в дер. Ачасыр записаны ясачные татары, а в дер. Ураспугиной – «чувашские ясачники», причем несколько ниже отмечается, что покосами владели «исстари ясачная татара дер. Ачасыр и Ураспугиной» (там же, с. 155–157).

Ясачные татары дер. Ачей Зюрейской дороги схоронили в 1673 г. «мертвых чувашу 3 человек» и «учинили татарские мазары». Зачем же было устраивать татарские мазары, если чуваши не татары? Этот случай тоже доказывает, что «чуваши» не кто иные, как ясачные татары (там же, с. 134–135).

В отводных книгах Василия Еремеева 1642–1643 г. поместная земля противопоставляется чувашской, т.е. ясачной, а через несколько строк указывается, что речь идет о земле поместной, а не ясачной: «А та земля исстари поместная, а не чюваская ..., те сенные покосы – гари поместные, а не ясачные» (там же, с. 14–15). Следовательно, чувашская земля и есть ясачная, бывшая у ясачных татар. На с. 18 того же сборника документов дер. Ащерма называется татарской, а несколькими строками ниже говорится о «чуваше дер. Ащермы»; ясно, что в татарской деревне Ащерме жили ясачные татары.

служилыми татарами в 8 селениях жили и ясачные. Много селений было пустых, а еще больше не попало в описи.

Национальное угнетение и классовые взаимоотношения, имевшие место в Камско-Волжском крае во второй половине XVI в., мало содействовали укреплению, хозяйства татарского населения – этому мешала передача татарских земель русским помещикам и служилым татарам, число которых за вторую половину XVI в. сильно возросло. Укреплению татарского хозяйства не способствовала и система налогового обложения, а также слишком большой объем натуральных повинностей тяглого населения, увеличиваемый к тому же злоупотреблениями воевод, приказных и стряпчих, вымогавших «многие посулы», результатом чего были продолжительные волнения тяглого населения.

Самыми привилегированными из татарских помещиков были принявшие православие и состоявшие на военной или административной службе. В числе других таковыми были два брата Мансур и Иван Товарищевы. Их общее хозяйство по размерам своим было больше среднего, но еще не крупное. Мансур имел оклад в 225 четей, а Иван – в 200 четей пашни[10].

В этом феодальном хозяйстве мы наблюдаем частично признаки товарного производства: об этом говорит не только денежный оброк, но и значительное луговое хозяйство, дававшее до 30 тыс. пудов сена,

[10] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, лл. 370–371, 374. – В поместьях Товарищевых было 169 четей доброй пашни, 74 – перелога, 6 десятин зарослей, дубрав, 3240 копен сена, 30 десятин леса пашенного и 13,75 кв. версты непашенного. В распоряжении помещиков были оз. Шалбы, оз. Круглое, 3 глушицы на р. Каме и 2 мельницы (одна – на «большое колесо», а другая – «меленка-колотовка»). Некоторое время у них были еще 3 пустоши и дер. Кайбищева, но от этих земель они вскоре отказались, так как не хотели «стеречи Ногайскую и Крымскую сторону» на Анатышском перевозе. Земельные угодья братьев были расположены в 10 местах и обслуживались 32 душами крестьян, жившими в 29 дворах, из которых 2 двора было беспашенных крестьян и 7 дворов – полоняничных. Нет сомнения, что в хозяйстве чувствовался значительный недостаток крестьян, так как 32 душ, конечно, не хватало для того, чтобы обработать 169 четей в одном поле, скосить более 3000 копен сена и обслужить две мельницы, из которых одна была большая. Система эксплуатации хозяйства была преимущественно барщинной, а частично оброчной: в дер. Тура полоняники за обработку 41 чети в поле пашни и сена на 250 копен, за эксплуатацию «меленки-колотовки» и лесных угодий в 2 кв. версты платили оброчных 2 рубля с гривною, или по 10 алтын с человека.

которое частью реализовалось на рынке. Вполне возможно, что вследствие недостатка крестьян и часть пашни сдавалась в аренду за денежный оброк или за часть урожая. Значительно меньше было хозяйство шести других служилых татар – Отая, Яныша, Ямая, Шарапа и Дружины детей Федора Нармацкого и Семена сына Дмитрия Нармацкого. В дер. Бурты и в пустоши Кармачи у них было 115 четей пашни, 120 – перелога, 30 десятин зарослей и дуба, 500 копен сена и 5 кв. верст леса. В их распоряжении было лишь 3 крестьянских двора, обслуживавших 6 помещичьих дворов. Земля же обрабатывалась скорее всего арендаторами или испольщиками, поскольку доходы от нее Нармацкие собирали[11]. В дер. Кильдешевой, расположенной неподалеку от дер. Бурты, были поместные земли других Нармацких – Хотена и Мизина.

Некоторые служилые новокрещеные татары имели совсем незначительные поместья. Так, Улан Тимерев Износков в дер. Смолдеяровой на р. Чирпе имел всего 10 четей пашни в поле, 50 четей перелога, 400 копен отхожего сена на р. Каме и 2 кв. версты леса. Это был помещик, только что начавший свою хозяйственную деятельность, так как до половины оклада ему еще нужно было отвести 131 четь. Крестьян в распоряжении Улана не было совсем, и это побуждало его привлекать посторонних лиц за часть урожая или за денежный оброк[12].

Писцовая книга по Казанскому уезду Д. Кикина указывает, что земли служилых татар были в 12 деревнях – Ички-Казани, Молнине, Юскокче, Малой Тебек-Кози, Сенгиле, Бачаге, Енгильдеевской и др.; размеры этих владений не отмечены. К поместным отнесены земли 12 толмачей в дер. Сенклеря и 4 толмачей в дер. Мал. Бимери, расположенных вблизи р. Сулы. Ясачники-татары отмечены в 28 деревнях; они были объединены в сельские общины, возглавляемые старостами[13]. Как известно, в распоряжение русских помещиков переходили не только запустевшие татарские деревни, но и деревни, населенные татарами. Так, Степ. Мих. Койсаров с детьми Иваном и Суслом, кроме дер. Сабуголь, где было 4 двора русских крестьян, имел еще дер. Ковали с 8 дворами татар, из них 5 дворов ясачных и 3 двора из служилых. Эти татары эксплуатировали 10 четей пашни в поле, 30 четей

[11] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 177.

[12] Там же, л. 179.

[13] Там же, лл. 263, 291, 315, 374–375, 429, 451 – Земельные угодья в писцовой книге не описаны.

перелога в поле, 30 десятин зарослей в поле, 400 копен сена и 1,5 кв. версты леса. Их земля с угодьями отведена была С. Кайсарову, который договорился с татарами получать с них ежегодно 1,5 рубля без гривны. Татары крепостными не стали, но татарская земля стала помещичьей. Писцовая книга умалчивает, имела ли здесь место феодальная аренда или оброк, но это не было барщиной. Заметим еще, что дворы служилых татар ничем не отличались от ясачных, а в конце описания все дворы названы «чувашскими» (т.е. ясачными).

У помещика Б.И. Чепеслина в дер. Ксаире было 2 полоняника, видимо, из татар, так как они называются еще «новокрещенами». У помещиков Онучиных в с. Сокур-Кадыш жили крестьяне-новокрещеные – «чуваша» (т.е. татарские ясачники) и «русаки, которые родились в полону, 5 дворов». У них было 70 четей пашни, 146 – перелога, 15 десятин зарослей, 300 копен сена и 9 кв. верст леса и за р. Мешей 300 копен, но косил их сын боярский Дм. Малышев[14]. В то же время 2 двора «новокрещенов» помещика Шубина в с. Елани запустели, так как татары не хотели считать себя крепостными. Та же картина имела место в с. Елани у помещиков Бобаниных: «В том же селе жили новокрещены Емельян Чемылов да Федор да два Ивана, и те новокрещены из того села порозошлись жити в новокрещенские села и деревни и по пустым местам самовольно», чтобы не стать крепостными[15]. То же можно сказать и про «новокрещенов» помещиков Ивана Пояркова-Квашнина в дер. Новые Меньшие Естачи[16].

С появлением помещиков из русских служилых людей целые татарские деревни переселялись на другое место за пределами помещичьих земель. Так поступили татары-ясачники во главе со старостой Кучуком Атлеутовым в дер. Большой Темерлик, переселившись вниз по р. Каме в дер. Меньшой Темерлик. Нет сомнения, что переселение было вызвано боязнью закрепощения. Но большей частью татары, зная, что помещикам могут понадобиться их рабочие руки, уживались и рядом с ними, как это было в случае, когда в дер. Салман явились помещики Маматов и Якшин, а татары жили неподалеку в дер. Долгой.

Писцовая книга Казанского уезда отмечает, что некоторые помещики незаконно отмежевывали татарские земли. Писцовая книга Д. Кикина отмечает спорную землю в дер. Айше, захваченную поме-

[14] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 358.
[15] Там же, л. 298.
[16] Там же, л. 359.

щиком у татар по ложному сообщению приказчика Аф. Глядкова. За счет тех же аишенских татар поживился помещик М.Т. Барсуков в дер. Чюразиной. Помещик Ф.В. Игумнищев завладел землей татарской деревни Малые Нурмы[17]. Спорная земля так и оставалась в руках помещиков.

Больше всего сведений о татарских крестьянах писцовая книга Д. Кикина по Казанскому уезду дает в той части, которая касается архиерейских и монастырских владений. Некоторые деревни и села была населены русскими крестьянами, другие – татарами (табл. 1).

В с. Караишево на один двор приходилось 2,6 чети пашни в одном поле. Если не считать перелога и зарослей, как доходных статей, то сена приходилось на один двор почти 58 копен; наличие мельницы приводило к экономии некоторых средств. Все же нельзя сказать, чтобы материально крестьяне были достаточно обеспечены.

Дер. Селик-Кабан имела 20 дворов, на каждый из них падало 5,5 чети пашни в одном поле, но сена на двор приходилось 32,5 копны. В селе Каракчей-Кабан на двор приходилось 5 четей в одном поле и по 75 копен сена, в сельце Куюк – 5,3 чети в одном поле, но сена только 13 копен.

Остальные селения как будто только что начали свою хозяйственную деятельность. Такое положение наблюдается в Смоилевом Займище и в починке Елшейкове. Тут не может быть даже сомнения в том, что угодий у них пока было недостаточно, чтобы обеспечить продовольственные нужды.

Татарские крестьяне в архиерейских деревнях, да и русские крестьяне тоже, обязаны были всякими повинностями; только в починке Елшейкове служилые татары в это время не пахали на архиерея, так как жили «на льготе». Зато бывшие служилые с 14 дворов платили ясак «в оброку место» по полуполтине со двора, всего 3,5 руб. Ясачные татары с 33 дворов давали ясак «в оброку место медом с четвертей по торговой цене»; всего за мед с них собиралось деньгами 8 руб. 50 алтын 2 деньги. А кабанские и караишевские ясачники совместно с тарлашевскими платили ясак медом – 27 батманов, или «40 пуд с полупудом». Таким образом, татары на монастырских землях были оброчниками и ясачниками, обрабатывали землю на себя и барщины не знали, а, следовательно, на них не отражался крепостнический гнет, который испытывали русские крестьяне-барщинники.

[17] Там же, лл. 266, 292, 314–315.

Таблица 1.

Селение	Татары			Полоняники	Пашни, четей		Заросли и дубравы, дес.	Сена, копен	Лес пашенный, дес.	Лес, кв. верст	Примечание
	служилые	ясачные	новокрещеные		доброй	перелога					
Архиерейские											
Смоилево Займище	3	9	–	–	26	4	–	300	50		
Починок Елшейков	7	14	–	–	12	40	30	400	100		
Караишево	10	3	–	–	33	75	20	750	40		Мельница
Каракчей-Кабан	–	–	1	7	40	305	40	600	–		
Селик-Кабан	13	7	–	–	110	20	30	650	–	9	3 двора пустых
Владения Спасского монастыря											
Селцо Куюк	–	2	2	–	102	4	20	250		2	15 дворов русских
Самосырово	6	–	–	–	8	4	10	50	–	–	
Всего	39	35	3	7	331	452	150	3000	190	11	

Довольно значительные средства монастыри получали с рыбных ловель. Так, с Серного песку за лето поступало 30 руб., с «вешних оханов» – 22 руб., с частиков, с приволок, со связок, «с крыг и судов, с больших и малых, и с разных ловель» поступало 24,5 руб. Правда, деньги за рыбные ловли шли не только с татар, но и с русских крестьян других деревень, которые арендовали архиерейские воды[18].

Из этого краткого обзора видно, что служилые татары, которые были на военной или административной службе, обзаводились крупными поместьями, привлекали на свои земли русских крестьян и татар, стремились создать товарное хозяйство. Всего этого они добивались путем принятия христианства, хотя бы номинально. В то же время крестьяне-татары из бывших служилых становились ясачниками на помещичьих землях. Стремлению помещиков закрепостить их они настойчиво сопротивлялись. Их материальное благосостояние в 60-х годах XVI в. было ниже среднего.

Что касается татарской деревни в начале XVII в., то на основании анализа писцовой книги И. Болтина 1602–1603 гг. по Казанскому уезду мы можем говорить о татарских помещиках и ясачниках. Среди служилых татар была незначительная по количеству прослойка вотчинников-крепостников, имевших значительные земельные площади с большим количеством различных угодий и незначительным числом крепостных и дворовых людей и бобылей, которые были не в состоянии освоить и обработать для помещика имеющиеся угодья, вследствие чего помещикам приходилось обращаться к татарам-ясачникам, обрабатывавшим вотчинные земли как арендаторы за оброк или часть урожая. Таковы служилые Багим Яушев, Ишей Сююндюков, Бокшанда Нурушев, Камай и Петр Смиленевы. Из них за Б. Яушевым и Б. Нурушевым числились значительные заслуги (по-видимому, их отцов и дедов) перед царским правительством, и благодаря этому им удалось сохранить за собой некоторые привилегии, уходившие своими корнями во времена Казанского ханства: и тот и другой вотчинник собирал в свою пользу ясак с населения целой волости (первый – с волости Терся, второй – с марийской волости Нали Кукмор). Все эти помещики и вотчинники были крепостниками, причем их крепостные были плохо обеспечены земельными угодьями, чтобы большую часть своего времени они могли отдавать барщине и выполнению всяких «изделий» на помещика.

[18] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, лл. 392–403.

Но эти барщинные хозяйства служилых татар нельзя назвать натуральными и замкнутыми: они уже были втянуты в товарно-денежные отношения и в рыночные связи, – насколько это было возможно в то время. Писцовая книга доказывает это с полной очевидностью и убедительностью: феодальная аренда земель, откупная система, сдача в оброк различных угодий и предприятий – бортных ухожаев, бобровых гонов, перевозов, рыбных ловель, мельниц – непременно за деньги, производство товарного хлеба и фуража, не говоря уже о преобладании денежных налогов над натуральными сборами, – вот перечень тех признаков, которые очень характерны для товарного производства на рынок и которые прослеживаются в названных барщинных хозяйствах.

Вовлечению хозяйства служилых татар в общероссийское товарно-денежное производство и обращение косвенно содействовала и национальная политика царизма, выразившаяся в ликвидации традиций Казанского ханства, где ясачники находились в полном распоряжении феодалов: после присоединения ханства татары-ясачники вышли из подчинения татарским феодалам и были переведены в подчинение Русскому государству и государевой казне. Это мероприятие сильно подорвало хозяйство татарских служилых людей, а впоследствии заставило их позаботиться о заселении своих латифундий новым составом крестьян и бобылей на общем основании с русскими помещиками. А так как ясачные татары предпочитали оставаться «государевыми» и не стремились поступать к служилым, то последним пришлось искать пути к договорному соглашению с ясачниками, без применения внеэкономического принуждения.

В упомянутой выше группе крупных помещиков-татар Ст. Коноказин, имевший 102 чети пашни и 1400 копен сена, владел лишь одним крестьянским и одним людским двором. У кн. Тетингея Муралеева, имевшего 167 четей пашни и 1500 копен сена, был всего один дворовый человек. А 6 помещиков не имели ни дворовых, ни крепостных крестьян, между тем как угодий у них было довольно много. Всего писцовая книга отмечает 16 семей крупных помещиков-татар.

Средняя группа помещиков состояла из 35 семей. Оклады их редко превышали 8 руб. Если у них было мало пашни, то зато много было сена (500–700 копен и больше). Перелога и зарослей у этих помещиков числилось очень мало, а общее количество пашни доходило до 85 четей в поле. Крепостных крестьян у них почти не было, дворовых было 2 человека и 1 бобыль. Скорее всего, как у Кадыша Яушева, на

их землях «пашут ясачные». Как у крупных, так и у средних помещиков в большом количестве имелись такие угодья и предприятия, как бортные и бобровые ухожаи, перевозы, перевесья и рыбные ловли, мельницы, кабаки.

Следующая группа помещиков состояла из 83 семей. У этих служилых татар и пашни было меньше, а лугов – почти вдвое меньше, чем у средних помещиков. Значительно меньше у этой группы было и таких угодий и предприятий, как бортные ухожаи, бобровые гоны и рыбные ловли, перевозы, кабаки и пр. Тем не менее, нельзя еще сказать, чтобы они были недостаточно обеспечены угодьями. Размер пашни у них составлял 5–8 десятин, у большинства – от 2 до 5 четей при небольшом количестве перелога и зарослей. Такой пашни обычно хватало лишь для обеспечения своих собственных нужд, товарную продукцию давало только сено (у некоторых было до 400 копен). И у этих помещиков господствовало трехполье. Большинство служилых этой группы – «приборные», их оклад редко превышал 3–6 руб. в год. Хотя жеребьи этой группы и не самые малые, но они не всегда обеспечивали «государеву службу». Из 83 семей только три имели 1–2 крепостных, у всех остальных не было ни дворовых, ни крестьян, но, как это было у вдовы Чуреевой из дер. Чюваш, пахали ясачники «сверх своих жеребьев».

Наконец, в последней группе тоже было 83 помещика. У большинства из них пашни насчитывалось от 7 до 12 четей в поле, а сена – от 100 до 1500 копен. Бывали случаи, когда служилые татары брали луга «из найму» у русских помещиков. В 122 (1614) г., например, Чембулат Емяшев «наймовал» луга на 200 копен на р. Нурме в дер. Кудашево, Зюрейской дороги, у помещиков Гр. Дедюлина и Дм. Берсенева[19]. Из *83* семей семь владели мельницами-мутовками, да и то «вопче» с ясачниками; только С. Арезепов имел 2 мельницы. Кабаков у всей группы было только 3, бортных ухожаев – всего один. В писцовой книге неоднократно имеются указания на то, что эти угодья недостаточны для служилых татар, вследствие чего они переселяются в другие деревни.

Так как подавляющее большинство служилых татар были «по прибору», т.е. из ясачников, то очень часто случалось, что у служилых оставался «ясачный жеребий», с которого только не взимался ясак, но этот жеребий уходил из ясачной общины и становился поместьем.

[19] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153, лл. 155–162.

Вследствие этого ясачники в случаях «прибора» части ясачников на государеву службу теряли довольно много своей общинной земли.

Таким образом, писцовая книга И. Болтина вскрывает хозяйственную мощь различных групп служилых татар, их социально-экономические взаимоотношения с ясачниками; книга содержит убедительный материал об антикрепостнических тенденциях среди татар и о степени товарности их хозяйств. Крепостническая прослойка у служилых татар количественно была совершенно незначительной[20].

Что касается татар-ясачников Казанского уезда, то, судя по писцовой книге И. Болтина 1602–1603 гг., основным их занятием было земледелие. Самым распространенным среди них был пашенный жеребий размером от 6 до 10 (24% ясачников) и от 10 до 15 четей (35,8%) в поле. Обеспечивающим существование жеребьем для того времени необходимо считать от 10 до 20 четей в поле. Таковым в Казанском уезде обладали 56% ясачников. «Голодный» жеребий (до 6 четей в поле) имели 13,6% ясачников, а вообще недостаточный – 38%. Имущая прослойка, имевшая от 20 до 30 четей в поле, была весьма немногочисленной (6%).

Луговые угодья, как и пашня, распределялись неравномерно. Самым распространенным был жеребий от 100 до 200 копен сена на один двор, такой жеребий имели 47,3% ясачников; от 200; до 300 копен на 1 двор имели 22,6%, от 300 до 400 копен – 6,6%, а свыше 400 копен – 1,9% ясачников. Не обеспеченных сеном было 21,6% ясачников – они имели меньше 100 копен на 1 двор. Писцовая книга И. Болтина очень редко отмечает за ясачниками прочие угодья и предприя-

[20] Среди материалов, опубликованных в «Истории Татарии в документах и материалах», имеется завещание служилого татарина из с. Ишер от 1603 г. (с. 23), характеризующее одну сторону хозяйства, обычно скрытую в писцовых материалах. Иван Келибердеев завещал внуку дом и хозяйство, холопа Анцо и 5 руб. денег; другого холопа, Ертя, он отказал жене и дочери Ирине, а холопа Теребердея с женой и детьми отпустил на свободу. Другая дочь, Ульмеся, получила одного холопа, а сын Чашкулу – 2 руб. деньгами. Затем завещание перечисляет всех должников, с которых надо было собрать довольно крупную сумму в 27 руб. Долги должна была собрать жена и из них дать внуку Кузьме 10 руб., а остальные беречь для дочери Ирины. Всего помещик кредитовал 9 человек, но в завещании подчеркивал, чтобы кредитованных не кабалить, так как это было запрещено законом. Денежные отношения в документе подчеркнуты довольно ярко, но они не выходили за пределы феодального хозяйства.

тия (бортные, рыбные и др.). Таким образом, в начале XVII в. имущественная дифференциация ясачников-татар была выражена очень резко.

В писцовой книге И.Болтина лучше, чем в каком-либо другом документе этого времени, освещается положение татарских ясачников, но все же перечень ясачников нельзя считать полным, так как оброчные книги с луговых угодий упоминают свыше 30 ясачных деревень, в которых И. Болтин не был. Следовательно, всего в Казанском уезде упоминается свыше 110 селений ясачных татар. Тем не менее и этим количество ясачных татарских деревень не исчерпывается.

В начале XVII в. в писцовой книге в 13 селениях Ногайской дороги записано 177 ясачных дворов, по Зюрейской дороге в 19 селениях – 143 двора, по Арской дороге в 16 селениях – 135 дворов и в 25 деревнях Алатской и Галицкой дорог – 345 ясачных дворов. Это позволяет заметить, что населенность деревень по Ногайской, Алатской и Галицкой дорогам почти вдвое выше, чем в деревнях по Зюрейской и Арской дорогам. Объясняется это тем обстоятельством, что в селениях Арской и Зюрейской дорог было значительно больше служилых татар, да и плодородные земли Ногайской дороги привлекали к себе больше населения; кроме того, необходимо учитывать и то, что царские карательные отряды в XVI в., особенно в 1564–1566, 1582–1584 гг., активнее действовали именно в селениях по Арской и Зюрейской дорогам. В той же писцовой книге отражено обострение земельных отношений ясачников не только с русскими, но и с татарскими помещиками. Сведения оброчных книг по луговым угодьям[21] дополняют данные И. Болтина сведениями об отдельных лицах, пользовавшихся за оброк сеном с казенных лугов. Когда Янбарис Яушев платит оброка 1,5 руб. за 300 копен сена, или Бутыш Шигаев берет за денежный оброк 350 копен сена за р. Камой против Берсута, или Уразбахта Чюреев арендует на р. Шошме 300 копен сена, то мы с уверенностью можем считать таких ясачников куда более зажиточными, чем те, которые с арендованных казенных лугов получали по 20, 30, 40 копен сена. Если эти последние восполняли сеном с казенных лугов нехватку фуража в своем хозяйстве, то крупные арендаторы либо были связаны с рынком, либо имели собственные гурты скота.

Писцовая книга И. Болтина не фиксирует за ясачниками тех доходов, которые они имели, обслуживая помещичьи угодья, – доходов, не

[21] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153.

подлежавших никакому обложению. Тем не менее, такие доходы реально существовали, являясь результатом договора со служилым помещиком, обычно заключавшегося всей сельской общиной или артелью, как это бывало на рыбных ловлях, где ясачники платили только «третью рыбу», а две брали себе. Только единичные ясачники могли быть закабалены помещиком при невыполнении долговых обязательств, но и подобная кабала преследовалась законом, исходившим из интересов государственного фиска.

В документах зафиксированы случаи столкновений помещиков и ясачных татар. Дозорная книга Посника Белокурова 1618 г. констатирует насильственный захват ясачной татарской земли в дер. Кугурчиной по Ногайской дороге: помещики С. Аристов и В. Землянов «ворвались на их землю с людьми, с крестьяны и с самопалы и саблями, вспахали землю насильством и посеяли»[22]. А в дер. Именкеске, где поселился служилый литвин Михайло Вербицкий, у него потравили весь хлеб, так как он получил опальное поместье Ишея Илчибекова, уже бывшее в эксплуатации ясачников[23].

Так выглядит татарская деревня в первые два десятилетия XVII в.

Переписная книга 1646 г. по Свияжскому уезду фиксирует 498 служилых татар-помещиков, из которых крепостных имели лишь 120 помещиков (24,1%). Кроме того, у многих помещиков жили бобыли и «соседи». Всего служилые татары имели поместья в 136 селениях Свияжского уезда. Особенностью этого времени было наличие у служилых татар значительного количества русских крепостных; встречалась и крепостная мордва[24]. На земле помещиков Акугулова и Кибеева жила «ясачная чебоксарская чуваша», а на земле в деревнях Лаща Болтаева и Юзюкова – «цивильская ясачная чуваша», но эту «чувашу» нельзя признать крепостной – скорее всего служилые помещики сдавали землю ясачным чувашам в долгосрочную аренду. В починке Иванаева на р. Черемшане у служилого татарина Иваная Баубекова было два крестьянских двора – один русский, другой татарский, 3 двора бобыльских (во всех дворах 15 душ мужского пола) и 5 дворов пустых, так как один крестьянин бежал, а остальные четыре татарина «вышли в казаки». Таким образом, выход в казаки означал переход на

[22] Там же, лл. 163–169.

[23] Там же, лл. 183–189.

[24] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2, с. 34–35, 40–41.

положение служилых людей, которых помещик не мог задерживать у себя, так как служилый татарин не располагал ими так, как русский помещик своими крепостными.

Следовательно, в середине XVII в. в Свияжском уезде дворов крестьян и бобылей в поместьях служилых татар стало значительно больше, но крепостное право на них не распространилось так, как на крестьян русских помещиков. Для служилых татар характерны больше феодально-арендные отношения, чем крепостнические. А так как подавляющее большинство служилых татар совсем не имело крестьян и бобылей, то это в классовой борьбе того времени больше сближало их с антикрепостническими элементами.

То же самое наблюдается в Казанском уезде в 1646 г.[25] Здесь было всего 619 дворов служилых татар-помещиков, из них 449 помещиков (72,3%) не имели крестьян и бобылей, а остальные 170 помещиков имели 575 дворов крестьян с 1672 душами мужского пола. Кроме того, у этих помещиков были бобыли, дворовые, задворные люди, «соседи» и наймиты. Наймитов упомянуто всего 25 душ, но важно отметить их появление в деревне у служилых татар. Бобылей указано 48 дворов, дворовых – 58 дворов, задворных – 34 двора и «соседей» – 37 душ. Как видим, преобладали крестьяне, но из них далеко не всех можно назвать крепостными. Даже у старинного крепостника Кадрека мурзы, сына князя Камая Смиленева, в дер. Чалны из 6 крестьянских дворов было два двора мордовских, один «черемисин» и один «ясачный черемисин», который платил в государеву казну полный ясак, а помещику – полуполтину за год. У него же бобыль Баймурзко Емаев был «черемисин». У служилого татарина Толбая Ишеева в дер. Инсе жил дворовый Антуганко с братом Барсубкой, «и тот же Бар-субка платит в государеву казну пол-ясака, а живет своим двором»[26]. За Иштереком Семенеевым в дер. Ярыкло числилось 74 двора крестьян, из которых 18 дворов «написаны на пол-ясака», а 2 двора – на полный ясак. В дер. Ардяш под Сарапулом у служилого татарина Богдана Исенеева сына Яушева были «написаны на ясаки» 5 дворов и 13 душ крестьян. После этого понятно, что служилый татарин довольно хладнокровно относился к стремлению его крестьян считаться ясачниками, а не помещичьими крестьянами, поскольку их ясачное положение не

[25] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6445.
[26] Там же, л. 537.

лишала помещика возможности пользоваться их трудом на договорных началах.

Сложившееся в середине XVII в. положение, при котором подавляющее количество служилых татар не имело крестьян, определяло политику самодержавия, направленную на превращение в конечном счете служилых в ясачников. И служилые, и ясачные татары давление крепостного права больше ощущали со стороны государства, чем в отношениях между собой.

По сравнению с началом века в середине XVII в. количество служилых татар сильно возросло, однако очень многие из них имели поместья, но не имели ни крестьян, ни дворовых людей. В начале XVII в. мы констатировали в Казанском уезде группу помещиков в 50 человек, имевших крупные и средние поместья, а в половине XVII в. таких помещиков стало меньше, так что из 170 помещиков едва можно насчитать 25 человек с более или менее значительными поместьями. Крупнейшими землевладельцами были князья Яушевы, Асановы, Яникеевы, Хозяшевы, Смиленевы и некоторые другие[27]. Большинство же служилых татар владело угодьями, но в их распоряжении были один-два крестьянских двора или два-три дворовых человека, обслуживавших помещика, но не обрабатывавших землю. Следовательно, в середине XVII в. еще более резко определилась общая тенденция в сторону уравнения татарских помещиков с ясачниками или государственными крестьянами. Так, служилый татарин Урукчей Утешев «живет за Богданом мурзою Яушевым, наймуя пашенные земли, а не верстан де за бедностью». Другой пример: в дер. Мозяр служилый татарин Утегей Ямаметев с двумя братьями «живет в закладе у ясачника Коробайки в дер. Каратман». В дер. Хозяшевой по Зюрейской дороге четверо служилых татар, имея дворовых людей, соседей и даже наймитов, жили на земле Московова, который, видимо, скупил жеребьи своих трех товарищей или взял их в аренду. Таким образом, поместная система развивалась вширь, но глубоко не проникала, почти уравнивая мелкопоместных татар с крестьянами. Внеэкономическое принуждение тоже мало давало себя чувствовать. Так, в дер. Алан у служилого Ижбулатова записаны бобыль с «соседом», которые ему не принадлежали.

[27] Подробно о хозяйстве Хозяшевых см. в кн.: История Татарии в документах и материалах, с. 196–198.

Один из ярких примеров захвата земель ясачных татар служилыми татарами представлен в «отдельных книгах» Еф. Скрипицина 1643 г. В починке Сердя по Алатской дороге служилый татарин Кебек Сабакаев с братьями завладели ясачной землей, заставив уехать из деревни ясачных татар Агишка Кудайбахтеева, Палатка Няникова и Атычка. Такая же участь готовилась для Чемея Чепаева, но его челобитной о проверке владельческих прав Сабакаевых, видимо, неожиданно был дан ход и в результате произведенного сыска захват земли был предотвращен[28].

Сведения о татарской деревне конца XVII в. дает писцовая и переписная книга казанского стольника И.И. Кайсарова 1685 г.[29], но эти сведения очень бедны. Касаясь лишь Зюрейской дороги, книга описывает только поместья и вотчины русских помещиков; служилых татар она совершенно не касается, а ясачные татары представлены только по одному с. Черемыш. Эта книга пестрит сведениями о том, что ясачная татарская земля в большом количестве переходила во владение русских помещиков, а татарские ясачники должны были переселяться в другие места. Так было, например, в дер. Енасалы и Русской Черемышевой.

Татары-ясачники дер. Татарской Черемышевой платили ясака 27 алтын 4 деньги и 20 пудов хлеба. Но во всей деревне не было ни одного ясачника, с которого взимался бы полный ясак: 7 хозяйств из 13 были полуясачники, два хозяйства платили по 1/4 ясака и одно хозяйство – 1/8 ясака; только один ясачник платил 3/4 ясака и два ясачника – по 5/8 ясака. На ясак пашни приходилось в трех полях 24 чети и лугов 8 десятин. Ряд ясачников имел до 200 бортных деревьев, 5 ясачников «гоняли подводы». Не в пример 1603 г. в ясачной деревне исчезли перелог и заросли – трехполье господствовало на всей пашне. Количество ясачников с начала века увеличилось на 8 дворов, но лугов стало несколько меньше. Рентабельным нельзя назвать уже хозяйство полуясачника, с тем большим основанием надо считать нерентабельными более мелкие хозяйства. В общем хозяйства ясачников в конце XVII в. в большинстве своем были экономически несостоятельными. Это было вызвано тем, что ясачники потеряли много земли в пользу служилых татар и русских помещиков.

---

[28] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2, с. 24–26.

[29] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 645.

Писцовая и перечневая книга Свияжского уезда 1686 г. стольника Г.А. Суворова[30] дает описание 28 хозяйств служилых татар с. Архангельского, в прошлом дер. Татарское Бурнашево. Менее половины хозяйств – 11 имели от одного до трех дворов крестьян, а у прочих были только пашня и луга. Угодья этих хозяйств настолько измельчали, что их владельцев трудно отнести даже к средним помещикам: все они были на пути превращения в тяглое население. В том же селе жили и русские ясачники: крестьян – 180 душ и бобылей – 42 души, но все это население платило лишь 7 ¼ ясака, так как пашни было только 84 чети в поле и сена – 168 копен (на один ясак приходилось 12 четей пашни в поле и 40 копен сена). На четверти ясака было 6 дворов, на осьмухе – 30 дворов, 1/12 долю ясака платили 6 дворов и 1/16 долю ясака – 11 дворов. Ни одного крепкого хозяйства в окружении помещичьих земель! Мы видим, таким образом, что у русских ясачников дифференциация обозначилась еще глубже, чем у татарских.

[30] Там же.

Чернышев Е.И.

СЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА*
(по писцовым книгам)

Казанское ханство сформировалось в XV веке на основе продолжения экономических, культурных и этнических традиций Булгарского ханства. Географическое положение Казанского ханства на Средней Волге и Нижней Каме усиливало его мощь и экономическое значение: ханство могло контролировать и бассейны рр. Камы, Вятки и Белой. А это давало возможность Казанскому ханству оказывать влияние на удмуртов и часть башкир, помимо чуваш, мари, мордвы, живших по р. Волге.

Граница Казанского ханства на западе смежена была с Нижегородским уездом и проходила по реке Суре до впадения в нее р. Алатыря. Далее, на запад граница шла по р. Алатырю, затем переходила на р. Мокшу и следовала к верховью этой реки, а повернув на восток, снова шла по верховью р. Суры, рекой Кададой выходила к р. Волге на Кашпир и Волгой шла до устья р. Самары. Далее на восток граница шла по р. Самаре, которая была пограничной. Затем граница через Сакмару подходила к реке Белой и шла по ее течению до впадения в р. Каму. Северная граница проходила вверх по р. Каме от устья Белой до Сарапула и дальше шла на запад до вятского притока реки Чепцы, откуда граница проходила лесами и топями по р. Пижме к нижнему течению р. Ветлуги и по Ветлуге до впадения ее в Волгу. (См. картограмму Казанского ханства).

Таким образом, Казанское ханство было поистине страною четырех главных рек: Камы, Волги, Вятки и Белой и других менее значительных, как Бол. и Малый Черемшан, Меши, Свияги, Суры, Илети, Бол. и Мал. Кокшаги и низовье Ветлуги.

Казанское ханство включало в свои границы не только булгаро-татарские владения, но и владения других народов: мордвы, чуваш, мари, удмуртов и башкир, которые далеко не полностью входили в состав ханства. Так, часть марийцев, чуваш, мордвы и удмуртов находились в пределах Московского государства, а часть башкир были

---

* *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Сб. статей. Вып.1. Казань, 1971. С.272–292.

подчинены Сибирскому ханству и ногайцам. Казанское ханство было таким же многонациональным государством, как и Русское.

Определение территории Казанского ханства и выявление его основных населенных пунктов представляет несомненный интерес как для решения общеисторических вопросов Казанского периода, так и в особенности для изучения проблемы происхождения казанских татар. При этом возможны различные пути – археологическое исследование, топонимические наблюдения, поиски письменных сведений и т. п. К сожалению, археологически территория и населенные пункты Казанского ханства исследованы очень слабо, хотя основные районы территории ханства посещалось не одной экспедицией, но расположение большинства прежних населенных пунктов под современными селами лишало возможности их обнаружения.

Каких-либо подробных татарских записей о селах ханства почти не сохранилось. Топонимические материалы еще только собираются (см. статью Г.В. Юсупова в настоящем сборнике)[1]. Несомненно интересные выводы в будущем может дать изучение татарских родословий – шаджаре. Но уже сейчас имеется один вид источника, который, на наш взгляд, сохранил в значительном объеме список населенных мест Казанского ханства. Это русские писцовые книги XVI–XVII вв.

Через 10 лет после присоединения Казанского ханства к Русскому государству русская администрация провела в 1565–1568 гг. описание сел, деревень и городов Казанского и Свияжского уездов, составивших новые административные деления бывшего Казанского ханства. Четырех лет было явно недостаточно, чтобы описать все богатства края, перепись продолжалась и позже, захватывая незатронутые в первый период владения. После многочисленных восстаний 70, 80, 90-х годов XVI века и в первые 20 лет XVII века переписи земель и угодий возобновлялись и повторялись с целью уточнения податных платежей и оброчных сумм. Вот этот замечательный писцовый материал позволяет до некоторой степени представить территорию распространения селений Казанского ханства, указать насколько были «села часты», как они назывались и где были расположены. Очень жаль, что не весь

[1] Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов среднего Поволжья. Сб. статей. Вып.1. – Казань, 1971. – С.217–231.

писцовый материал сохранился, но и сохранившийся не столь глубоко изучен, как он этого заслуживает.

Основным критерием для отнесения селений ко временам существования Казанского ханства является нерусское название селения в писцовых материалах XVI и начала XVII века. Такие названия давались татарами, мордвой, марийцами и удмуртами, т. е. народностями, населявшими Казанское ханство. Например, ясачные татары (в рукописи «чуваши») дер. Малой Атни в 1616 г. оспаривали свое право на пустошь Чарашевскую, которой они пользовались лет 60 без дач, по старине. Следовательно и Малая и Большая Атня были уже в составе Казанского ханства[2]. Про пустошь Аты в писцовой книге Д. Кикина сказано, что она была во владении Казанского Шейсупа князя, а потом запустела. Значит тут при Шейсупе было селение, запустевшее во время войны[3].

С. Мельников в своей книге «Акты исторические» осветил по материалам XVII века историю города Балымерского за Камой рекой[4].

В писцовой книге И. Болтина 1603 г. говорится про деревню Бол. Бимери Алатской дороги, что в ней исстари жили одни ясачники; так было и «до взятия» и «после взятия», и только лет 20 тому назад (в нач. 80-х годов XVI века) появились служилые татары[5].

В той же книге указывается около другой деревни Бимерь Тавелева Зюрейской дороги старинное татарское кладбище[6], что говорит о существовании селения во времена Казанского ханства.

И.А. Износков давно установил, что село Елагино на р. Нурме по Зюрейской дороге основано во времена Казанского ханства. По татарскому преданию два брата были основателями двух деревень: Ялаг-иле и Кудаш-иле. Деревня Ялаг-иле и стала впоследствии селом Елагиным[7].

Деревня татарских ясачников Иман-Киска у И. Болтина записана «Именкеской» – впоследствии Именьково. И.А. Износков указывает в

---

[2] ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 153, лл. 148–154.

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. писцовая № 643, л. 231 об.

[4] С. Мельников. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний. Казань, 1859.

[5] ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 642, лл. 228–232.

[6] Там же, лл. 91–92.

[7] И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда Казань, 1891, с. 14.

этом месте городище и древнее кладбище; что говорит о возникновении этого селения задолго до завоевания г. Казани[8].

Писцовая книга по Казанскому уезду 1573–75 гг. иногда включает и исторические сведения по некоторым селениям; так в дер. Кильдишевой «при татарах», т.е. до завоевания «был на вражке старый острог, а вражком вниз к Меше-реке»[9]. Следовательно, дер. Кильдишева возникла во времена Казанского ханства, если не раньше.

С.И. Шпилевский указал на древнюю могилу Нияза, что свидетельствует, что Кутлубукашевы Челны на р. Шумбуте могут быть отнесены ко временам Казанского ханства[10].

В писцовых материалах XVI и нач. XVII века может быть принят как критерий давности, восходящий ко временам Казанского ханства, и такое указание, что местность, отведенная ясачником или служилым татарам, является пустошью: «дер. Кшкар, что была пустошь по Алатской дороге». Такая пустошь образовалась как последствие военных или карательных действий, когда селение было уничтожено, а население разбрелось в разные стороны. После военных действий эти «пустоши» отдавались в поместья служилым[11].

В дер. Мансурово, в 14 верстах от Лаптева, был найден надгробный камень, сыну Мансура Болгарского[12], что говорит о древности этого селения с Болгарских времен.

Старинное татарское городище Кокрять-Кокрышское на р. Майне отмечается в Трудах первого археологического съезда»[13].

В 1603 г. писцовая книга И. Болтина фиксирует пустошь Старый Менгер, что подсказывает убедительную мысль о том, что во времена Казанского ханства здесь было селение, которое после присоединения было восстановлено[14].

В первом томе «Истории Татарской АССР» имеется карта Казанского ханства накануне его присоединения к Русскому государству. В этой карте отмечено 167 селений, расположенных в Казанском и Сви-

---

[8] И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда, с. 65–66.

[9] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 489, об. 490.

[10] С.М. Шпилевский. Древние города и др. булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с. 416–421.

[11] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, л. 199.

[12] И.Н. Березин. «От Чистополя до с. Богородского», «Каз. губ вед.», 1862, № 36.

[13] Тр. I АС, М., 1869, с. 542–546.

[14] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, л. 2.

яжском уездах 2 половины XVI века. В годы издания книги эта карта была наиболее полной, мало того, эта карта, составленная Н.Ф. Калининым, побуждала к дальнейшим разысканиям по исторической географии. В этом заключалась ее основная ценность. Привлечение же писцовых материалов XVI и нач. XVII вв. дало возможность значительно пополнить перечень населенных пунктов Казанского ханства. Мы взяли писцовую книгу Д.А. Кикина по Казанскому уезду[15], писцовую книгу его же по Свияжскому уезду[16], писцовую книгу И. Болтина 1602–1603 гг.[17] и дозорные книги 1616–1619 гг.[18] Вместе с тем использованы сборники исторических документов, как «Акты исторические» С. Мельникова[19], «Документы и материалы»[20] и исторические монографии, как двухтомная работа Г. Перетятковича «Поволжье»[21], монография Н. А. Фирсова[22], И.М. Покровского[23], статьи И. А. Износкова и «Списки, населенных мест» Лаишевского и Мамадышского уездов[24], В. Магницкого[25] и др. Все это позволяет нам говорить о селениях Казанского ханства более полно. Конечно, мы не можем быть уверенными в том, что карта селений вполне исчерпывающая, но все же она даст новый импульс к дальнейшим изысканиям в этой области.

[15] Там же, ф. 1209, кн. 643.

[16] Там же, кн. 848 писц. кн.

[17] Там же, кн. 642.

[18] Там же, кн. 153.

[19] С. Мельников. Акты исторические и юридические, древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний, т. I, Казань, 1859.

[20] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 1, 2. Саранск, 1950–1951.

[21] Г. Перетягкович. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877: Поволжье в XVI и нач. XVIII вв. Одесса, 1882.

[22] Н.А. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского ханства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель. Казань, 1869.

[23] И.М. Покровский. Казанский архиерейский дом. Казань, 1906.

[24] И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда, Казань, 1891, Мамадышского уезда, Казань, 1884.

[25] В. Магницкий. Список татарских селений Буинского уезда. Изв. об-ва арх., истории и этног. при Казанс, ун-те, т. 18, с. 130.

Начнем обзор с Ногайской дороги Казанского уезда (карта)[26]. Здесь «после Казанского взятия» большинство селений и пустошей сохранили татарские названия. В нижнем течении р. Меши на Ногайском перевозе была татарская деревня Агайбаш. Эта деревня возникла на пустоши Телепеевской, что позволяет предполагать, что до Казанского взятия эта пустошь была заселена татарскими ясачниками, среди которых выделялся татарин Телепей. Название же Агайбаш дано местности по урочищам. Писцовая книга упоминает еще селище Агач, которое было до завоевания укрепленным пунктом татарских феодалов. Это был немаловажный стратегический центр. Доказательством существования Агайбаша, Аган и Агача является то, что русскому служилому В.Ф. Танееву дана была в поместье земля «селища Агача», которая была смежена с дер. Тоймой и Юлдузскими лугами г. Лаптева; эта земля была расположена на левом берегу р. Меши по направлению к Лаишевскому лесу[27]. Деревня же Агайбаш на правом берегу р. Меши и имела татарских ясачников. От укрепленного пункта Агача, расположенного вблизи ногайского перевоза через р. Каму, в 1603 г. уцелело 22 двора, и та земля, которая не обрабатывалась ясач киками, отдана была тому же Танееву[28].

Несколько южнее деревни Агайбаш находится дер. Байчуга, расположенная на левом берегу р. Меши. Эта деревня упоминается в писцовой книге Д.А. Кикина (№ 643, л. 477), как смежная с дер. Тоймой, а в писцовой книге И. Болтина (№ 642, л. 7) читаем, что в этой деревне жили и служилые и ясачные татары.

---

[26] См.: *Картограмма населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI в.* (Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Сб. статей. Вып.1. Казань, 1971. Между с.274–275); *Административная карта Казанского ханства (XV–XVI вв.)* (Аминова Г.И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 5 февраля 2002 г. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С.117–134). Обе карты вложены в данный сборник на отдельных листах.

[27] Татары и ныне этот лес называют Юлдузским.

[28] В писцовой книге Д.А. Кикина № 643 указывается пустошь *Опач;* это очевидно ошибка переписчика, который в копии написал *Опач* вместо *Агач.* В подлиннике, с которого он списывал, первая буква была написана не прописной.

Дер. Ташкирмень, расположенная на правом берегу р. Меши, хотя и не упоминается в писцовой книге Д.А. Кикина, но она есть в книге И. Болтина (№ 642, л. 17).

Дер. Атабаево (Табаева, Табаи), по данным И.А. Износкова, очень древнего происхождения»[29].

Дер. Епанчино упоминается в писцовой книге И. Болтина 1603 г., из которой мы узнаем, что в деревне жили служилые и ясачные татары. В писцовой книге Д. Кикина ее нет потому, что в этой деревне не было поместий русских служилых людей. Наличие деревни в Казанском ханстве подтверждает и карта Казанского ханства в I т. «Истории Татарской АССР».

Необходимо указать дер. Мансурову на Каме вблизи устья р. Меши, древность основания которой определил в 1862 году И.Н. Березин, обнаруживший там надгробный камень сына Мансура Булгарского[30]. В XVI столетии после взятия Казаки в дер. Мансуровой жили царские мережники-рыбаки[31].

Дер. Саралы впервые отмечена С. Мельниковым[32]. Под этим же названием она записана в переписной книге Казанского уезда 1646 г.[33], и в писцовой книге И. Болтина 1603 г.[34] Во второй половине XVI в. в ней не было ни русских, ни татарских служилых людей, а жили одни ясачные татары. Эта деревня основана в период самостоятельности Казанского ханства.

На месте нынешней дер. Карташиха была *Салтыковка,* а в Семеновых книгах (Нармацкого) написано дер. *Тербедеево*. Именно это название и было присвоено деревне в Казанском ханстве[35].

На месте Рождественского на р. Меше Д.А. Кикин записал две пустоши Укречь-Култук «у старого татарского острога у большого кургана». Следовательно, во времена Казанского ханства здесь было насе-

---

[29] И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда, вып. 2.

[30] «Казанские губернские ведомости», 1862, № 36.

[31] И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда, вып. 2, с. 30–31.

[32] Акты исторические и юридические, древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний. Собрание С. Мельникова, т. I. Казань, 1859 г.

[33] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6445, л. 650.

[34] Там же, кн. 642, л. 49.

[35] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 196.

ление городского типа с укреплением военного характера, а на вражке был старый острог[36]. Смежна с Укречь была деревня *Кильдешева.*

Смежной же с пуст. Укречь-Култук была дер. *Сингели,* где жили служилые и ясачные татары. Рядом с дер. Сингели к северу расположилась дер. *Тангачи* (Тамгачи, Таргайчи), которая в 60-х годах XVI века была пустошью, но к 1603 г. восстановлена.

Смежной с дер. Сингели была дер. *Бурнашева,* которая в переписи Д. Кикина состояла из одних ясачников. Смежной с пуст. Тангачи в книге Д. Кикина указана *пустошь Тетеевская* – запустевшая деревня Казанского ханства.

Дальше к северу на «Лихом болоте» были деревни: *Астрахань, Читаки, Мингерь, Сатки* и *Каирби,* на оз. Сабуголь основана была и дер. *Сабуголи;* на озере Кулчук – дер. *Кулчук Старый,* где жили служилые татары и после Казанского взятия[37].

Дер. Читаки была смежена с целым рядом старинных селений: дер. *Тарлаши, почин. Елшейков,* дер. *Караишево, Пиголи* и *Карадулат;* недалеко от них была *пустошь Кумкечь* и дер. *Четова,* где открыто старинное татарское кладбище. С дер. Сабуголь смежны деревни *Караева,* починок *Смоклево (Измаил) – Займище* дер. *Кабан* и *пустошь Белка,* где тоже обнаружено старинное татарское кладбище, но татарское название не сохранилось[38].

Рядом с дер. Каирби расположены были *пустошь Куюк* и деревни *Сарку-Кадыш, Харибей* и *Сафаровка.* Дер. Сарку-Кадыш была смежна с *дер. Бученба,* а последняя – с деревнями *Тогашево, Каракчей Кабан, Селик Кабан* и *Старый Кабан.*

Ближе к Волге расположены были деревни: *Ковали, Отары Средние, Отары Большие* и *Отары Малые.* С Отарами были смежны дер. *Девлеткильдеево* (ныне Девликеево) и *Мамотяково.* С дер. Харибей смежны были пустошь *Ялмская* и дер. *Бол. Куюки.*

Этим мы кончаем обзор татарских селений, расположенных в самом устье р. Меши и к северу между р. Мешей и Волгой и относящихся к Ногайской дороге.

---

[36] Там же, лл. 207, 372, 376, 489–490.

[37] Из дер. Стар. Кулчук во второй пол. XVI в. от татарской деревни образовалась дер. Новый Кулчук (ЦГАДА, ф. 1209, кн 643, л. 187–188).

[38] ЦГАДА, ф.1209, кн. 643, л. 489.

На левом берегу р. Меши мы уже указали Мансурово, Агач, Тойму и Другой Укречь-Култук. Теперь продолжим перечисление поселений на левом берегу р. Меши, относящихся Ногайской же дороге.

Прежде всего надо отметить поселение *Лаиш* с пустошью *Юлдуз.* Мы не имеем достаточных данных, чтобы утверждать, что Лаиш был городом, имевшим крепость, т.к. на Ногайском перевозе через Каму господствовала крепость Укречь-Култук; наличие этой крепости уже достаточно, чтобы отнести селение Лаиш к большому феодальному центру сельского типа с большим количеством полоняников, которые в Лаишеве так и остались жить после Казанского взятия.

К северу от пуст. *Другой Укречь* находится дер. *Курманакова,* от нее вверх по р. Меши поместная дер. *Альгазы,* записанная в Семеновских книгах Нармацкого (1563 г.) за детьми феодала Нармацкого.

Недалеко от этой поместной деревни были деревни служилых татар, *Куюки* и *Нальгозя.*

Вверх по р. Меше в писцовой книге Д. Кикина указывается деревни *Салман* на р. Чашме, *Каип, Дертюли* на р. Каипе, *Салтыки, Бима, Бурначеевская* и *Бима Бишнякова.*

На р. Чирпе расположены были дер. *Чирпа* и *Смолдеярово.*

На р. Буртыке известны дер. *Бурты, Евлушей, Мал. Куюк,* и пустошь *Кармачи.*

На р. Брыси отмечаются деревни, *Булгак, Балахчея, Челмаки, Икимен, пустошь Шигали,* дер. *Тевкечь* и старое селище *Тургаево.* Вблизи от них указываются деревни *Ликеево, Именкеска, Кудышева, Янтык, Кабищева.*

Далее на восток по р. Шуранке необходимо отметить деревни *Большая Елга, Малая Елга* и невдалеке от них дер. *Шуран,* известную по карте Казанского ханства и по писцовой книге Д. Кикина.

По р. Ошняку расположились деревни: *Яушева, Брынка, Большой Ошняк, Ошняк Малый, Бахтиярова* и *Бол. Салтан, пустошь Ячи,* дер. *Черемша* и *Улылая* (Алыкная) за р. Ошняком. Неподалеку от дер. Улылая упоминается деревни *Тарлы* и *Лиски* – татарские дворцовые или ханские.

На р. Ирге, притоке р. Ошняк, писцовые книги упоминают деревни *Тулуш, Щетнева, Уча, Чандырева* и *Чочурча.*

На р. Бетке расположены деревни *Анатыш, Бетка, Апшейка, Янчиково* (Яншихово), *Байтеряково, Мекеева, Арыш* и *Меретяки* (Мереть).

На р. Салтане, притоке р. Бетки можно указать деревни *Салтан Мал, Ахча, Кузебердеево, Атмас Большой, Атмас Малый* и *Салтаналей.* Несколько восточнее устья р. Бетки упоминается дер. Урай.

По р. Суше (Шуша) упоминаются деревни *Урахча, Кульга, Кадибердеева, Кугарчино, Шуни, Темерлик Большой,* что было село «чувашское», т.е. ясачное Кучака Атмутова с товарищами (№ 643, № 233), *Енсубино, Бердыбекхан,* дер. *Балтачи* и *Ямашева.*

По р. Шумбуту в нижнем течении поселений не было, но там, где река поворачивает к югу писцовая книга № 153 отмечает целый ряд селений во главе с *Челлинским городом,* который существовал до «Казанского взятия». Вокруг этого города указаны дер. *«Верхние Чаллы* (скорее всего Уреевы Челны) и *Нижние Чаллы* (по-видимому, Тябердины Челны); недалеко от них *Иски-Юрт* (в рукописи Биюрт), *Болгузино* (или Кучуковы Челны; в рукописи Налгозя). Дер. *Шигизда* (верхнее Шейх-Заде), *Мосляк* и *Ст. Мамли».*

Кроме того С.М. Шпилевский указывает на существование дер. *Кутлубукашевых Челнов* и *Пимерь*[39]. Все селения по р. Шумбуту писцовая книга № 153 относит к Зюрейской дороге. Это мы должны принять во внимание, но все же целесообразнее считать их в составе Ногайской дороги, как и прочие перечисленные селения, расположенные *в* бассейнах малых притоков р. Камы по правому берегу. По р. Берсут луговые книги отмечают деревни *Берсут* и *Кулуши*[40].

Всего на Ногайской дороге мы определили 149 татарских поселений, что говорит о значительной плотности населения по берегам рек Волги и Камы.

Зюрейская дорога начиналась от г. Казани. В район этой дороги входили поселения по р. *Ноксе* и *Киндерке,* в том числе: дер. *Бежболда, Тавель, Сия, Ачи, Салмачи, Енгильдеево, Сафарова, Бол. Клыки, Мал. Клыки, Самосырово, Абызазова, Кошак-Улановская* пустошь, *Чебакса, Бол. Естачи, Исамова, Амангозя* и *Мал. Естачи.* Писцовая книга упоминает на Ноксе *Большие* и *Меньшие Тебек-Коза*[41].

По р. Шемеле и вблизи: *Агиш, Шигали Бол.* и *Шигали Мал., Шихазда Бол., Шихазда Мал., Кебек-Черемыш, Дертюли Бол., Дертюли*

[39] С.М. Шпилевский. Древние города и др. булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1887, с. 416–421.

[40] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153.

[41] Там же, кн. 643, л. 374.

Мал., Арышхазда, пустошь Абда, дер. *Кулаева* и *пустоши Копшак* и *Буетырь.*

По р. Ушне расположены деревни: *Черемша, Кишкильдеево, Елань Бол.* и *Елань Мал., Енасалы, Черемыш, Кадыли, Карамышево, Пестрецы Бол.* и *Пестрецы Мал., Иске-Юрт, Селенгуши,* а несколько южнее *Шали Бол. и Шали Мал.*

Вниз по речке Ия были деревни: *Кадыш, Штырь, Ия Верхняя, Ия Средняя, пуст. Кирды Бахтина,* дер. *Ищи, Ия Нижняя, Мемеры Бол., Средние* и *Меншие.*

По реке Нурме на правом берегу указаны деревни: *Кебеш, Сюнели, Кудаш* и *Кобяково* и на левом: *Кулсары, пуст. Ярмушевская,* что была пустошь Ярмуша князя на р. Урсенове[42], деревни *Енасала, Сарыева, Венета, Иштерак, Ишери, Сия, Бол. Терегулово, пуст. Кукчу-Куюк,* дер. *Елагино, Тавелъ-Ходяшево, пуст. Боршло* (в рукописи Воршло), дер. *Ащерма Верхняя, Ащерма Нижняя, Пимери, Нурма Бол., Нурма Мал., Альведино, Юнусово, Енгурча, Отрячь, Чита* и дер. *Ст. Яштери*[43].

По *р. Сие* надо отметить дер. *Сию, Насырево, Киби Малые, Кебичи, пуст. Маамет.* Южнее через р. Мешу была дер. *Серди Старые.* На восток от пуст. Асановой – дер. *Ковали.*

Вверх по речке Нырсе, прежде всего, нужно указать дер. *Нырсы Варзи* (Нырсывар), затем *Таутермень, Толкишь* (Толкияз), *Шебулатово* и деревни *Казыли Верхние, Казыли Средние* и *Казыли Нижние.*

Далее вверх по р. Нырсе: деревни *Шатки, Нырса, Карабаян,* а в верховьях р. Нырсе *Арняш* и на сев. западе *Савруши Малые* и *Савруши Большие.*

От р. Нырсы вверх по р. Меше на левом берегу деревни *Шармаши, Юскокчи, Зюри, Меша, Баландыш* и *Корби.* По правому берегу р. Меши отмечены деревни *Шинар Бол., Шинар Мал., Кибяк-Кози, Тулумбаево, Ясачная, Тюлячи, Кска, Карашерма, Кукча* и *Балыкли.*

По р. *Тямте* указываются деревни: *Бол. Кибяк-Кози, Мал. Кибяк-Кози, Трюк-Тямти, Тямти-Метески, Метески Верхние.*

Арская дорога располагалась по реке Казанке и по сторонам ее, расширяясь к северо-востоку. Центром Арской дороги являлся гор.Арск; видимо так было и до «Казанского взятия». Если направляться вверх по Казанке, то первым населенным пунктом ее были две

[42] Там же, л. 285.
[43] Там же, л. 314.

деревни *Кульсеитова, Бурнашева,* три деревни *Шапши,* дер. *Ямчурина* и пустошь *Шапша Кабиковская.* Далее следует деревни *Клетни, Ямашурма, Ащерма, Сосмаги, Урмат, Куркачи.* За ними дер. *Иски Казань, Камаева, Чирилино, Бурнаш; Урсек, Бужа, Чулпаново, Качкля* и *Хайван.* Все эти деревни расположены по левому берегу р. Казанки до гор. Арска.

На правом берегу р. Казанки Арской дороги деревни: *Бимерь Мал.* и *Бимерь Бол., Бирюли, Айша Мал.,* и *Айша Бол.,* с пустошью *Арпа,* деревни *Ковали, Тимерчи* (Чамарчи), *Кишметево. Абзабар, Епанчино,* с пустошью *Красной, Морлы, Серда Бол.* и *Серба Мал.* Арской же дороги были деревни *Арняш* (Урнашбаш), *Аты Верхние,* «что была у казанского Шейсуна князя» и *Аты, Сред. Метески Бол.* и *Метески Мал.,* деревни *Мемеры, Наласы, Айша, Моллы* и *Тюбяк.* По правому берегу Казанки выше г. Арска упоминаются деревни *Утня, Азяк, Кырлай, Пшалым.*

По левому берегу реки Казанки называются деревни: *Ирек, Бимеры, Казанбаш, Турнали, Кутюк, Кармыш, Метески, Казыли.*

По левобережному притоку р. Казанки по речке Кисьмесь можно отметить деревни *Сизу, Кисмесь, Чурилино, Мурали, Бол. Муй, Мал. Муй, Масра* и *Корса, Тюбяк-Чекурча, Науразе* и *Хозяшево.*

По реке *Малой Меше* дер. *Ишей,* а по р. *Бол. Меше* деревни *Мингерь, Измя* и *Кутернесь.*

Довольно много селений отмечается по р. Шошме: дер. *Каратай, Тоузар, Карадован, Нурма, Салаусь, Янгул, Бурнак, Кучук, Смаил, Турья, Ирюк* и *Гоньба.*

По р. Осторме упоминаются дер. *Байлангар, Каинсар, Аман, Осторма, Люга, Деук.*

На р. Вятке часто отмечается дер. *Шунь Нижняя.* Кроме того к Арской же дороге отнесены марийские волости *Малмыж, Кетек, Пюр, Вошторма-Кукмар,* и волость *Кукмор.*

К северу от Арской дороги была *Алатская дорога.* Она начиналась от самого гор. Казани. Дер. *Алметева, Сеитова, Аки, Киндери, Дербышки, и Тевелди* начали эту дорогу, но в писцовых книгах и Д. Кикина и И. Болтина и в дозорных 1616–1619 гг. мы не найдем отнесения этих деревень ни к Алатской дороге, ни к Арской. Пришлось сначала определить район Арской дороги и механически отнести эти деревни к Алатской.

На левом берегу р. Казанки к Алатской дороге необходимо отнести деревни *Кадышево, Трон Отары,* пустошь *Вырга* (Выгорь, Высо-

кая горка), пустошь *Енгильдеева,* деревни *Вишня, Караккозя, Утянгуш, Яки, Сейтяк, Мозяр, Чируча, Ертуш* (Юртуш). В том же районе марийские волости: *Нали, Кукмор, Бигишна, Рясь.*

По р. Солонице и Саинке: дер. *Коймар-Мамыш* и пуст. *Каймар,* дер. *Изупози, Бимерь Мал., Сеитляр* и *Тура* (Турба), пуст. *Абдылы,* дер. *Алдермыш, Ибра, Бол. и Мал. Ковали, Мамедели, Чуваш, Айбаш.*

По речке Сае и Инга деревни: *Чаркас, Сая, Саиря,* пустошь *Ячи-Мельдешевская,* дер. *Ялмалы,* которая смежна с дер. *Бимерь* Арской дороги. К северу по р. Суле: *Мушиева, Чуразина, Инсичурина, Инса Мен.,* пуст. *Сулешба* и дер. *Абла, Чирши, Тохтамыш, Дубьяз* (Тибяз), еще севернее *Алаты Бол., Алаты Мал., Верески Мал.* и *Верески Бол., Шукоти, Енгильдеева, Сулабаш, Комаргузя, Аязы, Баирли, Чирши, Шумани, Тохтамыш, Айша, Девлизерево, Крылай* и *Унба.* Недалеко от них деревни: *Епанчино, Турукляр, Урсек, Кошлауш, Урняшбаш, Чорашево* и *Мал. Атня.* К северо-востоку от них дер. *Буркаш, Юбаш-Яваш.*

По р. Ашиту названы деревни: *Березя, Атамыш, Айшияз, Кубян, Кошар, Мокша, Ашитбаш, Атар, Айша, Кинер, Сюрда, Уфа, Узюм, Ма-мыш, Унжа.* По реке Семиту, притоку р. Ашита, упоминаются дер. *Бол. Атня, Менгер, Кишит, Мал. Крылай, Кшкар* и *Семит.*

По р. Илеть указаны марийские волости: *Марку, Чукша, Иллеть.* По реке Шаре, притоке р. Илети указаны деревни *Шора* (в рукописи Шоя).

Была еще Галицкая дорога, ведущая на гор. Галич, но писцовые материалы XVI и нач. XVII вв. объединяют ее с Алатской дорогой. Лишь оброчные книги за луговые угодья вполне определенно указывают, что по Галицкой дороге числились марийские волости: *Бет-Кукморы, Пинжан-Кукморы, Карамас, Яран, Коркет,* волость *Морки, Шали, Кундуш-Черанур* и волость *Муморы.*

По всем дорогам Казанского уезда в его центральной части мы указали 504 населенных пункта с названиями татарскими и марийскими. Как уже обратил внимание на это Ш. Мухамедьяров[44], владения казанских татар – служилых людей Русского государства, оставались за ними со времен «Казанского взятия» (1552 г.), а у некоторых были и до «Казанского взятия»[45]. Многие служилые татары получали землю вместо денежного жалованья в 60-х годах XVI века «по выписям Казанской дачи 7071, 7073, 7084 годав, а большинство имело или «старый жеребий», или жеребий «деда его», или брата, или отца, или пле-

[44] Изв. КФАН. Сер. гум. наук. Вып. 2. Казань, 1957, с. 192–193.
[45] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, лл. 3,9–10, 18, 24, 35, 46, 84, 144, 178.

мянника и дяди. Так в дер. Именкеске (Ныне Именьково) земля служилого абыза Мшея Илчебекова раньше была за отцом его, а до отца – за служилым Теребердейком. Некоторые владения служилых татар раньше были за татарами-ясачниками, как этого говориться о земле Баиша Байчурина в дер. Мал. Куюках[46].

В результате многолетних военных действий многие татарские селения запустели совершенно, из многих деревень часть населения разбежались, но после войны татарское население частично вернулось на свои земли. Эти земли стали уже государственными, переписчики их взяли на учет, если на них хотя бы в малой доле оставалось население, которое сохранило и название поселений. Это же население указывало, очевидно, и наименование пустошей, которыми потом администрация стала «верстать» служилых людей – и русских и татар.

Во второй половине XVI века образование поселений на целинных землях было большим исключением, как, например, дер. Подсеки или Кузьмине Займище на р. Киндере: прежде всего население тянуло на давно обработанные земли, но вследствие военных действий запущенные в перелог. Так Д. Кикин в 60-х годах XVI века записал пустошь Воршло, которая через несколько лет стала деревней (ныне Воршло), также пустошь Кобяковская стала деревней Кобяковой. Такие названия, как дер. Серди, мы не выписали на карту, так как можно предполагать, что эта деревня возникла после завоевания.

Писцы второй половины XVI века и начала XVII века за р. Каму не ездили для переписи государственных земель, так как за р. Камой населения было мало: за р. Камой часто «летовали» ногайцы со своими стадами. Это положение твердо установилось в исторической литературе с древних пор. Тем не менее, нельзя считать, что Закамье было совершенно безлюдной пустыней. В «Актах исторических» С. Мельникова, мы узнаем из челобитной 7185 (1676 г.), что и «в прошлых годах до казанского взятия исстари построен был басурманский город *Балымеровский* за Камой рекой, а в нем был царь Балым-Гозя». Когда он умер татарский царь Сафаралей похоронил его, построил над ним палату каменную и велел жить у той палаты вместо сторожей татарам Барямгоске да Тюлянчику Шихкамаловым с товарищами шести человек, чтобы они палаты у той были беспрестанно и жили дворами и тое палатку стерегли. И жили они на белой земле и, живучи, всякими угодьи владели. И после де Казанского взятия он,

[46] Изв. КФАН. Сер. гум. наук. Вып. 2. Казань, 1957, с. 192–193.

Барямгоска с товарищами, а та де палата без строения развалилась. И по указу вел. государя тое палату построили они снова. А после их, Барямгоски, остались средники их.

В том же 7185 году били челом *Булярского* городка пятидесятники и десятники все рядовые стрельцы о наделении их землей. Переселившись из Ахтачинского острога в Биляр для сбережения от приходу воинских людей, они заняли часть татарских земель (третье поле), что вызвало возмущение местного населения. Это было в 1654 году. Из-за этого был послан в Биляр Артемий Перепилицын отвести землю стрельцам, а ясачных татар поселить «на пустые на ясачные степные земли, которые есть поблизку нынешние их усадьбы»[47]. Следовательно, если в Билярске все время жили татары хотя бы в небольшом количестве после Казанского взятия, то тем более мы не имеем никаких оснований считать, что в Биляре никого не было до Казанского взятия. Таким образом, и *Балымер* и *Биляр* имели татарское население и до и после Казанского взятия.

Очень крупное владение со второй половины XVI века имели Яков и Федор Асановы по реке Уреню – *Атабаевский луг* с деревнями *Ботьма* и *Старая Майна.* Яков Васильевич Асанов получил на это владение грамоту 7105 (1597 г.), по которой он унаследовал от отца своего, служилого татарина, бортный ухожей, бобровые гоны и рыбные ловли за Камой рекой по Ногайской стороне, ниже Тетюш, и по Майне реке. Еще подробнее дает сведения об этой вотчине писцовая книга И. Болтина 1603 г.: «бортный ухожей и бобровые гоны и рыбные ловли за рекой за Камой по реке по Волге и на Ногайской стороне по Самарской дороге ниже Тетюш, по Майне реке Атабаевский луг, по речке по Уреню по вершину да к Малому бору и по дубровник и по Волгу реку, а по Волге реке на низ от Маинского устья: нижняя межа по Красный Яр – повыше Синбирского городища, а верхняя межа по Майне реке по нижнюю сторону (т.е. по левую) вверх и по тем урочищам бобровые гоны и рыбными ловлями и сенными покосами владеет сам князь Яков: рыбу ловят и бобры гоняют на нево его *князь Яковлевы люди,* а бортной ухожей и по записи 1597 года отдает он на

[47] С. Мельников. Акты исторические, с. 179–185. Совершенно не понятно, как мог С. Мельников, а за ним и С.М. Шпилевский признавать тождественность названий Балымер – Булымер – Балымай и Билярск – Буляр – Бюляр. Одна группа относится к Балымеру, а другая группа названий – к Билярску. (С.М. Шпилевский – Древние города, с. 306–307).

оброк Свияжскому уезду с горные стороны «чуваше» Якушу за Курмашу Мулозяковым да Бускею Кудай Мазит Девлетбахтееву, а оброку Якушко с товарищи с тех знамен князь Якову по записи платят 18 батман: за восемь батман деньгами 5 руб. 6 алт. 4 деньги – за батманы по 21 алтыну по 4 деньги – да медом дают 10 батман»[48]. Мы привели эту выдержку из писцовой книги, чтобы показать на обширность владений и на большой доход, получаемый Асановым. Кроме того, эти угодья, если были в постоянной эксплуатации татарских служилых людей во второй половине XVI в., то тем более это надо иметь в виду «до Казанского взятия». Писцовая книга говорит о том, что только бортный ухожей эксплуатировался наездом, т. е. приходящими людьми, а, следовательно, тут было достаточное количество населения, постоянно живущего и до и после взятия Казани, с помощью которого убирались луга, ловили рыбу и пользовались лесами.

От дер. Батьмы к северо-востоку есть дер. *Кандала.* Г. Перетяткович считает, что она основана русскими крестьянами в конце XVII в. Это совсем не так. С конца XVII в. сюда действительно наблюдается большой приток русских крестьян. Это верно, но приходили они уже на давно обжитое место, где жили после Казанского взятия ясачные татары, а до 1552 года здесь было население значительно больше[49].

На р. Утке давно уже известно старое татарское городище *Кокрять* и *Алан,* где после Казанского взятия добывали селитру[50].

Необходимо указать еще на один уголок бывшего Казанского уезда, который был освоен татарами, за которыми он оставался и после «Казанского взятия», это на р. Иж *Терсиновская волость,* которая была в вотчинном владении Ишкея Мурзы князя Багишева сына Яушева да Карамаметя мурзы Доскеева сына Яушева. Эти данные мы имеем из переписной книги 7154 (1646 г.)[51]. Но так как эти владения представляют собой вотчину Яушевых, то древность возникновения ее восходит к той половине, когда определилась уже лояльная государева служба Яушевых и дала многозначительный результат. Немного сомнений в том, что вотчинные права на Терсинскую волость после

[48] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, лл. 55–56. Тр. IAC 1869 г., с. 555: «История Татарии в документах и материалах». М., 1937, с. 169.

[49] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII в., ч. II, с. 269, 282–285, 301–305, 311. Одесса, 1882.

[50] Тр. IAC, с. 540–542.

[51] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6445.

1552 г. основывались на традициях вотчинных порядков, существовавших до «Казанского взятия».

Самым крупным селением этой волости была дер. *Терся,* имевшая татарского населения около 40 дворов и более 130 душ мужского населения в половине XVII века. До Казанского взятия населения было значительно больше. Значительно меньше размером были деревня *Агрыз* и дер. *Аккозина,* но и они имели татарское население.

Наконец, мы должны учесть то, что сделано И.А. Износковым, и несколько селений Мамадышского уезда, основанных еще до завоевания Казани включить в карту селений Казанского ханства. Это деревни *Айдарово, Субаш, Кирмени, Кузгунча, Кукмор, Кукморы, Сабабаш, Киндеркуль, Нагашева, Омара, Уразбахина, Сатыш, Тулбаево* и *Шеморбаш*[52]. Все эти селения основаны еще до Казанского взятия.

Необходимо указать также на обширные владения татар по Чепце, впадающей в р. Вятку, и владения Параньгинских татар в нынешней Марийской Республике. Кроме того, мы мало имеем исторических материалов по татарским селениям среди башкирских земель между рр. Иком и Уфой, между рр. Уфой и Белой, а они уже были «до Казанского взятия».

Следовательно, по левому берегу р. Волги в Казанском уезде уже намечается более 500 названий деревень и волостей, бывших в пределах Казанского ханства.

Свияжский уезд второй половины XVI века представлен писцовой книгой того же Д. Кикина 1565–1567 гг.[53] Чтобы полнее охватить селения с татарским населением, мы принуждены были дополнить данные Д. Кикина XVI века сведениями из переписной и перечневой книги А. Племянникова и И. Фадеева 1646 г.[54], которая содержит много данных по дворцовым деревням.

Татарские селения на правом берегу р. Волги очень густо освоили бассейны р. Свияги. В четырехугольнике, образуемом р. Аниш, Волгой. Свиягой и Арей мы можем отметить целый ряд татарских деревень.

Шигозданы	Сустатово	Бол. Ширдан	Юрты
Бол. Кошлауш	Аралово	Мал. Ширдан	Сюлемень

[52] И.А. Износков. Список населенных мест Мамадышского уезда. Тр. IV АС в Казани, т. I, с. 116–148.

[53] ЦГАДА, писцовая книга Свияжского уезда. №848.

[54] ЦГАДА, ф.1209, кн. 6447.

Тохтамыш	Ширдан	Именева	Кочемир
Мал. Кошлауш	Кугушева	Девлезерово	Чатеево
Луба	Албаба	Ураспуги	Янгильдино
Бол. Ходяшево	Алишево	Ачасыри	Другая Именева
Асаново	Баджюг	Альменево	Киримерлин
Мал. Ходяшево	Бол. Ачасыри	Алыш	Хадарово
Бежбатмен	Таулина	Бускей	

Много деревень было по р. Кубне и Бирле:

Моллино	Семикей	Сундяково	Тояба
(Молвино)	Бол. Итяково	Ардатово	Нороваш
Нурлат	Мал. Итяково	Каратам	Темишево
Булат	Бузаева	Маматыш	Турмыш
Кучеево	Чирпаева	Таниаво	Кар малы
Исламово	Мал. Кушман	Киншелей	Чутеева
Бакарчи	Урусева	Тегешева	Кулчук-Кулчуги
Кудаш	Налитева	Асюнева	Куштова
Мурат	Каинки	Алдиярово	Чечкаб
Кичкеней	Кушман	Бол. Кайбицы	Бурты
Багашево	Сатламыш	Мал. Кайбицы	Му рал и
Кубузево	Азбаба	Куланга	Шушерма
Бурундук	Азелеево	Наратлы	Кулабердин
			Индырчи

По реке Большой и Малой Буле располагались селения:

Бапбахта	Девликей	Каменный брод	Кульгун
Сюндюр	Лащи	Наратбаш	Бурнаш
Яльчики	Кушелга	Бишево	Кильдураз
Биабаш			

По р. Карле: дер. Карабай-Чемурша, д. Айтурган; по р. Цильне д.Алыш, по р. Улема: д. Янговат, Колучин, Негасов, Атар, Киять. Далее вниз по р. Улеме идут деревни: Баталык, Шемяка, Льяшево, Ямбухтин, Атряс Бол., Юмралы, Ивряз, Ишеево, Танаево, Енали, Табор, Калелеп, Барыш, Альмендерево и Шонгут.

По р. Сухой Улеме расположены деревни: Бикей, Барыш, Казево, Эликево, Качиево, Болгояр, Каирев, Бускеево, Болтачи, Салтыганово, Сюкеево, Шалахола, Менситово, Капердено, Сарбогози, Клери, Стар, Буртас, Буртас, Атабаево.

Ближе к Волге дер. Ишей Енасалы, Кира, Салтыки, Уразлино, Коротай, Янтики.

По р. Сулице можно отметить такие деревни: Киншелей, Теребердей, Моркваш, Шигалей, Бурнаш, Танайцево, Конбарово, Сеитово, Ташкабак, Стар. Маматкозино, Маматкозино, Кильдеево, Едигерева, Шеланга, Большой и Малый Коклей, Теньки, Булчикле.

Необходимо отметить дер. Ундор, и Уланово на 30 верст выше по р. Волге от Синбирского городища.

Следовательно, не считая Синбирска только деревень насчитывается на правой стороне р. Волги 196 селений, которые, очевидно, существовали во время Казанского ханства.

Если же принять во внимание и Казанский уезд XVI в., то общее число селений, которые можно отнести к Казанскому ханству, составляет *700 деревень,* в подавляющем большинстве которых жили татары.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Казанский уезд

1. Абда, пуст. Зюр. дор. (к дер. Арышхазда), I[55].
2. Абдула – Абдылы, дер., Алат. д., (около Тамчи Мелдешева), I.
3. Абзебар. дер., Арс. д., III.
4. Абла, дер., Алат. д., (близ дер. Чирши), I.
5. Абызазова, дер., Зюр., д., (на рч. Ноксе), I.
6. Агайбаш, дер., Ног., д., (на р. Меше), I.
7. Агач-Агаи-Опач, сел., Ног. д., (вблизи дер. Тоймы), I.
8. Агиш, дер., Зюр. д., I.
9. Агрыз, дер. Зюр. д., I.
10. Азяк-Озяк, дер., Ар. д., III.
11. Аки, дер., Ал. д., (на рч. Киндере), I.
12. Аккозина, дер., Зюр. д., (около дер. Терси), V.
13. Ахча, дер., Ног. д., III.
14. Алат Малый, дер., Алат. д., III.
15. Алат Средний, дер., Алат. д., III.

[55] Римские цифры означают источник, список которых прилагается в конце.

16. Алдарово-Айдарово, дер., Ар. д., I.
17. Алдербыш-Алдермыш, дер., Ал. д., I.
18. Алкеева, дер., Ног., д., (в Закамье), X.
19. Алметева, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
20. Алпарова, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
21. Алыкная-Улылая, дер., Ног. д., за р. Ошняком, I.
22. Альведино, дер., Зюр. д., III.
23. Альгоза – Нальгозя, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
24. Аман, дер., Ар. д., на р. Оштарма, I.
25. Амангозя, пуст., Зюр. д., (припущена к дер. Клетни с дер. Агиш), I.
26. Аметева, дер., Ал. д., I.
27. Анатыш – Онаташ, дер., Ног, д., на р. Бетке, I.
28. Арняш, дер., Зюр. д., III.
29. Арпа пуст., Ал. д., (около дер. Енмалы), I.
30. Арск, гор., на р. Казанке, XV.
31. Арыш, дер., Ног. д., на рч. Бетке, IV.
32. Арышхазда, дер., Зюр. д., I.
33. Астрахань, дер., Ног. д., (на Лихом болоте), I.
34. Атабаева – Табаево, дер., Ног. д., на р. Каме, VII.
35. Атня Большая, дер., Ал. д., III.
36. Атня Малая, дер., Ал. д., IV.
37. Аты Средние, дер., Ар. д., V.
38. Аты Верхние, дер., Ар. д., на рч. Ате, I.
39. Атряс – Отрячь, дер., Зюр. д., III.
40. Ачи, дер., Зюр. д., на рч. Ноксе, I.
41. Ашит (Старый,) дер., Ал. д., IV.
42. Ашияз – Айшияз, дер., Ал. д., IV.
43. Ащерма – Яштери – Яшурма, дер., Зюр. д., I
44. Ащерма Большая, дер., Зюр. д., I.
45. Айбаш, дер., Ал. д., III.
46. Айша, дер., Ар. д., I.
47. Айша Нижняя, дер., Ар. д., III.
48. Айша Верхняя, дер., Ал. д., III.
49. Айша, дер., Ал. д., (около деревень Баирли и Крылай), I и III.
50. Аязы, дер., Ал. д., на рч. Суде, I.
51. Баирли – Бирли, дер., Ал. д., на р. Суде, III.
52. Баландыш, дер., Зюр. д., IV.
53. Балахчея – Балыхча, дер., Ног. д., (около дер. Булчак), III.
54. Балыкли, дер., Зюр. д., на р. Тямте, III.

55. Балымеры, дер., Ног. д., X.
56. Бахтеярова, дер., Ног. д., на рч. Салтане и Мал. Ошняке, I.
57. Байлангар, дер., Ар. д., VIII.
58. Байчуги – Бачаги, дер., Ног. д., III.
59. Бежбалда, дер., Зюр. д., I.
60. Бекечи – Кибяч – Азенево, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
61. Бердыбек, дер., Ног. д., IX.
62. Березя, дер., Ал. д., IV.
63. Берсут, дер., Ног. д., VII.
64. Бетки, дер., Ног. д., на рч. Бетки, I.
65. Бетьки, дер., Зюр. д., на р. Каме у Елабуги, V.
66. Билярск, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
67. Бима Бурначеевская (ныне Бима), дер., на рч. Биме. I.
68. Бима, (Вишнякова), дер., Ног, д., (смежна с дер. Каип), I.
69. Бимерь, дер., Зюр. д., III.
70. Бимерь Большая, дер., Ар. д., I.
71. Бимерь Тавелева, дер., Зюр. д., III.
72. Бирюева, дер., Зюр. д., на р. Нурме, I.
73. Бирюли, дер., Ар. д., на р. Казани, I.
74. Битаман, дер., Ал. д., III.
75. Бишня – Бишина, дер., Ал. д., IV.
76. Богана Старая, татарская, дер., Ног. д., за р. Камой, X.
77. Болтачи – Болтачева, дер. Ног. д., IV.
78. Боршли – Воршло, пуст., Зюр. д., (к дер. Кадыли), I.
79. Брынка – Брум, дер., Ног. д., на р. Ошняка, VII.
80. Бужа, дер., Ар. д., III.
81. Булчак, дер., Ног. д., на р. Брыси, III.
82. Бурен, дер., Ар. д., на р. Вятке,
83. Буркаш, дер., Ар. д., III.
84. Бурнакова – Бурнак, дер., Ар., д., (вблизи р. Вятки), VIII.
85. Бурнашево, дер., Ар. д., на р. Киндере, III.
86. Бурнашева, дер., Ног. д. I.
87. Бурты (ныне Бутыри), дер. Ног. д., на р. Буртыке, I.
88. Бустырь, пуст., Зюр. д., (близ Мал. Шигалеево), I.
89. Бученба, пуст., Ног. д., к дер. Тогашевой, I.
90. Венета, дер., Зюр. д., на р. Нурме, I.
91. Верески, дер., Ал. д., III.
92. Верески Малые, дер., Ал. д., IV.
93. Выгарь – Высокая гора, пуст., Ал. д., I.

94. Гонба – Гоньба, дер., Ар. д., I.
95. Девук – Деук, дер., Зюр. д., VIII.
96. Девлезеровская, пуст., Ал. д., на рч. Умбе на Сайре, I.
97. Девлеткильдеево – Девликеево, поч., Ног. д., I.
98. Дербышки, дер. Ал. д., на р. Казани, I.
99. Дертюли (позже дер. Чемодурова), дер., Ног. д., на рч. Каипе, I.
100. Дертюли, пуст., Ног. д., на рч. Бетки, I.
101. Дертюли, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
102. Дертюли Большие, дер., Зюр. д., на ручье р. Шемелка у р. Меши, I.
103. Дертюли Меньшие, дер., Зюр. д., на рч. Шемелке, I.
104. Евлушай – Евлушейк – Лушейка, дер., Ног. д., III.
105. Елабуга – Алабуга, дер., Зюр. д., на р. Каме.
106. Елагино – Ялаг-иле, дер., Зюр. д., на р. Нурме, VII.
107. Елань, дер., Зюр. д., на р. Ушне, I.
108. Елга Большая, дер., Ног. д., III.
109. Елга другая, дер., Ног. д., IV.
110. Елшейков, поч., Ног. д., (около дер. Торлаши), I.
111. Енасала (ныне Кукушкино), дер., Зюр. д., I.
112. Енасалы – Янасал, дер., Зюр. д., на р. Нурме, (в рук. на Ар. д.) I и III.
113. Енгильдеева – Янгильдеева – Ангильдеева, дер., Зюр. д., на р. Ноксе, I.
114. Енгильдеевская, дер., Ал. д., на р. Суде смежна с дер. Сеитляром, I.
115. Енгурчеева, дер., Зюр. д., III.
116. Енмалы, дер. Ал. д., на р. Суле, I.
117. Енсубино (ныне Юлсубино), дер., Ног. д., (около Кутлубукаша), IV.
118. Епанчино, дер,. Ног. д., на р. Меше, IV.
119. Епанчина, дер., Ал. д., III, V.
120. Ертуш – Юртуш – Ертусья, дер., Ал. д., III.
121. Ерыкса – Ярыкло, дер., Зюр. д., V.
122. Естачи Большие, дер., Зюр. д., на р. Киндерке, I.
123. Естачи Меньшие, дер., Зюр. д., I.
124. Жукотина, дер, Ног. д., на р. Каме XII.
125. Зюри, дер., Зюр. д., III.
126. Ибря, дер., Ал. д., III.
127. Изма, дер., Ар. д., IV.
128. Изупузи – Изупози, дер., Ар. д., па р. Казани, I.
129. Икимен – Якимен, дер., Ног. д., на р. Брыси (ныне дер. Маматова), I.
130. Икское устье, дер., Зюр. д., XII.
131. Илеть – Илнет, дер., Ал. д., IV.

132. Именкеска (Именькова), дер., Ног. д., III.
133. Инса, дер., Ал. д., I.
134. Инсечурина, дер., Ал. д., на р. Инсе, I.
135. Ирек – Ирюк, дер., Ал. д., V.
136. Исамова, пуст., Зюр. д., I.
137. Иски-Казань, дер., Ар. д., на р. Казани, I.
138. Иске-Юрт, пуст., Зюр. д., на р. Меши, I, III.
139. Иске-Юрт Другой, дер., Зюр. д., III.
140. Ишери, дер., Зюр. д., III.
141. Ишей Верхний, дер., Ар. д., III.
142. Иштерек, дер., Зюр. д., V.
143. Ищи, дер., Зюр. д., по р. Меше, I.
144. Ия Верхняя, дер., Зюр. д., III.
145. Ия Нижняя, дер., Зюр. д., I, III.
146. Ия Средняя, дер., Зюр. д., I.
147. Кабан, дер., Ног. д., I.
148. Кабан – Селик, дер., Ног. д., I.
149. Кабан – Каракчей, дер., Ног. д., I.
150. Кабан Старый, дер., Ног. д., I.
151. Кабаны Трое, дер., Ал. д., (около дер. Аметева), I.
152. Кадибердеево, дер., Ног. д., на р. Шуше (Суше), I.
153. Кабыли, дер., Зюр. д., (смежна с дер. Енасалы), I.
154. Кадышева, дер., Ал. д., на р. Соланице, I, IV.
155. Казанбаш, дер., Ар. д., III.
156. Казань, гор., I.
157. Казыли Верхние, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
158. Казыли Нижние, дер., Зюр д., V.
159. Казыли Средние, дер., Ар. д., на р. Казанке, I.
160. Казыли, дер., Ар. д., на рч Казылке, I.
161. Каинсяр, дер., Ар. д., на р. Ошорме, III.
162. Каин, дер,. Ног. д., на р. Каип, I.
163. Каирби, дер., Ног. д., III.
164. Кайбищева, дер., Ног. д., на рч. Брыси, I.
165. Каймар Большой, дер. Ар. д. на р. Казани, VIII.
166. Каймар Мамыш – Комар Малый Ар. д., на р. Казани, I.
167. Катаева, дер., Ар. д., I.
168. Камкина, дер., Ног. д., на р. Мал. Черемшане, X.
169. Кандала. дер., Ног. д., за р Камой, V.
170. Карадуван – Карадован, дер., Ар. д., V.

171. Карабулат – Карадули, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
172. Караева, дер., Ног. д., I.
173. Караишево, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
174. Караккозя – Карагози – Купгузи, дер., Ал. д., III.
175. Карамас Большой, дер., Гал. д., IV.
176. Карамыш – Уланова, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
177. Каратай, дер., Ар. д., I.
178. Карашерма, дер., Зюр. д. (около дер. Тюлячи), VIII.
179. Кармачи, дер., Ног. д., на р. Буртыке (Бутырка), I.
180. Кармышева, дер., Ар. д., IV.
181. Кастерина, пуст. Зюр. д., на р. Меше, III.
182. Кебеш Большой – Кебечи – Кибечи. дер., Зюр. д., IV.
183. Кеземетева, пуст., Ал. д., I.
184. Кетек – Китяк, дер., Ар. д. (удмурское селение), III.
185. Кебечи Малые – Кебеч, дер., Зюр. д., III.
186. Киби Малые, дер., Зюр. д., III.
187. Кибяк-Кози Большие, дер., Зюр. д., III.
188. Кибяк-Кози Меньшие, дер., Зюр. д., III.
189. Кильдешева, дер., Ног. д., на р.Меше вблизи Укречь-Культ, I.
190. Киндери, дер., Ал. д., I.
191. Кирбы-Бахтинская, пуст., Зюр д., на рч. Ковале, около дер. Ищи, I.
192. Кирмени, дер., Зюр. д., I.
193. Кисмесь-Кузмесь, дер., Ар. д., III.
194. Кичель-Качелина, дер., Ар. д., III.
195. Кишит Старый, дер., Ал. д., III.
196. Кишкилдеева, дер., Зюр. д., на р. Уште, вблизи дер. Еланы, I.
197. Кишметево, дер., Ар. д., III.
198. Клетли-Клетни, дер., Ар. д., (смежна с дер. Бирюли), I.
199. Клык Средний (Малый), дер., Зюр. д., I.
200. Клыки, дер., Зюр. д., на реч. Ноксе, I.
201. Кобяковская, дер., Зюр. д., на р. Меше. I.
202. Ковали Большие, дер., Ал. д., IV.
203. Ковали Малые, дер., Ал. д., IX.
204. Ковали, (ныне Песчаные Ковали), дер., Ног. д., I.
205. Ковали, – Ташли, дер., Ал. д., III.
206. Кокрять-Алан, дер., Ног д., I.
207. Кокчибаки, дер., Зюр. д., III.
208. Комаргиза – Кимаргиза, дер., Ал. д., III.
209. Копшак, пуст., Зюр д., I.

210. Корби, дер., Зюр. д., на р Меше, IV.
211. Коробан – Корабаян, Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
212. Корса (Старая), дер., Ар. д., III.
213. Кошан, дер., Ног. д., III.
214. Кошары, дер., Ал. д., III.
215. Кошлауш, дер., Ал. д., VIII.
216. Кощак – Упаново, дер., Зюр. д., на рч. Ноксе, I.
217. Крылай Старый, дер., Ал. д., III.
218. Крылай Малый, дер., Ал. д., на р. Инсе, I.
219. Ксаир, дер., Ар. д., за рч. Уньбой, I.
220. Кска, дер., Зюр. д., V.
221. Кубян-Кубяк, дер., Ал. д., III, V.
222. Кучуряи – Кучарги, дер., Ног. д. на рч. Воряш, I.
223. Кудашева, дер., Зюр. д. на рч. Нурме, I.
224. Кудышева, дер., Ног. д., III, IV.
225. Кузгунча, дер., Ар. д., (р. Шия). I.
226. Кузембердей, дер., Ног. д., на рч. Салтановке, I.
227. Кукча, дер., Ар. д., I.
228. Кукчу – Куюк, пуст., Зюр д. на р. Нурме, I.
229. Кулаево, дер., Зюр. д., на рч. Шемеле, I.
230. Кулмаметево, дер., Зюр. д., у Кабана озера, I.
231. Кулсары, дер., Зюр. д., (около пустоши Селенгуш), III.
232. Кулуши, дер., Ногайской д., III.
233. Кулчук (ныне Салатыково) дер., Ног. д., I.
234. Кульга Большая, дер., Ног. д., VII.
235. Кульга Малая, дер., Ног. д., VII.
236. Кульсеитово Меньшое, дер., Ал. д., в устье рч. Киндери, I.
237. Кульсеитово, дер., Ал. д., (в устье рч. Кундери), I.
238. Кумкечь, пуст., Ног. д., (около дер. Читаковой), I.
239. Куркачи, дер., Ар. д., (около дер. Урмат), I.
240. Курманаково, дер., Ног. д., на р. Меше, III.
241. Кутерней – Кутернесь – Кутюк дер., Ар. д., III.
242. Кучюковская, дер., Ар. д., III.
243. Куюк, пуст., Зюр. д., (дер. Бол Естачам), I.
244. Куюк Большой, дер., Ног. д., III.
245. Куюк Малый, дер., Ног. д., III.
246. Куюк, дер., Ног. д., (между Курби и Сарку Кадыш), IV.
247. Куюки, дер., Ног. д., (около дер. Дертюли), I.
248. Кшкар, дер., Ал. д., III.

249. Лаиш, Ног. д., I.
250. Ликеево – Лекеево, дер., Ног. д., I.
251. Лиски, дер., Ног. д., III, IV.
252. Люга, дер., Ар. д., (около дер. Псяк), VIII.
253. Маамет, пуст., Зюр. д., (около дер. Кебечи (Кибячи), на рч. Нырсе), I.
254. Малмыж (марийский) дер., Ар. д., III.
255. Мамадыш, дер., Зюр. д., VII.
256. Мамедели – Мемдели, дер., Ал. д., III.
257. Мамкеечевская, пуст., Ал. д., (около дер. Кубян), V.
258. Мамотякова – Мамоткова пуст., Ног. д., I.
259. Мамышева, дер., Ар. д., III.
260. Мараса, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
261. Масра, дер., Ар. д., (около дер. Корса), III.
262. Машляк – Мосляк – Мышляк, дер., Ног. д., на рч. Шумбуте, V.
263. Майна, дер., Ног. д., III.
264. Мамери, дер., Зюр. д. на ручье р. Нурмы, I.
265. Мамери Средние, дер., Зюр. д., I.
266. Мамери Малые, дер., Зюр. д., I.
267. Мекеева, дер., Ног. д., на р. Бетке, III.
268. Менгер Большой, дер., Ал. д., III.
269. Менгеры Старые, дер., Ал. д., III.
270. Мереть, дер., Ног. д., на рч. Ветке, IV.
271. Меретяки, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
272. Метески Верхние, (Малые) дер., Ар. д., IV.
273. Метески Нижние, дер., Ар. д., III.
274. Метески Верхние, Зюр. д., III.
275. Метески Большие, дер., Зюр. д., III.
276. Метески, пуст., Зюр. д., (вблизи дёр. Юскокчи), I.
277. Метески (Четвертые) дер., Зюр. д., (около Тямти Метески), I.
278. Меша, дер., Зюр. д., I.
279. Мещер, дер., Зюр. д., IV.
280. Миева, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, V.
281. Мимет, дер., Ар. д., (против дер. Шунь, на р. Вятке), IV.
282. Мингерь, дер., Ног. д., на Лихом болоте, I.
283. Мингерь. дер., Ар. д., I.
284. Мозяр, дер., Ал. д., IV.
285. Мокша, дер., Ал. д., V.
286. Молнина – Моллы, дер., Ар. д., (около дер. Ниж. Айши), I.
287. Морлы – Морты, дер., Ар. д., за р. Вяткой, III.

288. Мурали – Мрали, дер., Ар, д., (около Меньшего Муя), III.
289. Муй Старый, дер., Ар. д., III.
290. Муй Малый, дер., Ар. д., III.
291. Мушиева – Мушаева – Мишавка, дер., Ал. д., III.
292. Наласы, дер., Ар. д., V.
293. Насырева, дер., Зюр. д., III.
294. Науразы, дер., Ар. д., III.
295. Нурма Малая – Мурма, дер., Зюр. д., I.
296. Нурма, дер., Зюр. д., (устье рч. Нурмы на р. Меше), I.
297. Нурма, дер., Ар. д., на р. Шошме, I.
298. Нурмабаш – Нурма, дер., Ар. д., (около с. Болтасы), VIII.
299. Нырса, дер., Зюр. д., на р. Нырса, I.
300. Нырсывар – Нырсовар – Нырсиварзи, дер., Зюр. д., III.
301. Омары, дер., Ног. д. на р. Каме, VIII.
302. Отары Меньшие (Задние), дер., Ног. д., на озере Глухом, I.
303. Отары, (Средние), дер., Ног. д., I.
304. Отары Большие, дер., Ног. д., на Долгом озерке, I.
305. Отары Трое, дер., Ал. д., I.
306. Отмас Малый, дер., Ног. д., IV.
307. Отмас Большой, дер., Ног. д., I.
308. Ошняк Большой, дер., Ног. д., на рч. Ошняке, I.
309. Ошняк Малый, дер., Ног. д., IV.
310. Ошторма, дер., Ар. д., VIII.
311. Ошторма – Кукмор Большой, дер., Ар. д., VIII.
312. Ошторма – Кукмор Малый, дер., Ар. д., VIII.
313. Ошторма – Юмтя – Юмья, дер., Ар. д., VIII.
314. Перевьи – Пелева, дер., Ног. д., III.
315. Пестрецы (Большие), дер., Зюр. д., I.
316. Пестрецы Малые, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
317. Пиголи, дер., Ног. д., (около Сабуголи), III.
318. Пимерь – Бимерь, дер., Ал. д., I, III.
319. Пинжан – Кукмор, дер., Ал. д., V.
320. Порат, дер., Ал. д., (в Марийской волости Пинжан – Кукмор), IV.
321. Сабабаш – Сабы, дер., Ар. д., VIII.
322. Сабуголь (ныне Сапуголи) дер. Ног, д., на озере Сабугол, I.
323. Савруш, дер., Зюр. д., III.
324. Савруш Малый, дер., Зюр. д., IV.
325. Салаусь, дер., Ар. д., III.
326. Салмае (ныне Маматово), дер., Ног. д., на рч. Чашме, I.

327. Салмачи, дер., Зюр. д., на р. Ноксе, I.
328. Салтан, дер., Ног. д., на рч. Мал. Ошняк при впадении ее в р. Салтань, I.
329. Салтаналей, дер., Ног. д., на рч. Отмас, около дер. Кузембердеевой, I.
330. Салтыки, дер., Ног. д., на р. Меше, (позже дер. Обухова), V.
331. Самосырово, дер., Зюр. д., I.
332. Саралан, – Саралы, дер., Ног. д., III, V.
333. Сарамак, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, VIII.
334. Сарбеева – Сарыева, дер., Зюр. д., На рч. Нурме, I.
335. Сарку – Кадыш (позже Смолдеярово), дер., Ног. д., На рч. Чирпе, I.
336. Саря – Сайря, дер., Ал. д., III.
337. Сатки, дер., Ног. д., на Лихом болоте, I.
338. Сафарова, дер., Зюр. д., за рч. Ноксою, I.
339. Сая, дер., Ал. д., V.
340. Сеитляр, (ныне Толмачи), дер., Ал. д., на рч. Суле, I.
341. Сеитова, дер., Ал. д., на рч. Киндере, I.
342. Селенгуши, дер., Зюр. д., на р. Меше– уч Иле – Искакауль, V, VII.
343. Семит – Семитбаш. дер., Ал. д, IV.
344. Сейтяк – Сеймяковская, дер., Ал. д., III.
345. Серда Большая – Старая Серда, дер., Ар. д., I.
346. Серда Малая – Средняя Серда, дер., Ар. д., I.
347. Серда, дер., Зюр. д., I.
348. Сиза, дер., Ар. д., II.
349. Сингели – Сангиля, дер., Ног. д., I.
350. Сия Меньшая, дер., Зюр. д., III.
351. Сия, дер., Зюр. д., (близ дер. Тавеля), I, III.
352. Слутка – Слудка, дер., Ар. д., на р. Вятке (по татарски Еворек), VIII.
353. Смаил, дер,, Ар. д., на р. Шошме, III.
354. Смолдеярово, дер., Ног. д., на р. Чирпе, I.
355. Сосмаковская – Сосмаги, дер., Ар. д., (вблизи Иски-Казань), I.
356. Субаш – Сюбаш, дер., Ар. д., I.
357. Сулабаш – Сулебаш, дер., Ал. д., на рч. Сула, I.
358. Сюнели, дер., Зюр. д., IV.
359. Сюрда – Сюрдовражка – Сердовражка, дер., Ал. д., за р. Ашит, V.
360. Табор, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
361. Тавель – Хозяшева дер., Зюр. д., на р. Нурме, III.
362. Тамгачи – Тангачи, дер., Ног. д., (около Укречь – Кулук), I, III.
363. Тарлаши, дер., Ног. д., I.

364. Тарлы, дер., Ног. д., III, IV.
365. Таузарова – Тоузар – Тавзарово, дер., Ар. д., IV.
366. Таутермень. дер, Зюр. д., (верховье р. Меши), IV.
367. Ташкирмень, дер., Ног. д., III.
368. Тебек – Кози Большие, дер., Зюр. д., I.
369. Тебек – Кози Малые, дер., Зюр. д., I.
370. Тебек – Черемыш, дер., Зюр. д., на рч. Шемелке, I.
371. Тевелди, дер., Ал. д., на рч. Киндере, I.
372. Тевкечь, дер., Ног. д., (со сторон селищем дер. Тургаево на р. Брыси), I.
373. Темерлик, пуст., Ног. д., на рч. Шуше (Сушь), I.
374. Темерлик (Меньшой), дер., Ног. д., на рч. Шуше (Сушь), I.
375. Тербедеево – Салтыкова. дер., (ныне Карташиха), Ног. д., I.
376. Теребердеи (пустошь), Ног. д., (около дер. Карташихи), I.
377. Терегулово – Тереулово, дер., Зюр. д., на р. Нурле, I.
378. Терси, дер., Зюр. д., V.
379. Тетеева, дер., Ног. д., I.
380. Тогашево, дер., Ног. д., (смежна с дер. Арышхаздой), I.
381. Толкияз, дер., Зюр. д., на р. Меше, VII.
382. Тонеева – Танеева, дер., Ног. д., (в 10 верстах от Лаишева), VII.
383. Торгайча, пуст., Ног. д., I.
384. Тохтамыш, дер., Ал. д., III.
385. Тойма, дер., Ар. д., VIII.
386. Тойма – Толма – Столма, дер., Ног. д., (около дер. Байчуги), I.
387. Трюк – Тямпи, дер., Зюр. д., V.
388. Тубяз – Дубьяз, дер., Ал. д., V.
389. Тулуш – Шетнево Тулуши, дер. Ног. д., на рч. Аргизе, I.
390. Тура – Старая Тура – Турба, дер., Ал. д., I.
391. Тургаева, дер., Ног. д., на рч. Малой Брыси, I.
392. Турнали, дер., Ар. д., IV.
393. Турукляр, дер., Ал. д., III.
394. Турья, дер., Ар. д., на р. Кисмесь, IV.
395. Туяба – Тульба, дер., Ар. д., на р. Вятке, (против дер. Плаксихи), X.
396. Тюбяк – Тюбек, дер., Ар. д., XII.
397. Тюбяк Старый, дер., Ар. д., III.
398. Тюльняча – Тюлячи, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
399. Тямти Метески, дер., Зюр. д., на рч. Субаш, I, III.
400. Тямти – Тулубаево, дер., Зюр. д., III.
401. Убаш (Абаш), дер., Ар. д., (около дер. Чурилиной), III.

402. Узюм, дер., Ал. д., V.
403. Укречь – Култук – Кулчюк., пуст. Ног. д., на р. Меше, I, III.
404. Укречь – Култук (другой), пуст., Ног. д., I.
405. Уксун. дер, Ар. д., (около дер. Шун на р. Вятке), IV.
406. Умяк, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, VIII.
407. Унба, дер., Ал. д., III.
408. Унжа, дер., Ал. д., V.
409. Ура, дер., Ал. д., V.
410. Урай, дер., Ног. д., на р. Каме. III, IV.
411. Урахча, дер., Ног. д., VII.
412. Урмат, дер., Ар. д., на р. Казанке, I.
413. Урняшбаш – Урмаш, дер., Ал. д., I.
414. Урсек, дер., Ар. д., III.
415. Уску – Уськи, дер., Ар, д., IV.
416. Утамыш – Атамыш, дер., Ал. д., V.
417. Утня, дер., Ар, д., (около дер. Азяк), X, III.
418. Утянгуш – Утнычуш – Утенгиш, дер., Ал. д., III.
419. Уча, дер., Ног. д., на рч. Яче, (ныне Старое Якшино), I.
420. Харибей, дер., Ног. д., I.
421. Хайвань, дер., Ар. д., I, IV.
422. Хозяшево, дер., Ар. д., III.
423. Хозяшева, дер., Ар. д., (стала пуст. к дер. Ярмушевской), I.
424. Чабья Старая – Чаби. дер., Зюр X, IV.
425. Чаллы – Чаллинский городок, (*по-татарски* Чалы – Тау), дер., Зюр. д., на рч. Чаллы, IV.
426. Чебакса, дер., Зюр. д., на рч. Киндерке, I.
427. Чебокмасов, поч. Ар. д., III.
428. Чекурча – Чегурча. дер., Ар. д., III.
429. Челмак, дер., (была пуст.), ныне Стрюково, Ног. д., на р. Брыси, I.
430. Челны, дер., Зюр. д., V.
431. Челны Тябердины, дер., Ног. д., V.
432. Челны Мамли Козяковы, дер., Ног. д., на р. Шумбут, III.
433. Челны Кутлубукашевы, дер., Ног. д., на р. Шумбуте, XIV.
434. Чемерцы, дер., Ар. д., III.
435. Чепасна, пуст., Ар. д., (около Иски-Казань), I.
436. Чепчуги, дер., Ар. д., I.
437. Черевча – Чируча, дер., Ал. д., III.
438. Черемыш (татарский), дер., Зюр. д., I.
439. Черемыш – Апакаево, дер., Зюр. д., III.

440. Черемышево, дер., Зюр., д., на рч. Нурме и Ушне, I.
441. Черемша, дер., Ног. д., на рч. Ошняке, I.
442. Черемша, дер., Зюр. д., на рч. Нурме, I.
443. Черкас, дер., Ал. д., I.
444. Черлаки – Чердаки, дер., Ног. д., (около дер. Сабуголи), VIII.
445. Чиндырева, дер., Ног. д., III.
446. Чирпа, дер., Ног. д., на рч. Брысе, I.
447. Чирши, дер., Ал. д., на рч. Суда, I,
448. Читаково, дер., Ног. д., на Ляхом болоте, I.
449. Чарошевская, пуст., Ал. д., (около М. Атни), IV.
450. Чочюрча, дер., Ног. д., III.
451. Чувашли (Чуваш Караул), дер. Ал. д., III, IV.
452. Чурилино, дер., Ар, д., I.
453. Чюразина, дер., Ал. д., (около дер. Айша), I.
454. Шали Большие, дер., Ног. д., IV.
455. Шали Малые, дер., Зюр. д., III
456. Шалым – Пшалым, дер., Ар. д., IV. 398.
457. Шапша Большая, дер., Ар. д., I.
458. Шапша Середняя, дер, Ар. д., I.
459. Шапши, дер., Ар. д., на рч. Шапше, I.
460. Шапши другие, дер., Ар. д., на рч. Таузарке, I.
461. Шапша – Шамша Кобиковская, пуст. Ар. д., I.
462. Шармаш – Арняш – Армаши. дер., Зюр. д., на рч. Шарымаше, (около дер. Зюри), I.
463. Шатки, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I, III.
464. Шемелка, дер., Зюр. д., III.
465. Шеморбаш – Шумарбаш. дер, Зюр. д., VII.
466. Шейх – Заде, дер., Ног. д., IX.
467. Шигалеевская, пуст., Ног. д., на р. Брыси, (около дер. Икемен), I.
468. Старое Шигалеево, дер., Зюр. д., I, III.
469. Шигалеево Малое, дер., Зюр. д., I.
470. Шигали, дер., Зюр. д., III.
471. Шигали, дер., Зюр. д., на р. Нурме, III.
472. Шинар Большой, дер., Зюр. д., III.
473. Шинар Малый, дер., Зюр. д., (в рук. Арской), IV.
474. Шихазда Большая – Шегозда – Шихозда, дер., Зюр. д., I.
475. Шихазда Малая – Шегозда, дер., I.
476. Шой, дер., Ал. д., IV.
477. Штерь – Штырь, дер., Зюр. д. (около дер. Венеты на р. Нурме), IV.

478. Шукоти, дер., Ал. д., III.
479. Шумани, дер., Ал. д., на рч. Суде, I.
480. Шунь Нижняя, дер., Ар. д., на р. Вятке, IV.
481. Шуран, дер., Ног. д., VII.
482. Шурня – Шурма, дер., Зюр. д., на лев. бер. р. Вятки, IV.
483. Юлдуз, селище, Ног. д., (под Лаишем), I.
484. Юнусова, дер., Зюр. д., (около дер. Селенгуши), IV.
485. Юркули Старые, дер., Ног. д., III.
486. Юскокчи – Кукчи, дер., Зюр. д., на р. Тямте, III.
487. Яваш – Юбаш, дер., Ар. д., III.
488. Ядыгерь – Едигерь, дер., Ар. д., на р. Бурец, VIII.
489. Яки, дер., Ал. д., III.
490. Ялмски, пуст., Ног. д., к дер. Тогашевой, I.
491. Ямашева, дер., Ног. д., I.
492. Ямашурма, дер., Ар. д., (около дер. Чепчуги), I.
493. Ямчурина, дер., Ар. д., I.
494. Ямшеек – Япшейка – Апшейка, Ног. д., (около дер. Арыж), I.
495. Янгильдеевский – Енгильдеевский, поч., Зюр. д., I.
496. Янгулова, дер., Ар. д., на р. Шомше, III.
497. Янтык, дер., Ног. д., на рч. Брыси, (в 1565 г. записала как пустошь), I, III.
498. Яншихово, дер., Ног. д., (около дер. Урай), XIII.
499. Ярмушевская, дер., Зюр. д., на рч. Урсенова, I.
500. Ясачная, дер., Зюр. д., III.
501. Яушева, дер., Ног. д., (ныне Масловка), X.
502. Ячи Милдешево – Ямчи Милде-шево – Томчи Милдешева, поч. Ал. д., I.
503. Ячи, дер., Ног. д., на рч, Ошняке, I.
504. Ячи, дер., (пуст.), Ал. д., ни рч. Суле, I.

Свияжский уезд

506. Агишево, дер., на р. Берли, II.
507. Азбаба, дер., IX.
508. Азелеевская – Азимиевская – Азелева, дер., II.
509. Албаба, дер., II.
510. Албаба другая – Олбасы – Албасы, дер., II.
513. Акса, дер., XI.
512. Алдиярова, дер., VI.

513. Альменева, дер., II.
514. Алышевская – Алишева, дер., на р. Анчигире, II.
515. Альшеево, дер., на р. Цийне, II.
516. Ардатова – Ордатова, дер., на рч. Кубне, II.
517. Асанова, – Асенова – Асинова, дер., смежна с дер. Ачасыри, II,
518. Асюнева – Асенева, дер., II.
519. Атабаево, дер., VI.
520. Атрясы – Отрясы, дер., VI.
521. Ачасыря – Асасырова – Ашеширова, дер., II.
522. Ачасыри Мал., дер., II.
523. Баджюг, дер., VI.
524. Бакырчи, дер., IX.
525. Барышево, дер., (меж речек Шахяна и Азимы), II.
526. Бахлыхчеево, дер., II.
527. Байбахтина, дер., VI.
528. Байтеряково – Батирек, дер., XI.
529. Бежбатман, дер., II.
530. Бездна Татарская – Баздна, дер., XI.
531. Бекшейхово, дер., на Белой Воложке, II.
532. Бейшихова, дер., II.
533. Бейшихова, другая, дер., II.
534. Биабаш, дер., VI.
535. Бикеева, дер., VI.
536. Бишево, дер., на р. Свияге, VI.
537. Болгар Кривой – Болгояр, дер.,
538. Болтан – Трех Болтаево, дер., XI.
539. Бузая – Бузаева, дер., II.
540. Булатова, дер., на р. Ари, II.
541. Булчикле, дер., VI,
542. Бурнашева, дер., II.
543. Буртас Старый, дер., VI.
544. Бурты – Буртасы, дер., VI.
545. Бурундукова, дер., II.
546. Бускеева, дер., II.
547. Бусурманская Слобода, дер., II.
548. Девлезерово – Сересево, дер., на рч. Сескерке, II.
549. Девликей, дер., VI.
550. Дрожанов Куст – Тепреле, дер.,
551. Едигерово, дер., VI.

552. Енали, дер., VI.
553. Енасала – Янасала, дер., II,
554. Задурка – Задоровка, дер., XI
555. Именева, дер., на Чебоксарском рубеже на рч. Чирмансаре (Чамансаре), II.
556. Именева, другая, дер., II.
557. Индырчи, дер., на р. Свияге, VI.
558. Исламова, дер., II.
559. Ишеева, дер., VI.
560. Старые Ишли – Иске Ишле, дер., XI.
561. Каипочек, дер., на роднике Каинки, II.
562. Каирлы – Корели – Клянчеево, дер., VII.
563. Какерли Старые – Иске Каккерле, дер., XI.
564. Калебьяб Малый, пуст. II.
565. Каменный Град – Чепкае – Шарт Таткас, дер., XI.
566. Капердина, дер., VI.
567. Каракатаны – Кара-Кетта, дер.,
568. Каратам, дер., на р. Кубне, VI,
569. Кармалы Старые, дер., VI.
570. Качиево – Казыева, дер., VI.
571. Кайбицы Малые, дер., VI.
572. Каибичева – Кайбицы, дер., II.
573. Кермерлина – Кермели, дер., II.
574. Киждеева – Кильдеева, дер., на рч. Курмышке, II.
575. Кильдуразы (Чирки), дер., VI.
576. Киншелеева – Конжелеева, дер., на Диком поле, на рч. Кубне, II.
577. Кира, дер., II.
578. Кирланга – Карланга, дер., VI.
579. Кичемирово – Кичемерово – Киземарово, дер., на рч. Сухой, II.
580. Кичкеева – Кичкилеева, дер., II.
581. Кичкилеево, дер., возможно, что надо читать «Киншелеево», II.
582. Клери, дер., II.
583. Кобузева, дер., на р. Берли, II.
584. Коклеп Большой, дер., II.
585. Коклеп Малый, пуст., II.
586. Конбарова, дер., II.
587. Коротаево, дер., на р. Волге, II.
588. Котеева, дер., (возможно, что надо читать «Чутеево»), II.

589. Кошлоуш Бол., дер., между двух рек Кошлоуши и Чертанлы (Чертоил), Щучка на Чебоксарском рубеже, II.
590. Кошлауш Малый, дер., на Мордовском селище, II.
591. Кугушева, дер., IX.
592. Кудашева, дер., на р. Аре-Але, II,
593. Кулабердина, дер., VI.
594. Куланга, дер., VI.
595. Кульметевка Старая, дер., упоминается «старое селище на р. Имелне, где были «ногаевские станы», X.
596. Кульгучи – Кулчюк, дер., VI.
597. Кунгулы – Кульгун, дер., VI.
598. Кучеева, дер., II.
599. Кушелга – Кушельга, дер., VI.
600. Кушман, дер., «на враге на Маралеевском», II.
601. Кушман Малый, дер., на двух рч. Берли и Кушмане», II.
602. Куштова, дер., VI.
603. Куштонатовская, дер., на р. Уте, II.
604. Старая Лаща, дер., VI.
605. Луба, дер., VI.
606. Льяшево, дер., IX.
607. Макулова, дер., на р. Сулице, VI.
608. Маматкозина Старая, дер., II.
609. Маматыш Пять, дер., II.
610. Менинское селище на р. Кутолме, II.
611. Менситова, дер., VI.
612. Мещерское селище на р. Берли, дер., II.
613. Молнина – Молвина – Мулла иле дер., II.
614. Моркваши, дер., II.
615. Мочален – Мучелей, дер., XI.
616. Мурали – Муралеевская, дер., II.
617. Муратове, дер., на р. Кубне (Кундве), II.
618. Налетова, дер., II.
619. Нуратбаш, дер., VI.
620. Наратлей, дер., II.
621. Нороваш, дер., на р. Нороваш, II.
622. Нурдулатово – Нур Даулет–Нурлат, дер., «что была царевская Маглоет Анжеева», II.
623. Порамзина, дер., на р. Уте, II.
624. Прелевская пуст. – Перелевская, II.
625. Прясево, дер., на р. Кубне, II.

626. Сабаргозина – Сарбогозина, дер., на р. Анчигире, II.
627. Салтыганово, дер., IX.
628. Саплыг – Саплаг, дер., XI
629. Сатламышево, дер., VI.
630. Сеитово, дер., IX.
630. Семикеева, дер., II.
631. Сорма, дер., X.
632. Сорок Сайдаков – Карак Сатак, дер., XI.
633. Студенец Старый – Суык Су, дер., XI.
634. Сугут Татарский – Сагата, дер., XI.
635. Старый Сундырь – Сюндюр, дер., VI.
636. Сундюкова, дер., на р. Свияге, XI.
637. Сундякова, дер., на р. Берли, II.
638. Сустатовское селище, у р. Мал. Цивиля, II.
639. Сюкеево, дер., IX.
640. Табор-Чирки, дер., VI.
641. Тавулина-Гавулина, дер., II.
642. Танаево, дер., VI.
643. Танаевское селище (дер. Бритвина), II.
644. Ташкабак – Ташевка, дер., VI.
645. Тебердеева – Тябердеева, дер., в 10 верстах от р. Кубни, II.
646. Тегешева, дер., VI.
647. Темелеева, дер., около дер. Нороваш, II.
648. Темышева – Темишева – Темешева, дер., на рч. Турмыш, II.
649. Тенчурина, дер., около Тетюш, XII.
650. Теньки, дер., на рч. Сарбыш, упоминаются 4 озера: Теньковское. Хочяшево, Круглое и Узкое, II.
651. Теребердеева, дер., на р. Сулице, II.
652. Тетюши – Тетеш, дер., IX, X.
653. Тимяши Татарские – Тимешь, дер., XI.
654. Тояба, дер., IX.
655. Турма, дер., X.
656. Турмыш, дер., II.
657. Тюки Татарские – Текке дер., XI.
658. Тяткемышева – Тяктемышела – Тохтамыш, дер., на рч. Кошлауш, II.
659. Убей Татарские – Уби, дер., XI.
660. Ундоры, дер., II.
661. Уразлина, дер., VI, IX.
662. Уразпуги, дер., II.
663. Старые Урмары, дер., IX.

664. Урусаво, дер., (смежна с Киншелеевой, в 7 верстах от реки Кубни), II.
665. Утякова Большая – Итяково дер., II.
666. Утяково Малое – Итяково, дер., на р. Свияге, II.
667. Ходарова – Айдарова, дер., II.
668. Большое Хозяшево, дер., на Озерке, II.
669. Хозяшево Малое, дер., II.
670. Хотеново Займище, на р. Щучке, II.
671. Цильна Малая – Танла, дер., XI.
672. Чатеева, дер., II.
673. Чекурская Старая – Иске Чака, дер., XI.
674. Чемурша Карабай дер., на р. Карле, XIII.
675. Чепкас – Янтуган Чапкас, дер., XI.
676. Чепкас – Утти Таткас, дер. XI.
677. Черпаева – Чепаева, дер., на рч. Шеланде, II.
678. Четаева, дер., на р. Мал. Цивиле, II.
679. Тинчали Старые – Иске Тители, дер., XI.
680. Чичкаб – Чичкап, дер., VI.
681. Чукалы Татарские – Иске Чукал, дер., XI.
682. Чутеева, дер., (на «Диком поле», упоминается рч. Якола Чума Кольччерма), II.
683. Шалахола, дер., VI.
684. Шеленга, дер., VI.
685. Шемякина, дер., VI.
686. Шигалеево – Сюлеменево, дер., (близь Свияжского городка), II.
687. Шизганданово – Шихазданово – Шугозданово, дер., II.
688. Ширдан Старый, дер., II.
689. Ширдан Большой, дер., VI.
690. Ширдан Малый, дер., VI.
691. Шихирданы – Шагардан, дер., XI.
692. Шонгут, дер., VI.
693. Шушерма, дер., на р. Кубне, VI.
694. Юмралы, дер., VI.
695. Юрты, дер., на рч. Сухой, II.
696. Яльчик Большой, дер., VI.
697. Яльчик Малый, дер., VI.
698. Ямбухтина, дер., IX.
699. Янгильдино, дер., II.
700. Янтиковская. дер., IX.

Источники

I. 1) Книга Казанского уезда поместных земель, письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи лета 7074–7076 годов, (Центральный Государственный Архив Древних Актов, фонд 1209, книга № 643, лл. 175–237).

2) Книги межевые Казанского уезда новых поместных дач письма Никиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреевича Кикина с товарищи 7073–7075 годов (ЦГАДА, фонд 1209, кн. № 643, лл. 424–500).

3) Тетрадь поместная отдела Данилы Дмитриевича Пороховского. По книгам письма Д.А. Кикина с товарищи 7076 года и старых Казанских жильцов и с порозжих земель (ЦГАДА, фонд 1209, книга № 643, лл. 337–379).

4) Тетрадь мельниц оброчных 7074 года письма Н.В. Борисова и Д.А. Кикина по Казанскому уезду (ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 643, лл. 380–392).

5) Книга Казанского уезда сел и деревень и починков архиепископских и монастырских письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина и товарищи лета 7075 г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 643, лл. 392–424).

II. 1) Писцовая книга Свияжского уезда поместных дач 7073–7077 годов, письма и меры Д.А. Кикина с товарищи (ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 848). 2) Межевые книги Д.А. Кикина и Н.В. Борисова поместных земель Свияжского уезда 7073–7074 годов (ЦГАДА, ф. 1209. кн. № 848).

III. Писцовая книга поместных и ясачных татарских земель Казанского уезда 7111 (1603 г.) письма и меры Ив. Болтина (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, лл. 1–242).

IV. Книга сбора оброчных денег с татар и марийцев за луга, отказные и межевые тетради по Казанскому уезду 7125–7127 годов дьяков Кручины Богданова и других (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153, лл. 1–231).

V. Книга переписная г. Казани и уезда письма дозора Тимофея Федоровича Бутурлина и подъячего Алексея Грибоедова 7154 (1646 г.), (ЦГАДА, ф 1209, кн. 6445, лл. 498–690). Ногайская дорога этой книги помещена в книге № 645, лл. 619–653.

VI. 1) Переписная книга Свияжского уезда 7154 (1646 г.) поместных дач. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6447, лл. 1–306).

2) Книга перечневая Свияжского уезда государевым селам, деревням и починкам Троицкого монастыря, дворян и детей боярских и служилых мурз и татар. 1646 года (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6447, лл. 307–377).

VII. И.А. Износков. Список населенных мест Лаишевского уезда, Казань, 1891; Список населенных мест Мамадышского уезда. Казань, 1884, в Тр, IV АС, т. I.

VIII. Документы и материалы по истории Мордовской АССР т. I, ч 1, 2. Саранск 1950–1951.

IX. История Татарской АССР, т. I, Казань, 1955.

X. С. Мельников. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседствующих губерний, Казань, 1859.

XI. В. Магницкий. Список татарских селений Буинского уезда в «ОАИЭ», т. 18.

XII. Г. Перетяткович. Поволжье в XV–XVI вв., М., 1877; Поволжье в XVII – начале XVIII вв., Одесса, 1882.

XIII. Е. Малов. Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской эпархии), Казань, 1902.

XIV. С.М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

XV. «Казанская История», Полное собрание русских летописей, т. XIX.

Список сокращений

Ар. – Арская
Ал. – Алатская
д. – дорога
дер. – деревня
Зюр. – Зюрейская
Ног. – Ногайская
пуст. – пустошь
р. – река
рч. – речка
сел. – селище

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья.

Сборник статей.

Выпуск 4.

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. листов 19,0 Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-98688-044-0

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

ТЮРКО-ТАТАРСКИЙ МИР TÜRKİ-TATAR DÜNYASI

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
www.tataroved.ru